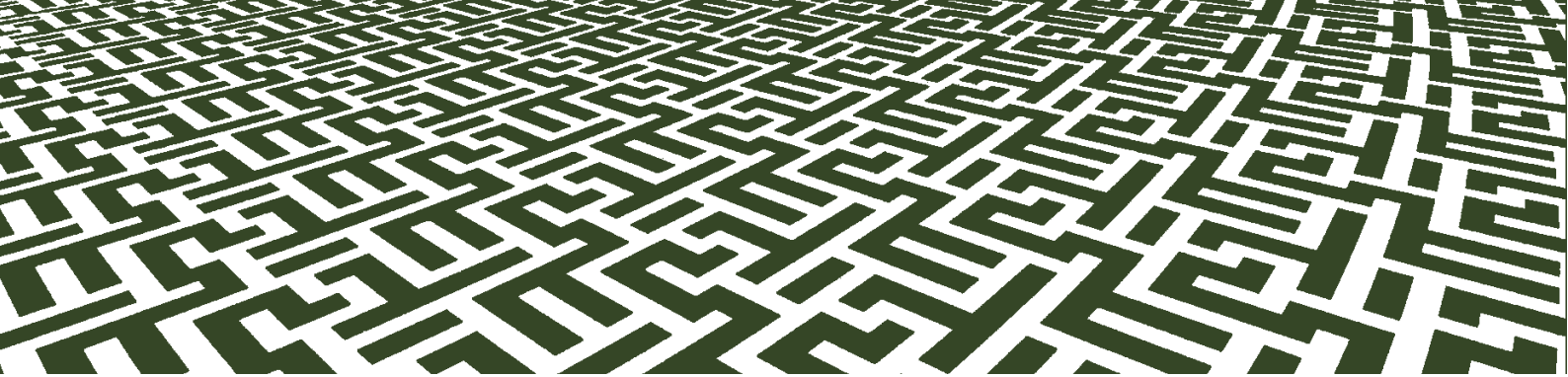

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№4
2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 4/2025

дата публикации: 10.11.2025 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:

Экономические: 5.2.1. Экономическая теория

Социологические: 5.4.2. Экономическая социология

Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

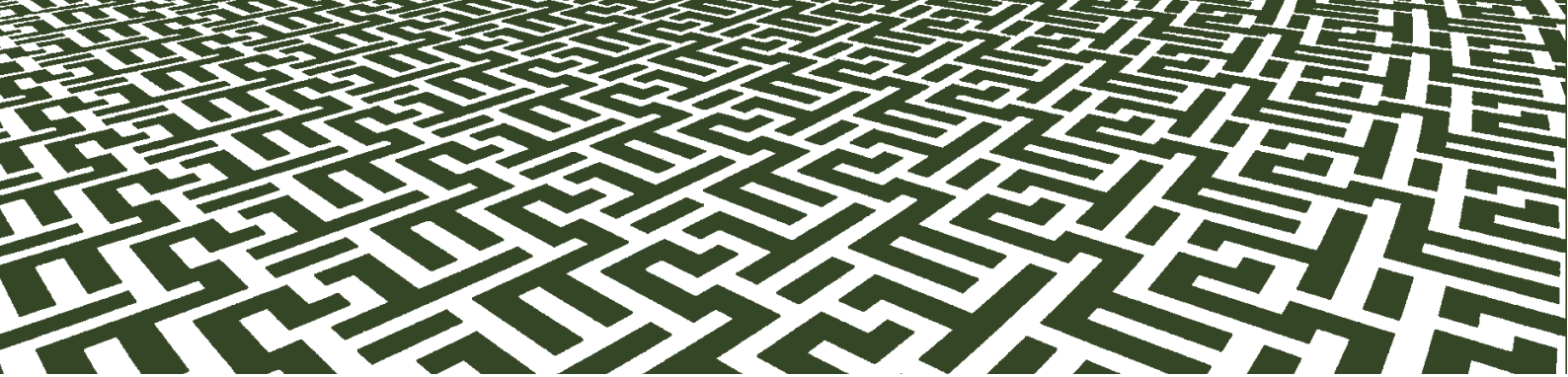
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

тел./факс: 8(499) 724-15-41

e-mail (издателя): ieras@inecon.ru

e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- **Economic Theory**
- **Methodology of economic science**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & reviews**

Nº4
2025

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

scientific journal

№ 4/2025

Publication Date: 10.11.2025

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

И.В. Соболева, Е.А. Черных

Благополучие, связанное с работой: концепция и методологические подходы к измерению..... 7

В.В. Вольчик, В.В. Кот

Реформы: фактор идеологии в свете российских научных публикаций 20

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Л. Тамбовцев

Нужна ли новому мировому экономическому порядку новая экономическая теория? 36

С.Н. Левин, К.С. Саблин

Конкурирующие парадигмы в рамках современной политической экономии 53

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В.С. Щербаков

Оценка инфляционных ожиданий населения России на основе поисковых запросов в сети Интернет (подход «сверху вниз») 68

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г.Д. Гловели, К.Э. Мерзликин

Р.М. Нуреев: от «политэкономии в широком смысле» к поиску институциональной «большой теории» экономической истории 91

Г.А. Маслов

Исследование НТП и теорий технико-экономического развития в работах Ю.Я. Ольсевича 105

О.Н. Борох

Трансформация системы экономического образования в Китае (первая половина 1950-х годов) 117

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.П. Казун

И доверие, и закон: как социальный капитал и формальные институты влияют на соблюдение ковидных ограничений 133

В.Н. Титов, Д.М. Логинов

Влияние социального капитала на субъективное благополучие 144

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

С.А. Васильев

Экономические реформы в России 90-х гг.: формирование команды и идеологии реформаторов 158

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.М. Плискевич

Российское общество и вызовы времени: десятилетие 2014–2024 гг. (новое исследование Института социологии РАН) 180

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

I. Soboleva, E. Chernykh

Work-Related Well-Being: a Concept and Methodological Approaches to Measurement 7

V. Volchik, V. Kot

Reforms: the Factor of Ideology in the Light of Russian Scientific Publications 20

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Tambovtsev

Does the New World Economic Order Need a New Economic Theory? 36

S. Levin, K. Sablin

Competing Paradigms Within Modern Political Economy 53

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

V.S. Shcherbakov

Measuring Russian Public Inflation Expectations Using Internet Search Data:
A Top-Down Approach 68

HISTORY OF THOUGHT

G. Gloveli, K. Merzlikin

R.M. Nureev: from «Political Economy in a Broad Sense» to the Search for an Institutional
«Grand Theory» of Economic History 91

G. Maslov

Research on Scientific and Technological Progress and Theories of Technical and Economic
Development in the Works of Yu. Olsevich 105

O. Borokh

Transformation of the Economic Education System in China (The First Half of the 1950s) 117

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Kazun

Both Trust and Law: How Social Capital and Formal Institutions Influence Compliance
with COVID Restrictions 133

V. Titov, D. Loginov

The Influence of Social Capital on Subjective Well-Being 144

ECONOMIC HISTORY

S. Vasiliev

Economic Reforms in Russia in the 1990s: Forming a Team and Ideology of Reformers 158

SURVEYS & REVIEWS

N. Pliskevich

Russian Society and the Challenges of the Time: The Decade 2014–2024 (New Research
by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences) 180

И.В. Соболева

*д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

Е.А. Черных

*к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

БЛАГОПОЛУЧИЕ, СВЯЗАННОЕ С РАБОТОЙ: КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ

Аннотация. В статье проведён критический анализ подходов к исследованию положения человека в сфере труда. Показано, что сегодня в условиях усложнения социально-трудовых отношений традиционные индикаторы, фокусирующиеся на соответствии параметров рабочих мест установленным стандартам в области доходов и рамочных условий занятости, в недостаточной степени отражают многоплановые реалии этого положения и возникает запрос на переосмысление методологии его оценки. Выявлены сильные и слабые стороны подходов с позиций концепций качества занятости и субъективного благополучия, сделан вывод о необходимости интегративного подхода, учитывающего как объективные параметры занятости, так и их соответствие индивидуальным предпочтениям и потребностям работников. Рассмотрены теоретические модели, разработанные в русле интегративного подхода, такие как модель «требования — ресурсы», модель «витаминов», а также подход с точки зрения возможностей, открытых для индивида в сфере занятости, опирающийся на концепцию функциональных возможностей А. Сена. На основе обобщения этих моделей обоснована целесообразность оценки положения человека в сфере труда с опорой на концепцию благополучия, связанного с работой. Показано, что эта концепция вбирает в себя как объективные параметры качества трудовой жизни и инструментальной полезности занятости, так и самооценку работниками своей ситуации в сфере труда и позволяет оценить соответствие индивидуальных характеристик работников и требований рабочих мест. Акцентируется важность встраивания в методологический аппарат элементов концепции адаптивной рационализации, согласно которой обладатели объективно неблагоприятных рабочих мест могут воспринимать свою занятость как приемлемую, что искажает реальную картину их благополучия. Предлагается методология построения профилей благополучия, связанного с работой, основанная на поаспектном сопоставлении его объективных и субъективных микроуровневых индикаторов. Показано, что её применение позволит получить достаточно полное представление о положении трудящегося населения в отечественной экономике, определить уязвимые группы работников, и обосновать приоритетные направления государственной политики и инициатив работодателей, направленных на продвижение комплексного человеко-ориентированного подхода в сфере труда.

Ключевые слова: благополучие, связанное с работой, качество занятости, субъективное благополучие, удовлетворённость работой, интегративный подход, адаптивная рационализация, индикаторы благополучия.

JEL: J21, J28, J31, J33, J63, J81

УДК: 331.1, 331.5, 331.91, 331.45

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_7_19

© И.В. Соболева, Е.А. Черных, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соболева И.В., Черных Е.А. Благополучие, связанное с работой: концепция и методологические подходы к измерению // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 7–19. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_7_19.

FOR CITATION: Soboleva I., Chernykh E. Work-Related Well-Being: a Concept and Methodological Approaches to Measurement // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 7–19. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_7_19.

Введение

Глубинные трансформации современного рынка труда постепенно расширяют вариативность условий и форм занятости [Садовая, 2022; WEF, 2025]. Индивидуализация потребностей и предпочтений работников сопровождается появлением новых возможностей для их удовлетворения, открывающихся в связи с цифровизацией и ростом гибкости трудовых отношений [Kalleberg, Marsden, 2015; De Stefano, 2016]. Обратной стороной этого процесса является усиление неустойчивости положения трудящихся, сложность соблюдения трудовых прав и гарантий с опорой на выработанные в условиях доминирования стандартной занятости правила и механизмы, снижение социально-экономической защищённости обширных категорий работников, занятых на условиях нестандартных контрактов [Kalleberg, 2011; *Rethinking employment...*, 2013; Eichhorst, Kalleberg, 2023; *Неустойчивая занятость...*, 2018; Тощенко, 2020; Ланин, 2021]. Усложнение структуры рынка труда как со стороны соискателей спроса на рабочие места (и старые, и новые), так и в части их предложения обостряет проблему достижения оптимального соответствия требований рабочего места и индивидуальных характеристик, склонностей и предпочтений работника [Соболева, 2023; Соболева, 2024].

В новых условиях традиционные индикаторы качества занятости, фокусирующиеся на соответствии установленным стандартам в области доходов и рамочных условий занятости, в недостаточной степени отражают многоплановые реалии положения человека в сфере труда. Возникает запрос на переосмысление методологии оценки этого положения с опорой на комплексный человеко-ориентированный подход в направлении учёта возможно более широкого круга разноплановых обстоятельств.

Такой запрос идёт не только от исследовательского сообщества, но и от бизнеса, который начинает осознавать, что создание благоприятных для работника условий занятости приносит экономическую отдачу, поскольку способствует более эффективному использованию рабочего времени, повышению качества работы, улучшению межличностных отношений в коллективе, уменьшению числа и лучшему разрешению конфликтов, росту лояльности по отношению к работодателю и инновациям [Ford, Cerasoli, Higgin, Decesare, 2011; McCarthy, Trougakos, Cheng, 2016]. Gallup в своём отчёте отмечает, что высокий уровень благополучия работников напрямую коррелирует с повышенной продуктивностью, снижением времени отсутствия на работе в связи с болезнью и уменьшением текучести кадров¹.

Потребность в переосмыслении подходов к анализу положения человека в сфере труда в современных реалиях, связанных с усложнением социально-трудовых отношений, расширением спектра рисков и выгод, сопряжённых с продуктивной занятостью, способствовала развитию междисциплинарного дискурса, направленного на исследование социальной стороны качества занятости. Опираясь на концепцию субъективного благополучия, концепцию функциональных возможностей А. Сена, модель «требования-ресурсы» и ряд других теоретико-методологических подходов, исследователи предлагают различные алгоритмы её оценки. Обобщение этих исследований, обоснование на этой основе преимуществ концепции благополучия, связанного с работой, и предложение адаптированного к российским условиям методологического инструментария для его измерения является целью данной статьи.

¹ Employee Wellbeing Is Key for Workplace Productivity. Gallup. URL: <https://www.gallup.com/workplace/215924/well-being.aspx> (access date: 15.07.2025).

Подходы к исследованию положения человека в сфере труда

Концепция качества занятости. В современной экономической науке наиболее проработанным подходом к исследованию положения человека в сфере труда является подход с позиций концепции качества занятости², постепенное становление которой отсчитывается от рубежа тысячелетий [Green, Mostafa, 2012; United Nations, 2015; Cazes, Hijzen, Saint-Martin, 2015; Vermeylen, 2005; Leschke, Watt, Finn, 2008; Burchel, Sehnbruch, Piasna, Agloni, 2014; UNICE, 2001; ILO, 2013]. По сравнению с пониманием классического мейнстрима, в соответствии с которым труд имеет для человека исключительно инструментальную полезность, состоящую в вознаграждении за тягость труда, такой подход представляет собой прорыв. Концепция качества занятости исходит из того, что при обеспечении определённых условий, суммируемых понятием «достойный труд», трудовая деятельность может доставлять человеку не только инструментальную, но и непосредственную полезность. Эти условия состоят в соблюдении определённых стандартов в отношении объективных характеристик рабочих мест и институциональной инфраструктуры рынка труда, таких как условия и содержание труда, стабильность занятости, продолжительность рабочего времени и т.д.

Новый толчок к формированию концепции был дан, когда ряд международных организаций, поддержанных правительствами развитых стран, стали призывать не просто к содействию полной занятости, а к созданию возможно большего числа хороших рабочих мест. При этом был выдвинут тезис о том, что оценка качества рабочего места исключительно на основе размера заработка является неполной и необходимо принимать во внимание более широкий спектр важных для работника характеристик [Green, 2021]. Была поставлена задача сопоставления уровня декларируемых стандартов в сфере занятости и их фактического соблюдения в разных странах для разработки мер, способствующих улучшению положения трудящихся. Наиболее известным институциональным воплощением концепции стало инициированное Международной организацией труда (МОТ) продвижение идеалов достойного труда [МОТ, 2008; Колосова, Баймурзина, 2021].

Ключевые особенности концепции сопряжены с ориентацией на удобство межстрановых сопоставлений. Прежде всего это сознательный отказ от учёта субъективных мнений и оценок работников и опора исключительно на объективные индикаторы, характеризующие параметры рабочих мест, состояние рынка труда и его институциональной инфраструктуры [Green, Mostafa, 2012; Burchell, Sehnbruch, Piasna, Agloni, 2014]. В защиту объективистского подхода, как правило, приводятся два аргумента. Во-первых, сторонники концепции справедливо указывают, что удовлетворённость работников зависит от множества факторов, не всегда связанных с объективными условиями занятости и меняющихся с течением времени. Во-вторых, на субъективные мнения и оценки влияют особенности национальной культуры, специфика предпочтений и притязаний, сформированных в той или иной стране, что затрудняет межстрановые сопоставления [Green, 2021].

Другой важной особенностью является доминирование макроэкономического подхода. Концепция качества занятости фокусируется на индикаторах развития социально-трудовой сферы в целом, таких как уровень безработицы, доля неформальной занятости, регламент увольнений и т.д. Она также принимает во внимание общий социальный контекст (развитость механизмов социальной поддержки, доступность образования и медицинских услуг и т.д.), но в минимальной степени и только в обобщённом виде учитывает специфику потребностей и предпочтений отдельных работников.

² В англоязычных источниках используются также синонимичные термины: качество работы (*quality of work/job*), качество трудовой жизни (*quality of working life*), качество трудовой/рабочей среды (*quality of working environment*). Анализ их разграничения выходит за рамки данной статьи.

Тем не менее важно подчеркнуть, что в своём классическом варианте концепция качества занятости оценивает ситуацию в сфере труда с позиций трудящихся и потребностей человеческого развития. Хотя сторонники концепции и указывают, что создание благоприятных для работника условий занятости и гармонизация трудовых отношений может способствовать росту экономической отдачи в результате повышения лояльности по отношению к фирме, вовлечённости в трудовой процесс и снижению стимулов к оппортунистическому поведению, улучшение положения работников декларируется как главная цель вне зависимости от его связи с экономическим результатом. Тем не менее в отечественных источниках доминирует расширительная трактовка качества занятости, рассматривающая его прежде всего с позиций эффективности использования труда в производственных процессах.

Любопытно отметить, что в отличие от своих западных коллег российские исследователи часто отдают предпочтение термину «качество трудовой жизни», который, казалось бы, должен смещать фокус на интересы работника. По сравнению с термином «качество занятости» он встречается в работах российских авторов примерно в два раза чаще и трактуется практически как синоним качества занятости. При этом вне зависимости от того, какой из терминов предпочитает тот или иной автор, последующий анализ, как правило, проводится с опорой на макроэкономические индикаторы, набор которых может быть весьма эклектичен и характеризует скорее состояние и использование трудового потенциала экономики, чем положение работника. В число таких индикаторов авторы включают производительность труда [Жолудева, Мельниченко, 2018; Андреева, Полкова, 2014], коэффициент износа основных фондов и валовое накопление основного капитала [Жолудева, Мельниченко, 2018; Зонова, 2010; Андреева, Полкова, 2014], структуру экономически активного и неактивного населения, мобильность кадров и демографическую ситуацию в стране [Бреев, 2005], уровень безработицы [Фокин, 2013; Жолудева, Мельниченко, 2018; Зонова, 2010; Андреева, Полкова, 2014].

На сегодняшний день концепция качества занятости находится на стадии становления. При безусловном признании многоплановости её содержания, ведутся дискуссии в отношении характеризующих её ключевых аспектов и принципов их отбора. Однако важно подчеркнуть, что и в исследовательском сообществе, и на уровне международных институтов сформировался консенсус в отношении того, что качество занятости — это макроэкономическая категория, характеризующая объективную сторону трудовой деятельности и социально-экономического положения работников.

Концепция субъективного благополучия. Альтернативный методологический подход к исследованию положения человека в сфере труда, получивший развитие на стыке социальных наук, базируется на концепции субъективного благополучия. Интегральное понятие «благополучие» имеет объективную и субъективную стороны, которые равноправны и относительно независимы друг от друга [Gough, McGregor, 2007]. Тем не менее именно субъективное благополучие стало одной из наиболее широко применяемых концептуальных рамок для исследования различных сторон человеческой жизни, в том числе и далеко не в последнюю очередь, отражающей человеко-ориентированный подход к изучению сферы труда.

Как правило, исследователи выделяют три измерения субъективного благополучия: когнитивное — удовлетворённость жизнью в целом и её различными сторонами [Diener, Lucas, Scollon, 2004]; гедонистическое — эмоциональный фон, на котором протекает жизнь, соотношение положительных и отрицательных эмоций, оптимистических и пессимистических ожиданий [Diener, Lucas, 2000; Veenhoven, 2008]; эвдемоническое — ощущение значимости и осмысленности жизни и её сторон [Diener, Suh, Lucas, Smith, 1999; Deci, Ryan, 2008; Ryff, 1989; Waterman, 1993]. Эвдемонический аспект субъективного благополучия делает акцент на цели и смысле жизни и различных видов деятельности, ценностях и качестве отношений в социуме [Waterman, 1993] и перекликается с концепциями социального капитала П. Бурдьё и преодоления отчуждения К. Маркса.

Одной из ключевых подсистем субъективного благополучия выступает благополучие на работе. Подход к его исследованию, как правило, с небольшими вариациями выстраивается по той же трёхкомпонентной схеме, что и в общем случае. В его структуре выделяют когнитивную оценку условий занятости (удовлетворённость работой), эмоции, испытываемые на работе, и уровень вовлечённости в трудовую деятельность [Weziak-Bialowolska, Bialowolski, Sacco, VanderWeele, McNeely, 2020; Lawrie, Tuckey, Dollard, 2018; Siqueira, Padovam, 2008]. Ряд авторов подчёркивает, что благополучие следует оценивать как через позитивные (удовлетворённость работой, чувства удовольствия, энтузиазма и комфорта), так и через негативные (профессиональное выгорание, стресс, тревога, раздражение) проявления [Paschoal, Torres, Porto, 2010]. В исследовании [Ferreira et al., 2007] выделяются два подхода к интерпретации благополучия на работе: гедонистический с акцентом на аффективную составляющую и эвдемонический, ориентированный на когнитивные и ценностные аспекты, включая достижения и смысл труда.

В отличие от концепции качества занятости, оценивающей благополучие трудящегося населения в целом и его различных групп с точки зрения соответствия стандартам достойной занятости, альтернативная концепция фокусируется на микроуровне, ориентируясь на индивидуальные оценки собственного положения в сфере труда.

Приверженцы объективистского подхода справедливо указывают на ограниченную достоверность субъективных оценок, поскольку на них влияют факторы, непосредственно не связанные с реалиями трудовой жизни. Во-первых, эмпирически подтверждено, что на такие оценки, и прежде всего на индикаторы удовлетворённости, сильно влияют особенности личности как таковые [Schimmack, Radhakrishnan, Oishi, Dzokoto, 2002; Diener, Suh, Lucas, Smith, 1999; Steel, Schmidt, Shultz, 2008], а одна и та же работа может совершенно по-разному оцениваться разными людьми [Green, 2021]. При этом часть работников может получать удовольствие от процесса труда, несмотря на напряжённые требования и факторы стресса [Bakker, Hakanen, Demerouti, Xanthopoulou, 2007].

Во-вторых, важную роль играет конкретная жизненная ситуация, в которой находится работник, в том числе наличие доходов, не связанных с продуктивной занятостью, обязанностей по уходу за детьми или другими членами семьи, проблем со здоровьем [Brand, Fleming, Wyat, 2015; Hamling, Jarden, Schofield, 2015].

В-третьих, необходимо учитывать возможность так называемой адаптивной рационализации — феномена, при котором работники, находясь по факту в неблагоприятных условиях, могут субъективно выражать удовлетворённость своей ситуацией в сфере труда в силу сниженных ожиданий, отсутствия альтернатив или длительного опыта социальной уязвимости [Sen, 1992, Sen, 1999]. Есть свидетельства, что работники, занятые на «плохих» рабочих местах, отнюдь не всегда демонстрируют низкий уровень удовлетворённости работой [Findlay, Kalleberg, Warhurst, 2013; Cooke, Donaghey, Zeytinoglu, 2013; Brown, Charlwood, Spencer, 2012]. Таким образом, субъективные оценки могут занижать реальный уровень благополучия и маскировать феномен бедности работающих, дискриминацию или сегрегацию.

В то же время, если взглянуть на приведённые аргументы сторонников концепции качества занятости с другой стороны, становится очевидным, что их подход, в соответствии с которым положение человека в сфере труда оценивается исключительно на основе объективных характеристик, также имеет дефекты, поскольку игнорирует важные составляющие благополучия. Это нашло отражение в ряде теоретических моделей, исследующих взаимосвязь различных аспектов благополучия в сфере труда.

Интегративные подходы к благополучию работника. Наиболее известной моделью, обосновывающей важность как объективных параметров рабочего места, так и субъективных характеристик работника, является модель «требования-ресурсы». Первоначально она была разработана психологами в прикладных целях как теоретическая основа политики корпоративного менеджмента по предотвращению «профессионального выгорания»

и повышению вовлечённости в работу. Сердцевиной этой модели стал вывод о том, что благополучие работника зависит не просто от условий труда, объёма и сложности выполняемых обязанностей, качества рабочей среды и т.д., но и от соответствия требований рабочего места и имеющихся у работника ресурсов — природных способностей и склонностей, личностных характеристик, объёма и качества накопленного человеческого капитала [Chung-Yan, 2010; Meyerdinger, 2015; Galanakis, Tsitouri, 2022; Nunes, Proença, Carozzo-Todaro, 2024].

Важность достижения возможно более полного соответствия характеристик работы и работника обосновывается также стремительно набирающей популярность моделью «витаминов», предложенной британским исследователем П. Уорром. Последняя использует метафору, согласно которой определённые характеристики рабочей среды действуют как «витамины», влияя на психическое здоровье работников. Часть «витаминов» (например, безопасные условия труда, гарантии сохранения рабочего места) дают положительный эффект вне зависимости от масштабов их потребления, в то время как другие (например, разнообразие выполняемых обязанностей) в случае избытка могут оказывать отрицательное воздействие [Warr, 2009; Warr, 2013; Borkowska, Czerw, 2022]. В этом случае оптимальная дозировка «витаминов» зависит от индивидуальных особенностей работника. Уорр делает вывод о важности для благополучия работников достижения возможно большего соответствия между их психологическими характеристиками и особенностями работы.

Важный вклад в развитие интегративного подхода к исследованию благополучия работника был внесён А. Сеном, предложившим рассматривать его с точки зрения возможностей, открытых перед человеком, с учётом не только его психологических особенностей, профессионально-квалификационных характеристик, склонностей и предпочтений, но и более широкого социально-экономического контекста. Сен справедливо указывает, что в каждом конкретном случае благополучие работника зависит как от характеристик его занятости, так и от обстоятельств, непосредственно с работой не связанных. Работники, занятые в аналогичных условиях (в терминологии Сена обладающие одинаковым набором ресурсов, связанных с работой), конвертируют эти ресурсы в разный уровень благополучия в зависимости от имеющихся в их распоряжении «конверсионных факторов». К числу последних относятся характеристики самого человека, его индивидуальная жизненная ситуация (наличие или отсутствие независимого от работы дохода, иждивенцев или обязанностей по уходу за родными), а также сложившиеся в обществе нормы, инфраструктура и общие условия жизни [Sen, 1999]. Концепция функциональных возможностей позволяет выявить социальные и институциональные механизмы неравенства на рынке труда.

Во многом именно контекст как индивидуальный, так и более широкий (развитость социальной инфраструктуры, доступность образования и медицинских услуг, система социальных трансфертов и т.д.) определяет относительную важность для конкретного человека тех или иных характеристик рабочего места. Это находит отражение в субъективных мнениях работников, формирующих самооценку благополучия. При том, что такая самооценка может быть завышена в силу адаптивной рационализации, о которой шла речь выше, она тем не менее формирует важную составляющую благополучия работника.

Обобщение теоретических подходов подводит к выводу, что оценка положения человека в сфере труда должна охватывать не только объективные характеристики рабочих мест, но и субъективные аспекты восприятия работниками тяжести затрат и ценности монетарных и немонетарных выгод, сопряжённых с занятостью. Такую позицию разделяют многие исследователи [Belardi, Knox, Wright, 2020; Findlay, Kalleberg, Warhurst, 2013; Taylor, 2017]. Представляется, что при оценке положения человека в сфере труда целесообразно опираться на интегративную концепцию благополучия, связанную с его с работой.

В отличие от разрабатываемого преимущественно психологами подхода в контексте субъективного благополучия, концепция благополучия, связанного с работой, охватывает

не только ситуацию на рабочем месте (благополучие на работе), но и инструментальную полезность занятости, выходящую за пределы трудовой жизни. Кроме того, она вбирает в себя как объективные параметры качества занятости, так и самооценку работниками своей ситуации в сфере труда. Важно, что последний компонент, не раскрывая индивидуальных факторов благополучия, непосредственно не связанных с работой — конверсионных факторов в терминологии Сена, тем не менее косвенно учитывает их вклад в установление соответствия характеристик рабочего места и индивидуальных особенностей, потребностей и предпочтений работника. Таким образом, в исходном пункте концепции благополучия, связанного с работой, находится индивидуальная ситуация в сфере труда в единстве её объективной и субъективной сторон, оценить которую возможно только с помощью исследований, ориентируемых на микроуровень

Подходы к измерению благополучия, связанного с работой

Поскольку дискурс о подходах к оценке положения человека в сфере труда далёк от завершения, единого «золотого стандарта» в этой области на сегодняшний день нет. Наиболее проработанный инструментарий сформировался в рамках объективистского подхода. Международными организациями был предпринят ряд проектов, направленных на измерение качества занятости не только с опорой на макроэкономическую статистику, но и на основе масштабных опросов работающего населения разных стран для сбора информации о характеристиках рабочих мест [Leschke, Watt, Finn, 2008; Cazes, Hijzen, Saint-Martin, 2015; Green, Mostafa, 2012]. К числу ключевых отслеживаемых аспектов относятся заработок, условия труда, гарантии занятости, рабочее время и внутренние характеристики работы, набор которых может варьироваться, как и перечень конкретных индикаторов, характеризующих каждый аспект.

Распространение в исследовательской среде подхода Сена, предложившего рассматривать положение человека в сфере труда с точки зрения открытых для него возможностей, способствовало включению в методологический инструментарий оценки качества занятости таких аспектов, как профессиональное развитие на рабочем месте, перспективы карьеры, предоставляемые работодателем возможности обучения. Показательно в этом смысле исследование Стефенса [Stephens, 2023; Stephens, 2025], проведённое в объективистской парадигме на основе данных британского национального опроса «Understanding Society». Подчёркивая важность оценки не только status quo, но и возможностей, открытых для работников в будущем, Стефенс включает в число ключевых характеристик рассчитанные на основе прогнозов трансформации рынка профессий долгосрочные и среднесрочные перспективы будущего развития траектории занятости, а также участие в государственных и частных программах пенсионных накоплений. Следует отметить, что при обосновании выбранного круга аспектов и индикаторов Стефенс использует не только доводы теоретического характера, но и такой аргумент, как особенности и преимущества доступных ему баз данных.

Попытка получить комплексную картину благополучия работников, сопоставив его объективную и субъективную стороны, была предпринята в рамках недавнего пилотного проекта ОЭСР, интегрирующего ряд собственных разработок и достижения нескольких международных исследовательских проектов. Целью исследования, проведённого в четырёх японских компаниях, было измерение нематериальной стороны их деятельности через те эффекты, которые работа оказывает на жизнь и благополучие человека [OECD, 2024].

Концептуально исследование базировалось на нескольких методологических инструментах ОЭСР [Cazes, Hijzen, Saint-Martin, 2015; OECD, 2013; OECD, 2017] и состояло из блоков, охватывающих: 1) объективные характеристики рабочего места (заработок, тип контракта, рабочее время, график работы), 2) субъективное восприятие ситуации на работе по таким параметрам, как автономия, интенсивность труда, поддержка со стороны

менеджеров и коллег, возможности для развития, физические и эмоциональные нагрузки и т.д. и 3) оценку уровня субъективного благополучия в целом (удовлетворённость жизнью и её аспектами, ощущение осмысленности жизни и т.д.). Поскольку в состав каждого из блоков входят разные индикаторы, исследуется взаимосвязь всего комплекса объективных характеристик работы, с одной стороны, и интегральных оценок самочувствия на работе и общего социального самочувствия — с другой.

Нам представляется более продуктивным подход, когда каждый аспект благополучия, связанного с работой, оценивается через единство его объективной стороны, характеризующей те или иные параметры рабочего места и субъективной стороны, отражаемой через удовлетворённость этими же параметрами³. Именно поаспектные индикаторы удовлетворённости позволяют комплексно оценить степень соответствия индивидуальных особенностей работников и занимаемых ими рабочих мест, которое вносит важнейший вклад в благополучие. Кроме того, удовлетворённость обладает самостоятельной ценностью как таковая. В то же время разрыв объективных и субъективных индикаторов по тем или иным аспектам благополучия, связанного с работой, позволяет выявить зоны адаптивной рационализации, искусственно завышающей уровень удовлетворённости, маскируя тем самым истинные масштабы проблем на рынке труда, которые требуют коррекции мерами социальной политики и политики занятости.

Для исследования благополучия, связанного с работой, в отечественной экономике наиболее подходящими представляются две базы микроданных: Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата (КОУЖ)⁴ и Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)⁵. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки и позволяет в разной степени раскрыть объективную и субъективную сторону ключевых аспектов, характеризовать благополучие, связанное с работой, в том числе его важнейшую часть, которую составляют аспекты, сигнализирующие об открытых для работников перспективах — профессиональное соответствие, горизонты карьеры, доступность обучения и переподготовки (табл. 1).

Достоинствами базы РМЭЗ является наличие подробной информации о доходах от занятости и комплексной характеристике важнейшего пограничного аспекта благополучия, связанного с работой, — баланса работы и жизни. Её главный недостаток — смещение выборки в сторону менее благополучных, обладающих сниженной конкурентоспособностью на рынке труда групп населения [Kozyreva, Kosolapov, Popkin, 2013]. В сравнении с другими представительными обследованиями, в том числе обследованиями Росстата, уровень дохода, потребления и занятости в РМЭЗ систематически ниже, а доля людей, живущих за чертой бедности, выше [Guriev^{6*}, Vakulenko, 2015]. Главными достоинствами КОУЖ являются большой размер выборки, позволяющий ей сохранять репрезентативность в региональном разрезе, и обширный набор индикаторов по большинству немонетарных аспектов. Ни та, ни другая база данных не позволяет комплексно отследить все ключевые аспекты благополучия, связанного с работой, в единстве их объективной и субъективной

³ Измерение субъективного благополучия через индикатор удовлетворённости связано как с доступностью данных, так и с принятой исследовательской традицией. В ряде публикаций обосновано, что удовлетворённость работой выступает хорошим предиктором субъективного благополучия [Соболева, 2020; Черных, 2022; Черных, 2025].

⁴ Комплексное наблюдение условий жизни населения. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 12.07.2025).

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

⁶ Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Таблица 1

Индикаторы благополучия, связанного с работой, доступные в КОУЖ и РМЭЗ

Аспект	Доступность индикаторов			
	Объективные (фактологические)		Субъективные (удовлетворённость)	
	КОУЖ	РМЭЗ	КОУЖ	РМЭЗ
Доход от занятости	Нет*	Есть	Есть	Есть
Защищённость занятости	Блок индикаторов	Блок индикаторов**	Есть	Нет
Условия труда	Блок индикаторов	Блок индикаторов	Есть	Есть
Профессиональное соответствие и самореализация	Есть	Нет	Есть	Есть
Профессиональное развитие и карьера	Есть	Блок индикаторов	Нет*	Есть
Баланс работы и жизни	Нет*	Блок индикаторов	Нет*	Блок индикаторов

* присутствуют косвенные индикаторы; ** присутствуют также оценочные индикаторы.

Источник: составлено авторами по материалам анкет КОУЖ и РМЭЗ.

стороны. Так, КОУЖ, хотя и отслеживает удовлетворённость заработком, не содержит объективной информации о доходе от занятости, а РМЭЗ только косвенно позволяет оценить соответствие работы и профессионально-квалификационных характеристик работника. Однако сопоставление этих баз позволяет получить довольно полную картину относительно благополучных и уязвимых зон профиля благополучия, связанного с работой, в российской экономике.

Заключение

Исследование позволило выявить уязвимые стороны наиболее распространённых теоретических подходов к оценке положения человека в сфере труда. Опирающаяся на традиционный набор объективных индикаторов концепция качества занятости даёт неполную картину, так как игнорирует многообразие жизненных ситуаций и индивидуальных особенностей работников. Подход с позиций субъективного благополучия может существенно искажать реальность под воздействием феномена адаптивной рационализации, когда обладатели объективно неблагоприятных рабочих мест в силу своей невысокой конкурентоспособности и заниженных притязаний демонстрируют неоправданно высокий уровень удовлетворённости, маскируя тем самым истинные масштабы неблагополучия.

Сопоставление теоретических моделей подводит к выводу о том, что при оценке положения человека в сфере труда целесообразно опираться на интегративную концепцию благополучия, связанного с работой, которая рассматривает положение человека в сфере труда в единстве его объективной и субъективной стороны и вбирает в себя как ситуацию на рабочем месте, так и инструментальную полезность занятости, выходящую за пределы трудовой жизни.

Предлагаемый подход, основанный на поаспектном сопоставлении объективных и субъективных индикаторов благополучия, связанного с работой, позволяет получить достаточно полное представление о положении трудящегося населения, определить

актуальные зоны риска и уязвимые группы работников, нуждающихся в специальной поддержке, и обозначить приоритетные направления государственной политики и инициатив работодателей, направленных на продвижение комплексного человеко-ориентированного подхода к развитию сферы труда.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Андреева Е.Л., Полкова Т.В. (2014). Оценка качества трудовой жизни населения регионов России [Andreeva E.L., Polkova T.V. (2014). Assessment of the quality of working life of the population of Russian regions] // *Экономика региона*. № 3(35). С. 91–101. DOI: 10.17059/2013-3-7. EDN RBXOXV.
- Бреев Б.Д. (2005). О качестве занятости населения России [Breev B.D. (2005). On the quality of employment of the population of Russia] // *Общество и экономика*. № 7/8. С. 305–325. EDN OXGLRN.
- Жолудева В.В., Мельниченко Н.Ф. (2018). Статистическая оценка качества трудовой жизни работников в Российской Федерации [Zholudeva V.V., Melnichenko N.F. (2018). Statistical assessment of the quality of working life of workers in the Russian Federation] // *Статистика и экономика*. Т. 15. № 4. С. 42–51. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-4-42-51. EDN UYMXYG.
- Зонова О.В. (2010). Качество трудовой жизни: определение и критерии оценки [Zonova O.V. (2010). Quality of Working Life: Definition and Assessment Criteria] // *Проблемы современной экономики*. № 3(35). С. 79–81. EDN NBLGLR.
- Колосова Р.П., Баймурзина Г.Р. (2021). Достойный труд в новых условиях: актуализация индикаторов качества занятости [Kolosova R.P., Baimurzina G.R. (2021). Decent work in the new conditions: updating the indicators of the quality of employment] // *Трансформация рынка труда и политика занятости населения*: Сб. м-лов IV Междунар. научно-практ. конф. «Костинские чтения», Москва, 11.02.2021. — М.: Академия труда и социальных отношений. С. 15–20. EDN FKNNPC.
- Лалин Н.И. (2021). Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход [Lalin N.I. (2021). The Complexity of the Formation of a New Russia. An Anthroposociocultural Approach]. — М.: Весь Мир.
- MOT (2008). Измерение достойного труда на основе рекомендаций Трёхстороннего совещания экспертов по измерению достойного труда (Сентябрь 2008 г.) [MOT. (2008). Measuring Decent Work Based on the Recommendations of the Tripartite Meeting of Experts on Measuring Decent Work (September 2008)]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/meetingdocument/wcms_192844.pdf (дата обращения: 12.07.2025).
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения. (2018). [Precarious employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, assessment and vector of reduction (2018).] / Ред. В.Н. Бобков. — М.: КНОРУС. 342 с.
- Садовая Е.С. (2022). Рынок труда в цифровой экономике — перспективы регулирования [Sadovaya E.S. (2022). The Labor Market in the Digital Economy — Prospects for Regulation] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 10. С. 102–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-102-111.
- Соболева И.В. (2020). Экономическая конъюнктура и субъективные оценки качества занятости [Soboleva I.V. (2020). Economic situation and subjective assessments of the quality of employment] // *Бизнес. Образование. Право*. № 4 (53). С. 28–32. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.439.
- Соболева И.В. (2023). Вызовы социально-экономической безопасности в сфере труда и их особенности в современной России [Soboleva I.V. (2023). Challenges to socio-economic security in the sphere of labor and their features in modern Russia] // *Экономическая безопасность*. Т. 6. № 2. С. 509–528. DOI: 10.18334/есес.6.2.117846.
- Соболева И.В. (2024). Качество занятости и благополучие, связанное с работой: подходы к измерению [Soboleva I.V. (2024). Quality of employment and work-related well-being: approaches to measurement] // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 3. С. 7–25. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_7_25. EDN ADMPER.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа) [Toshchenko Zh. T. (2020). Trauma society: between evolution and revolution (an experience of theoretical and empirical analysis)]. — М.: Весь Мир.
- Фокин В.Я. (2013). Влияние территориальной дифференциации качества и защищённости занятости населения на сжатие пространства сельских территорий Пермского края [Fokin V.Ya. (2013). The Impact of Territorial Differentiation of Quality and Security of Employment of the Population on the Compression of Rural Space in Perm Krai] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 6(30). С. 153–166.
- Черных Е.А. (2022). Качество трудовой жизни и удовлетворённость занятостью на российском рынке труда [Chernykh E.A. (2022). Quality of Working Life and Job Satisfaction on the Russian Labour Market] // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 18. № 2. С. 214–226. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.6. EDN PJNIBY.
- Черных Е.А. (2025). Библиометрический анализ факторов удовлетворённости работой [Chernykh E.A. (2025). Bibliometric analysis of job satisfaction factors] // *Социально-трудовые исследования*. Т. 59(2). С. 168–181. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-59-2-168-181.

- Bakker A.B., Hakanen J.J., Demerouti E., Xanthopoulou D. (2007). Job resources boost work engagement, particularly when job demands are high // *Journal of Educational Psychology*. Vol. 99. Pp. 274–284.
- Belardi S., Knox A., Wright C.F. (2020). Too hot to handle? An analysis of chefs' job quality in Australian restaurants // *Journal of Industrial Relations*. Vol. 63. No. 1. Pp. 3–26. DOI:10.1177/0022185620940375.
- Borkowska A., Czerw A. (2022). The Vitamin Model of well-being at work - an application in research in an automotive company // *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*. Vol. 35. No. 2. Pp. 187–198. DOI:10.13075/ijomh.1896.01614.
- Brand S., Fleming L., Wyatt K. (2015). Tailoring healthy workplace interventions to local healthcare settings: a complexity theory-informed workplace of well-being framework // *The Scientific World Journal*: 340820. DOI: 10.1155/2015/340820.
- Brown A., Charlwood A., Spencer D.A. (2012). Not all that it might seem: why job satisfaction is worth studying despite it being a poor summary measure of job quality // *Work Employment and Society*. Vol. 26. No. 6. Pp. 1007–1018.
- Burchell B., Sehnbruch K., Piasna A., Agloni N. (2014). The quality of employment and decent work: definitions, methodologies, and ongoing debates // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 38. Issue 2. Pp. 459–477. DOI: 10.1093/cje/bet067.
- Cazes S., Hijzen A., Saint-Martin A. (2015). *Measuring and Assessing Job Quality: The OECD Job Quality Framework*. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. OECD Publishing. Paris. No. 174. DOI: 10.1787/5jrp02kjlmr-en.
- Chung-Yan G.A. (2010). The nonlinear effects of job complexity and autonomy on job satisfaction, turnover, and psychological well-being // *Journal of Occupational Health Psychology*. Vol. 15. No. 3. Pp. 237–251. DOI: 10.1037/a0019823.
- Cooke G.B., Donaghey J., Zeytinoglu I.U. (2013). The nuanced nature of work quality: Evidence from rural Newfoundland and Ireland // *Human Relations*. Vol. 66. No. 4. Pp. 503–527.
- De Stefano V. (2016). The rise of the «just-in-time workforce»: on-demand work, crowdwork and labour protection in the «gig-economy» // *Conditions of Work and Employment*. Series No. 71 / International Labour Organization, Geneva.
- Deci E.L., Ryan R.M. (2006). Hedonia, eudaimonia, and well-being: an introduction // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–11. DOI: 10.1007/s10902-006-9018-1.
- Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological Bulletin*. Vol. 125. No. 2. Pp. 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276.
- Diener E., Lucas R.E. (2000). Subjective emotional well-being. // *Handbook of emotions* / Ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L. Feldman Barrett. – New York: Guilford, Pp. 325–337.
- Diener E., Lucas R.E., Scollon Ch.N. (2004). The evolving concept of subjective well-being: the multifaceted nature of happiness. // *Advances in Cell Aging and Gerontology*, Vol. 15. Pp. 187–219. DOI:10.1007/978-90-481-2354-4_4.
- Eichhorst W., Kalleberg A.L. (2023). Transformation of Modern Work, Rise of Atypical Employment, and Health. // *Handbook of Life Course Occupational Health. Handbook Series in Occupational Health Sciences* / M. Wahrendorf, T. Chandola, A. Descatha (eds.). — Cham: Springer. DOI:10.1007/978-3-030-94023-2_20-1.
- Ferreira M.C., Pacheco S., Pinto N.M., Fernandes H.A., Silva A.P.C. (2007). O bem-estar no trabalho e a predição de exaustão emocional // XXXI ENANPAD.— Rio de Janeiro. Pp. 1–9.
- Findlay P., Kalleberg A.L., Warhurst C. (2013). The challenge of job quality // *Human Relations*. Vol. 66. No. 4. Pp. 441–451.
- Ford M., Cerasoli Ch., Higgins J., Decesare A. (2011). Relationships between psychological, and behavioral health and work performance: A review and meta-analysis // *Work Stress*. Vol. 25. No. 3. Pp. 185–204. DOI: 10.1080/02678373.2011.609035
- Galanakis M.D., Tsitouri E. (2022). Positive psychology in the working environment. Job demands-resources theory, work engagement and burnout: A systematic literature review // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1022102.
- Gough I., McGregor J.A. (2007). *Wellbeing in developing countries* / I. Gough & J. A. McGregor, (eds.). — Cambridge University Press.
- Green F., Mostafa T. (2012). *Trends in job quality in Europe* / Publications Office of the European Union, Euro-found, Luxembourg. DOI: 10.2806/35164, ISBN 978-92-897-1071-8.
- Green F. (2021). *Decent Work and The Quality of Work and Employment* / GLO Discussion Paper Series 817. Global Labor Organization (GLO). Essen.
- Guriev S.M.⁷, Vakulenko E. (2015). Breaking Out Of Poverty Traps: Internal Migration And Interregional Convergence In Russia // *HSE Working papers* WP BRP 88/EC/2015. National Research University Higher School of Economics.
- Hamling K., Jarden A., Schofield G. (2015). Recipes for occupational wellbeing: an investigation of the associations with wellbeing in New Zealand workers // *NZJ Human Resource Management*. Vol. 15. No. 2. Pp. 151–73.

⁷ Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

- ILO (2013). *Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators*: ILO manual: second version. International Labour Office. Geneva. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@integration/documents/publication/wcms_229374.pdf (access date: 25.07.2025).
- Kalleberg A.L. (2011). *Good jobs, bad jobs: the growth of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s to 2000s*. — New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A.L., Marsden P.V. (2015). Transformation of the employment relationship // *Emerging trends in the social and Behavioral sciences* / R. Scott, S. Kosslyn (eds.). — Hoboken: John Wiley and Sons.
- Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. (2016). Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey—Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013 // *International Journal of Epidemiology*. Vol. 45. Issue 2. Pp. 395–401. DOI: 10.1093/ije/dyv357.
- Lawrie E., Tuckey M., Dollard M. (2018). Job design for mindful work: the boosting effect of psychosocial safety climate // *Journal of Occupational Health Psychology*. Vol. 23. Pp. 483–495. DOI:10.1037/ocp0000102.
- Leschke J., Watt A., Finn M. (2008). *Putting a number on job quality? Constructing a European job quality index* / European Trade Union Institute for Research, Education and Health and Safety. — Brussels.
- McCarthy J.M., Trougakos J.P., Cheng B.H. (2016). Are anxious workers less productive workers? It depends on the quality of social exchange // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 101. No. 2. Pp. 279–291. DOI: 10.1037/apl0000044.
- Meyerding G.H. (2015). Job characteristics and job satisfaction: A test of Warr's Vitamin Model in German horticulture // *The Psychologist-Manager Journal*. Vol. 18. No. 2. Pp. 86–107. DOI: 10.1037/mgr0000029.
- Nunes P.M., Proença T., Carozzo-Todaro M.E. (2024). A systematic review on well-being and ill-being in working contexts: contributions of self-determination theory // *Personnel Review*. Vol. 53. No. 2. Pp. 375–419. DOI: 10.1108/PR-11-2021-0812.
- OECD (2013). *OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being* / OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264191655-en.
- OECD (2017). *OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment*. — Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264278240-en.
- OECD (2024). An OECD survey of employee well-being: An instrument to measure employee well-being inside companies // *OECD Papers on Well-being and Inequalities*. No. 24. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/74f48e24-en.
- Paschoal T., Torres C.V., Porto J.B. (2010). Felicidade no trabalho: Relações com suporte organizacional e suporte social // *Revista Administração Contemporânea*. Vol. 14. No. 6. Pp. 1054–1072. URL: <http://www.scielo.br/pdf/rac/v14n6/v14n6a05.pdf>
- Rethinking employment regulation: after the standard contract of employment* (2013). / K.V.W. Stone, H. Arthurs (Eds). Russell Sage Foundation Press. New York.
- Ryff C.D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 6. Pp. 1069–1081.
- Schimmack U., Radhakrishnan P., Oishi S., Dzokoto V. (2002). Culture, personality, and subjective well-being: Integrating process models of life satisfaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 82. No. 4. Pp. 582–593. DOI: 10.1037/0022-3514.82.4.582.
- Sen A.K. (1999). *Development as Freedom*. — New York: Alfred A. Knopf.
- Sen A.K. (1992). *Inequality Reexamined*. — Oxford: Clarendon Press.
- Siqueira M.M.M., Padovam V.A.R. (2008). Bases teóricas de bem-estar subjetivo, bem estar psicológico e bem-estar no trabalho // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. Vol. 24. No. 2. Pp. 201–209. DOI: 10.1590/S0102-37722008000200010.
- Steel P., Schmidt J., Shultz J. (2008). Refining the relationship between personality and subjective well-being // *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 1. Pp. 138–161. DOI: 10.1037/0033-2909.134.1.138.
- Stephens T.C. (2025). What has Happened to Job Quality in Britain? The Effect of Different Weighting Methods on Labour Market Inequalities and Changes Using a UK Quality of Work (QoW) Index, 2012–2021 // *Social Indicators Research*. Vol. 177. No. 2. Pp. 833–861. DOI: 10.1007/s11205-025-03542-9.
- Stephens T.C. (2023). The Quality of Work (QoW): Towards a Capability Theory // *Journal of Human Development and Capabilities*. Vol. 24. No. 3. Pp. 309–335. DOI: 10.1080/19452829.2023.2240738
- Taylor M. (2017). *Good Work: The Taylor Review of Modern Working Practices*. — London: Department for Business, Energy and Industrial Strategy.
- UNICE (2001). UNICE position paper on the Commission Communication «Employment and Social Policies: A Framework for Investing in Quality» // *Business Europe*. URL: <https://www.buinessurope.eu/sites/buseur/files/media/imported/2002-03849-E.pdf> (access date: 25.07.2025).
- United Nations (2015). *Handbook on measuring quality of employment: a statistical framework*. Prep. by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. NY: Economic Commission for Europe. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_40.pdf (access date: 25.07.2025).
- Veenhoven R. (2008). *Freedom and happiness: comparison of 126 nations in 2006* / Paper presented at: Legatum Prosperity Workshop, June 21–22. London.
- Vermeylen G. (2005). Quality in work and employment in the European Working Conditions Survey // *Working Paper № 4 UNECE/ILO/Eurostat Seminar on the Quality of Work*, Geneva. May 11 to 13. Unece. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/2005/05/labour/wp.4.e.pdf> (access date: 25.07.2025).

- Warr P. (2009). Environmental «vitamins», personal judgements, work values, and happiness // *The Oxford handbook of organizational well-being* /S. Cartwright, S.L. Cooper, editors. — New York, Oxford: Oxford University Press. Pp. 57–87.
- Warr P. (2013). Jobs and job-holders: Two sources of happiness and unhappiness. // *The Oxford handbook of happiness*/ I. Boniwell, S.A. David, A.C. Ayers, editors. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 733–750.
- Waterman A.S. (1993). Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 64. No. 4. Pp. 678–91. DOI: 10.1037/0022-3514.64.4.678.
- WEF (2025). *The World Economic Forum Future of Jobs Report 2025* / Heis at the Forefront of Change January 2025. DOI: 10.13140/RG.2.2.24341.84965.
- Weziak-Bialowolska D., Bialowolski P., Sacco P.L., VanderWeele T.J., McNeely E. (2020). Well-Being in Life and Well-Being at Work: Which Comes First? Evidence From a Longitudinal Study // *Frontiers in Public Health*. Vol. 8. DOI: 10.3389/fpubh.2020.00103. ISSN 2296-2565.

Соболева Ирина Викторовна

irasobol@gmail.com

Irina Soboleva

Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

irasobol@gmail.com

Черных Екатерина Алексеевна

chernykh.ekaterina108@gmail.com

Ekaterina Chernykh

PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Employment Policy and Social and Labor Relations at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

chernykh.ekaterina108@gmail.com

WORK-RELATED WELL-BEING: A CONCEPT AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO MEASUREMENT

Abstract. The article provides a critical analysis of approaches to investigating personal situation in the sphere of labor. It is shown that in the context of today when the employer-employee relations become increasingly more sophisticated and flexible traditional job quality indicators focusing mainly on compliance with established standards in the field of income and framework conditions of employment do not sufficiently reflect the multifaceted realities of the new labor market realities. Hence, there is a growing demand for rethinking the methodology of its assessment. The strong sides and weaknesses of approaches from the standpoint of the objectivistic quality of employment concept and the subjective well-being concept are identified, and a conclusion is made about the need for an integrative approach that takes into account both the objective parameters of employment and their compliance with individual preferences and needs of employees. Theoretical models developed in line with this approach are considered, such as the «Job Demands-Resources» model, the «Vitamins» model, as well as the approach from the point of view of the opportunities open to an individual in the sphere of employment, based on the concept of functional capabilities of A. Sen. Pushing off generalization of the models discussed, the expediency of assessing individual situation in the sphere of labor based on the concept of work-related well-being is substantiated. It is shown that this concept incorporates both the objective parameters of working life quality and the instrumental usefulness of employment, as well as self-assessment by employees of their situation in the sphere of labor. Moreover, it allows assessing the compliance of individual characteristics of employees and the job requirements. The importance of integrating into the methodological apparatus elements of the adaptive rationalization concept, according to which the holders of objectively unfavorable jobs may perceive their employment as acceptable, which distorts the real picture of their well-being is emphasized. Finally, we elaborate methodology for constructing work-related well-being profiles, which is based upon aspect-by-aspect comparison of its objective and subjective micro-level indicators. It is shown that the application of our methodology allows obtaining a comprehensive picture of the situation of the working population in the Russian economy, identifying vulnerable groups of workers, and substantiating priority areas for state intervention and employers' initiatives aimed at promoting an integrated human-oriented approach in the sphere of labor.

Keywords: *work-related well-being, quality of employment, subjective well-being, job satisfaction, integrative approach, adaptive rationalization, work-related well-being indicators.*

JEL: J21, J31, J81, J28, J63, J33.

В.В. Вольчик

д.э.н., профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

В.В. Кот

к.э.н., доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

РЕФОРМЫ: ФАКТОР ИДЕОЛОГИИ В СВЕТЕ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ¹

Аннотация. В статье исследуется влияние идеологии на осмысление в экономической науке процессов социальных и экономических преобразований на основе качественного анализа наиболее цитируемых статей российских экономистов в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU за период 1992–2025 гг. В данной статье мы основываемся на тезисах, выдвинутых известным российским экономистом В.М. Полтеровичем, об отрицательном влиянии идеологий на разработку стратегий реформ в «догоняющих странах», и о том, что следование доминирующей идеологии уводит от новейших достижений экономической науки. Анализ научных статей на предмет подтверждения данных тезисов проводился поэтапно по периодам 1992–1997 гг., 1998–2002 гг., 2003–2007 гг., 2008–2012 гг., 2013–2017 гг. и 2018–2025 гг. Тезис о системной ограниченности идеологически детерминированных реформ приводит к одностороннему пониманию экономических процессов и нарушению комплексного подхода к регулированию. Особое внимание уделяется второму тезису — отставанию идеологии от современных научных знаний. На примере Китая показан альтернативный подход, где прагматичная идеология сыграла ключевую роль в успешном проведении рыночных реформ без применения шоковой терапии, с сохранением управляемости. Китайский опыт свидетельствует о том, что идеология может служить катализатором преобразований, обеспечивая политическую стабильность, сочетая рыночные механизмы и стратегическое планирование. Таким образом, статья предлагает переосмыслить роль идеологии при проведении реформ, рассматривать её как гибкий инструмент, который при прагматичном использовании способствует достижению устойчивых экономических и социальных результатов.

Ключевые слова: идеология, экономические реформы, экономическая наука, экономическая политика, китайский опыт реформ.

JEL: A14, B41, C88

УДК: 330.101, 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_20_35

© В.В. Вольчик, В.В. Кот, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вольчик В.В., Кот В.В. Реформы: фактор идеологии в свете российских научных публикаций // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 20–35. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_20_35.

FOR CITATION: Volchik V., Kot V.V. Reforms: the Factor of Ideology in the Light of Russian Scientific publications // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 20–35. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_20_35.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Введение

В российской экономической науке проблеме идеологии уделяется довольно много внимания. Это можно объяснить как следствием зависимости от предшествующей траектории развития, так и значительным распространением гетеродоксальных научных школ наряду с мейнстримом. И хотя идеологические установки не являются определяющими при выявлении принадлежности к гетеродоксальным школам [Mearman, Berger, Guizzo, 2023. P. 1126], экономисты этих школ чаще склонны в явной форме признавать важность идеологии в теории и методологии экономической науки [Кирдина-Чэндлер, 2022].

Значимость проблематики идеологии в академическом дискурсе показывают современные исследования экономического образования. Идеологическая ангажированность современной экономической теории (при формальном отрицании любой идеологии) привела к тому, что она во многом вырождается в симулякр, плохо отражающий реальность [Ореховский, Разумов, 2025]. Сильная формализация современной экономической теории также не решает проблему идеологического влияния, например, недавние обширные эмпирические исследования показали, что доминирование позитивизма и формализма в экономических исследованиях в опросах учёных связывается с идеологической предвзятостью [Javdani, Chang, 2023; Drakopoulos, 2025].

Также всё больше проблематика, связанная с проявлением различных форм неэффективности и несправедливости в современных социальных порядках, связывается с идеологией: «И это действительно подтверждает моё частое утверждение, что экономика играет ту же роль, которую католическая теология играла в средневековой Европе. Знаете, по сути, это идеология, которая оправдывает нынешний социальный порядок, каким бы несправедливым, расточительным и неэффективным он ни был с какой-то другой точки зрения» [Chang, Lari, 2024. P. 225].

Также важно понимать, что идеология как видение экономических процессов [Тамбовцев, 2024] может рассматриваться без резких отрицательных коннотаций, которые однозначно относят подверженные идеологии исследования к ненаучным. И если мы не можем, как говорил Й. Шумпетер, полностью элиминировать влияние идеологии [Шумпетер, 2012], важно понимать, какие ценности и ментальные модели лежат в основе идеологических течений. В этом контексте наш подход согласуется с трактовкой понятия «идеология» Т. Пикетти: «Я использую слово “идеология” в позитивном и конструктивном смысле для обозначения набора априорно правдоподобных идей и дискурсов, описывающих, как должно быть структурировано общество. Идеология имеет социальные, экономические и политические измерения. Это попытка ответить на широкий круг вопросов, касающихся желательной или идеальной организации общества» [Piketty, 2020. Pp. 10–11].

В ходе ранее проведённого компьютерного анализа текстов научных публикаций за 1992–2023 гг. подтвердилась гипотеза о существовании в российском научном дискурсе пяти идеологических течений: неолиберализма, социализма, дирижизма, особого пути и экологизма. Наибольшее количество статей было отнесено к дирижизму (29,86%), на втором месте оказалась идеология экологизма (18,85%), на третьем — особого пути (16,60%) [Вольчик, Маслюкова, Марьян, Скрябин, 2024]. Однако наибольший исследовательский интерес имеет интерпретация идеологизированных теоретических нарративов, которые используют российские учёные. Поэтому в данной статье мы концентрируем внимание на качественном анализе проблемы влияния экономических идеологий на проведение реформ.

В данной статье мы основываемся на тезисах, который выдвинул известный российский экономист В.М. Полтерович об отрицательном влиянии идеологий на разработку стратегий реформ в «догоняющих странах»: «Стратегии социально-экономического

развития в “догоняющих” странах разрабатываются на основе доминирующих в обществе идеологий и, как правило, терпят неудачу» [Полтерович, 2017. С. 55]. Также, согласно В.М. Полтеровичу, следование доминирующей идеологии уводит от новейших достижений экономической науки: «Важнейшее обстоятельство заключается в том, что доминирующая идеология, как правило, отстаёт от взглядов, соответствующих современному ей научному знанию» [Полтерович, 2017. С. 60]. Возникает резонный вопрос: как в российской экономической науке анализируется проблема взаимосвязи идеологии и экономических реформ? В своём исследовании мы предпринимаем попытку дать на него ответ на основании качественного анализа наиболее цитируемых статей российских экономистов в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Дизайн исследования

Для ответа на поставленный выше вопрос необходимо обратиться к публикациям российских экономистов, которые касались данной проблематики в своих публикациях. Для этого мы отобрали 50 наиболее цитируемых статей по запросу «экономические реформы и идеология» в поиске eLibrary с опцией «искать с учётом морфологии» в статьях периодических журналов за период 1992–2025 гг., что позволяет осуществлять поиск по всем словоформам русского языка, связанным с запросом.

При анализе работ нас интересовал вопрос о том, существует ли в работах российских экономистов подтверждение тезиса В.М. Полтеровича об отрицательном влиянии идеологий на проведение реформ. Попутно мы также рассматривали, как проявляется в работах российских экономистов второй тезис об отставании доминирующей идеологии «от взглядов, соответствующих её научному знанию».

Периодичность анализа, представленная в табл. 1, обусловлена ключевыми этапами социально-экономического и институционального развития России, значительно повлиявшими на динамику идеологических предпочтений в российской экономической науке. При этом каждый период отражает следующие специфические характеристики:

- 1) 1992–1997 гг. — этап активных либеральных реформ («шоковая терапия», приватизация и др.), который завершился финансовой стабилизацией;
- 2) 1998–2002 гг. — восстановительный этап, преодоление последствий дефолта 1998 г. и начало экономического роста, этап официального признания России как страны с рыночной экономикой (в 2002 г.);
- 3) 2003–2007 гг. — период устойчивого экономического роста, укрепления государственного вмешательства (дирижизм) и регулирования экономики, рост цен на нефть;
- 4) 2008–2012 гг. — период мирового финансово-экономического кризиса (2008–2009 гг.) и последующей за ним адаптации экономики, начала модернизационной повестки и вступление России в ВТО (2012 г.);
- 5) 2013–2017 гг. — этап геополитических изменений (санкции, связанные с присоединением Крыма), импортозамещения, усиления роли государства, экологической повестки и идеи «особого пути»;
- 6) 2018–2025 гг. — период пандемии COVID-19, форсирования цифровизации, структурных изменений в экономике, «зелёной» повестки, оформления идеологии «экономики Русской Цивилизации».

На наш взгляд, такая периодизация анализа позволяет проследить, как изменения внешних условий и экономической политики повлияли на сдвиги в идеологическом ландшафте российской экономической науки, отражая переход от доминирования неолиберальных нарративов к усилению дирижизма, экологизма и идей национальной идентичности.

Общие рамки анализа текстов статей

Результаты проведённого качественного анализа текстов 50 наиболее цитируемых научных статей за период 1992–2025 гг. в поиске eLibrary по запросу «идеология и экономические реформы» (табл. 1, 2) показывают растущую популярность исследования идеологии и её влияния на экономические реформы начиная с 2003 г. (периоды 2003–2007 гг., 2008–2012 гг.). Значительный рост идеологического влияния на экономические реформы в научной литературе отмечается за период 2013–2017 гг. (16 научных работ) и в период 2018–2025 гг. (21 научная статья).

Таблица 1

Распределение 50 наиболее цитируемых статей в eLibrary по запросу «идеология и экономические реформы» по временным периодам с 1992–2025 гг., шт.

Периоды					
1992–1997	1998–2002	2003–2007	2008–2012	2013–2017	2018–2025
1	0	6	6	16	21

Источник: составлена авторами в ходе качественного контент-анализа и ранжирования текстов 50 наиболее цитируемых научных статей в eLibrary по запросу «идеология и экономические реформы» за период 1992–2025 гг.

Таблица 2

Распределение 50 наиболее цитируемых статей в eLibrary по запросу «идеология и экономические реформы» по подтверждению тезисов В.М. Полтеровича за период 1992–2025 гг., шт.

Гипотезы	Подтверждено	Не подтверждено
1. Негативное влияние идеологии	43 статьи	7 статей
2. Отставание от науки	43 статьи	7 статей

Источник: получено авторами в ходе качественного анализа текстов 50 наиболее цитируемых научных статей в eLibrary за период 1992–2025 гг.

В западных либеральных демократиях идеологии при проведении реформ исследуются в контексте реализации программ правящих партий, которые традиционно рассматриваются через призму правых и левых политических нарративов [Horn, 2017]. Такой подход к анализу идеологий плохо согласуется с двумя тезисами В.М. Полтеровича. Однако надо понимать, что в разных хозяйственных и политических порядках идеологическая составляющая нарративов экономической теории может проявляться по-разному в плане влияния на разработку стратегий реформ.

В российской практике проведения реформ теоретические нарративы, содержащие идеологическую составляющую, почти не связаны с партийной принадлежностью учёных и реформаторов. В статье П.А. Ореховского подчёркивается, что советские экономисты находились в рамках жёстких идеологических ограничений, которые препятствовали развитию адекватной экономической теории: «Вина советских экономистов состоит в том, что они не смогли создать экономической теории, адекватной советской плановой экономике, а то, что они предлагали в качестве решений её проблем, только усугубляло кризис» [Ореховский, 2023]. В результате это привело к тому, что их (советских экономистов) предложения не только не решали проблемы плановой экономики, но и вели к ухудшению ситуации. Поэтому главная задача данной работы — выявление теоретических нарративов, которые исследователи (учёные) связывают с разработкой стратегий реформ и мер экономической политики на современном этапе.

В современной экономической науке влияние идеологии на проведение исследований и разработку экономической политики всё больше анализируется на основании значительных объёмов эмпирических данных [Kozłowski, Gunten, 2023]. И хотя исследования идеологической ангажированности экономистов стали встречаться чаще, они концентрируют внимание на двух вопросах, связанных с идеологией. Обобщённо эти вопросы можно представить как идеологическое обоснование вмешательства государства в экономику — интервенционизм, дирижизм, либерализм (в американском понимании) — и, наоборот, отстаивание точки зрения классического либерализма или неолиберализма, что рынки без государственного вмешательства приводят к лучшим экономическим результатам. В данном контексте показательно исследование идеологической «миграции» нобелевских лауреатов, которые за свою научную жизнь становились или «более классическими либералами», или «менее классическими либералами» [Klein, 2013].

Анализ статей, подтверждающих тезисы В.М. Полтеровича

Из отобранных нами 50 наиболее цитируемых статей по запросу «экономические реформы и идеология» к периоду 1992–1997 гг. относится только одна статья [Моисеев, 1993]. В 1990-е гг. проводимая экономическая политика предполагала реализацию либеральных реформ. Тезис В.М. Полтеровича, что идеологизированный подход к реформам, основанный на догмах, а не на практичном учёте конкретных условий приводит к негативным последствиям. Так, Н.Н. Моисеев в своей работе 1993 г. «Сумерки России. Рассвет или закат?..» заключает, что идеология (как советская, так и неолиберальная) блокирует рациональный, прагматичный поиск компромисса и приводит к катастрофичным для страны последствиям. В статье автор сравнивает советскую и западные идеологии, отмечая, что советская система была построена не как рациональный ответ на вызовы времени, а скорее как тоталитарная антитеза Западной системе, продиктованная идеологической догмой (марксизм-ленинизм). Это привело к созданию нежизнеспособного порядка, который впоследствии был разрушен. «Идеологическое противостояние и нагнетание внешней опасности были необходимы государству рабочих и крестьян» как своеобразное оправдание тоталитаризма и «дороги к рабству»..., «...вместо поисков компромиссов между двумя началами, что является естественным путём развития, был декларирован, а затем и насильственно реализован в нашей стране крайний вариант порядка <...> — порядок термитника» [Моисеев, 1993. С 10].

Тезис В.М. Полтеровича об отставании господствующей идеологии от современных научных представлений, что становится и ограничением при выработке эффективной экономической политики, также находит отражение в подходе Н.Н. Моисеева. Проводимые в начале 1990-х гг. реформы своим базисом имели устаревшие, да к тому же и неработающие в условиях уникального российского кризиса, господствующие экономические и социальные теории (идеологии). Как отмечает Н.Н. Моисеев, «Происходящее ныне в России не вписывается ни в какую теорию — ни Кейнса, ни Фридмана, ни Маркса. И никакая из них не может дать удовлетворительного рецепта выхода из кризиса» [Моисеев, 1993. С. 11]. Также отмечается отсутствие удовлетворительного научного фундамента для реформ: «К сожалению, сегодня у нас не существует удовлетворительного научного фундамента, объединяющего социологические и экономические исследования, и нам не на что опереться» [Моисеев, 1993. С 9]. Таким образом, в начале 1990-х гг. в России не было адекватной научной парадигмы для понимания экономической трансформации, а для проведения реформ была задействована упрощённая модель западного либерализма, которая не отвечала требованиям сложности реальных процессов.

Анализ динамики цитирования научных публикаций по экономике и смежным социальным наукам за период 1998–2002 гг. показывает отсутствие в базе данных eLibrary высокоцитируемых работ, посвящённых системному исследованию взаимосвязи идеологических конструктов и процесса реализации экономических реформ в России. Несмотря на активный дискурс трансформации экономической системы, работы этого периода преимущественно фокусировались на макроэкономической стабилизации, институциональных изменениях и социальных последствиях проводимых рыночных преобразований. В то же время идеологический аспект их генезиса и реализации оставался на периферии научного внимания, что свидетельствует о методологическом разрыве между идеологическим анализом и экономическими реформами. Это способствовало ограничению комплексности понимания механизмов и последствий реформирования.

Анализ наиболее цитируемых научных публикаций за период 2003–2007 гг. позволяет выявить ряд подтверждений тезисов В.М. Полтеровича о влиянии идеологий на ход реформ. Во многих работах подчёркивается, что идеологическая предопределённость реформ приводит к дисфункциональным последствиям; прежде всего это касается игнорирования исторических, социальных и культурных контекстов.

Так, идеология формального равенства в СССР и рыночный фундаментализм 1990-х гг. не учитывали национальных структурных и культурных особенностей, что в конечном счёте привело к усилению гендерной дискриминации: «Реформы не преодолели, а скорее усилили дискриминацию и сегрегацию российских женщин... Формирование гендерных различий в оплате труда в России идёт с советских времён, когда финансирование непроизводственной сферы осуществлялось по остаточному признаку» [Бинефельд, Четвернина, Лакунина, 2007. С. 394–395].

Попытки имплементации западных моделей без учёта национального менталитета также неэффективны: «Именно общинность и патернализм (надежда на то, что государство разрешит все проблемы) являются важнейшими инерционными факторами, сдерживающими в России развитие рыночных реформ» [Павлов, 2006. С. 38].

Отрицательное влияние идеологий на реформы и развитие формирует системные проблемы на уровне не только национального социально-экономического развития в целом, но и отдельных городов. Так, в статье И.А. Скрипачевой на примере молодого города автор подтверждает тезис В.М. Полтеровича о том, что жёсткие идеологические установки подменяют прагматичный, комплексный подход к развитию, что обуславливает долгосрочные негативные последствия. Скрипачева показывает, что изначальная социальная и градостроительная политика в молодых городах СССР полностью подчинялась не прагматичным урбанистическим или социальным принципам, а идеологической доктрине: «Трудности развития молодых городов изначально были усугублены идеологией “человека при производстве” и, как следствие, “города при заводе”» [Скрипачева, 2007. С. 36]. Таким образом, технократическая идеология советского периода способствовала появлению долгосрочных проблем урбанизации и социальной разобщённости.

На примере анализа построения гражданского общества в России А.Н. Домрин показал, как идеологические подходы препятствовали эффективным реформам и приводили к негативным последствиям. Происходившая в то время идеологизация термина «гражданское общество» без учёта реальных социальных процессов способствовала созданию формальных, но нефункциональных институтов: «Спешная, непродуманная и оторванная от национальной специфики кампания по построению гражданского общества... может иметь скорбные последствия» [Домрин, 2003. С. 34].

Результаты качественного анализа научных статей за период 2003–2007 гг. в свете тезиса об отставании доминирующей идеологии от научного знания показали, что

официальная идеология не всегда успевает за актуальными научными представлениями, а это способствует принятию неадекватных решений и замедляет экономическое развитие. Как отмечает Т.М. Полякова, идеологический конструкт правового государства не подкреплён реальными достижениями в области законности и правоприменения: «Согласно Конституции РФ (1993), Российская Федерация — правовое государство. Можно отчасти согласиться с позицией ряда отечественных учёных, утверждающих, что при нынешнем неудовлетворительном состоянии законности это положение носит декларативный или программный характер» [Полякова, 2006. С. 112]. Кроме того, научное осмысление проблем институционального развития опережает идеологические установки: «Есть потребности в стройной системе взглядов — концепции для решения проблем эффективного конституционно-правового регулирования в современный период, которое пока отстаёт от потребностей практики» [Полякова, 2006. С. 112].

Отставание идеологии от современных научных знаний проявляется и в том, что классические экономические теории, такие как либерализм и марксизм, игнорируют роль культурных факторов, что требует развития новых междисциплинарных подходов: «...наряду с экономической психологией целесообразно появление этноэкономики — нового научного направления, в рамках которого выявляются общие законы взаимовлияния социально-экономических и этнических процессов» [Павлов, 2006. С. 41].

В отличие от России Китаю удалось преодолеть идеологическое отставание за счёт прагматизма и адаптации идеологии к научно-обоснованным моделям развития: китайское руководство смогло пересмотреть идеологические установки, чтобы они соответствовали практическим задачам модернизации экономики: «Однако новый курс не только обусловлен попытками нового руководства найти свое политическое лицо. Он включает в себе и прагматическое содержание, действительно является реакцией на накопившиеся в обществе проблемы. Постепенно, в развитие идеологических установок, власть перешла к реализации конкретных программ» [Мозиас, 2007. С. 67].

Таким образом, анализ научных публикаций за период 2003–2007 гг. показал, что в каждой из шести наиболее цитируемых статей подтверждены оба тезиса В.М. Полтеровича. Идеологии оказывают значительное негативное влияние на реформы, если они не учитывают специфические особенности объекта реформирования, что продемонстрировано на примере экономической, правовой, гендерной и градостроительной политики. Более того, отставание доминирующей идеологии от научного знания зачастую приводит к принятию неадекватных современным реалиям и потребностям общества решениям. Это особенно ярко проявляется в экономических, правовых, урбанистических исследованиях, где идеологические конструкции носят декларативный характер и не подкреплены эмпирическими данными. Поэтому успех реформ заключается не в идеологической предопределённости, а в опоре на научные знания, учёте культурно-исторического контекста и адаптационной гибкости в процессе социально-экономических преобразований.

Анализ научных публикаций за период 2008–2012 гг. также подтверждает оба тезиса В.М. Полтеровича. Многочисленные исследования показывают, что идеологическая предопределённость проводимых реформ приводит к негативным последствиям, поскольку игнорируются социальные, культурные, ментальные и другие особенности. Рыночные реформы 1990-х гг. проводились без учёта специфики российской экономики и общества. Вместо научно обоснованного подхода реформаторы использовали упрощённые идеологические схемы, что в конечном счёте привело к серьёзным социально-экономическим последствиям: деиндустриализации, обнищанию населения, росту неравенства и утрате доверия к государству. «Однако под лозунгом разгосударствления оказался крайне примитивный подход к обновлению отношений собственности, за которым не стояло ни научных идей, ни анализа мирового опыта, согласно которым сама

по себе приватизация не тождественна разгосударствлению» [Гринберг, Горшков, 2012. С. 20]. Идеология либерализма способствовала примитивизации реформ и игнорированию сложности трансформационных процессов.

В статье «Сравнение реформ периода НЭПа и постсоветской России» Ю. Голанд сравниваются два периода реформ — 1920-е и 1990-е гг., отмечается, что реформы в оба периода проводились под сильным влиянием идеологических установок, противоречащих реальным потребностям экономики. В период НЭПа представление о несовместимости социализма и рынка привело к свёртыванию новой экономической политики, несмотря на её существенные положительные результаты. В 1990-е гг. радикально-либеральная идеология, в основе которой находились постулаты Вашингтонского консенсуса, игнорировала институциональные и структурные особенности российской экономики, что привело к катастрофическим последствиям [Голанд, 2010]. «Авторы реформ провозгласили принцип минимального участия государства в экономике и поставили задачу максимально быстро перейти на традиционный капиталистический путь развития... не учитывали, что сценарии перехода к ней должны различаться в зависимости от специфики страны» [Голанд, 2010. С. 84]. В обоих случаях идеология ограничивала выработку гибкого, прагматичного подхода.

В статье В.В. Петухова идеология рассматривается в социопсихологическом ключе на основе анализа динамики мировоззренческих и идеологических установок россиян, что также подтверждает гипотезу В.М. Полтеровича об отрицательном влиянии идеологии на проведение реформ. Автор рассматривает идеологию не как доктрину правящего класса, а как комплекс ценностных установок массового сознания, который оказывает серьёзное влияние на политику и ход реформ, противостоя крайним идеологически обусловленным намерениям. Тезис проявляется в том, что сложившаяся в массовом сознании ценностно-идеологическая установка выступает своего рода фильтром, оказывая сопротивление всяким «чистым» идеологическим проектам (радикальный либерализм, ортодоксальный коммунизм). Неприятие «чистых» идеологических моделей проявляется в том, что «наибольшее отторжение вызвали такие понятия, как “либерализм” и “капитализм” ... Россияне не имеют ничего против рыночной экономики и демократии, но их категорически не устраивала и не устраивает “российская версия” капитализма» [Петухов, 2008. С. 52]. Поэтому массовое неприятие идеологически мотивированных реформ 1990-х гг. способствовало формированию устойчивого социального иммунитета к радикальным преобразованиям.

Второй тезис об отставании доминирующей идеологии от научного знания также подтверждается по результатам анализа текстов статей 2008–2012 гг. Так, Ю. Голанд подтверждает тезис В.М. Полтеровича, отмечая, что идеологический контроль над наукой в СССР способствовал её отставанию и неспособности выработать адекватные решения в переходный период: «...одной из важных причин такого подхода было недостаточное развитие отечественной экономической науки, которая не смогла своевременно разработать программу реформ, адекватную условиям страны... Это стало следствием многолетнего запрета на использование рыночных отношений в советской экономике и масштабных репрессий против ведущих экономистов...» [Голанд, 2010. С. 84].

Р.С. Гринберг и М.К. Горшков, анализируя результаты двадцатилетия российских реформ в оценках экономистов и социологов, отмечают, что идеологическая приверженность монетаристскому подходу игнорировала макроэкономические риски и препятствовала структурным преобразованиям: «...заявленная на ближайшую перспективу цель в виде перехода на режим инфляционного таргетирования может в краткосрочном плане... привести к потерям в экономической динамике» [Гринберг, Горшков, 2012. С. 18].

В рамках исследования влияния идеологий на экономические реформы значительный интерес для анализа текста научных статей представляет период 2013–2017 гг.,

поскольку тут мы видим существенный рост научного интереса к исследованию идеологической составляющей и её влияния на ход реформ (16 статей), а также многоаспектность проявления указанных тезисов в различных контекстах.

В работах этого периода отмечается, что идеологическая ригидность выступает серьёзным препятствием для реализации необходимых преобразований. Например, в работе А.В. Баранова о кризисе испанского «государства автономий» [Баранов, 2016] показано, что унитарная идеология, которая была закреплена в Конституции 1978 г., блокировала адаптацию модели управления к требованиям Каталонии, что способствовало радикализации сепаратизма: «Кризис “государства автономий” в Испании детерминирован изначальной противоречивостью модели децентрализованного унитарного государства, её истощением в новых исторических условиях» [Баранов, 2016. С. 143].

Аналогичные выводы содержатся в работе Р.С. Гринберга, где критикуется идеологическая приверженность радикальному либерализму в 1990-х гг. в России: «Опираясь на постулаты неоклассической ортодоксии, реформаторы считали, что предлагаемый ими радикальный вариант трансформации даёт быстрый и устойчивый рост эффективности. Но реалии оказались иными» [Гринберг, 2016. С. 111].

В статье С.Е. Метелева подчёркивается, что идеология рыночного фундаментализма не только не способствовала реформам, но и привела к системной криминализации государства и экономики: «Реформирование в России было сведено к беспрецедентной в истории “залповой” передаче собственности и власти, что привело к становлению не массового среднего класса, а узкого круга крупных предпринимателей...» [Метелев, 2014. С. 70].

Второй тезис В.М. Полтеровича находит многочисленные подтверждения в анализируемых источниках. Так, в статье Е.М. Бухвальда отмечается, что государственная политика поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) была оторвана от современных реалий, игнорировала современные научные подходы: «Экономическая наука и практика управления уже утвердились во мнении, что ключевое значение для развития современного, тем более промышленно ориентированного МСП имеет кооперационное и иное взаимодействие крупного, среднего и малого бизнеса» [Бухвальд, 2016. С. 76].

В работе А.А. Зарнадзе критикуется современная экономическая наука за её ориентированность на краткосрочную прибыль и игнорирование системных рисков. Предлагается альтернатива — ноосферная идеология, основанная на трудах Вернадского и Моисеева [Зарнадзе, 2015].

При анализе идеологии бюджетирования, ориентированной на результат (БОР) Н.А. Истомина показала, что её внедрение осуществлялось без учёта системных рисков и научно обоснованных методов управления: «Проведение проверок степени достижения плановых результатов может быть сведено к формальным процедурам определения степени использования бюджетных средств...» [Истомина, 2014. С. 59].

Исключением является китайский опыт, который описали Д.Ш. Цырендоржиева и О.Б. Бальчиндоржиева в статье «Китаизация марксизма и модернизация Китая», показав, что в этой стране идеология марксизма была адаптирована к национальным условиям и модернизирована с учётом практики и научных данных. «Марксизм — это не мёртвая теория, и не теория, оторванная от жизни, это теория, имеющая источник в практике, развивающаяся в процессе практики» [Цырендоржиева, Бальчиндоржиева, 2013. С. 261].

Таким образом, анализ текстов научных статей за период 2013–2017 гг. показал: оба тезиса В.М. Полтеровича подтверждаются в разных сферах: экономической политики, государственного управления, ходе социальных реформ и реформ бюджетного процесса. Догматичные идеологии, идеологии, не адаптированные к изменяющимся

условиям, препятствуют проведению эффективных реформ, отстают от современных научных представлений. Однако китайский опыт демонстрирует, что идеология может выступать гарантом эффективных реформ, играя конструктивную роль, но только в том случае, если она гибка, открыта для взаимодействия с научным знанием и практикой и прагматична. Таким образом, ключевым фактором при реализации экономических реформ выступает не отказ от идеологии как таковой, а её способность к эволюции и интеграции с актуальными научными данными.

Нарастающий научный интерес к исследованию идеологического влияния на экономические реформы особенно чётко проявляется в 2018–2025 гг. На этот период приходится самое большое число наиболее цитируемых научных публикаций за весь горизонт исследований (1992–2025 гг.), составившее 21 научную статью (см. табл.1). В этот период также отмечается, что идеологическая ригидность серьёзно ограничивает реализацию необходимых преобразований. Например, в работе А.М. Аблажея о трансформации института науки автором показано, как господствующая неолиберальная идеология, доминировавшая в научной политике с 1980-х гг., обусловила деформацию традиционных отечественных механизмов функционирования науки. «Большинство реформ в области фундаментальной науки в России, начиная с 1992 г., планировалось и проводилось в русле неолиберализма» [Аблажей, 2019. С. 44].

Подобные выводы содержатся в статье О.А. Александровой, где критикуется идеологическая приверженность неолиберализму при проведении социально-экономических реформ в России. Такая политика привела к коммерциализации социальных услуг, сокращению государственного финансирования и снижению доступности образования и здравоохранения. Реформирование социальной сферы шло «по лекалам Всемирного банка, МВФ и ВТО..., продвигающих идеи сокращения участия государства...» [Александрова, 2022. С. 10].

В контексте институциональных преобразований большое влияние имеет идеология нового менеджизма, основанная на неолиберальных принципах, порождающая институциональные ловушки — бюрократизацию и ориентацию на показатели, искажающие цели реформирования и снижающие их эффективность: «Идеология нового менеджизма рассматривается как результат неолиберального дискурса, получившего широкое распространение в последние десятилетия... Подобные институциональные ловушки представляют собой устойчивые формы проявления эффекта блокировки» [Вольчик Корытцев, Маслюкова, 2018. С. 17].

Другим ярким примером негативного влияния идеологии выступает реформа местного самоуправления в России. Как отмечают авторы статьи «Актуальные проблемы муниципальной реформы в Российской Федерации», муниципальная реформа, начавшаяся с принятием Федерального закона №131-ФЗ, не имела чёткой долговременной программы и основывалась на произвольном заимствовании зарубежного (немецкого) опыта [Иванов, Бухвальд, 2022. С. 29]. Это обусловило постоянные корректировки закона и в целом привело к нестабильности системы. Таким образом, можно заключить, что неоспоримое следование идеологическим установкам чревато деформацией целей реформ, игнорированием особенностей локальных условий и, как следствие, ведёт к низкой эффективности или провалу задуманных преобразований.

Второй тезис Полтеровича также находит убедительное подтверждение в работах 2018–2025 гг. Во многих научных публикациях фиксируется разрыв между актуальными научными знаниями и идеологическими установками. Так, Р. И. Капелюшников показывает, что в современном дискурсе термин «неолиберализм» применяется как идеологический ярлык, а не как экономическая категория. «В современных социальных дисциплинах он служит “универсальной обличительной категорией”... Будучи чисто пейоративным, этот концепт, по сути, используется с единственной целью — дискредитировать

предполагаемого неолиберала как носителя социального зла, не вступая с ним в предметный спор» [Капелюшников, 2022. С. 10]. Это может свидетельствовать о том, что идеология в большей мере действует вне рамок научной дискуссии.

Рассматривая образовательную политику, Д.Г. Коровяковский отмечает, что государственная образовательная политика долгое время детерминировалась идеологическими директивами, а не педагогическими или научными принципами: «Правовую политику в сфере образования долгие годы предпочитали рассматривать как производную от общих политических и идеологических установок и доктрин, формируемых в партийно-государственных структурах» [Коровяковский, 2021. С. 81]. Такая реализация образовательных реформ осуществлялась без учёта актуальных научных разработок.

Рассматривая проблему управления госкорпорациями на примере «Роскосмоса», В.Г. Шелудько отмечает, что идеология управления в компании существенно отстаёт от международно-признанных принципов корпоративного управления: «Не работает модель корпоративного управления, нет чёткого определения прав и ответственности Совета директоров, акционеров и менеджеров предприятий... Формально данная модель опирается на действующее законодательство, однако на практике дело обстоит иначе» [Шелудько, 2018. С. 14–15]. Это указывает на разрыв между научно обоснованными практиками и идеологическими установками.

Реформы и идеология в Китае: прагматичный подход

Исследования китайского опыта проведения рыночных реформ показывают, что в определённых условиях идеология может не отставать от современных научных достижений, а наоборот, стимулировать интеграцию научного знания. Но это происходит при условии, что используется прагматичный подход к синтезу различных идеологических установок с учётом национальной специфики.

В целях получения научной ценности мы выделили отдельный пласт статей, посвящённых реформированию китайской экономики и влиянию на этот процесс идеологии. Из 50 наиболее цитируемых статей за период 1992–2025 гг. 7 статей посвящены Китаю (5 из них написаны в период с 2018–2025 гг.). На основе проведённого анализа можно заключить, что китайский опыт реформирования предлагает сложную и многогранную модель взаимодействия идеологии и реформ, которая во многом опровергает универсальность тезисов академика Полтеровича об исключительно отрицательной роли идеологий и их неизбежном отставании от научного знания. Вместо этого китайский случай показывает, что в условиях сильного централизованного государства идеология может выступать катализатором глубоких, научно обоснованных преобразований.

Ключевым механизмом этого процесса является прагматическая адаптация и инструментализация идеологии. Относительно тезиса об отрицательном влиянии идеологии на реформы отметим, что идеология в Китае служит каркасом масштабных изменений. Так, в статьях Е.И. Краниной, Д.Ш. Цырендоржиевой и О.Н. Борох, идеология в Китае («китаизированный марксизм», «построение экологической цивилизации») не является застывшим догматическим конструктом [Борох, 2023]. Идеология не только не отстаёт от науки, но и способствует её активному финансированию, внедрению и созданию спроса на её достижения. Напротив, эта идеология формулирует масштабные национальные цели (например, достижение углеродной нейтральности к 2060 г.), которые подкрепляются масштабными институциональными, правовыми, финансовыми и другими мерами. «Экологические инновации становятся инструментом для восстановления и сохранения природных ресурсов, повышения уровня экономического благосостояния народа и конкурентоспособности страны в мире» [Кранина, 2021. С. 53]. В таких рамках идеология создаёт запрос на научные исследования и технологические инновации. Как

подчёркивается в [Цырендоржиева, Бальчиндоржиева, 2013. С. 261], марксизм в Китае — это «не мёртвая теория, и не теория, оторванная от жизни, это теория, имеющая источник в практике, развивающаяся в процессе практики».

Более того, А.В. Ломанов и П.М. Мозиас полагают, что китайской модели свойственна постоянная модернизация идеологии под влиянием практических вызовов и данных науки [Мозиас, 2007; Ломанов, 2020]. Власти не игнорируют научные рекомендации (например, доклады Всемирного банка), а применяют их в официальном дискурсе, одновременно реформируя систему общественных наук для создания «науки с китайской спецификой». Таким образом, применение стратегии селективного заимствования [Ломанов, 2020] и подчинение научного знания идеологическим целям позволяет избежать конфликта между ними и направить научный потенциал на решение национальных задач.

В табл. 3 представлен сравнительный анализ влияния идеологий на ход реформ на основе статьи П.М. Мозиаса.

Таблица 3

Сравнительный анализ подходов к реформированию в России и в Китае

Критерии	Россия (по Полтеровичу)	Китай (по Мозиасу)
Роль идеологии	Отрицательная: догматическая идеология «шоковой терапии» привела к катастрофическим последствиям	Позитивная: гибкая и прагматичная идеология, адаптированная к практическим потребностям, способствовала успеху реформ
Адаптация идеологии	Идеология не адаптировалась к реалиям, что усугубило последствия реформ	Идеология эволюционировала, внедряя рыночные элементы и научные знания
Социальные последствия	Резкое падение уровня жизни, рост неравенства, преступности	Устойчивый рост, постепенное улучшение уровня жизни без резких социальных потрясений
Отношение к научному знанию	Идеология отставала от научных знаний, что мешало эффективному реформированию	Идеология постепенно сближалась с научными знаниями, что позволяло проводить более эффективные реформы

Источники: Мозиас П.М. Идеология экономических реформ в Китае: основные этапы эволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2007. №11. С. 62–68; Полтерович В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1. С. 55–65.

Таким образом, китайский опыт показывает, что идеология может играть направляющую, конструктивную роль, если она прагматична и гибка, ориентирована на достижение конкретных результатов. Идеология может обеспечивать политическую волю и легитимность масштабных преобразований, которые были бы невозможны при стихийности рынка или точечных мер. Это опровергает тезис о неизбежно негативном влиянии идеологий, показывая, что при определённых институциональных условиях идеология становится не тормозом, а катализатором научно обоснованных реформ.

Заключение

Анализ текстов научных статей показал, что тезисы В.М. Полтеровича в целом нашли своё подтверждение. То, что идеологически нагруженные экономические реформы в целом неэффективны, является важным примером опасности несистемной политики. По сути, идеология (будь то марксизм или неолиберализм) характеризуется ярко выраженным односторонним пониманием экономических процессов. Негативное влияние идеологии — это прежде всего существование сильного перекоса в сторону одних экономических аспектов и методов регулирования и игнорирование других, что нарушает системное видение сложных экономических процессов.

Второй тезис об отставании доминирующей идеологии «от взглядов, соответствующих научному знанию» приобретает особое значение при современном состоянии экономической теории, где она во многом выполняет своеобразную теологическую функцию в академической среде. Действительно, если рассматривать экономическую теорию как своеобразный симулякр, плохо отражающий реальность [Ореховский, Разумов, 2025] и позволяющий приходиться к диаметрально противоположным выводам, то всегда можно найти доказательство несоответствия любого идеологизированного подхода «достижениям современной науки». В этом контексте показателен опыт Китая при проведении рыночных реформ, когда прагматичный взгляд на идеологию и экономическую науку позволил избежать шоковой терапии [Weber, 2021] и не утратить управляемости как в политическом, так и в экономическом смыслах [Попов, 2025] при строительстве хоть и специфической, но достаточно эффективной социалистической рыночной экономики.

Китайский опыт реформирования, в котором прагматичная идеология играет конструктивную роль, является важным примером успешных реформ. Опыт Китая показывает, что прагматичная идеология может обеспечивать политическую стабильность, сохраняя преимущества как рыночной координации, так и стратегического планирования в экономике. Идеология влияет на мировоззрение экономистов, но при планировании и проведении реформ важно сохранять обратные связи, которые позволяют оперативно учитывать опыт и особенности социальной реальности: «Дух прагматизма требует, чтобы теории, особенно связанные с модернизацией, были укоренены в социальной реальности. Когда возникает расхождение между теорией и реальностью, нет сомнений, что теория должна соответствовать реальности, а не наоборот. Любая теория, которая оторвана от реальности, не может использоваться для руководства реальным процессом модернизации, поскольку это неизбежно приведёт к серьёзным ошибкам» [Wu, 2025. Р. 304]. Поэтому необходимо понимать, какие последствия могут быть связаны с реализацией принципов той или иной экономической идеологии и как можно прагматично использовать опыт успешного реформирования хозяйственных порядков.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Аблажей А.М. (2019). Трансформации института науки в современных условиях: анализ исследовательских подходов [Ablazhey A.M. (2019). Transformations of the Institute of Science in modern conditions: analysis of research approaches] // *Идеи и идеалы*. Т. 11. №2-1. С. 44–62. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-44-62.
- Александрова О.А. (2022). Социальное государство: куда шло вчера, и что делать завтра [Alexandrova O.A. (2022). Welfare State: where did it go yesterday, and what to do tomorrow] // *Народонаселение*. Т. 25. №2. С. 6–18. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.1.
- Баранов А.В. (2016). Кризис испанского «государства автономий» и радикализация сепаратистского движения в Каталонии: взаимовлияние [Baranov A.V. (2016). The crisis of the Spanish «autonomous state» and the radicalization of the separatist movement in Catalonia: mutual influence] // *Политическая экспертиза: Политэкс*. Т. 12. №1. С. 143–155.

- Бинефельд М., Четвернина Т., Лакунина Л. (2007). Российские реформы и положение женщин на рынке труда и в обществе [Binefeld M., Chetvernina T., Lakunina L. (2007). Russian reforms and the position of women in the labor market and in society] // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 5. №3. С. С. 387–404.
- Борох О.Н. (2023). Приоритеты экономического развития Китая в современной официальной идеологии [Borokh O.N. (2023). Priorities of China's economic development in the modern official ideology] // *AlterEconomics*. Т. 20. №1. С. 189–215. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.10.
- Бухвальд Е.М. (2016). Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии [Buchwald E.M. (2016). Strategy for the development of small and medium-sized enterprises in Russia until 2030: ambitions and realities] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 43. №1. С. 66–80. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.4.
- Вольчик В.В., Корытцев М.А., Маслюкова Е.В. (2018). Институциональные ловушки и новый менеджери́зм в сфере образования и науки [Volchik V.V., Koryttsev M.A., Maslyukova E.V. (2018). Institutional traps and new managerialism in education and science] // *Управленец*. Т. 9. №6. С. 17–29. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-6-2.
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Марьян П.А., Скрябин М.В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке [Volchik V.V., Maslyukova E.V., Marian P.A., Skryabin M.V. (2024). An empirical study of the ideological component in Russian economic science] // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Т. 16. №4. С. 42–59. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059.
- Голанд Ю. (2010). Сравнение реформ периода НЭП и постсоветской России [Goland Yu. (2010). Comparison of the reforms of the NEP period and post-Soviet Russia] // *Вопросы экономики*. №4. С. 82–99. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-4-82-99.
- Гринберг Р.С. (2016). Состояние и перспективы экономики современной России. Осмысливая роль государства в экономике [Grinberg R.S. (2016). The state and prospects of the economy of modern Russia. Understanding the role of the state in the economy] // *Кондратьевские волны*. №5. С. 109–130.
- Гринберг Р.С., Горшков М.К. (2012). Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) [Grinberg R.S., Gorshkov M.K. (2012). The twentieth anniversary of Russian reforms in the assessments of economists and sociologists (twenty theses on the main thing)] // *Мир перемен*. №1. С. 8–31.
- Домрин А.Н. (2003). Гражданское общество в России: историческая неизбежность или новый виток социальных экспериментов [Domrin A.N. (2003). Civil society in Russia: historical inevitability or a new round of social experiments] // *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. №5 (53). С. 33–38.
- Зарнадзе А.А. (2015). О единстве целостности и институциональности системы управления [Zarnadze A.A. (2015). On the unity, integrity and institutionality of the management system] // *Управленческие науки*. Т. 5. №2. С. 6–14.
- Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. (2022). Актуальные проблемы муниципальной реформы в Российской Федерации [Ivanov O.B., Buchwald E.M. (2022). Current problems of municipal reform in the Russian Federation] // *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. №1. С. 28–41.
- Истомина Н.А. (2014). Результатный подход в бюджетной сфере в контексте бюджетных рисков [Istomina N.A. (2014). A result-based approach in the budget sphere in the context of budget risks] // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. №42 (228). С. 56–67.
- Капелюшников Р. (2022). Приключения «неолиберализма» [Kapelyushnikov R. (2022). The Adventures of «Neoliberalism»] // *Логос*. Т. 32. №4. С. 1–49. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-4-1-49.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2022). Экономическая теория, идеология и экономический интерес [Kirdina-Chandler S.G. (2022). Economic theory, ideology, and economic interest] // *AlterEconomics*. Т. 19. №1. С. 71–92. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5.
- Коровяковский Д.Г. (2021). Институциональное развитие юридического образования и юридической науки [Korovyakovsky D.G. (2021). Institutional development of legal education and legal science] // *Право и управление*. №1. С. 80–85.
- Кранина Е.И. (2021). Китай на пути к достижению углеродной нейтральности [Kranina E.I. (2021). China on its way to achieving carbon neutrality] // *Финансовый журнал*. Т. 13. №5. С. 51–61. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-5-51-61.
- Ломанов А.В. (2020). Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразований [Lomanov A.V. (2020). Modern China: Internal and external challenges at a new stage of transformation] // *Вестник Российской академии наук*. Т. 90. №2. С. 103–112. DOI: 10.31857/S0869587320020073.
- Метелев С.Е. (2014). Трансформационные преобразования в России и криминальные явления на современном этапе развития общества [Meteliev S.E. (2014). Transformational transformations in Russia and criminal phenomena at the present stage of society development] // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. №1. С. 69–76.
- Мозиас П.М. (2007). Идеология экономических реформ в Китае: основные этапы эволюции [Mozias P.M. (2007). The ideology of economic reforms in China: the main stages of evolution] // *Мировая экономика и международные отношения*. №11. С. 62–68.

- Моисеев Н.Н. (1993). Сумерки России (Рассвет или закат? Россия на перепутье) [Moiseev N.N. (1993). Is Russia's twilight dawn or sunset? (Russia is at a crossroads)] // *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 7–16.
- Ореховский П. (2023). В чём виноваты экономисты [Orekhovsky P. (2023). What is the fault of economists?] // *Стимул*. URL: <https://stimul.online/reviews/v-chem-vinovaty-ekonomisty> (дата обращения: 01.09.2025).
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром [Orekhovsky P.A., Razumov V.I. (2025). Chalkboard Economics Theory: Between Reality and Simulacrum] // *AlterEconomics*. Т. 22 №1. С. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4.
- Павлов К.В. (2006). Национальные особенности экономического поведения [Pavlov K.V. (2006). National characteristics of economic behavior] // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Т. 2. №4(7). С. 36–42.
- Петухов В.В. (2008). Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян [Petukhov V.V. (2008). The dynamics of ideological and ideological attitudes of Russians] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №1. 48–61.
- Полтерович В. М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии [Polterovich V.M. (2017). Developing strategies for socio-economic development: science versus ideology] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 55–65.
- Полякова Т.М. (2006). Реализация принципов правового государства в современной России [Polyakova T.M. (2006). Implementation of the principles of the rule of law in modern Russia] // *Вестник Адыгейского государственного университета*. №1. С. 112–117.
- Попов В.В. (2025). Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет [Popov V.V. (2025). The Chinese model. Why China lagged behind the West, and now it is overtaking it]. — Ереван: Fortis Press.
- Скрипачева И.А. (2007). Культурная среда молодых городов [Skrpacheva I.A. (2007). The cultural environment of young cities] // *Фундаментальные исследования*. №11. С. 36–40.
- Тамбовцев В.Л. (2024). Экономическая идеология: варианты пониманий и применения понятия [Tambovtsev V.L. (2024). Economic ideology: Versions of the concept's acceptations and application] // *Вопросы экономики*. №10. С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-5-27.
- Цырендоржиева Д.Ш., Бальчиндоржиева О.Б. (2013). Китаизация марксизма и модернизация Китая [Tsyrendorzhieva D.Sh., Balchindorzhieva O.B. (2013). The Sinification of Marxism and the Modernization of China] // *Известия Томского политехнического университета*. Т. 323. №6. С. 261–265.
- Шелудько В.Г. (2018). О эффективности корпоративного управления в госкорпорации «Роскосмос» [Sheludko V.G. (2018). On the effectiveness of corporate governance in the Roscosmos State Corporation] // *Менеджмент социальных и экономических систем*. Т. 9. №1. С. 13–16.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология [Schumpeter J. (2012). Science and ideology.] // *Философия экономики. Антология* / Под. ред. Д. Хаусмана. — М.: Изд. Института Гайдара. С. 247–264.
- Chang H.-J., Lari T. (2024). Economics, Pluralism and Democracy: An Interview with Ha-Joon Chang // *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*. Vol. 17. No. 2. Pp. 201–238. DOI: 10.23941/ejpe.v17i2.92.
- Horn A. (2017). *Government Ideology, Economic Pressure, and Risk Privatization*. — Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Javdani M., Chang H.J. (2023). Who said or what said? Estimating ideological bias in views among economists // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 47. No. 2. Pp. 309–339. DOI: 10.1093/CJE/BEAC071.
- Drakopoulos S.A. (2025). Tony Lawson's Critique of Modern Economics and his Contribution to Heterodox Economics // *MPRA*. Paper No. 123406. MPRA. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/123406/1/MPRA_paper_123406.pdf (access date: 01.09.2025).
- Klein D.B. (2013). The ideological migration of the economics laureates: Introduction and overview // *Econ. Journal Watch*. Vol. 10. No. 3. Pp. 218–239.
- Kozlowski A.C., Gunten van T.S. (2023). Are economists overconfident? Ideology and uncertainty in expert opinion // *British Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 3. Pp. 476–500. DOI: 10.1111/1468-4446.13001; SUBPAGE:STRING:FULL.
- Mearman A., Berger, S., Guizzo D. (2023). What is Heterodox Economics? Insights from Interviews with Leading Thinkers // *Journal of Economic Issues*. Vol. 57. No. 4. Pp. 1119–1141. DOI: 10.1080/00213624.2023.2273130.
- Piketty T. (2020). *Capital and ideology*. — Harvard: Harvard University Press.
- Weber I.M. (2021). *How China escaped shock therapy: The market reform debate*. — NY: Routledge.
- Wu Z. (2025). *The Theory of Chinese Modernization*. Singapore. — Berlin: Springer Nature. DOI: 10.1007/978-981-97-8066-2.

Вольчик Вячеслав Витальевич

volchik@sfedu.ru

Vyacheslav Volchik

DSc in Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don

volchik@sfedu.ru

Кот Вера Витальевна

vkot@sfedu.ru

Vera Kot

PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don

vkot@sfedu.ru

REFORMS: THE FACTOR OF IDEOLOGY IN THE LIGHT OF RUSSIAN SCIENTIFIC PUBLICATIONS¹

Abstract. The article examines the influence of ideology on the processes of social and economic transformation based on a qualitative analysis of the most cited articles by Russian economists in the scientific electronic library eLibrary.RU for the period 1992-2025. In this article, we are based on the theses put forward by the famous Russian economist V.M. Polterovich spoke about the negative impact of ideologies on the development of reform strategies in “catching up countries”, and the thesis that following the dominant ideology leads away from the latest achievements of economic science: The analysis of scientific articles to confirm the theses was carried out in stages over the periods 1992–1997, 1998–2002, 2003–2007, 2008–2012, 2013–2017 and 2018–2025. The thesis about the systemic limitations of ideologically determined reforms leads to a one-sided understanding of economic processes and a violation of an integrated approach to regulation. Special attention is paid to the second thesis — the lag of ideology from modern scientific knowledge. Using the example of China, an alternative approach is shown, where pragmatic ideology played a key role in the successful implementation of market reforms without the use of shock therapy, while maintaining manageability. The Chinese experience shows that ideology can serve as a catalyst for transformation, ensuring political stability by combining market mechanisms and strategic planning. Thus, the article suggests rethinking the role of ideology in carrying out reforms as a flexible tool that, when used pragmatically, contributes to achieving sustainable economic and social results.

Keywords: *ideology, economic reforms, economic science, economic policy, Chinese experience of reform.*

JEL: A14, B41, C88.

¹ This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665. <https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/> “Ideological landscape of Russian economic science” at Southern Federal University

В.Л. Тамбовцев

*д.э.н., профессор, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)*

НУЖНА ЛИ НОВОМУ МИРОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ?

Аннотация. Очевидные изменения, произошедшие и происходящие в мировой экономике и международном экономическом порядке, породили у ряда отечественных и зарубежных исследователей убеждённость в такой величине и значимости происходящих сдвигов, что они требуют для своего изучения и понимания радикальных перемен и в экономической науке — от создания новых экономических теорий до перехода к её новой парадигме. Анализ обоснованности этих убеждений является основной задачей данной статьи. Для её решения рассматриваются положения современной теории науки о причинах изменений в теориях и смене парадигм, анализируются сложившиеся трактовки понятия мирового или международного экономического порядка, их неточности и неясности, формулируются предложения о более чётком понимании этих терминов. Их сопоставление с происходящими изменениями в мировой экономике логически подводит к выводу о явной преувеличенности утверждений о необходимости новых теорий и даже парадигм для понимания упомянутых изменений.

Ключевые слова: мировой экономический порядок, экономическая теория, смена парадигмы экономической науки.

JEL: B5, F02, F5

УДК: 339.5, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52

© В.Л. Тамбовцев, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Нужна ли новому мировому экономическому порядку новая экономическая теория? // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52.

FOR CITATION: Tambovtsev V. Does the new world economic order need a new economic theory? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52.

Введение: научные исследования и нужда в новых теориях

Быть в состоянии постоянного изменения — нормальная форма, или норма, существования любой «живой» науки. Что же в ней постоянно меняется и почему? На первый подвопрос можно ответить достаточно уверенно: чаще всего появляются новые факты, по мере их накопления начинают меняться связи фактов (выявляемые регулярности и закономерности), что может привести к изменениям в теориях, обобщающих закономерности. А высшим уровнем изменения можно считать жёсткие ядра исследовательских программ (если принимать логику развития науки И. Лакатоса) или парадигмы (согласно логике Т. Куна). Примерно такая логика следует из различных работ, посвящённых изучению изменений, происходящих преимущественно в естественных науках (см., например: [Kuhn, 1962; Lakatos, 1970; Koertge, 1973; Imre Lakatos and Theories..., 1989]).

В общественных науках новые факты не всегда выступают исходным пунктом изменений в науке, поскольку само их появление есть результат действий людей, которые не только следуют некоторым регулярностям, но могут, во-первых, совершать ошибки. А, во-вторых, могут опираться на критерии выбора, не свойственные большинству других людей, схожесть поведения которых была основой для утверждения о существовании обнаруженных закономерностей. Поэтому даже при отсутствии новых фактов здесь возможны изменения, базирующиеся на новой интерпретации известных фактов или логики их связи. Другие представления об изменениях в науке представлены в [Coccia, 2020].

Как принято считать, основной формой организации процессов получения и фиксации научного знания являются *теории*, представляющие собой систематизированные совокупности утверждений, отражающих выявленные факты и закономерности в определённой предметной области, позволяющие не только описывать, но также объяснять происходящее в ней, а также предсказывать те или иные изменения, которые могут произойти. С точки зрения практического применения научных знаний роль теорий, проверенных на совпадение с известными фактами, особенно велика в социальной сфере, где затруднены эксперименты и преобладают наблюдения и интерпретации [Parsons, 1938].

Разумеется, в силу множественных различий в объектах и предметах тех или иных наук частота возникновения поводов для изменений их составляющих могут разительно отличаться. Используя терминологию Т. Куна, можно сказать, что периоды существования нормальных наук могут иметь длительность, отличающуюся на порядки, однако появление новых теорий как обобщающих совокупностей научных знаний о тех или иных фрагментах мира, в котором мы живём, является типичным элементом научной динамики, особенно в изучении общества и его подсистем. Более того, в этой области нередко также утверждения о *необходимости* изменения теорий и даже парадигм науки. Так, о посткейнсианской теории как о новой парадигме экономической теории говорилось в [Eichner, Kregel, 1975], в [Wagner, 1995] на ту же позицию выдвигался коммунитаризм, а в [Мезоэкономика..., 2020] — мезоэкономика. В [Колпаков, 2008] утверждалось, что экономическая теория занята поиском новой парадигмы, согласие с чем было выражено в [Laybourn-Langton, Jacobs, 2018; Николаева, 2019], причём в [Jacobs, 2015] подчёркивалось, что новая парадигма — это нужда (need) экономической теории (ранее это было отмечено в [Hoffman, 2012]). В [Horodecka, Vozna, 2017] предлагалось основывать новую парадигму экономической политики на синтезе ортодоксальной и гетеродоксальной экономических теорий и т.д.

Мировая экономика как совокупность взаимодействующих в большей или меньшей степени национальных экономик различных стран стала объектом изучения практически со времён появления первых экономических теорий, а происходящие в ней изменения всегда привлекали внимание большого числа учёных, работа которых как уточняла одни концепции, так и приводила к появлению других. Как объект научного исследования мировая экономика обладает широким разнообразием составляющих её подсистем, одной из которых является международный (также межстрановой или мировой) экономический порядок (далее для краткости МЭП). Обычно он рассматривается как составная часть международного (также мирового или глобального) порядка, являющих многообразные формы и способы взаимодействия государств, негосударственных организаций, групп и отдельных индивидов, живущих и действующих на Земле. Важность МЭП для функционирования мировой экономики очевидна, поскольку именно с ним связана мировая торговля и функционирование мировых рынков, которые выступают как факторы, ощутимо влияющие на работу национальных экономик, а стало быть — на благосостояние всех жителей всех стран нашей планеты.

В задачи этой статьи не входит какое-либо исследование настоящего, прошлого или будущего мировой экономики или МЭП. Они гораздо уже и заключаются в том, чтобы, во-первых, проанализировать, как в экономической науке изучается МЭП, и во-вторых,

выявить, насколько обоснованы встречающиеся в литературе утверждения о необходимости перехода к новой экономической теории или новой парадигме экономической теории в связи с происходящим переходом мировой экономики к новому МЭП. Анализ этих утверждений посвящён следующий раздел статьи, исходя из результатов которого и ряда положений экономической науки далее будут сформулированы некоторые уточнения концепции МЭП, которые позволят в заключительном разделе обосновать вывод о факультативности поисков новых теорий для исследований изменений в мировом экономическом порядке.

Мировой экономический порядок: нынешняя характеристика понятия

Мировые порядки, как политический, так и экономический, весьма динамичны [Гринин, 2016], причём первый может измениться (и меняется) с большей скоростью, чем второй. Соответственно, изучение динамики мировых порядков, включающее вопросы разработки новых теорий или парадигм, ведётся как в политической, так и в экономической науке. В рамках первой из них можно указать такие исследования, как, например, [Wade, 2011; Belmonte, Cerny, 2021; Миронюк, 2024]. Что касается экономической науки, то в ней о необходимости перехода к новым теоретическим концепциям говорится, среди других, в [Calkins, Vézina, 1996; Jorgenson, Vu, 2013; Гринберг, 2016; Бодрунов, 2019; Snower, 2019; Анимица, Рахмеева, 2020; Глазьев, 2022]. Одна часть таких суждений и призывов обосновывается «методологической несостоятельностью» экономического мейнстрима, его ориентацией на количественные модельные исследования, в то время как другая — изменениями самих экономических процессов и явлений, на которые, с точки зрения их авторов, мейнстрим или не реагирует, или реагирует неадекватно.

Именно в рамках этой части установок на смену экономической парадигмы в качестве её оснований называется произошедшее или происходящее изменение мирового экономического порядка: «...современный этап развития мирового хозяйства является переходным периодом не в силу тех эффектов и процессов, которые происходят под влиянием определённых событий, а по причине перестройки всей мировой экономической и геополитической архитектуры. Всё вышеперечисленное, в свою очередь, требует адекватного ответа и со стороны экономических школ в виде необходимости развития теоретических подходов к вопросу транзитивного характера современного этапа развития мирового хозяйства и перехода на иной этап» [Коновалова, 2023. С. 7]. Схожие аргументы приводятся, например, С.А. Толкачевым: «Кризис существующей экономической теории мейнстрима длится уже более 50 лет, но самые последние мирохозяйственные сдвиги добавляют ему дополнительные качественные черты, характеризующие не только полное отсутствие практико-прогностической функции, но и неадекватность его когнитивного арсенала новым реалиям» [Толкачев, 2025. С. 22].

Рассмотрим подробнее, как экономисты характеризуют МЭП и его изменения, требующие, по мнению некоторых из них, соответствующих изменений в существующих экономических теориях и/или парадигмах¹. Вероятно, одной из первых для послевоенного времени работ в этой области, специально посвящённой основаниям концепции экономического порядка, была статья [Spengler, 1948], где возникновение упорядоченности человеческих действий рассматривалась как фундаментальная проблема их координации при отсутствии центрального источника предписаний, в связи с чем обсуждалась концепция

¹ Вопрос о том, корректно ли говорить о парадигме (тем более парадигмах) в экономической науке, относится к дискуссионным, и его обсуждение к содержанию данной статьи не относится.

спонтанного порядка Ф. Хайека² и идеи А. Смита о «невидимой руке». Схожий подход был отражён и в статье [Saxonhouse, Saxonhouse, 1988], в которой авторы возводили происхождение концепции к работам Аристотеля и Фомы Аквинского, где экономический порядок характеризовался с этической точки зрения, рассматривая экономическое поведение, как обеспечивающее «хорошую жизнь». Развитие такого понимания они видели в идеях А. Смита, который, признавая важность моральных суждений, связывал экономический порядок также и с действиями «невидимой руки рынка» и последствиями конкуренции, приводившей к тому, что, преследуя собственный интерес, производитель (продавец) удовлетворял и интересы других людей, внося свой вклад в их «хорошую жизнь». Тем самым понятие экономического порядка оказывалось «погружённым» в концептуальные основы современных экономических теорий. Легко видеть, что обнаружение таких исторических связей экономического порядка с идеями классиков философии и экономической науки не оставляло места для увязывания изменений в этом порядке с отказом от преобладающих экономических концепций. Это не могло привлечь к положениям этого исследования тех, кто имел противоположную точку зрения, что и объясняет невысокий уровень цитирования данной статьи.

Что касается сложившейся во второй половине XX в. практики использования понятия МЭП как производного от более широкого понятия экономического порядка, то Гарри Джонсоном для выражения «новый международный экономический порядок» (new international economic order) было выявлено три различных значения: во-первых, как нечто принципиально противостоящее существующей системе международных экономических отношений, нуждающейся в корректировке или изменениях; во-вторых, как позиция иная, нежели позиция политики, проводившейся и проводимой ведущими западными странами по отношению к другим странам; в-третьих, как совокупность изменений в политике, которые соответствовали бы тем положениям, которые были приняты Генеральной ассамблеей ООН в 1974 г.³ [Johnson, 1976]. Как видно, все эти значения не дают чёткого определения того, что именно представляет собой (новый) МЭП, они скорее характеризуют его соотношение с существующим МЭП, определение которого также остаётся неясным.

Для понятия МЭП эта ситуация не уникальна: например, в масштабной⁴ монографии «Глобальная политическая экономия: Понимая международный экономический порядок» [Gilpin, 2001] определение международного (мирового, глобального) экономического порядка *отсутствует*; ни одного из этих выражений нет и в предметном индексе. В самой же книге достаточно детально описывается, каковы экономические отношения между странами, как устроены торговая и финансовая системы, как осуществляется процесс глобализации и т.п., хотя выражение «Новый глобальный экономический порядок» (The New Global Economic Order) присутствует только в *заголовке* первой главы, но не в её тексте.

Думается, что такое отношение к понятию, центральному для книги, т.е. выступающему как её задача («Понимая международный экономический порядок»), можно объяснить только убеждённостью автора о полной и повсеместной ясности и однозначности того, что оно означает. Однако, как мы видим из приведённых выше данных, это убеждение не сильно соответствует действительности.

² Сравнительно недавно была предложена формализация идеи спонтанного порядка на базе модели рыночного равновесия Эрроу-Дебре [Tao, 2016], т.е. фактически включение её в ортодоксальную неоклассическую экономическую теорию.

³ Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Резолюция ООН № 3201 (S-VI) от 1 мая 1974 г. <https://digitallibrary.un.org/record/218450?v=pdf> [Declaration on the Establishment of a New International Economic Order. A/RES/3201(S-VI). Adopted at the 2229th plenary meeting, 1 May 1974. A_RES_3201(S-VI)-EN.pdf]

⁴ Её объем — 436 стр.

Безусловно, можно согласиться с тем, что некоторое общее «фоновое» представление о значении словосочетания МЭП существует: это некоторая характеристика экономических взаимодействий внутри мировой экономики. Однако такое понимание чрезмерно широко: неясно, кто выступает субъектами взаимодействий, равно как и то, какие взаимодействия определяют экономический порядок. Дело в том, что прилагательное «экономические» в данном контексте неоднозначно, поскольку *экономический аспект* есть у любых взаимодействий: даже у дружеских отношений есть и издержки (хотя бы времени), и выгоды (хотя бы эмоциональные), и эти характеристики можно выделить для всех типов и видов межличностных или межорганизационных взаимодействий. Между тем, для того чтобы анализировать и сравнивать, а тем более сознательно изменять МЭП, нужно чётко знать состав и иные характеристики того, что обозначают эти слова.

Казалось бы, для такого варианта понимания МЭП, как новый международный экономический порядок, определённый резолюцией Генеральной ассамблеи ООН в 1974 г. (далее НМЭП), дефинитивная неясность отсутствует в силу существования этой резолюции. Однако обсуждение содержания данного документа и следствий из него занимало и занимает значительное место в политико-экономическом анализе [Laszlo, Baker, Eisenberg, Raman, 1978; Bair, 2009; Golub, 2013; Gilman, 2015; Venzke, 2018; Kadir, 2021; Haug, Braveboy-Wagner, Maihold, 2021]. Очевидно, его появление было следствием процесса деколонизации, начавшегося после Второй мировой войны и приведшего к проблемам в экономических взаимодействиях новых независимых государств и их бывших метрополий. Для преодоления трудностей, с которыми столкнулись экономики стран, обретших независимость, была принята установка на оказание им разнообразной помощи — как финансовой, силами созданных организаций типа Мирового банка, так и информационной, путём поддержки в разработке реформ организационно-правового характера, направляемой на достижение развивающимися экономиками состояний, близких к состояниям экономик бывших метрополий и других стран-доноров. Участие в числе последних СССР привело к тому, что в развивающихся странах предпринимались усилия не только по построению в них нормальных капиталистических, но централизованно планируемых социалистических экономик. При этом мировая экономика в целом, включающая национальные экономики самых разных устройств, была рыночной экономикой, участники которой взаимодействовали через совокупность мировых рынков, используя, как и в любой экономике, наряду с куплей-продажей, также и разнообразные нерыночные взаимодействия [Hall, Soskice, 2001; Stiglitz, 2017].

За десятилетия, прошедшие со времени возникновения НМЭП, в мировой экономике происходили многие процессы, приведшие в возникновению в ней новой ситуации, в которой, с одной стороны, исчез СССР как государство, стремившееся к формированию командных экономик в ряде стран мира, а с другой — продемонстрировала свою низкую действенность система финансовой и информационной помощи развивающимся государствам. В то же время как саморазвитие экономики такой страны, как КНР, сделало её второй экономикой мира⁵. Однако упомянутые изменения — это изменения в *мировой экономике*⁶. Изменился ли МЭП? Легко видеть, что ответить на этот вопрос (неважно, положительно или отрицательно) без чёткого определения того, что такое МЭП, весьма затруднительно.

Что пишут о понятии международного, в том числе экономического, порядка современные авторы? В политической науке, прежде всего в исследованиях международных

⁵ Не стоит забывать, что очевидный вклад в развитие экономики КНР внёс действовавший МЭП, часто именуемый либеральным международным порядком [Ikenberry, 2018], поскольку в рамках этого порядка ведущие страны не ставили препятствий на путях международной торговли.

⁶ Разумеется, в мировой экономике за период 1974 — н/в произошло ещё множество других изменений, так что приведённые данные фактически отражают моё личное представление (ментальную модель) МЭП. Словесное описание этой ментальной модели будет дано в следующем разделе статьи.

отношений, достаточно широкое распространение получила позиция, согласно которой международный порядок — это «паттерн деятельности, устанавливающий основные или предпочтительные (*elementary or primary*) цели сообщества государств (*the society of states*), или международного сообщества (*international society*)» [*Bull*, 1995. Р. 8]. Это понимание не может не вызвать некоторых замечаний.

Согласно позиции Х. Булла, международное сообщество является *анархическим*, поскольку его участники (государства) суверенны в своих решениях и действиях, т.е. независимы от других членов сообщества. Такая независимость, однако, (по крайней мере для разумных правителей государств), начиная с того периода, когда появлявшиеся тысячелетия назад государства вступали в регулярные взаимодействия, определённым образом ограничена: суверенные правители учитывали и учитывают внешние эффекты (последствия для других правителей и их государств) принимаемых ими решений. Важно отметить, что такой учёт — не итог внешнего принуждения, а логический вывод самого индивида, сделанный после того, как неучёт возможных последствий имел следствием для него негативные результаты. Разумеется, ограниченная рациональность индивидов может приводить к тому, что не все осознают полезность предварительного учёта не прямых последствий, но в целом общий естественный (эволюционный) отбор обеспечивает сообществам тенденцию к расширению практик учёта внешних последствий при принятии решений.

Характеристика международного порядка как паттерна также вызывает большие сомнения. Ведь у этого термина, широко применяемого в социальных науках, очень неопределённое значение. Он призван «соединять» неосознаваемые, самостоятельно сформированные мозгом регулярности с сознательно принятыми договоренностями о правилах взаимодействия. Кроме того, включение таких расплывчатых паттернов в содержание международного порядка оставляет открытым вопрос об его (порядка) существовании в условиях, когда общий паттерн или отсутствует вообще, или появляется у (правителей) некоторой части государств. Имеет ли место в этих условиях международный порядок? Для внешнего наблюдателя, например «зелёного человечка с космической тарелки», мировой порядок, безусловно, существует, поскольку наблюдаются расположения поселений, а также их различные свойства, позволяющие сравнивать и упорядочивать эти объекты. Однако для правителей, например, городов-государств ольмеков в Центральной Америке, существовавших в 1 тысячелетии до н.э., и аналогичных организаций Древней Греции того же периода, *мировой*, т.е. охватывающий всю Землю, порядок не существовал, поскольку ни один из этих народов не знал о существовании другого. Такое несоответствие — прямое следствие трактовки международного порядка как паттерна, а не чего-то иного.

Тем не менее данное понимание, как отмечалось, распространено весьма широко: достаточно упомянуть, что в [*Ikenberry*, 2016] международный порядок, в соответствии с подходом так называемого исторического институционализма [*Hall, Taylor*, 1996] предложено считать политическим институтом; концепция анархии международного сообщества является базовой в [*Kocs*, 2019], а в [*Adler*, 2019] возникновение различных социальных порядков, или «упорядочение мира» (*World Ordering*) предлагается считать результатом коллективного научения, протекающего в условиях «эпистемологической безопасности» (*epistemological security*). Классификация международных порядков по происхождению предложена в [*Lascurettes, Poznansky*, 2021].

Нельзя не отметить, что в литературе представлена также и разнообразная критика очерченного вкратце подхода. Весомое место занимает в ней модное в последнее время «анти-колониальное» направление, сторонники которого считают, что нынешняя мировая наука «заставляет» ориентироваться на достижения западных исследователей и не учитывает в должной мере подходы, опирающиеся на другие культуры и традиции (см., например: [*Karataşlı*, 2023; *Benabdallah*, 2024; *Mitzen*, 2024; *Brown*, 2024] и др.). Например,

в [Flockhart, 2024] выдвигается подход к изучению мирового порядка, в котором проблемы последнего предлагается анализировать в иной терминологии, чем преобладающий язык силы и интересов, в рамках которого государства считаются целостностями, а не организациями, состоящими из отдельных индивидов. Такой альтернативный подход, по мнению автора, должен уделять больше внимания ценностям и различиям представлений о том, что представляет собой «хорошая жизнь» (good life), на обеспечение которой должны быть нацелены действия государств. Как представляется, подобная критика малопродуктивна: недостаточно предложить, на что обращать внимание, нужно ещё и обосновать это эмпирически, а также показать, какое новое научное знание получается при изменённом подходе, — то новое знание, которое, во-первых, подтверждено эмпирически, а во-вторых, не могло быть получено в рамках критикуемого подхода. Без такого расширения «анти-колониальные» предложения оказываются публицистическими, а не научными.

Как на фоне очерченного понимания международного порядка «вообще» трактуется его составная часть — МЭП? В литературе преобладают неявные определения этого порядка, отмечающие те или иные его свойства. Так, в [Saxonhouse G., Saxonhouse A., 1988. P. 344] отмечается такая характеристика порядка, как его противостояние хаосу: «Порядок предполагает ограничения. Хаос — это отсутствие лимитов или границ». А в книге [Siebert, 2002. P. XIII] выделяется его способность ограничивать некооперативное поведение: «Для того, чтобы обеспечивалось международное разделение труда, мировой экономике нужен институциональный порядок, способный сдерживать стратегическое (т.е. некооперативное) поведение». В более поздней работе Х. Зиберт расширил и уточнил это понимание, характеризуя МЭП как «институциональное соглашение (institutional arrangement) в виде международных правил. Такие правила возникают как результат негативного опыта — исторических катастроф, которые приносили людям тяжёлые бедствия... Глобальные правила относятся к институциональным соглашениям между государствами... система правил не только характеризует международные взаимодействия и взаимозависимости реальных экономик, но также и монетарные международные отношения. Используя слово “порядок”, ... мы можем говорить о мировом экономическом порядке (world economic order)» [Siebert, 2008. P. 3]. Схожее понимание ранее было выдвинуто в [Градов, Иванова, Гутман, 2003. С. 27]: «...экономический порядок — это система экономических и иных общественных институтов, регулирующих (регламентирующих) хозяйственную деятельность». В работах [Dinga, 2020; Dinga, 2021] понятие экономического порядка трактуется как обязательные рамки (mandatory framework), внутри которых может осуществляться экономическая деятельность, при этом обязательность выступает следствием осознанного создания соответствующих рамок. Схожая позиция представлена в [Dimitrijević, 2023], где автор считает, что формирующиеся в последние годы новые нормы МЭП сознательно создаются усилиями государств — членов БРИКС. Этот подход ясно выражен в предложениях по проектированию (дизайну) международного экономического порядка, формулируемых в [Bowen, Broz, 2020].

Наконец, нельзя не отметить, что недавно опубликованная коллективная монография, посвящённая новому глобальному экономическому порядку [Ing, Rodrik, 2025a], демонстрирует широкое и неоднозначное понимание объекта изучения. Текст введения к ней, написанный научными редакторами книги, явно свидетельствует о том, что обсуждаемый порядок — это соотношение экономик различных стран по объёму их производства и экономической силе: «Слабеющее доминирование Соединённых Штатов и их союзников сигнализирует о потенциальной перестройке среди мировых держав, поскольку экономическое господство Китая продолжает изменять баланс влияния. Этот переход отражает широкий геополитический и экономический сдвиг, углубляемый выраженными слабостями, с которыми сталкиваются основные двигатели глобального роста, включая Соединённые Штаты, западные экономики и сам Китай... В то же время, возникновение

стран средней силы, таких как Австралия, Бразилия, Индия, Мексика, Республика Корея, Южная Африка, юго-восточные азиатские страны (особенно Индонезия) и Турция, оказывают всё большее влияние на траекторию глобального экономического порядка» [Ing, Rodrik, 2025b. Р. 3]. Между тем в следующей главе книги также не даётся явного определения понятия международного (или глобального) экономического порядка, однако из приводимых положений ясно следует его понимание не как упорядоченной последовательности стран по их экономической мощи, а как совокупности правил, определяющих взаимодействие стран в мировой экономике. Например, говоря о происходящих в последние годы изменениях в мировой экономике, автор пишет: «Когда правила слишком ограничивают, они в конце концов отбрасываются. Когда неприемлемые правила держатся слишком долго, демократия может сделаться слишком хрупкой, и международная кооперация станет дискредитированной. В мире, который нуждается в глобальной кооперации более, чем когда-либо, опасно, что либеральный интернационализм начинает всё больше идентифицироваться с конкретной экономической политикой, как это было в 1930-е годы. Это критически важно для разграничения правил, которые существенны, и правил, которые не существенны, а также тех, которые потенциально опасны, и понимания того, что демократические правительства, для того чтобы справляться с меняющимися обстоятельствами, должны опираться на гибкую политику» [O'Rourke, 2025. Р. 22].

В завершении раздела нельзя не отметить, что изменения, происходящие в мировой экономике за последние полвека, не могли не породить новые понятия, характеризующие её устройство и взаимодействие национальных экономик: в литературе стало весьма широко использоваться понятие «геоэкономического порядка» (geoeconomic order) (см., например: [Babic, Dixon, Liu, 2022; Mallin et al., 2025]), которое, «отражая изменяющееся понимание баланса между экономикой и безопасностью, ... характеризуется бóльшим вниманием к относительным экономическим выгодам с точки зрения их использования в сфере безопасности и ростом обеспокоенности относительно рисков, порождаемых взаимозависимостью и связанностью (connectivity)» [Roberts, Moraes, Ferguson, 2019. Р. 656]. Иными словами, этот порядок нацелен на «безопасность экономической политики и экономность политики стратегической безопасности» (securitisation of economic policy and economisation of strategic policy) [Ibid. Р. 655]. При этом, правда, понятие «просто» (международного) экономического порядка какого-либо определения или описания свойств в этой статье не получило.

Понятие мирового экономического порядка: возможные варианты определения

Трудно не согласиться с тем, что «когда порядок рассматривается как оспариваемое понятие (contested proposition), а не объективное работающее устройство (mechanical arrangement), научный подход быстро заходит в тупик» [Hurd, 2024. Р. 1]. Поскольку «сверхзадача» этой статьи — именно *научный* подход к анализу экономических процессов и структур, то необходимость использования понятия МЭП, которое можно трактовать как «работающее устройство», а не объект споров, представляется значительной.

В разговорном (литературном) языке понятие порядка имеет два «измерения» — дескриптивное и нормативное. В рамках первого говорят, что в некоторой совокупности объектов по тому или иному их свойству имеет место порядок, если эти объекты можно охарактеризовать пространственной, временной или фазовой упорядоченностью, оцениваемой в порядковой или количественной шкале, например, по убыванию или возрастанию значений этого свойства. В рамках второго соответствующее расположение объектов сопоставляется с некоторой идеальной или желаемой упорядоченностью: если они совпадают, совокупность находится в состоянии порядка, если нет — говорят, что порядок отсутствует, хотя он может иметь место, но по другому признаку или для другой

последовательности объектов. Эти характеристики вполне различимы, и из контекста, в том числе невербального, в рамках общения понятно, о каком порядке идёт речь — том, который можно обнаружить, или том, который соответствует некоторому должному или идеальному положению дел.

В научных исследованиях дескриптивный и нормативный подходы также возможны, однако рассмотренные выше понимания МЭП являются исключительно дескриптивными, хотя и одинаково обозначающими отнюдь не одинаковые объекты. Чтение и просмотр упомянутых выше работ, посвящённых тематике и проблемам МЭП, дают основание утверждать, что в большинстве из них одним и тем же термином исследователи называют два совсем разных объекта, не всегда их разграничивая в публикуемых текстах. Первый из таких объектов — это *условия*, в которых формируются (спонтанно складываются или сознательно создаются) различные соотношения национальных экономик, а второй — это то конкретное соотношение различных свойств экономик, которое возникло к определённом моменту времени. МЭП, состоящий из многообразных факторов взаимодействия экономик как частей мировой экономики, можно назвать *генерирующим* или *порождающим* МЭП (для краткости, МЭП-1), а существующие в разные моменты или периоды времени соотношения экономик по их силе или экономической власти — *сложившимся* МЭП (или МЭП-2).

Важность их разграничения обусловлена тем, что некоторые варианты МЭП-1 способны порождать различные версии МЭП-2, в то время как другие виды МЭП-1 могут быть специально сформированы так, чтобы обеспечить возможность возникновения и сколь угодно долгого существования вполне определённых вариантов МЭП-2. Иначе говоря, связи МЭП-1 и МЭП-2 существуют, но по содержанию они достаточно разнообразны и неоднозначны, равно как и виды экономических порядков, составляющие возможные множества значений соответствующих понятий. Поэтому то, что верно для МЭП-1, скорее всего неверно для МЭП-2, и наоборот, откуда следует, что работы, посвящаемые «просто» МЭП и не учитывающие указанных двух смыслов этого термина, с большой вероятностью будут становиться объектами критики за их противоречивость и неясность.

Рассмотрим в этой связи содержание предложенных типов МЭП подробнее. Поскольку обе версии являются различными характеристиками одного объекта — мировой экономики, сначала полезно сформулировать её понимание как той основы, одной из черт которой выступает тот или иной тип порядка. Для этого вполне подходит трактовка мировой экономики как совокупности национальных экономик, элементы которых — фирмы и государственные регулирующие ведомства — взаимодействуют в формах обмена (купли-продажи продукции), сотрудничества (совместного взаимовыгодного решения тех или иных задач) и/или конкуренции.

Нельзя не подчеркнуть, что характеристика фирм и регуляторов как *субъектов* взаимодействий является фактически метафорой и использована здесь для краткости, заменяя более длинное, но и более правильное выражение типа «руководители и работники фирм и государственных регулирующих организаций». Ведь принимать решения и действовать могут только индивиды, а не организации, тем более — совокупности организаций, такие как национальные экономики.

С учётом этого замечания можно сказать, что взаимодействия фирм и регуляторов внутри национальных экономик осуществляются внутри соответствующих институциональных сред, включающих как формальные, так и неформальные институты, а взаимодействия организаций, входящих в разные национальные экономики — так называемыми нормами международного экономического права (НМЭП), представляющими собой договорённости двух или большего числа руководителей различных государств относительно того, как могут взаимодействовать между собой организации экономик этих стран. Инфорсмент таких договорённостей в большинстве случаев осуществляется

их государствами-участниками, и только в отдельных случаях предполагается создание специализированных органов контроля. Если руководители какого-то государства не являются участниками той или иной договорённости, фирмы и регуляторы этой страны не обязаны руководствоваться соответствующей нормой, равно как и фирмы стран, руководители государств которых подписали договорённости, также не обязаны придерживаться нормы в отношениях с фирмами страны, не присоединившейся к договорённости. Таким образом, в рамках мировой экономики возможны взаимодействия фирм в соответствии как с упомянутыми нормами международного права, так и вне них, если относительно соответствующего типа взаимодействий нет договорённости руководителей государств, внутри которых функционируют взаимодействующие фирмы.

Тем самым в каждый момент времени МЭП-1 представляет собой ту или иную совокупность НМЭП (многосторонних договорённостей), двусторонних договорённостей руководителей различных пар государств, множества частных договоров фирм относительно их взаимодействий в областях, которые не регулируются упомянутыми нормами и договорами, а также неформальными правилами делового оборота. Многосторонние договора, регулирующие взаимодействие экономических организаций, — сравнительно недавнее явление, до него межгосударственные операции фирм регулировались в лучшем случае парными межгосударственными договорами, а в их отсутствии — частными договорённостями фирм, поддерживаемыми как национальными правовыми системами, так и нормами, действующими внутри различных торговых ассоциаций [Milgrom, North, Weingast, 1990]. Понятно, что эти договора определяли преимущественно условия конкретных актов купли-продажи и/или сотрудничества, лишь в некоторых случаях определяя границы конкуренции в виде договоров о территориальном разграничении рынков и государственных декретов о монополизации производства и продажи той или иной продукции. Конкуренция как форма взаимодействия фирм до середины прошлого века в большинстве национальных экономик протекала без правового регулирования. Нельзя также не отметить, что в силу разнообразия внутригосударственных экономических политик НМЭП могут ощутимо расходиться с требованиями регуляторов, предъявляемыми к фирмам, действующим внутри национальных экономик. Институциональные среды последних, оказывая во многом определяющее воздействие на уровни их развития, нет смысла включать в МЭП-1, хотя они более чем значимы для формирования и изменения МЭП-2.

Как всякие институты, составные части МЭП-1 могут возникнуть одним из трёх способов: 1) стать следствием внешнего принуждения; 2) быть созданными по договорённости будущих гарантов и исполнителей; 3) сформироваться спонтанно [Opp, 1982; Тамбовцев, 2010]. Первый из указанных способов, казалось бы, в сфере международных отношений при отсутствии единого всепланетного правительства нереален. Однако не следует забывать о многообразии возможных угроз и возможности негативных последствий в случае не следования рекомендациям. Это и способно обеспечить не вполне добровольное участие правителей государств в тех или иных НМЭП. Второй способ является преобладающим, а третий характерен для неформальных институтов, входящих в совокупность. Соответственно, изменения МЭП-1 также могут происходить (и происходят) любым из этих способов, а вопрос о том, какими могут быть эти изменения, обсуждается в рамках различных теорий институциональных изменений, которых на сегодня в совокупности социальных наук разработано достаточно много (см., например: [Kingston, Caballero, 2009]). Согласно наиболее продвинутой экономической теории институциональных изменений Д. Норта [North, 1990], стимулы к ним возникают при изменении знаний об экономике, включая изменение цен. И те субъекты, которые выявляют препятствия для получения выгоды от этих знаний в тех или иных институтах, могут начать предпринимать определённые усилия для их изменений. Для того чтобы эти усилия оказались успешными, их

субъект должен обладать определённой экономической силой (или властью), достаточной для того, чтобы привлечь столько правителей других государств, чтобы заработали первый или второй способ создания новых институтов. Очевидно, возможности изменения (или, напротив, сохранения) наиболее велики для правителя, экономика чьей страны обладает наибольшей силой, будучи, как принято говорить при обсуждении этих вопросов, гегемоном в МЭП-2.

В конце прошлого века, согласно [Krauthammer, 1990], этим свойством обладала экономика США. Но уже спустя два десятилетия исследователи заговорили о новом претенденте на данную роль — экономике КНР, видя в её быстром росте угрозу так называемому либеральному МЭП [Ikenberry, 2008].

Особенность такого порядка типа МЭП-1, или либерального МЭП-1, заключается в том, что он ориентирован на обеспечение свободы обменов экономическими ресурсами и продукцией, не предопределяя те или иные места различных стран в рейтинге их силы или экономической власти. В его рамках *взаимодействие фирм* — их конкуренция или кооперация — является двигателем процесса формирования и изменения МЭП-2. Результаты этого взаимодействия определяются: а) свойствами фирм, такими как её технологии, требуемые ресурсы, производимая продукция и т.п.; б) компетенцией их менеджмента; в) свойствами фирм-конкурентов; г) национальной институциональной средой, фиксирующей условия, в которых фирмы достигают и изменяют свои свойства. Отсюда следует, что та позиция, которую занимает национальная экономика в иерархии МЭП-2, зависит преимущественно от её институциональной среды, устанавливаемой соответствующим национальным государством, а не от устройства МЭП-1, принятого руководителями национальных государств. Поэтому недовольство либеральным МЭП-1 могут высказывать (и высказывают) руководители и иные граждане тех стран, где внутренние институциональные среды сдерживают развитие национальных экономик, т.е. совокупностей фирм, руководители которых не смогли сформировать у них свойств, позволяющих им побеждать в конкурентном взаимодействии с фирмами из других экономик на мировых рынках.

Легко видеть, что высказываемое в ряде так называемых развивающихся стран недовольство либеральным МЭП-1 выполняет чисто внутривнутриполитическую функцию маскировки причин проигрышей национальной экономики в конкуренции на мировых рынках. При этом, как показывает масштабный эмпирический анализ, *благодарительная помощь* таким странам со стороны международных организаций, стран с более успешными экономиками и частных лиц, наряду с очевидной текущей гуманитарной полезностью для населения, сопряжена и с рядом *негативных* долгосрочных экономических и политических последствий для улучшения институциональных сред стран-реципиентов [Koch, 2024; Cruz, Labonne, Wright, 2024]. Причина таких последствий очевидна: поддерживая население, внешняя помощь одновременно тормозит его стимулы к воздействию на государство с целью изменения проводимых государственных политик.

Соответственно «кризис международного порядка» [De Robertis, Tkachenko, 2020] — технологически совместный результат множественных и разнообразных усилий на дипломатическом и иных полях тех руководителей стран, которые оказались не готовыми изменять институциональные среды экономик этих стран, одновременно сохраняя собственную неудовлетворённость объективно полученными статусами, которые они продолжают поддерживать (или даже снижать) в МЭП-2, сложившегося на основании либерального МЭП-1. Несомненно, свой вклад в этот кризис внесли и руководители стран — лидеров МЭП-2, не проводя в достаточном объёме публичное разъяснение причин упомянутых усилий критиков, т.е. не ориентируя общественное мнение на причины этих усилий, а значит, нежелание менять созданный национальный экономический порядок.

Понятно, что если очерченную деятельность осуществляют правительства стран, чьи экономические или военные потенциалы не в состоянии оказать ощутимое негативное

влияние на остальные страны, то ни о каком кризисе сложившегося МЭП как 2, так и 1 говорить нет оснований. Основания появляются, если эту деятельность начинает проявлять страна или группа стран, у которых хотя бы один потенциал (экономический или военный) создаёт возможности ощутимо влиять на другие страны, но руководители их государств чувствуют себя недооценёнными со стороны других руководителей.

Разумеется, одного стремления правителя недостаточно, чтобы возглавляемая им страна и её экономика начали действовать для повышения своего статуса: для этого необходимо, чтобы такое стремление стало достаточно массовым среди экономических агентов этой страны, а действующая в ней институциональная среда не препятствовала реализации их усилий. В [Mazarr, 2022] был выделен целый ряд социетальных факторов, влияющих на способность стран повышать и поддерживать конкурентоспособные позиции своих экономик, таких как наличие национальных амбиций и воли к их достижению, однородная национальная идентичность, наличие широких возможностей реализации замыслов, активность действий государства по поддержке своих граждан, наличие действенных институтов экономической деятельности, научающееся и адаптивное общество, конкурирующее многообразие и плюрализм. Отсутствие или слаборазвитость хотя бы одного из этих факторов будет означать наличие действенных препятствий устремлениям её правителя. Эти факторы находятся внутри страны и с большой вероятностью созданы его же предшествующими действиями в части формирования экономических и иных институтов.

Нельзя не обратить внимание и на такой момент: деятельность по повышению позиции в МЭП-2 является типом конкурентной борьбы. Если конкуренция в национальной экономике регулируется соответствующим законодательством, то конкуренция между государствами такой общепринятой правовой основой не располагает. Разумеется, относительно некоторых видов действий в этой конкуренции существуют многосторонние договорённости (элементы так называемого международного права), однако контроль за их исполнением лежит, как отмечено выше, на самих государствах-участниках, а не на какой-либо специальной организации, обладающей достаточным потенциалом для наказания нарушителей условий договора. Это означает, что межгосударственная конкуренция, в отличие от экономической конкуренции в национальных экономиках, фактически свободна от действенных правил, потому возникновение в её результате государства-монополии вполне возможно.

Как изучается меняющийся МЭП-2, его формирующаяся «новая реальность»? Анализ литературы свидетельствует прежде всего о развитии *понятийного аппарата* как общенаучного механизма отражения новых свойств изучаемого объекта. Эти свойства могут быть как вновь открытыми или появившимися, так и достаточно давно известными, однако приобретшими принципиально более широкое распространение. Так, сама меняющаяся упорядоченность национальных экономик проявилась в характеристике экономического порядка как многостороннего (multilateral) [Keohane, 1990; Ruggie, 1992] и многополярного (multipolar) [Makarychev, Morozov, 2011; Degterev, Timashev, 2019; Солуянов, 2021]. Первое из этих свойств отражает множественность участников различных решений относительно взаимодействия экономик, а второе, возникшее как описание уходящей, по мнению ряда исследователей, однополярности мировой экономики, выражающейся в гегемонии экономики США, описывает концентрацию многосторонности вокруг альтернативных «полюсов притяжения» мировой экономики. Названные структурные характеристики формирующегося МЭП-2 привели к появлению новых черт в поведении национальных правителей, регулирующих взаимодействия экономик соответствующих стран, что нашло выражение в понятиях геоэкономической теории (geoeconomics) [Luttwak, 1990; Moisisio, 2019; Шлюндт, Нефедов, Линец, 2023; Glassman, 2025; Mohr, Trebesch, 2025] и геополитической конкуренции (geopolitical competition) [Thompson, 1995; Mitchell, Thies, 2011; Shahidi, Nasirpour, Zarei, 2025]. Если понятие геоэкономической теории означает изучение области взаимодействия

проводимой экономической политики и её влияния на политико-экономические позиции страны в мировом порядке, то геополитическая конкуренция фактически является этой областью, одновременно расширяя методы её изучения за пределы экономической теории.

Заключение: так нужна ли новая теория для изучения нового мирового экономического порядка?

Предложенное выше явное разграничение двух принципиально различных понятий МЭП, предполагающее, что исследования их изменений должны опираться на несовпадение механизмов их возникновения и функционирования, позволяет сделать следующие краткие выводы из проведённого анализа, дающие ответ на вопрос, помещённый в заголовок статьи.

Во-первых, предлагаемое разграничение МЭП-1 и МЭП-2 предоставляет возможности избежать неясностей и двусмысленностей при их исследовании, которые легко могут возникнуть при обсуждении «обобщённого» МЭП, поскольку такое «обобщение» логически противоречиво.

Во-вторых, связь между МЭП-1 и МЭП-2 осуществляется процессами конкуренции и сотрудничества. И МЭП-1, и МЭП-2 — составные части современной экономической теории, и они достаточно детально изучаются различными исследовательскими программами. При этом показано, что экономическая конкуренция в целом продуктивна для развития экономики, если она не ведёт к появлению монополий. Однако политическая конкуренция лишена таких ограничений, в силу чего может иметь непродуктивный характер для населения стран, правители которых стремятся не столько повысить благополучие населения, сколько улучшить свой статус в совокупности правителей других государств. Об этом ясно свидетельствует история экономик многих стран, вышедших из колониальных систем в начале второй половины XX в.

В-третьих, формирующийся последнее десятилетие МЭП-2 (если в течение обозримого времени ряд ведущих национальных экономик действительно поменяются местами на шкале экономической власти) изменит *структуру* мировой экономики, но отнюдь не её природу. Ожидать, что нынешняя преобладающая экономическая теория окажется не в состоянии её исследовать, конечно, можно, но это лишено рациональных оснований. Подобные изменения происходили в мировой экономике постоянно, меняя объект экономической географии, но не предмет экономической теории, динамикой которого двигали иные механизмы.

Таким образом, изучение нового международного экономического порядка, ведущееся в рамках различных социальных наук, включая существующую экономическую, не требует радикального пересмотра последней. Она достаточно успешно справляется с теми новыми задачами и проблемами, которые возникают в меняющемся мире. Замечу в завершение, что среди этих задач есть множество таких, которые в принципе *не имеют научного решения*. Потому выводиться из их нерешённости несовершенство какой-то конкретной науки, а не науки вообще, попросту некорректно. Однако детальное обсуждение этих вопросов не входит в задачу данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Анимица Е.Г., Рахмеева И.И. (2020). Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений [Animitsa E.G., Rakhmeeva I.I. (2020). The Third institutional revolution and changing the structure of economic relations] // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 222. №2. С. 206–218. DOI:10.38197/2072-2060-2020-2-206-218.
- Бодрунов С.Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития [Bodrunov S.D. (2019). Noonomics: conceptual foundations of a new development paradigm] // *Journal of new economy*. Т. 20. № 1. С. 5–12. DOI:10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов [Glazeyev, S.Yu. (2022). Global transformation through the prism of changing technological and world economic structures] // *AlterEconomics*. Т. 19. № 1. С. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.
- Градов А.П., Иванова Е.А., Гутман С.С. (2003). Экономические порядки и институциональная среда национальной экономики [Gradov A.P., Ivanova E.A., Gutman S.S. (2003). Economic orders and the institutional environment of national economy] // *Экономическая наука современной России*. № 1. С. 26–39.
- Гринберг Р.С. (2016). Поиски новых экономических моделей как ответ на вызовы XXI века [Grinberg R.S. (2016). Searching for new economic models as a response to the challenges of the 21st century] // *География мирового развития*. Вып. 3: Сб. научн. трудов / Под ред. Л.М. Синцера. — М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 8–15.
- Гринин Л.Е. (2016). Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем [Grinin L. E. (2016). The world order in the past, present and future] // *История и современность*. № 1. С. 20–63.
- Колпаков В.А. (2008). Экономическая теория в поисках новой парадигмы [Kolpakov V. A. (2008). Economic theory in the search of new paradigm] // *Знание. Понимание. Умение*. №1 С. 79–88.
- Коновалова Ю.А. (2023). «Новая нормальность» и модель «двойной циркуляции» по-китайски: к вопросу о «современном этапе» развития мирового хозяйства [Konovalova Yu.A. (2023). «New normal» and the Chinese model of «dual circulation»: To the question of the «present stage» of the global economy' development] // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. Т. 31. № 1. С. 7–29. DOI: 10.22363/2313-2329-2023-31-1-7-29.
- Мезозэкономика: элементы новой парадигмы (2020). [Mesoeconomics: Elements of a New Paradigm (2020).] / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. — М.: ИЭ РАН.
- Миронюк М.Г. (2024). Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков [Mironyuk M.G. (2024). Continuity and Change in International Orders and Disorders] // *Политическая наука*. №2. С. 55–79. DOI: 10.31249/poln/2024.02.03.
- Николаева Е.Е. (2019). О новой парадигме экономической теории [Nikolaeva E.E. (2019). A new paradigm of economic science] // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 254–259.
- Солужанов В.С. (2021). Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций [Solujanov V.S. (2021). The concept of multipolarity: diversity of approaches and interpretations] // *Вестник РУДН*. Серия: Политология. Т. 23. № 3. С. 424–445. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445.
- Тамбовцев В. (2010). Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход [Tambovtsev V. (2010). Emergence of Institutions: Methodological Individualism Perspective] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 83–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-11-83-96.
- Толкачев С.А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса [Tolkachev S. A. (2025). Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis] // *AlterEconomics*. Т. 22. №1. С. 22–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3.
- Шлюндт Н.Ю., Нефедов С.А., Линец С.И. (2023). Концептуализация геоэкономики в конструктивистской парадигме [Shlyundt N.Yu., Nefedov S.A., Linets S.I. (2023). Conceptualization of geoeconomics in the constructivist paradigm] // *Современная наука и инновации*. № 4 (44). С. 239–245. DOI: 10.37493/2307-910X.2023.4.29.
- Adler E. (2019). *World Ordering: A Social Theory of Cognitive Evolution*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Babic M., Dixon A.D., Liu I. T. (2022). Geoeconomics in a changing global order. // *The Political Economy of Geoeconomics: Europe in a Changing World*. / M. Babić, A.D. Dixon, I.T. Liu (Eds.). — London: Palgrave Macmillan. Pp. 1–27.
- Bair J. (2009). Taking Aim at the New International Economic Order // Mirowski P., Plehwe D. *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. — Cambridge, MA: Harvard University Press. Pp. 347–385.
- Belmonte R., Cerny P.G. (2021). Heterarchy: Toward Paradigm Shift in World Politics // *Journal of Political Power*. Vol 14. Is. 1. Pp. 235–257. DOI: 10.2158379X.2021.1879574.
- Benabdallah L. (2024). The Liberal International Order as an Imposition: A Postcolonial Reading // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 162–179. DOI: 10.1017/s0892679424000236.
- Bowen T.R., Broz J.L. (2020). Designing an International Economic Order: A Research Agenda // *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3709604.

- Brown O.R. (2024). The International Order of White Sovereignty and the Prospect of Abolition // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 189–199. DOI: 10.1017/S0892679424000169.
- Bull H. (1995). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. — Columbia: Columbia University Press.
- Calkins P., Vézina M. (1996). Transitional paradigms to a new world economic order // *International Journal of Social Economics*. Vol. 23. No. 10–11. Pp. 311–328.
- Coccia M. (2020). *Theories and laws of scientific development* // Working Paper CocciaLab. No. 50.
- Cruz C., Labonne J., Wright A. (2024). Political outcomes of aid // *Handbook of Aid and Development* / R.M. Desai, S. Devarajan, J.L. Tobin (Eds.). — Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 205–224.
- De Robertis A.G., Tkachenko S.L. (2020). The crisis of the «Liberal International Order» and the challenges from China and Russia // *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. Vol. 13. Is. 4. Pp. 465–477. DOI: 10.21638/spbu06.2020.403.
- Degterev D.A., Timashev G.V. (2019). Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse // *Международные отношения*. № 4. Pp. 48–60. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31751.
- Dimitrijević D. (2023). The Struggle for a New International Economic Order // *Revista Política Internacional*. Vol. 5. No. 3. Pp. 6–21. ISSN 2707-7330.
- Dinga E. (2020). On the concept of economic order // *Journal Contemporary Economy*. Vol. 5. Is. 2. Pp. 62–71. ISSN 2537-4222.
- Dinga E. (2021). An Epistemological Archaeology of the Concept of Economic Order // *Expert Journal of Economics*. Vol. 9. Pp. 41–48.
- Eichner A.S., Kregel J.A. (1975). An Essay on Post-Keynesian Theory: A New Paradigm in Economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 13. No. 4. Pp. 1293–1314.
- Flockhart T. (2024). Order as Resilience-Governance of Sameness and Diversity // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 140–151. DOI:10.1017/S0892679424000157.
- Gilman N. (2015). The New International Economic Order: A Reintroduction // *Humanity: An International Journal of Human Rights Humanitarianism and Development*. Vol. 6. Is.1. Pp. 1–16. DOI: 10.1353/hum.2015.0008.
- Gilpin R. (2001). *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Glassman J. (2025). Critical geoeconomics, critique of geoeconomics or something else? // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 57. Is. 1. Pp. 108–112. DOI: 10.1177/0308518X241270015.
- Golub P.S. (2013). From the New International Economic Order to the G20: how the 'global South' is restructuring world capitalism from within // *Third World Quarterly*. Vol. 34. Is. 6. Pp. 1000–1015.
- Hall P.A., Taylor R.C. R. (1996). Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. Vol. 44. Is. 5. Pp. 936–957.
- Hall P.A., Soskice D. (2001). An Introduction to Varieties of Capitalism // *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* / P.A. Hall, D. Soskice (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–68.
- Haug S., Braveboy-Wagner J., Maihold G. (2021). The «Global South» in the study of world politics: examining a meta category // *Third World Quarterly*, Vol. 42. Is. 9. Pp. 1923–1944. DOI:10.1080/01436597.2021.1948831.
- Hoffman R. (2012). On the Need for New Economic Foundations: A Critique on Mainstream Macroeconomics // *Cadmus Journal*. Vol. 1. Is. 5. Part 2. Pp. 74–85.
- Horodecka A., Vozna L. (2017). A new paradigm of economic policy based on the synthesis of orthodox and heterodox economics // *Research Papers of Wrocław University of Economics*. No. 489. Pp. 137–148. DOI: 10.15611/pn.2017.489.12.
- Hurd I. (2024). The science of world order // *International Politics*. 06.26. DOI: 10.1057/s41311-024-00579-4.
- Ikenberry G.J. (2008). The rise of China and the future of the West: can the liberal system survive? // *Foreign Affairs*. Vol. 87. Is. 1. Pp. 23–37.
- Ikenberry G.J. (2016). The rise, character, and evolution of international order // *The Oxford Handbook of Historical Institutionalism* / O. Fioretos, T.G. Falleti, A. Sheingate (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 538–552.
- Ikenberry G.J. (2018). The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. Vol. 94. Is. 1. Pp. 7–23.
- Imre Lakatos and Theories of Scientific Change (1989) / K. Gavroglu, Y. Goudaroulis, P. Nicolacopoulos (Eds.). — Dordrecht: Springer.
- Ing L.Y., Rodrik D. (Eds.) (2025a). *The New Global Economic Order*. — Abingdon: Routledge.
- Ing L.Y., Rodrik D. (2025b). Introduction // Ing L. Y. and Rodrik D. (Eds.) *The New Global Economic Order*. — Abingdon: Routledge. Pp. 1–12.
- Jacobs G. (2015). The need for a new paradigm in economics // *Review of Keynesian Economics*. Vol. 3. Is.1. Pp. 2–8.
- Johnson H.G. (1976). *The New International Economic Order* // *Graduate School of Business. Selected Papers* No. 49. — University of Chicago.
- Jorgenson D.W., Vu K.M. (2013). The emergence of the new economic order: Growth in the G7 and the G20 // *Journal of Policy Modeling*. Vol. 35. Is. 3. Pp. 389–399.

- Kadir M.Y.A. (2021). The Failure of New International Economic Order: a Lesson Learned // *Yuridika*. Vol. 36. No. 1. Pp. 141–155.
- Karataşlı Ş.S. (2023). Hegemonic world orders, distributional (in)justice and global social change // *International Affairs*. Vol. 99. Is. 1. Pp. 23–39. DOI: 10.1093/ia/iia312.
- Keohane R.O. (1990). Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*. Vol. 45. Is. 4. Pp. 731–764.
- Kingston C., Caballero G. (2009). Comparing theories of institutional change // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 5. Is. 2. Pp. 151–180.
- Koch D.-J. (2024). *Foreign Aid and Its Unintended Consequences: Rethinking Development*. — Abingdon: Routledge.
- Kocs S.A. (2019). *International Order: A Political History*. — Boulder: Lynne Rienner.
- Koertge N. (1973). Theory Change in Science // *Conceptual Change. Synthese Library* Vol. 52 / G. Pearce, P. Maynard (Eds.) — Dordrecht: Springer. Pp. 167–198.
- Krauthammer C. (1990). The unipolar moment // *Foreign Affairs*. Vol. 70. Is. 1. Pp. 23–33.
- Kuhn T.S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Lakatos I. (1970). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // *Criticism and the Growth of Knowledge* / I. Lakatos, A. Musgrave (Eds.). — London: Cambridge Univ. Press. Pp. 91–195.
- Lascurettes K.M., Poznansky M. (2021). International order in theory and practice // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies* / N. Sandal (Ed.). — Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.673.
- Laszlo E., Baker R.Jr., Eisenberg E., Raman V. (1978). *The Objectives of the New International Economic Order*. — New York: Pergamon Press.
- Laybourn-Langton L., Jacobs M. (2018). Paradigm Shifts in Economic Theory and Policy // *Intereconomics*. Vol. 53. No. 3. Pp. 113–118. DOI: 10.1007/s10272-018-0737-4.
- Luttwak E.N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce // *National Interest*. No. 20. Pp. 17–23.
- Makarychev A., Morozov V. (2011). Multilateralism, Multipolarity, and Beyond: A Menu of Russia's Policy Strategies // *Global Governance*. Vol. 17. No. 3. Pp. 353–373.
- Mallin F., Sidaway J.D., Cheng H., Woon C. Yu. (2025). Introduction: Explanation, critique and critics of geoeconomics // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 57. Is. 1. Pp. 93–98.
- Mazarr M.J. (2022). *The Societal Foundations of National Competitiveness*. — Santa Monica: Rand Corporation⁷.
- Milgrom P.R., North D.C., Weingast B.R. (1990). The role of institutions in the revival of trade: the Law Merchant, private judges, and the champagne fairs // *Economics & Politics*. Vol. 2. Is. 1. Pp. 1–23.
- Mitchell S.M., Thies C.G. (2011). Issue Rivalries // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 28. Is. 3. Pp. 230–260. DOI: 10.1177/0738894211404794.
- Mitzen J. (2024). The Politics of Pedagogy: The Problem of Order in the IR Classroom // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 180–188. DOI: 10.1017/S0892679424000170.
- Mohr C., Trebesch C. (2025). Geoeconomics // *Annual Review of Economics*. Vol. 17. Is. 5. Pp. 63–87. DOI: cepr.org/publications/dp19856.
- Moisio S. (2019). Re-thinking geoeconomics: Towards a political geography of economic geographies // *Geography Compass*. Vol. 13. No. 10. Art. e12466.
- North D.C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- O'Rourke K.H. (2025). The Global Economic Order: A Brief History // *The New Global Economic Order* / L.Y. Ing, D. Rodrik (Eds.). — Abingdon: Routledge. Pp. 13–26.
- Opp K.D. (1982). The evolutionary emergence of norms // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 21. Is. 2. Pp. 139–149.
- Parsons T. (1938). The Role of Theory in Social Research // *American Sociological Review*. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–20.
- Roberts A., Moraes H.C., Ferguson V. (2019). Toward a Geoeconomic Order in International Trade and Investment // *Journal of International Economic Law*. Vol. 22. Is. 4. Pp. 655–676. DOI: 10.1093/jiel/jgz036.
- Ruggie J.G. (1992). Multilateralism: the anatomy of an institution // *International Organization*. Vol. 46. No. 3. Pp. 561–598.
- Saxonhouse G.R., Saxonhouse A.W. (1988). An Inquiry into the Philosophic Roots of Concepts of Economic Order // *Journal of Institutional and Theoretical Economics* (JITE). Vol. 144. No. 2. Pp. 344–356.
- Shahidi S.M.M., Nasirpour G., Zarei B. (2025). Investigating the Geopolitical Competition between Iran and Saudi Arabia in Southwest Asia based on the Theory of Thompson and Claremont (2010–2022) // *Political Studies of Islamic World*. Vol. 13. No. 4. Pp. 99–127. DOI: 10.30479/psiw.2025.19720.3296.
- Siebert H. (2002). *The World Economy*. 2nd ed. — London and New York: Routledge.
- Siebert H. (2008). *The Concept of a World Economic Order*. Kiel Institute for the World Economy. Working Paper. No. 1392.

⁷ Признана в РФ нежелательной организацией.

- Snowder D.J. (2019). Toward global paradigm change: beyond the crisis of the liberal world order // *Economics*. Vol. 13. Is.1. Art. 20190025.
- Spengler J.J. (1948). The Problem of Order in Economic Affairs // *Southern Economic Journal*. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–29.
- Stiglitz J.E. (2017). Markets, States, and Institutions // *Markets, Governance, and Institutions in the Process of Economic Development* / A. Mishra, T. Ray (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 13–30.
- Tao Y. (2016). Spontaneous Economic Order // *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 26. Is. 3. Pp. 467–500. DOI: 10.1007/s00191-015-0432-6.
- Thompson W.R. (1995). Principal Rivalries // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 39. No. 2. Pp. 195–223.
- Venzke I. (2018). Possibilities of the Past: Histories of the NIEO and the Travails of Critique // *Journal of the History of International Law*. Vol. 20. Is. 3. Pp. 263–302. DOI: 10.1163/15718050-20020050.
- Wade R.H. (2011). Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF // *Politics & Society*. Vol. 39. Is.3. Pp. 347–378.
- Wagner A. (1995). Communitarianism: A new paradigm of socioeconomic analysis // *Journal of Socio-Economics*. Vol. 24. Is. 4. Pp. 593–605.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chef Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

DOES THE NEW WORLD ECONOMIC ORDER NEED A NEW ECONOMIC THEORY?

Abstract. The obvious changes that have occurred and are occurring in the global economy and international economic order have led a number of domestic and foreign researchers to believe that these shifts are so great and significant that they require radical shifts in economic science for their study and understanding — from the creation of new economic theories to shifts in its paradigm. The analysis of the validity of these beliefs is the main objective of this article. To solve it, the provisions of the modern theory of science on the causes of changes in theories and paradigm shifts are considered, the established interpretations of the concept of world or international economic order and their inaccuracies and ambiguities are analyzed, proposals are formulated for a clearer understanding of these terms, the comparison of which with the changes taking place in the world economy logically leads to the conclusion that the statements about the need for new theories and even paradigms for understanding the aforementioned changes are clearly exaggerated.

Keywords: *world economic order, economics, change of economics' paradigm.*

JEL: B5, F02, F5.

С.Н. Левин

*д.э.н., профессор, главный научный сотрудник,
Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)*

К.С. Саблин

*к.э.н., доцент, Российский государственный институт сценических
искусств (Санкт-Петербург)*

КОНКУРИРУЮЩИЕ ПАРАДИГМЫ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹

Аннотация. Статья посвящена сравнительной характеристике классической и неоклассической парадигм в рамках современной политической экономики, которая выступает не как целостная концепция, базирующаяся на единых основаниях, а как совокупность частично пересекающихся конкурирующих концепций. Авторы выявляют их преимущества и ограничения. Классическая парадигма характеризует политическую экономию как науку о накоплении и распределении национального богатства. Экономическое поведение индивидов анализируется в контексте их принадлежности к классам. Государство рассматривается как структура, целевые функции которой отражают экономические интересы классов, а также как относительно независимый арбитр согласования данных интересов. С другой стороны, неоклассическая парадигма характеризует политическую экономию как науку о максимизации полезности отдельными индивидами не только на экономических рынках, но и в политической сфере, характеризующейся наличием такого специфического ресурса, как «власть» в форме легитимного насилия. Их экономическое поведение анализируется в контексте принадлежности к групповым интересам, а государство выступает как сфера, в которой отдельные индивиды и группы интересов реализуют свои предпочтения посредством конкуренции за доступ к ресурсам, недоступным в рамках добровольного рыночного обмена. В целом современная политическая экономика включает в себя как реактуализированную классическую политическую экономию, так и развивающуюся в рамках расширенного мейнстрима новую политическую экономию. При этом можно говорить не только о конкуренции, но и о взаимодополнении этих направлений. Отмечено, что в защитных оболочках их исследовательских программ присутствуют идентичные или близкие по содержанию компоненты: преодоление «разрыва» между исследованием экономики и политики; использование социологического инструментария и эконометрических моделей; практико-ориентированность в рамках разработки нормативных предложений по формированию эффективных вариантов организации политико-экономического взаимодействия.

Ключевые слова: парадигма, исследовательская программа, научная революция, классическая политическая экономика, гетеродоксальные экономические теории, расширенный мейнстрим, новая политическая экономика.

JEL: P51, P52

УДК: 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67

© С.Н. Левин, К.С. Саблин, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левин С.Н., Саблин К.С. Конкурирующие парадигмы в рамках современной политической экономики // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67.

FOR CITATION: Levin S., Sablin K. Competing Paradigms Within Modern Political Economy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Постановка проблемы

Характерной особенностью современного состояния экономической науки является возвращение проблем взаимодействия экономики и политики в «ядро» экономико-теоретических исследований. При этом идёт встречный процесс. С одной стороны, происходит реактуализация и модификация подходов к исследованию политико-экономического взаимодействия в рамках различных направлений гетеродоксальной экономической теории [King, 2013; Stilwell, 2016]. С другой стороны, в рамках расширенного мейнстрима всё более широкую поддержку получает тезис М. Олсона о необходимости применять в рамках экономико-теоретических исследований «познавательную структуру, способную одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ... экономика служит двигателем политической системы, а политическая система управляет экономикой» [Олсон, 2012. С. 26]. В этой связи можно говорить о формировании предметного поля современной политической экономии в целом. При этом «современная политическая экономия» выступает не как целостная концепция, базирующаяся на единых парадигмальных основаниях, а как совокупность лишь частично пересекающихся конкурирующих концепций. Данная ситуация соответствует поздней версии концепции парадигм Т. Куна, которую известный специалист в области методологии экономической науки М. Блауг характеризует следующим образом: «...для любого периода развития науки характерно одновременное сосуществование большого количества перекрывающих друг друга и взаимопроникающих парадигм; некоторые из них (хотя и не все) могут быть несовместимы; парадигмы не сменяют друг друга внезапно и уж во всяком случае не возникают в полном блеске славы, а добиваются победы в результате долгого процесса интеллектуальной конкуренции» [Блауг, 2004. С. 80].

В случае с современной политической экономией речь идёт о конкуренции и взаимодействии двух парадигм, которые можно определить как «классическую» и «неоклассическую». При этом основополагающие принципы этих парадигм реализуются в рамках совокупности конкурирующих исследовательских программ [Лакатос, 2008. С. 220–221]. Таким образом, цель нашей работы — представить сравнительную характеристику классической и неоклассической парадигм в рамках современной политической экономии.

Классическая парадигма политической экономии: содержание и современное состояние

С нашей точки зрения, классическую парадигму политической экономии необходимо рассматривать в широком смысле слова, не отождествляя её с «классической политической экономией». В отечественной научной литературе выделены подходы к определению парадигмы и исследовательской программы классической политической экономии [Бузгалин, Колганов, 2005; Клисторин, 2014; Ядгаров, 2018]. Однако существуют серьёзные аргументы, позволяющие выделить классическую парадигму политической экономии, которая лежит в основе всего спектра исследовательских программ: от меркантилизма до марксистской политической экономии.

В этой связи необходимо обратиться к содержанию концепции Т. Куна. Последний выделял допарадигмальную науку, научные революции, в ходе которых происходит формирование и смена научных парадигм, и «нормальную» науку [Кун, 2003]. Формирование экономической науки в форме политической экономии можно рассматривать как научную революцию, означающую появление научной парадигмы. Интересно, что А. Смит пишет о том, что: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить

ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя. Различный характер развития благосостояния в разные периоды и у разных народов породил две неодинаковые системы политической экономии по вопросу о способах обогащения народа. Одна может быть названа коммерческой, а другая — системой земледелия» [Смит, 2007. С. 420]. «Классическую политическую экономию», особенно в лице «рикардианства», можно рассматривать как период «нормальной» науки, когда сообщество учёных занималось решением головоломок. Марксистская политическая экономия выступила как научная критика «классической политической экономии» в рамках классической парадигмы.

Классическая парадигма политической экономии:

во-первых, характеризует её как науку о накоплении и распределении общественного (национального) богатства;

во-вторых, экономическое поведение индивидов рассматривается здесь в контексте их принадлежности к классам — широким агрегированным социальным группам, занимающим различное место в общественном производстве;

в-третьих, политическая экономия выделяет и анализирует взаимосвязи между развитием национальной экономики и национального государства, экономикой и политикой. Государство при этом рассматривается как структура, чьи целевые функции в экономике, с одной стороны, отражают интересы классов, прежде всего экономически господствующих, а с другой — как относительно независимый арбитр согласования их экономических интересов.

При этом меркантилизм, физиократию, различные школы классической политической экономии, марксизм можно рассматривать как конкурирующие исследовательские программы, отличающиеся структурой «твёрдых ядер» и защитных оболочек [Кун, 2003. С. 269-537]. В рамках гетеродоксальных экономических исследований сформировались концепты политико-экономических исследований, комбинирующие элементы различных исследовательских программ в рамках классической парадигмы. Прежде всего выделяются теоретические концепции, объединяющие неортодоксальные модели марксистской политической экономии с характерным для меркантилизма подходом к экономике как к системе, построенной на прямом взаимодействии политических и экономических субъектов. В рамках этих подходов такая взаимосвязь рассматривается как экзогенная характеристика национальной и мировой экономической систем капиталистического типа на всех этапах её развития. Примером такой реактуализации классической парадигмы выступает мир-системный подход. Его содержание демонстрирует приверженность всем трём ранее выделенным принципам данной парадигмы.

Во-первых, в центре внимания представителей этой школы оказываются проблемы накопления и распределения общественного богатства в мировом масштабе. Й. Валлерстайн пишет в этой связи: «“Мир-экономика” — это обширные неравные цепи из объединённых структур производства, расчлёненные многочисленными политическими структурами. основополагающая логика состоит в том, что накопленная прибыль распределяется неравным образом в пользу тех, кто способен достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях» [Валлерстайн, 1998. С. 115].

Во-вторых, в центре внимания оказываются взаимоотношения между агрегированными социальными сообществами: «Капиталистический мир-экономика — это система, основанная на стремлении накапливать капитал, на политическом влиянии на уровень цен (на капитал, потребительские товары и на труд) и на устойчивой поляризации с течением времени классов и регионов (центр-периферия)» [Валлерстайн, 2001. С. 403].

В-третьих, ключевая роль в накоплении общественного богатства и его перераспределении в пользу классов и всего населения стран «центра» отводится государству,

которое характеризуется как «наиболее подходящий институциональный посредник при установлении рыночных ограничений (квазимонополий в широком смысле слова) в пользу определённых групп» [Там же. С. 404].

С другой стороны, в рамках мир-системного подхода марксистская идея о центральной роли накопления капитала в развитии капитализма как мировой системы интегрируется с меркантилистскими подходами о том, что завоевание и удержание господства в последней обеспечивается взаимодействием политических и экономических субъектов. В наиболее развёрнутом виде данный подход получил развитие в концепции Дж. Арриги о системных циклах накопления капитала, построенных на соединении экономической власти капитала и военно-политической гегемонии определённых государств [Арриги, 2006]. При этом национальная принадлежность господствующих экономических и политических субъектов может не совпадать друг с другом. Так Дж. Арриги пишет, что «материальная экспансия первого (генуэзского) системного цикла накопления была организована и проводилась дихотомической структурой, состоявшей из аристократического территориалистского компонента (иберийского), который специализировался на обеспечении защиты и на стремлении к власти, и буржуазно-капиталистического компонента (генуэзского), который специализировался на покупке и продаже товаров и на стремлении к прибыли. Эти специализации дополняли друг друга, а их взаимовыгодность способствовала сближению и, пока выгода не кончилась, скрепляла воедино два гетерогенных компонента экспансионистской структуры отношениями политического обмена, в которых, с одной стороны, стремление территориалистского компонента к власти создавало выгодные торговые возможности для капиталистического компонента, а с другой стороны — стремление последнего к прибыли укрепляло эффективность и действенность аппарата защиты, созданного территориалистским компонентом» [Арриги, 2006. С. 109]. Однако в последующих циклах накопления, особенно в британском и американском, соединяется экономическое преобладание капитала этих стран и военно-политическая гегемония соответствующих государств. Это означает, что в борьбе за власть над глобальной мир-системой конкурируют национальные политико-экономические системы.

В современной отечественной экономической науке разрабатывается во многом близкий к рассмотренному выше концепт, который продвигает идею о достигшем терминальной стадии кризисе мейнстрима и замещении его альтернативными подходами, базирующимися на классической политико-экономической парадигме [Толкачев, 2024]. С.А. Толкачев продвигает идею о преимуществах так называемой «конкурентной парадигмы», которая характеризуется им следующим образом: «“Конкурентная парадигма” как совокупность разнородных гетеродоксальных течений экономической мысли (наиболее объединяющим направлением является, пожалуй, набирающий популярность неомеркантилизм) онтологически рассматривает международные обмены как игру с «ненулевой суммой», а гносеологически допускает гораздо большее влияние на экономические ценности культурных факторов. Конкурентная гетеродоксальная парадигма обретает циклическую популярность на производственной стадии технологического развития и соответствующей протекционистской стадии мирохозяйственного развития. В этот период актуальна общественная потребность в развитии национальной производственной базы на территории страны в ходе освоения технологий новой промышленной революции» [Толкачев, 2024. С. 16]. С точки зрения комбинирования элементов различных исследовательских программ в рамках реактуализированной классической парадигмы речь идёт об интеграции базирующихся на эволюционных подходах марксистской политэкономии концепциях технологических и мирохозяйственных укладов с неомеркантилизмом. В свою очередь, неомеркантилизм является современной экономической политикой, делающей акцент на государственном вмешательстве с целью накопления национального богатства и достижения мощи посредством торговли. «Он имеет сходство с историческим меркантилизмом,

выступая за такие меры, как стимулирование экспорта, ограничение импорта и контроль над потоками капитала, часто с целью достижения положительного сальдо торгового баланса»². Конкурентная парадигма в этой связи выступает как обоснование необходимости перехода в рамках глобальной экономики к взаимоотношениям, построенным на конкуренции и кооперации национальных экономик, организованных как интегрированные политико-экономические системы.

Конкурентная парадигма характеризуется возвратом в модифицированной форме к меркантилизму как исходному пункту развития классической парадигмы политической экономики. Это проявляется в следующих пунктах:

I. В *рассмотрении политических субъектов как одного из системообразующих элементов экономической системы*. Как известно, государство в рамках меркантилизма выступало в двух ролях:

во-первых, как заказчик, реализующий институциональный проект формирования национальной экономики с предпринимателями как ведущими экономическими субъектами, поскольку «до эпохи меркантилизма существовали несвязанные друг с другом мировые и локальные рынки» [Поланьи, 2002. С. 79]. Возникла необходимость централизованного государственного вмешательства для создания капиталистических рынков;

во-вторых, как координатор, обеспечивающий её функционирование как экономики «общего дела». Как отмечал У.Р. Аллен: «Для меркантилистской экономической мысли — особенно в континентальной Европе — было характерно представление о том, что для организации экономики, установления экономической дисциплины и экономического руководства, разрешения общественного конфликта интересов и достижения гармонии между индивидуальными и общественными целями необходимо, чтобы частное предпринимательство ограничивалось и направлялось, в первую очередь правительством, а не ценовой системой свободного рынка» [Аллен, 2004. С. 552].

II. В *практико-ориентированности*. Меркантилисты выступали не столько в качестве теоретиков, сколько «консультантов-администраторов» и «памфлетистов», которые обосновывали проекты развития в интересах национального государства и предпринимателей [Шумпетер, 2001. С. 204]. При этом национальные государства стремились как к богатству (изобилию), так и к военной мощи, иногда рассматривая их как взаимосвязанные, а иногда и как конкурирующие цели внешней политики [Viner, 1948].

В этой связи показательно, что представители конкурентной парадигмы во многом разделяют идеи «продуктивизма» Д. Родрика, сформулировавшего «трёхмерный символизм новой парадигмы — производство, работа, локализация — который должен заменить символизм отжившей свой век неолиберальной парадигмы — финансы, потребление, глобализация» [Толкачев, 2024. С. 12]. Данный автор, будучи экономистом-теоретиком, выступает прежде всего в качестве современного консультанта-администратора, формулирующего набор предложений по изменению характера национальной экономики США и принципов её взаимоотношений с другими субъектами глобальной экономики.

Переход в рамках классического политико-экономического анализа к исследованию многоуровневого взаимодействия экономических и политических субъектов, в том числе на индивидуальном и групповом уровне, потребовал расширения научного инструментария. В этом плане показателен подход французской «теории регуляции» как одного из современных вариантов марксистской политической экономики. В его рамках была признана необходимость создания промежуточных понятий, которые «позволяют переходить от самой высокой абстракции к теоретическим идеям, дающим возможность оперировать

² Adams A., Benham F. (2025). Modern Mercantilism: Trade, Technology, and Strategic Power in the 21st Century. MEKETA. Global Macroeconomic Research Series. URL: https://meketa.com/wp-content/uploads/2025/06/MEKETA_Modern-Mercantilism-Newsletter.pdf (access date: 12.08.2025).

с данными опросов или с прямыми фактами жизни актёров социальной драмы» [Буайе, 1997. С. 77]. Поэтому «исследователи проблем регуляции исходят из холистской концепции общественной связи и в то же время не отрицают необходимости чёткого определения тех опосредствующих факторов, которыми определяется коллективное и индивидуальное поведение» [Там же. С. 79]. В центре их внимания находятся проблемы механизмов, обеспечивающих долгосрочные возможности накопления в условиях объективно присущих капитализму противоречий. В разные исторические периоды и на разных территориях этот процесс объективно приобретает различные формы. В этой связи в рамках «теории регуляции» вводится понятие структурной (или институциональной) формы, одним из компонентов которой выступает «форма государства». При этом регуляционисты исходят из того, что «происхождение институциональных форм связано с драматическими эпизодами истории, структурными кризисами, войнами, открытыми столкновениями между классами или социальными группами» [Там же. С. 10]. Эти формы являлись результатом разрешения конфликтов между социальными группами через достижение взаимовыгодных «институционализированных компромиссов», заключаемых между конфликтующими социальными группами. Государство, и в целом политическая власть, рассматриваются как вектор наиболее значимых компромиссов в масштабе всего общества.

В рамках отечественной традиции марксистской политической экономии примером интеграции традиций классической парадигмы с моделями и инструментарием различных направлений современной экономической теории является концепция «экономики власти» В.В. Дементьева [Дементьев, 2003; Дементьев, 2004]. Данная теоретическая концепция базируется на фундаменте не только марксистской политэкономии, но и диалектической логики в её классическом гегелевском варианте. При этом подход Дементьева интегрируется не только с моделями ряда направлений гетеродоксальной экономической теории, но и расширенного мейнстрима. Так, поскольку экономика рассматривается как система социального взаимодействия, в котором социальные, политические и экономические институты «имеют значение», экономический подход дополняется социетальным, что предполагает использование методов традиционного (оригинального) институционализма и современной экономической социологии. Кроме того, автор использует «модель рационального выбора (в модифицированном виде, представленном в неoinституциональных теориях) и основанный на её применении экономический инструментарий: издержки, рациональное поведение, равновесие, эффективность, трансакционные издержки, оппортунистическое поведение и пр.; вместе с тем поведенческая модель, используемая в работе, по ряду параметров отличается как от традиционной неоклассической, так и от неoinституциональной модели; модель рационального выбора дополнена условиями неравенства агентов, участвующих в обмене, и ограниченной добровольности этого обмена» [Дементьев, 2004]. Экономическая система рассматривается как система власти, поскольку участники взаимодействия на всех уровнях, включая государство как сферу такого взаимодействия и его агент, обладают разным властным ресурсом. Соответственно, одни субъекты подчиняются другим, неся издержки в его пользу. В каждой экономике формируется интегрированное «поле власти», которое задаёт рамки экономического поведения как отдельных агентов, так и экономической системы в целом. Данная система характеризуется распределением власти, иерархией власти и равновесием власти.

Экономика власти сохраняет общую тенденцию реактуализации классической парадигмы политической экономии к практико-ориентированности. Это выражается в поиске подходов для превращения её в инженерную науку, способную выработать рекомендации по формированию в национальной экономике «общественно необходимого порядка власти», обеспечивающего её эффективное развитие.

Подводя итоги проведённого анализа, можно выделить следующие тенденции реактуализации классической парадигмы политической экономии:

Движение в модифицированной форме к её меркантилистским основаниям, что выражается, с одной стороны, в интернализации анализа взаимодействия политических и экономических субъектов как элементов единой политико-экономической системы. С другой стороны, происходит переход к практико-ориентированности, к разработке рекомендаций по повышению конкурентоспособности национальной экономики и обеспечению её «технологического» суверенитета. Всё это сопровождается расширением научного инструментария исследований путём использования моделей не только различных направлений гетеродоксальной экономической теории, но и расширенного мейнстрима.

Движущей силой развития экономической науки является возникновение головоломок, которое, в свою очередь, обусловлено предложением решений прежних загадок и переводом актуальной проблематики на её язык. Однако барьеры на пути дальнейшего развития определяются наличием таких аспектов, как общее для экономистов базовое мировоззрение и ограничения, налагаемые наличием конвенций, принятых в системе социальных наук [Ward, 1972. Р. 31]. Появление неоклассической парадигмы политической экономики было обусловлено коренными изменениями, связанными с отделением экономики от других социальных наук, особенно от экономической истории и социологии (процессы десоциализации и деисторизации) [Milonakis, Fine, 2009]. Основой подобных изменений выступила маржиналистская революция и последующий переход от классической политической экономики к неоклассической экономической теории (хотя маржинализм не ознаменовал собой конец попыток сохранить связь между «экономическим» и «неэкономическим»).

Неоклассическая парадигма политической экономики: расширенный мейнстрим и новая политическая экономика

Неоклассическая парадигма политической экономики является результатом научной революции, которая определяется как маржиналистская. Она связана с возникновением нового способа мышления, впервые введённого для описания поведения потребителей, а затем ставшим «объединяющим принципом экономического мышления»³. В отличие от классической политической экономики, ориентированной на производство, «маржиналистская революция» и возникшая неоклассическая школа сосредоточились на оптимальном распределении заданных факторов производства в фиксированный момент времени среди конкурирующих возможностей их использования, причём «оптимальное» означало обеспечение максимального удовлетворения потребителей. При этом анализ изменения предпочтений и развития технологий, роста населения и других факторов считался не имеющим отношения к экономическому анализу. При постоянных потребностях и обеспеченности ресурсами было корректно предположить, что предельная полезность потребления постоянно снижается и предельная полезность каждого фактора производства, при прочих равных условиях, также снижается. В соответствии с этим принципом всегда существует равновесие спроса и предложения, а также производства и потребления, которые рассматриваются как фактор конечного спроса, подразделяющегося на государственное и частное потребление.

Маржиналистская революция относится к существенному сдвигу в экономической науке, когда экономисты отошли от классического акцента на изучении стоимости производства и вместо этого стали подчёркивать субъективную ценность, которую люди придают предельной полезности товаров и услуг. Этот сдвиг подтверждает, что ценность не присуща

³ Ning D. (2016). Rethinking the “Marginal Revolution” in the History of Economic Thought: A Brief Examination of the Marginal Utility Theory Before and in the 1870s. Electronic theses and dissertations. Denver University. URL: <https://digitalcommons.du.edu/etd/1106/> (access date: 15.08.2025).

продукту, а определяется субъективным восприятием его полезности. Развитие маржинализма помогло лучше объяснить человеческую рациональность, человеческие действия и субъективную оценку. По замечанию С. Кларка, «маржиналистская революция в экономике провозглашается экономистами как теоретическая революция, освободившая политическую экономию от внешних политических соображений, и тем самым положившая начало современной “научной” экономической теории» [Clarke, 1991. Р. 182]. Представители маржиналистской революции предложили рациональные решения новых проблем, поставленных перед государством обострением противоречий капиталистического накопления, расширением самостоятельности рабочего движения, растущей монополизацией капитализма.

Иными словами, в течение столетия после А. Смита экономическая наука развивалась в соответствии с основополагающей идеей о том, что она изучает богатство наций, рост, доходы и международную торговлю. Однако в период 1870–1900 гг. произошёл радикальный поворот, который значительно изменил экономическую науку. Маржиналистская революция ознаменовала собой важный момент в экономической мысли, перейдя к подходу, подчёркивающему индивидуальный выбор и рыночное равновесие. Экономическая наука становится универсальной и под влиянием позитивистской идеологии принимает математику в качестве предпочтительного языка для выражения своих методов [Becchetti, Bruni, Zamagni, 2020]. Основное внимание экономистов теперь было сосредоточено не на богатстве наций, а на поведении отдельного человека. От анализа системы в целом, включающей в себя труд, богатство, развитие и торговлю, внимание сместилось к анализу индивидуального поведения, включающего выбор, индивидуальную полезность и предпочтения. Именно поэтому название науки изменилось с политической экономии, что было обусловлено общественным характером предмета, на экономику, или науку о выборе.

Когда экономисты начали использовать язык математики, это имело два основных последствия. С одной стороны, вследствие технической терминологии (дифференциального и интегрального исчисления), которую экономисты стали использовать в своих трудах, произошло постепенное разделение экономистов и политических философов. С другой стороны экономика стала всё больше походить на естественные науки, такие как физика, и дистанцировалась от своих философских истоков.

По сути, основы подхода неоклассической экономической теории были заимствованы из естественных наук. Этот приём был использован в попытке повторить их успех в объяснении окружающего мира и таким образом превратить политическую экономию в «точную» науку — экономику. Новая парадигма должна была стать легитимной доктриной для обоснования существующего положения дел как универсального, естественного и гармоничного. Ранние неоклассики использовали математический формализм физики, заимствовали её модели и в большинстве случаев признавали этот факт. В частности, Л. Вальрас утверждал, что «чистая теория экономики — это наука, во всех отношениях похожая на физико-математические науки» [Walras, 1954. Р. 71]. Он жёстко придерживался той позиции, что чистая теория экономики рассматривала отношения между людьми и вещами (то, что он называл «промышленностью») научным способом, в то время как отношения между людьми (называемые «институтами») были объектом изучения социальной экономики, использующей ненаучные методы. Л. Вальрас исключил права собственности и классовые конфликты из круга вопросов, которыми должна заниматься экономика. Иными словами, социальное окружение индивида, институты и общественные производственные отношения не подлежали исследованию во имя беспристрастности и объективности. Он абстрагировал чистую экономическую теорию от реальности и создал идеальный рынок с идеальными ценами, которые находятся в точном соотношении с идеальным спросом и предложением. Таким образом, неоклассическая экономическая теория как чистая наука была освобождена от социального и политического взаимодействия («окружения») в рамках систем политической экономии.

Подобное состояние «чистой экономической науки» позволило Л. Роббинсу сделать следующее замечание: «Усилия экономистов за последние сто пятьдесят лет привели к созданию ряда обобщений, точность и важность которых могут быть оспорены лишь невеждами. Однако они не достигли единодушия относительно конечной сущности общего предмета этих обобщений. В целом, нехватка средств для достижения поставленных целей — вот практически повсеместное условие человеческого поведения. Таким образом, единство предмета экономической науки состоит в формах, которые принимает человеческое поведение при распоряжении ограниченными средствами. Экономическая теория — это наука, изучающая поведение человека как взаимосвязь между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативное применение» [Robbins, 1932. P. 15]. Данное определение стало доминирующим в профессиональной экономической среде. Оно заложило основу, которую можно рассматривать в качестве как оправдания сужения экономической теории до теории максимизации и рационального выбора, так и проникновения экономистов в другие области социальных наук.

Данное определение также является конвенциональным среди экономистов, которые в своих исследованиях придерживаются допущений, сформировавших «основное течение», или «мейнстрим». Его многие основополагающие модели и убеждения основаны на концепциях, связанных с редкостью, ролью государственного регулирования, влияющего на решения хозяйствующих субъектов, концепцией полезности и идеей о том, что люди — рациональные субъекты, принимающие решения исключительно на основе имеющейся полной информации. Сравнительным преимуществом мейнстрима является возможность построения на высоком уровне абстракции, при отвлечении от множества конкретных факторов и исторических особенностей, «строгих» и «точных» теоретических моделей. Он следует теории рационального выбора, которая предполагает, что люди принимают решения, максимизирующие их собственную полезность, и использует статистику и математические модели для обоснования теорий и оценки различных экономических тенденций.

В своём влиятельном эссе «Методология позитивной экономической науки» М. Фридман отстаивает подход, согласно которому, главная цель теории — генерировать точные прогнозы, независимо от того, отражают ли её допущения реальность [Friedman, 1953]. Этот инструменталистско-эмпиристский взгляд оказал глубокое влияние на экономическую науку, способствуя разработке моделей, которые могут быть неверны в своих допущениях, но оцениваются прежде всего по их предсказательной способности. Иными словами, неоклассическая экономическая теория не обязательно отражает реальные процессы принятия решений отдельными домохозяйствами или фирмами, если она достаточно хорошо предсказывает их поведение, чтобы быть полезной для разработки политики или проведения анализа. Этот акцент на прогнозировании во многом сформировал современную экономическую теорию, приведя к распространению абстрактных моделей, стремящихся к точности прогнозов, не заботясь о реалистичности своих предположений. Высокая степень абстрагирования от социального контекста экономического действия привела к появлению уникального именно для экономической науки противоречия между точностью и достоверностью.

Подобный «чистый» инструментальный подход к экономической теории сопряжён со значительными рисками. Отдавая приоритет прогнозированию, а не пониманию, инструментализм превращает экономическую науку в «чёрный ящик», предоставляющий полезные прогнозы без объяснения их истинности. Чёрный ящик — это система, внутренние механизмы которой непрозрачны, а результаты можно наблюдать, но не до конца понимать⁴. В этом контексте экономические модели могут предоставлять политикам

⁴ Olschwang C.R. (2024). A Critique of Black Box Economics. Mises Institute. URL: <https://mises.org/mises-wire/critique-black-box-economics> (access date: 18.08.2025).

и аналитикам прогнозы относительно инфляции, безработицы или рыночных тенденций, но они мало что дают для понимания причинно-следственных механизмов, порождающих эти результаты. С точки зрения научного реализма теория ценна не только тем, что предсказывает будущие события, но и тем, что объясняет, почему эти события происходят, проливая свет на причинно-следственные связи, лежащие в основе наблюдаемых явлений. Модели, которые ставят прогноз выше понимания, могут хорошо работать в определённых контекстах, но не срабатывать при применении в новых ситуациях. По замечанию Т. Эггертссона, «мейнстрим оперирует моделями, предполагающими неявно наличие набора идеализированных правил, регулирующих рыночный обмен» [Эггертссон, 2001. С. 18].

Как следствие, мейнстриму присущи определённые ограничения/недостатки (изъяны), особенно упрощённый взгляд на человеческое поведение и игнорирование социальных и институциональных факторов. При этом чрезмерная опора на математические модели и стремление к равновесию часто не отражают сложности и неопределённости реального мира. Например, государство может существовать, но только при строго ограниченных условиях. Оно несёт ответственность за поддержание правовой основы совершенно конкурентной экономики и предоставление определённых общественных благ, таких как оборона, оптимальный объём производства которых не может быть достигнут исключительно рыночными операциями. В случаях отклонений от совершенной конкуренции ожидается, что государство будет использовать налоги, субсидии или, в случае государственных предприятий, свою власть для имитации механизма совершенного рынка, устанавливая цену равной предельным издержкам [Lydall, 1998. P. 155]. В этом смысле неоклассический мейнстрим не способен в полной мере решить ряд вопросов, связанных с функционированием иерархических структур и использованием такого специфического ресурса, как «власть».

Проникновение микроэкономического анализа в сферу социального взаимодействия предполагает, что существует размытая граница между экономическими и политическими интересами/предпочтениями отдельных субъектов. Изучение взаимосвязи политики и экономики подразумевает использование допущений о доминировании в деятельности политиков индивидуального интереса [Conybeare, 1982; Hirshleifer, 1985]. Иными словами, микроэкономический анализ их поведения фокусируется на понимании того, как они принимают решения, следуя своим индивидуальным мотивам, предпочтениям и ограничениям [Burkitt, Spiers, 1983]. Он нацелен на исследование того, как политики реагируют на стимулы, включая давление на выборах, влияние групп интересов и стремление к карьерному росту. При этом основным предположением является то, что они, как и индивиды в других областях, считаются рациональными субъектами, которые стремятся максимизировать свою собственную полезность, включая переизбрание, политическое влияние или личную выгоду [Mulligan, Tsui, 2015]. В целом в рамках «экономической теории политики» политическая организация общества становится эндогенной по отношению к осуществлению рационального выбора, и её параметры можно моделировать наряду с экономическими переменными, включая анализ конкуренции между группами специальных интересов и максимизацию полезности в иерархических структурах.

В этой связи отдельный интерес представляет природа государства не только как политической организации общества, но и как сферы взаимодействия (конкуренции) ограниченно рациональных субъектов в рамках процесса принятия политических решений. Следуя веберовской традиции, Д. Норт концептуализирует государство как организацию с монополией легитимного осуществления насилия на данной территории [North, 1981]. С его точки зрения, государство является самой могущественной организацией в обществе. При этом общество должно решить фундаментальную проблему обеспечения социального порядка. Обеспечение порядка и выступает основной функцией государства. Это требует, чтобы оно обладало принуждающей силой. Однако, если у государства есть

принуждающая сила, то те, кто управляет им, могут использовать эту силу в своих интересах за счёт остального общества. Таким образом, государство возникает как организация со специализацией на использовании насилия и обладает двойственной природой: как субъект установления и поддержания социального порядка, и как субъект принуждения и угнетения.

Важно отметить, что принуждающая сила государства выступает объектом конкуренции между индивидами, стремящимися максимизировать свою частную выгоду. Однако, во-первых, они не всегда могут достичь своих собственных целей, действуя самостоятельно («в одиночку»). Рациональным выбором для них выступает объединение с другими индивидами, чьи интересы совпадают с их собственными, чтобы добиться достижения индивидуальных целей. Во-вторых, данный процесс подразумевает поиск каналов доступа к ресурсам, которые невозможно получить на конкурентных экономических рынках. В этой связи взаимодействие множества групп интересов отражает существование распределительных коалиций в обществе, которые стремятся формировать и контролировать распределение ресурсов в интересах своих участников [Olson, 1982].

М. Олсон выделяет группы со всеохватывающими интересами, которые обладают значимым стимулом для достижения благосостояния общества в целом, и группы с корыстными (узкими) интересами, стремящиеся к такой политике, которая обеспечивает прямые выгоды для их членов, даже если она наносит вред экономике или другим группам. Для иллюстрации действий данных групп М. Олсон использует модели «кочевого и осёдлого бандита». «Если кочевой бандит грабит деревню, он берет всё. Но если осёдлый бандит грабит деревню, он возьмет столько, сколько может, не уничтожая свой источник будущего дохода. Этот бандит установит налоговые ставки на уровне, который максимизирует его доходы; поскольку ВВП падает по мере роста налогов, он максимизирует свой доход по налоговой ставке, намного ниже, чем 100%. Более того, осёдлый бандит найдёт в своих интересах финансирование определённых общественных благ для продвижения внутреннего роста, что ещё больше увеличивает его доходы. Это другая невидимая рука: у автократов есть стимулы для производства общественных благ, даже если у них нет реального намерения, кроме хищничества» [Олсон, 2012. С. 34-38]. В этом смысле кочевой бандит обладает узким интересом, в то время как осёдлому бандиту присущ всеохватывающий интерес.

Несмотря на наличие групп со всеохватывающими интересами, конкуренция между ними значительно уменьшает способность государства реагировать на общественные потребности с помощью политики, которая была бы экономически рациональна. Как правило, это непоследовательная и обременительная политика, искажающая экономическое взаимодействие и порождающая неэффективность по причине чрезмерного регулирования. Отсутствие конкретных санкционных механизмов, ограничивающих масштаб конкуренции, порождает «большое правительство» и искажает «естественное» функционирование рынка. Бьюкенен, Толлисон и Таллок отмечают в этой связи: «Пока действия правительства ограничиваются в основном, если не полностью, защитой индивидуальных прав и имущества, обеспечением соблюдения добровольно заключённых частных контрактов, в экономическом поведении доминирует логика рыночного процесса... Однако если действия правительства значительно выходят за рамки, определённые функциями минималистского государства и государства защищающего, то тенденция к размыванию ренты встречает отпор и может быть вскоре блокирована» [Buchanan, Tollison, Tullock, 1980. P. 9].

Для исправления подобной ситуации, необходимо жёстко ограничивать деятельность политиков и формировать положительный образ государства. По замечанию Э. Гэмбла, «в настоящее время современная политическая экономия охватывает большое количество различных методологий и теоретических подходов, от моделей рационального выбора политического агентства до институциональных исследований социально-экономических

структур» [Gamble, 1995. P. 516]. Развитие новых исследовательских программ в ответ на изменения в идеологических, политических и социальных параметрах экономических систем создали возможность для появления новой политической экономии, объединяющей методологические и теоретические подходы, которые долгое время использовались раздельно. Дж. Бьюкенен отмечает, что «в континентальной Европе в рамках набора “новая политическая экономия” выделяют: 1) теорию общественного выбора, на базе которой возникла конституциональная экономическая теория; 2) экономическую теорию прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическую экономию государственного регулирования; 5) неинституциональную экономическую теорию; 6) новую экономическую историю» [Бьюкенен, 2004. С. 171].

Интеллектуальные истоки данных подходов и концепций различны, однако все они движимы неудовлетворительным состоянием существующих теоретических представлений о взаимосвязи между политикой и экономикой. Изменение политической повестки в 1970–1980-х гг. придало значительный импульс развитию школы общественного выбора и применению экономических методов к анализу политических явлений и процессов. Это также способствовало введению проблематики политической экономии в научные дебаты посредством критики неоклассической экономической теории и предложения альтернативного режима проведения анализа и поиска нормативного идеала для организации отношений между государством и рынком. В данном случае речь идёт о том, чтобы разработать адекватные микрооснования для политической экономии, предоставив объяснения, ориентированные на субъектов, которые делают реалистичные предположения о структурных альтернативах и институтах. В этой связи значимой составляющей новой политической экономии выступает разработка теоретических и эмпирических рекомендаций по формированию альтернативных институциональных механизмов принятия политических решений [Besley, 2007. P. 578].

Поиск альтернативных структур политического выбора позволяет уйти от так называемой институциональной нирваны. Г. Демсец отмечает: «Точка зрения, которая в настоящее время преобладает в экономической теории государственной политики, неявно представляет собой соответствующий выбор между идеальной нормой и существующим “несовершенным” институциональным устройством. Этот подход нирваны существенно отличается от сравнительного институционального подхода, в котором соответствующий выбор делается между альтернативными реальными институциональными соглашениями» [Demsetz, 1969. P. 1-2]. Уход от институциональной нирваны необходим для того, чтобы обеспечить примат позитивного анализа над нормативным. По нашему мнению, серьёзным недостатком получивших широкое признание подходов к изучению взаимосвязи экономики и политики — междисциплинарной концепции порядков Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] и модели инклюзивных и экстрактивных институтов [Асемоглу, Робинсон, 2015; Acemoglu, Johnson, 2023] является то, что они во многом носят нормативный характер. Порядок открытого доступа и система инклюзивных политических и экономических институтов выступают в значительной степени в качестве универсальных идеальных моделей и укладываются в рамки институциональной нирваны.

Подводя итоги проведённого анализа, можно выделить следующие положения неоклассической парадигмы политической экономии:

во-первых, она характеризует её как науку о максимизации полезности отдельными индивидами не только на экономических рынках, но и в политической сфере, характеризующейся наличием такого специфического ресурса, как «власть» в форме легитимного насилия. При этом они выступают как совершенно/ограниченно рациональные агенты, которые делают выбор в условиях полноты/асимметрии информации;

во-вторых, она анализирует экономическое поведение индивидов в контексте их принадлежности к групповым интересам. Групповые интересы могут быть как узкими (рентоориентированными), так и всеохватывающими. Всеохватывающие интересы определяют

степень соответствия интересов группы благосостоянию всего общества. Группы со всеохватывающими интересами более склонны учитывать широкие социальные последствия своих действий, что приводит к более эффективным и менее пагубным результатам для экономики в целом;

в-третьих, она рассматривает государство (политическую организацию общества) как сферу, в которой отдельные индивиды и группы интересов реализуют свои предпочтения посредством конкуренции за доступ к распределению ресурсов (в том числе — к легитимному насилию), недоступных в рамках добровольного обмена на экономических рынках.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о формировании предметного поля и инструментария современной политической экономики. Она выступает как поле, на котором представлено множество теоретических концепций, базирующихся на двух конкурирующих парадигмах политической экономики: реактуализированной классической и неоклассической. Это означает, что современная политическая экономика включает в себя как модернизированную классическую политическую экономию, так и развивающуюся в рамках расширенного мейнстрима новую политическую экономию. При этом можно говорить не только о конкуренции, но и взаимодополнении этих направлений. В результате в настоящее время можно сделать вывод о том, что их объединяет не только объект, но и частично предмет исследований. Последнее выражается в том, что в защитных оболочках исследовательских программ, принадлежащих двум парадигмам современной политической экономики, присутствуют идентичные или близкие по содержанию компоненты.

Так, в современной политической экономике преодолевается разрыв между исследованием экономики и политики. Взаимодействие политических и экономических субъектов рассматривается в контексте их принадлежности к интегральной политико-экономической системе. Новое направление ориентируется на широкое использование в рамках политико-экономических исследований социологического инструментария и эконометрических моделей. Большое значение приобретает практико-ориентированность. Это выражается в активном использовании теоретических моделей для разработки и продвижении нормативных предложений по формированию эффективных альтернатив организации политико-экономического взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аллен У.Р. (2004). Меркантилизм [Allen W.R. (2004). Mercantilism] // *Экономическая теория*. — М.: ИНФРА-М. С. 542–552.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени [Arrighi G. (2006). *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*]. — М.: «Территория будущего».
- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Экономические истоки диктатуры и демократии [Acemoglu D., Robinson J.A. (2015). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Blaug M. (2004). *The Methodology of Economics, or How Economists Explain*]. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики».
- Буайе Р. (1997). Теория регуляции: Критический анализ [Boyer R. (1997). *Regulation Theory: A Critical Analysis*]. — Пер. с франц. Н.Б. Кузнецовой. — М.: Наука для общества.
- Бузгалин А., Колганов А. (2005). Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) [Buzgalin A., Kolganov A. (2005). *Political Economy of Post-Soviet Marxism (Theses for the Formation of a Scientific School)*] // *Вопросы экономики*. № 9. С. 36–55. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-9-36-55
- Бьюкенен Дж. (2004). Конституциональная экономическая теория [Buchanan J. (2004). *Constitutional Economics*] // *Экономическая теория* / Под ред. Дж. Итуэлла и др. Научн. ред. В.С. Автономов. — М.: ИНФРА-М. С. 167–178.
- Валлерстайн И. (1998). Миросистемный анализ [Wallerstein I. (1998). *World-system analysis*] // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике*,

- анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. — Новосибирск. С. 105–123.
- Валлерстайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Wallerstein I. (2001). *Analysis of world systems and the situation in the modern world*] / Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого⁵. — СПб.: Изд-во «Университетская книга».
- Дементьев В.В. (2004). Экономическая власть и институциональная теория [Dementyev V.V. (2004). *Economic power and institutional theory*] // *Вопросы экономики*. № 3. С. 50–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-3-50-64
- Дементьев В.В. (2003). Экономика как система власти [Dementyev V.V. (2003). *Economy as a system of power*]. — Донецк: Каштан.
- Клиторин В.И. (2014). Классическая политическая экономия и современность [Klistorin V.I. (2014). *Classical political economy and modern times*] // *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки*. Т. 14. Вып. 2. С. 118–126.
- Кун Т. (2003). Структура научных революций [Kuhn T. (2003). *The Structure of Scientific Revolutions*]. — М.: «АСТ».
- Лакатос И. (2008). История науки и её рациональные реконструкции [Lakatos I. (2008). *History of Science and its Rational Reconstructions*] // *Избранные произведения по философии и методологии науки*. — М.: Академический Проект; Трикста. С. 201–281.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Олсон М. (2012). Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры [Olson M. (2012). *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*]. — М.: Новое издательство.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Polanyi K. (2002). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*]. — СПб.: Алетея.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов [Smith A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*]. — М.: Эксмо.
- Толкачев С.А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии [Tolkachev S.A. (2024). *Cyclical patterns of transformation of economic orthodoxy*] // *Terra Economicus*. Т. 22. № 3. С. 6–20. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа [Schumpeter J.A. (2001). *The History of Economic Analysis*]. — СПб.: Экономическая школа.
- Эггертссон Т. (2001). Экономическое поведение и институты [Eggertsson T. (2001). *Economic behavior and institutions*]. — М.: Дело.
- Ядгаров Я.С. (2018). Классическая политическая экономия через призму исследовательской парадигмы К. Маркса в его книге «Капитал» (к 200-летию со дня рождения К. Маркса) [Yadgarov Ya.S. (2018). *Classical political economy through the prism of the research paradigm of K. Marx in his book «Capital» (on the 200th anniversary of K. Marx's birth)*] // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 8. № 1. С. 57–64. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-7-1-57-64.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. — New York: PublicAffairs.
- Becchetti L., Bruni L., Zamagni S. (2020). Economics: What it studies, with what methods, and how it evolved // *The Microeconomics of Wellbeing and Sustainability: Recasting the Economic Process*. — London: Academic Press. Pp. 1–49. DOI: 10.1016/B978-0-12-816027-5.00001-X.
- Besley T. (2007). The New Political Economy // *The Economic Journal*. Vol. 117. Pp. F570–F587. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2007.02097.x.
- Buchanan J.M., Tollison R.D., Tullock G. (1980). *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. — College Station: Texas A&M Press.
- Burkitt B., Spiers M. (1983). The Economic Theory of Politics: A Re-appraisal // *International Journal of Social Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 12–21. DOI: 10.1108/eb013930.
- Clarke S. (1991). The Marginalist Revolution in Economics // *Marx, Marginalism and Modern Sociology*. — London: Palgrave Macmillan. Pp. 182–206. DOI: 10.1007/978-1-349-21808-0_6.
- Conybeare J. (1982). The Rent-Seeking State and Revenue Diversification // *World Politics*. Vol. 35. No. 1. Pp. 25–42. DOI: 10.2307/2010278
- Demsetz H. (1969). Information and Efficiency: Another Viewpoint // *The Journal of Law & Economics*. Vol. 12. No. 1. Pp. 1–22. DOI: 10.1086/466657.
- Friedman M. (1953). *Essays in Positive Economics*. — Chicago: The University of Chicago Press.
- Gamble A. (1995). The New Political Economy // *Political Studies*. Vol. 43. No. 3. Pp. 516–530. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1995.tb00320.x

⁵ Признан Министерством юстиции РФ экстремистом и иностранным агентом.

- Hirshleifer J. (1985). The Expanding Domain of Economics // *American Economic Review*. Vol. 75. No. 6. Pp. 53–68.
- King J.E. (2013). A case for pluralism in economics // *Economics and Labour Relations Review*. Vol. 24. № 1. Pp. 17–31. DOI: 10.1177/1035304612474219.
- Lydall H. (1998). *A Critique of Orthodox Economics: An Alternative Model*. — London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230379879_10.
- Milonakis D., Fine B. (2009). *From Political Economy to Economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory*. — London: Routledge.
- Mulligan C.B., Tsui K.K. (2015). Political entry, public policies, and the economy // *Research in Economics*. Vol. 69. No. 3. Pp. 377–397. DOI: 10.1016/j.rie.2015.06.004.
- North D. (1981). *Structure and Change in Economic History*. — New York: WW Norton & Co.
- Olson M. (1982). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. — New Haven, CT: Yale University Press.
- Robbins L. (1932). *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. — London: Macmillan and Co.
- Stilwell F. (2016). Heterodox economics or political economy? // *World Economics Association Newsletter*. Vol. 6. No. 1. Pp. 2–6.
- Viner J. (1948). Power versus Plenty as Objectives of Foreign Policy in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *World Politics*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–29.
- Walras L. (1954). *Elements of Theoretical Economics: Or, The Theory of Social Wealth*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Ward B. (1972). *What's Wrong with Economics?* — New York: Basic Books.

Левин Сергей Николаевич

levin.sergey.n@gmail.com

Sergey Levin

Doctor of Science (Econ.), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

levin.sergey.n@gmail.com

Саблин Кирилл Сергеевич

sablin_ks@mail.ru

Kirill Sablin

Cand. of Science (Econ.), Associate Professor, Russian State Institute of Performing Arts (Saint-Petersburg)

sablin_ks@mail.ru

COMPETING PARADIGMS WITHIN MODERN POLITICAL ECONOMY⁶

Abstract. The article is devoted to the comparative characteristics of classical and neoclassical paradigms within the framework of modern political economy, which is not an integrated concept based on uniform foundations, but it is a set of partially competing concepts. The authors identify their advantages and limitations. Classical paradigm characterizes political economy as a science of accumulation and distribution of national wealth. The economic behavior of individuals is analyzed in the context of their belonging to classes. State is considered as a structure whose utility functions reflect the economic interests of classes as well as a relatively independent arbiter of their coordination. On the other hand, neoclassical paradigm characterizes political economy as a science of utility maximization by individuals not only in economic markets but also in the political sphere, characterized by the presence of such resource as “power” in the form of legitimate violence. Their economic behavior is analyzed in the context of belonging to group interests, and state acts as a sphere in which individuals and interest groups realize their preferences through competition for access to resources that are not available within the framework of voluntary market exchange. In general, modern political economy includes both reactualized classical political economy and new political economy developing within the expanded mainstream. At the same time, one can say not only of competition, but also of the complementarity of these areas. It is noted that the protective belts of their research programs contain identical or similar components: overcoming the “gap” between the study of economics and politics; using sociological tools and econometric models; practice-oriented approach within the framework of elaborating normative proposals for the formation of effective options for organizing political and economic interaction.

Keywords: *paradigm, research program, scientific revolution, classical political economy, heterodox economic theories, expanded mainstream, new political economy.*

JEL: P51, P52.

⁶ The article is prepared according to the research results carried out at the expense of budgetary funds under the governmental assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В.С. Щербаков

к.э.н, Банк России (Екатеринбург), Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ОЦЕНКА ИНФЛЯЦИОННЫХ ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НА ОСНОВЕ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (ПОДХОД «СВЕРХУ ВНИЗ»)

Аннотация. По своей природе инфляционные ожидания выступают ненаблюдаемой переменной. В рамках экономической теории и практики прокси-показатели инфляционных ожиданий (преимущественно на основе опросов) используются в качестве важнейших переменных для анализа и прогнозирования инфляционных процессов. Наряду с этим, при реализации режима таргетирования инфляции регуляторы преимущественно посредством коммуникаций в области денежно-кредитной политики нацелены на управление инфляционными ожиданиями. В этом аспекте проявляется их особый, дуальный характер. Сегодня продолжает расти популярность использования альтернативных оценок инфляционных ожиданий, включая статистику поисковых запросов. Концептуальным вопросом остается отбор ключевых слов для квантификации ожиданий населения. Целью исследования выступает разработка методологически обоснованного подхода к отбору ключевых слов для поисковых запросов, статистика по которым может использоваться в качестве прокси-переменных инфляционных ожиданий. В рамках статьи поставленная цель достигается на основе текстового анализа коммуникаций Банка России с применением моделей машинного обучения (в особенности NLP). На основе проведенного частотного анализа (Baseline-подход), а также использования дообученных NLP-моделей (семейство моделей T5 («Text-to-Text Transfer Transformer»)) были выделены четыре группы ключевых слов («инфляция», «Центральный банк», «курс», «ключевая ставка»), используя которые регулятор может формировать инфляционные ожидания населения России (подход «сверху вниз»). Ввиду последних изменений в политике доступности исторических данных, а также популярности поисковой сети среди жителей России, особый акцент сделан на данных поисковой сети Яндекс. Предполагается, что отслеживание динамики запросов по группам «инфляция» и «Центральный банк» дают оперативную информацию повсеместно, а по группам «курс», «ключевая ставка» — в кризисных и/или изменяющихся экономических условиях. Проведена апробация полученных результатов по поисковой статистике выделенных ключевых слов в качестве прокси-показателей в рамках прогнозирования инфляции в Российской Федерации на основе набора моделей семейства ARIMAX. Результаты свидетельствуют о целесообразности использования статистики по ключевым словам в качестве объясняющих переменных для минимизации ошибок прогнозов в рамках моделей прогнозирования инфляции.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, таргетирование инфляции, инфляционные ожидания, поисковые запросы, текстовый анализ, методы машинного обучения, Яндекс.

JEL: C82; C88; E31; E52

УДК: 336.7, 338.57

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_68_90

© В.С. Щербаков, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Щербаков В.С. Оценка инфляционных ожиданий населения России на основе поисковых запросов в сети Интернет (подход «сверху вниз») // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 68–90. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_68_90.

FOR CITATION: Shcherbakov V.S. Measuring Russian Public Inflation Expectations Using Internet Search Data: A Top-Down Approach // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 68–90. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_68_90.

Настоящая статья отражает личную позицию автора. Содержание и результаты данного исследования не следует рассматривать, в том числе цитировать в каких-либо изданиях, как официальную позицию Банка России или указание на официальную политику или решения регулятора. Любые ошибки в данном материале являются исключительно авторскими.

Введение

В самом общем виде инфляционные ожидания могут быть определены в качестве агрегированных предположений экономических субъектов относительно будущего уровня инфляции. Несмотря на весь достаточно богатый накопленный мировой опыт в области исследований природы инфляционных ожиданий (см., например: [Carlson, Parkin, 1975; Mankiw, Reis, Wolfers, 2003; Carroll, 2003; Batchelor, 2009; Жемков, Кузнецова, 2017, Винокуров, Медведев, 2023]) и использования данного показателя для анализа и прогнозирования инфляции (см., например: [Bernanke, 2007; Fuhrer, 2012; Banbura, Leiva-Leon, Menz, 2021]), по-прежнему остаётся актуальным вопрос их измерения.

Это обусловлено тем, что, как правило, инфляционные ожидания экономических агентов выступают ненаблюдаемой величиной. Одним из самых распространённых подходов для сбора информации об ожидаемой населением инфляции выступают разного рода опросы¹. Впервые такие опросы стали проводиться более 50 лет назад и на сегодняшний день являются мейнстримом в области сбора данных об инфляционных ожиданиях. Для получения количественных оценок собранных данных применяются различные статистические приемы — методы квантификации инфляционных ожиданий [Хазанов, 2015; Перевышин, Рыкалин, 2018]. В России регулярные исследования в данной области проводятся с 2009 г. по заказу Банка России. Полученные данные² используются на регулярной основе в рамках реализации текущей денежно-кредитной политики.

В последние годы усилилась работа в области получения альтернативных оценок инфляционных ожиданий, в особенности с использованием широкого спектра методов машинного обучения [Голощапова, Андреев, 2017; Larsen, Thorsrud, Zhulanova, 2021]. Особый интерес к данному вопросу обусловлен возможностью квантификации инфляционных ожиданий на основе общедоступной информации в режиме реального времени с минимальными затратами в отличие от опросных подходов [Петрова, 2022]. В первую очередь речь идёт об использовании различных неструктурированных данных из сети Интернет, включая публикуемые новости, данные социальных сетей и так далее [Aromí, Llada, 2020, Angelico et al., 2022; Шуляк, 2022; Евстигнеева, Карпов, 2023; Shcherbakov, Karpov, 2024].

В этом отношении отдельным блоком выделяется корпус исследований, посвящённый использованию поисковых запросов в качестве прокси-показателей для различных экономических индикаторов [Щербаков Харламова, Гартвич, 2022; Федюнина, Юревич, Городный, 2024]. В области инфляционных ожиданий сделан достаточно большой задел с точки зрения применения подобной информации для анализа и прогнозирования инфляции (Приложение 1).

В целом поисковое поведение в Интернете можно интерпретировать в качестве показателя выявленных ожиданий ввиду того, что люди ищут информацию по темам, о которых хотят узнать больше, или о вещах, которые вызывают у них беспокойство. В рамках одной из пионерных работ в исследуемой области установлено, что данная логика в полной мере относится и к оценке инфляционных ожиданий [Guzman, 2011]. При этом, учитывая значительно возросшее количество пользователей сети Интернет за последнее

¹ Подробнее о проводимых по заказу Банка России опросах инфляционных ожиданий и применяемых методах их квантификации можно ознакомиться в специализированном разделе официального сайта «Инфляционные ожидания и потребительские настроения». Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/infl_exp_23-12/#highlight=инфляционные%7Сожидания%7Спотребительски-е%7Снастроения%7Синфляционных%7Сожиданиях%7Спотребительских%7Снастроениях (дата обращения: 06.09.2024)

² Накопленные статистические данные по инфляционным ожиданиям на основе опросов «инФОМ». Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/inflationary_expectations/ (дата обращения: 20.07.2025)

десятилетие³, можно говорить о том, что получаемая таким образом информация является репрезентативной с точки зрения характеристики поведения как широких слоёв населения, так и общества в целом.

При этом в рамках обсуждаемого направления одним из важнейших вопросов остаётся определение ключевых слов, статистика по поисковым запросам которых может свидетельствовать об изменениях инфляционных ожиданий. Этот момент является архиважным ввиду агрегированной природы показателя инфляции как такового. В частности, индекс потребительских цен (далее ИПЦ), лежащий в основе расчёта инфляции, измеряется на основе потребительской корзины, состоящей из более 550 товаров и услуг. Учесть всё многообразие возможных словоформ и словосочетаний на основе входящих в его расчёт товаров и услуг является проблематичным.

С одной стороны, логично предположить, что если мы хотим получить прокси-показатель для инфляционных ожиданий, то в первую очередь необходимо использовать в качестве ключевого слова термин «инфляция» и его производные. Это на практике и наблюдается. С другой стороны, нет никаких свидетельств о том, что все пользователи сети Интернет правильно трактуют данное понятие и до конца понимают его природу, а поэтому используют его корректно.

Остаётся открытым вопрос обоснования выбора других значимых ключевых слов, которые потенциально могут отражать изменение инфляционных ожиданий через статистику их поисковых запросов как в разрезе регионов, макрорегионов, так и страны в целом. Как правило, исследователи в данной области подходят к определению ключевых слов экспертным методом или своеобразным перебором, например, через включение статистики по широкому спектру экономических терминов и конструированию наборов словосочетаний на их основе с дальнейшим исключением незначимых рядов данных.

В связи с этим в рамках данного исследования целью *выступает разработка методологического подхода к отбору ключевых слов для поисковых запросов, статистика по которым может использоваться в качестве прокси-переменных инфляционных ожиданий.*

Как известно, ключевой целью денежно-кредитной политики (далее ДКП) Центрального банка Российской Федерации является поддержание ценовой стабильности, другими словами — стабильно низкой инфляции (вблизи 4% постоянно). Для достижения поставленной цели Банк России, начиная с 2015 года, полноценно перешёл к реализации режима инфляционного таргетирования (далее ИТ).

В рамках данной политики Банк России, с одной стороны, принимает решения по ДКП на основе макроэкономического прогноза, который строится с учётом большого массива разносторонней информации, в том числе замеров и инкорпорирования в свои модели инфляционных ожиданий профессиональной и непрофессиональной (широкой) аудитории. В этом случае инфляционные ожидания выступают как один из факторов принятия решения об изменении ключевой ставки как основного инструмента ДКП.

С другой стороны, осуществление ИТ напрямую связано с проведением коммуникаций, направленных на снижение инфляционных ожиданий. При таком подходе уже инфляционные ожидания могут рассматриваться в качестве зависимой переменной, которая подвержена влиянию со стороны Банка России.

Чтобы меры регулятора были более эффективными, необходимо привязать инфляционные ожидания населения и бизнеса к цели по инфляции («заякорить»). В рамках данного процесса важнейшей составляющей выступает доверие со стороны экономических агентов Банку России. Оно формируется при успешном достижении обозначенной цели,

³ Согласно Всемирному банку (World Bank), удельная доля населения мира, пользующаяся сетью Интернет, возросла с 29% в 2010 г. до 67% в 2023 г. Для России этот показатель составил 42 и 92% соответственно. Всемирный Банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=RU> (дата обращения: 20.01.2025).

а также понимании обществом сути проводимой ДКП. В данном отношении Банк России стремится быть максимально открытым, в том числе посредством проводимых коммуникаций. Это выступает одним из ключевых принципов ДКП при таргетировании инфляции.

Необходимо отдельно отметить, что в России инфляционные ожидания профессиональной аудитории были заякорены на цели по инфляции начиная с 2017 г. При этом инфляционные ожидания широкой аудитории остаются не заякоренными. Представляется, что это не должно выступать препятствием для таргетирования. Мировой опыт показывает, что даже в странах с более длительным опытом поддержания ценовой стабильности инфляционные ожидания реального сектора экономики являются в значительной мере адаптивными и следуют за фактической динамикой инфляции [Банк России, 2024].

Таким образом, своеобразный дуализм в использовании инфляционных ожиданий со стороны Банка России, в особенности его вторая составляющая, приводит к тому, что сами коммуникации регулятора могут содержать ключевые смыслы, направленные на управление инфляционными ожиданиями населения. Представляется, что со временем данная логика подлежит усилению, в том числе с учётом повышения эффективности коммуникаций Банка России, накопления необходимого опыта [Евстигнеева, 2023]. Данные суждения легли в основу разрабатываемых подходов.

Методология исследования

Основная гипотеза исследования состоит в том, что комплекс коммуникаций Банка России в области ДКП содержит специальную информацию, направленную на управление инфляционными ожиданиями агентов. В связи с этим необходимо сделать ряд дополнительных комментариев. Является ли поисковая активность в сети Интернет отражением инфляционных ожиданий населения в целом либо только Интернет-пользователей? Принято считать, что основным потребителем информации Банка России является профессиональная аудитория.

Во-первых, с учётом сегодняшнего уровня проникновения и доступности Интернета для граждан России, поведение Интернет-пользователей видится вполне репрезентативным с точки зрения отражения поведения населения в целом.

Во-вторых, как уже говорилось, Банк России нацелен на коммуникацию как с профессиональной, так и непрофессиональной аудиторией. Установлено, что уровень коммуникаций Банка России остаётся относительно сложным для понимания именно широкой аудиторией. Но выявлены улучшения удобочитаемости материалов начиная с 2018 г. [Евстигнеева, Sidorovskiy, 2021]. В контексте данной работы важно учесть, что даже если население напрямую не часто или вовсе не сталкивается с коммуникациями в области ДКП посредством официального сайта Банка России, который в качестве одного из основных источников информации находится в фокусе исследования, то сами коммуникации являются инфоповодом и ретранслируются далее различными СМИ, в социальных сетях, в том числе в адаптированном, упрощённом виде. Имеет место своеобразный мультипликативный эффект коммуникаций, осуществляемых Банком России.

В-третьих, хотя и невозможно выделить из общего количества поисковых запросов именно те, которые были сделаны профессиональной аудиторией, но, учитывая их значимость при малочисленности самого экспертного сообщества, мы придерживаемся мнения, что поиск по ключевым словам именно населением является определяющим в наблюдаемых тенденциях.

Основная идея применяемого метода заключается в том, чтобы упростить исходный текст до версии, которая содержала бы ключевую суть или общий смысл изложенного. В контексте данной работы нас будет интересовать возможность «сворачивания» официальных текстов коммуникаций Банка России в области ДКП до нескольких ключевых слов,

поисковая статистика по которым дальше может быть квантифицирована с помощью данных поисковых запросов.

Другими словами, в рамках исследования проводятся эксперименты с так называемой саммаризацией текстов (summarization) в области ДКП. Сама задача саммаризации текста существует уже более 50 лет [Дауит, Кемалов, Джаксылыкова, 2020; Yadav D., Desai, Yadav A., 2022] и является одним из направлений NLP⁴ (natural language processing, обработка естественного языка). При этом она получила «второе дыхание» только в последнее десятилетие в связи с внедрением продвинутых методов машинного обучения для её решения⁵.

Особый импульс или даже популяризацию получила данная отрасль в связи с внедрением больших языковых моделей (LLM), таких как зарубежный ChatGPT⁶, отечественные GigaChat⁷, YandexGPT⁸ и других. Безусловно, внедрение данных моделей для решения огромного спектра задач обладает огромным потенциалом, в том числе с точки зрения саммаризации текста. При этом в силу значительного масштаба они могут обладать некоторыми особенностями или даже недостатками использования с точки зрения их локализации под определённые точечные вопросы, которые среди прочего рассматриваются в данной работе.

В этом отношении значимой вехой в области использования методов машинного обучения, в том числе в NLP, является разработка и внедрение механизма «передачи знаний» (transfer learning) [Thrun, Pratt, 1998]. Это позволяет использовать сложные, предварительно обученные на большом массиве информации модели (pre-trained models) для решения смежных задач через точную настройку/дообучение модели (fine-tuning) под конкретную цель [Han et al., 2021]. С практической точки зрения это помогает экономить значительные временные, вычислительные и интеллектуальные ресурсы без существенной потери эффективности.

В свою очередь, с точки зрения решения целого комплекса задач в области NLP существенным шагом последних лет стала, например, презентация семейства моделей T5 («Text-to-Text Transfer Transformer»). Подобные модели имеют мультизадачную природу и предназначены для решения широкого спектра задач, включая саммаризацию текста. В целом T5 модели являются представителями класса предобученных encoder-decoder моделей, в основе которой лежит трансформер архитектура (Transformer) [Vaswani et al., 2017].

Результаты использования модификаций данных моделей на стандартизированных тестах превосходили существующие на тот момент аналоги [Raffel et al, 2020]. Сопоставимость получаемых результатов с более новыми моделями (Pegasus, различные модификации BERT-based, CNN-based и другие) также подтвердилась в ряде последующих исследований для различных стран [Ay et al., 2022, Wang et al, 2023, Guan, Zhu, Yuan, 2024].

Для решения поставленной в рамках данной работы задачи и, учитывая экспериментальный характер подхода, после дополнительного анализа были отобраны две модели:

⁴ Natural Language Processing — это область искусственного интеллекта, главная задача которой — дать машинам возможность анализировать, понимать и интерпретировать человеческий язык. NLP выступает основой для больших языковых моделей (large language model, LLM), которые призваны также генерировать очеловеченный текст.

⁵ Подробнее с прогрессом работ в области саммаризации текста можно ознакомиться на сайте NLP-progress. URL: <http://nlpprogress.com/english/summarization.html> (дата обращения: 15.01.2025)

⁶ Чат-бот с генеративным искусственным интеллектом, созданный компанией OpenAI. URL: <https://openai.com/chatgpt> (дата обращения: 20.02.2025)

⁷ Русскоязычная нейросеть от Сбера. URL: <https://developers.sber.ru/gigachat/login> (дата обращения: 20.02.2025)

⁸ Генеративная модель Яндекса. URL: <https://ya.ru/ai/gpt-3> (дата обращения: 20.02.2025)

- ruT5-base⁹ [Zmitrovich et al., 2023]
- keyt5-base¹⁰

При их выборе мы руководствовались несколькими критериями: 1) модели базируются на архитектуре и логике T5; 2) модели изначально предназначены/предобучены для работы с текстами на русском языке; 3) модели не являются «тяжёлыми» и их возможно использовать с точки зрения необходимых вычислительных мощностей даже на персональном компьютере.

Дополнительно в рамках данной работы в качестве определённого бенчмарка (*Baseline-подход*) для сравнения с полученными результатами указанных моделей NLP будет использоваться частотный подход к анализу текстовых коммуникаций Банка России. Суть данного подхода заключается в следующем: необходимо определить ключевые слова, которые наиболее часто (относительное количество употреблений) использовались регулятором.

С одной стороны, логика такого подхода заключается в том, что Банк России может более часто употреблять те ключевые слова, которые имеют наибольшую информационную силу в рамках проводимых коммуникаций. С другой стороны, этот метод является относительно простым.

Для этого на первом этапе вся собранная база коммуникаций регулятора будет объединена в единый текст с удалением лишних пунктуационных знаков. Далее он подвергнется токенизации (разделению на отдельные слова) и очистки от общеупотребительных, так называемых, стоп-слов (например: он, это, ещё и т.д.). На следующем шаге будет произведена лемматизация оставшихся слов. Это поможет устранить разные вариации одних и тех же слов, связанные с различиями в спряжении, падежах, употреблении множественного и/или единственного числа и т.д. В итоге будет получен список наиболее часто встречающихся слов в коммуникациях Банка России, который будет сопоставлен с результатами суммаризации текстов с использованием отобранных языковых моделей.

Сбор и обработка данных

Для решения поставленной в рамках данного исследования задачи на первом этапе возникла необходимость формирования двух баз данных: 1 — «База для извлечения смыслов» и 2 — «База для обучения моделей машинного обучения». Остановимся на логике их формирования подробнее.

«База для извлечения смыслов» представляет собой набор текстовых коммуникаций Банка России в области ДКП, осуществлённых через официальный сайт регулятора (www.cbr.ru) в период с 1 января 2014 г. по 1 января 2025 г. Всего в базу попало 286 коммуникаций в области ДКП, которые можно подразделить на следующие разновидности: пресс-релиз по итогам заседания Совета директоров Банка России, материалы пресс-конференций по итогам заседания Совета директоров Банка России, материалы сессий «вопрос-ответ» после заседаний Совета директоров Банка России, интервью по вопросам ДКП для широкого круга изданий, выступления (на форумах, в Государственной Думе РФ и на других площадках).

С одной стороны, такая логика разделения коммуникаций регулятора по типам уже задана на официальном сайте в тематическом разделе, посвящённом новостям ДКП¹¹.

⁹ Описание модели ruT5-base. Hugging Face. URL: <https://huggingface.co/ai-forever/ruT5-base> (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁰ Описание модели 0x7194633/keyt5-base. Hugging Face. URL: <https://huggingface.co/0x7194633/keyt5-base> (дата обращения: 24.01.2025).

¹¹ Специализированный раздел, посвящённый новостям в области ДКП на официальном сайте Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/dkp/news/> (дата обращения: 20.02.2025).

С другой стороны, представляется целесообразным выделить обсуждения в рамках сессий «вопрос-ответ» после заседаний Совета директоров Банка России в отдельную категорию ввиду особой значимости прямой коммуникации со СМИ, возможности уточнения озвученных позиций в пресс-релизах и выступлениях Председателя напрямую в режиме диалога.

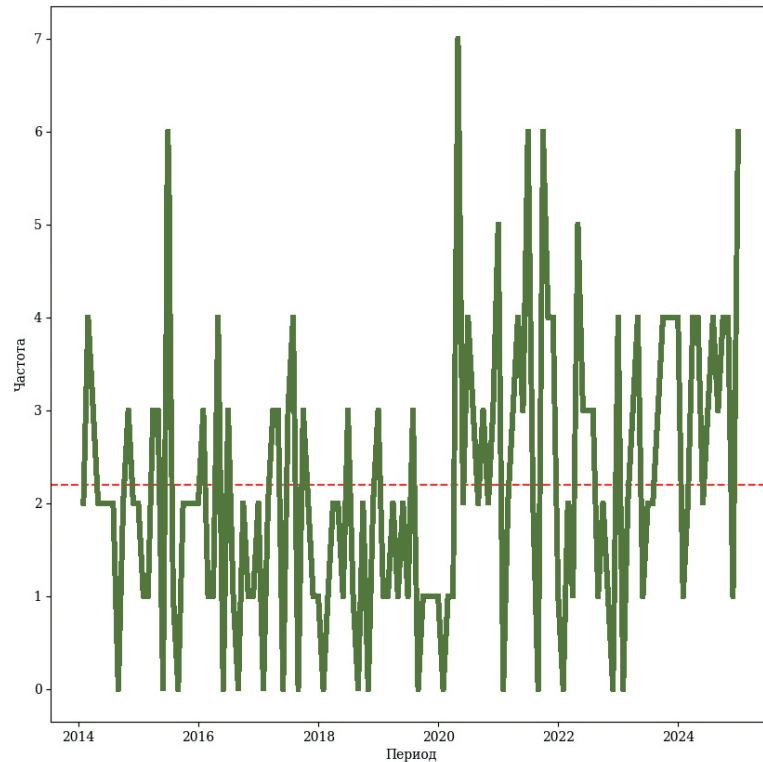

Рис. 1. Коммуникации Банка России в области ДКП на официальном сайте Банка России
Источник: составлено автором.

Исходя из представленных данных (рис. 1) видно, что в среднем на официальном сайте Банка России размещалось два материала в области ДКП в месяц, отнесённых к вышеобозначенным категориям. Начиная с 2020 г. среднее значение подобных коммуникаций превысило 2,5.

Представляется, что применяемый подход требует ряда пояснений, которые раскрывают суть содержания собранной базы.

Во-первых, необходимо понимать, что информационная политика Банка России в области ДКП не является статичной. На протяжении всего наблюдаемого периода регулятор ведёт работу в рамках проводимых коммуникаций, экспериментирует, вводит новые форматы взаимодействия. Например, в плановом режиме заседания Совета директоров Банка России проходят 8 раз в год. При этом на начальном этапе реализации режима таргетирования инфляции только по итогам четырёх заседаний Совета директоров публиковались развёрнутые материалы, включающие оценки экономической ситуации в стране, прогноз макроэкономического развития, которые влияют на сохранение или изменение ключевой ставки. В свою очередь Э.С. Набиуллина, Председатель Банка России, осуществляла коммуникации в режиме пресс-конференций по результатам принятых решений. В остальных случаях осуществлялась только публикация пресс-релизов на сайте. Далее перешли к проведению пресс-конференций по итогам всех заседаний. Кроме того, новацией последних лет является участие в сессии «вопрос-ответ» после заседаний Совета директоров Банка России не только Председателя, но и заместителя Председателя Банка России (А.Б. Заботкина), курирующего блок ДКП в целом (рис. 2).

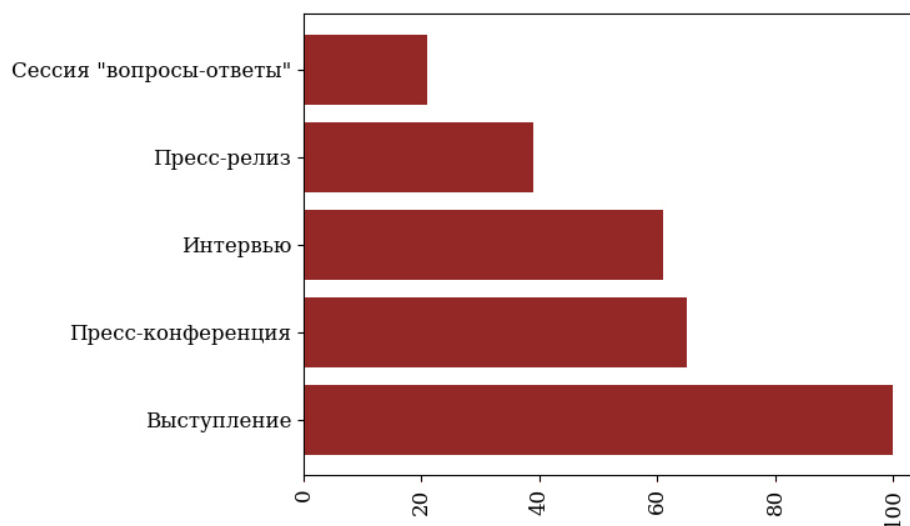

Рис. 2. Структура коммуникаций Банка России в области ДКП на официальном сайте Банка России по основным видам

Источник: составлено автором.

Во-вторых, в силу принятого подхода коммуникации в области ДКП, попавшие в сформированную базу, осуществлялись ключевыми руководителями Банка России: от Председателя до директора департамента ДКП. В том случае, когда материал (преимущественно пресс-релизы по итогам ранних заседаний Совета директоров) публиковался пресс-службой Банка России, авторство материала значилось за данным структурным подразделением (не персонифицировано). Отметим, что в 59% случаев в рамках собранной базы в качестве спикера выступала индивидуально Председатель Банка России Э.С. Набиуллина.

В-третьих, вне зависимости от источников и авторов публикаций по теме ДКП в базу включались только те материалы, которые были размещены/перепечатаны на официальном сайте Банка России. Например, выступления на пленарном заседании Совета Федерации, на совместном заседании профильных комитетов Государственной Думы, на встрече Ассоциации банков России и так далее. Представляется, что размещение данных коммуникаций на официальном ресурсе регулятора может свидетельствовать об их значимости и актуальности с точки зрения проводимой ДКП.

Безусловно, в базу попали далеко не все материалы Банка России в области ДКП. Однако собранной информации вполне достаточно для формирования общего представления о проводимых коммуникациях, в особенности с учётом реализуемой политики «единого голоса»¹².

Данная база будет использоваться для выделения ключевых слов, содержащихся в официальных коммуникациях Банка России в области ДКП. Квантификация инфляционных ожиданий на основе статистики поисковых запросов выделенных слов даёт возможность создать соответствующие прокси-показатели.

Как было отмечено ранее, механизм «передачи знаний» (transfer learning) позволяет использовать сложные, предварительно обученные на большом массиве информации модели для решения целого ряда фундаментальных и прикладных задач. Это открывает широкие возможности для пользователей, не обладающих большими вычислительными ресурсами, с точки зрения адаптации этих моделей. В рамках использования данного механизма важным моментом является адаптация обученных моделей под конкретные цели исследователя.

¹² Банк России. URL: https://cbr.ru/dkp/information_policy/ (дата обращения: 01.12.2024).

В связи с этим возникла необходимость создания второй базы: «База для обучения моделей машинного обучения». Информация, содержащаяся в данной базе, должна позволить выбранным NLP-моделям более качественно решать задачу суммаризации с учётом того, что все тексты имеют финансово-экономическую природу, опубликованы на русском языке. Другими словами, такая база позволяет «затачивать» избранные, заранее обученные на широком массиве информации модели именно под экономическую тематику.

Для формирования данной базы использовались ведущие российские новостные порталы: РБК и РИА Новости. Финальный отбор данных масс-медиа произошёл по следующим критериям:

1) они являются общепризнанными федеральными изданиями, что подтверждается, например, постоянным нахождением в топах рейтингов Медиалогии¹³, системы автоматического мониторинга анализа СМИ и соцмедиа;

2) издания не были созданы «вчера» и имеют накопленный пул публикаций по финансово-экономической тематике, по крайней мере начиная с 2014 г. — основного подготовительного этапа в преддверии начала таргетирования инфляции Банком России;

3) каждая тематическая публикация снабжена набором специальных тегов, которые как раз могут выступать в роли ключевых слов, характеризующих содержание опубликованных статей.

На последнем критерии требуется остановиться подробнее. Все сайты в сети Интернет нацелены на максимизацию количества посетителей своих ресурсов. Одним из значимых источников перехода на порталы являются поисковые системы, которые, в свою очередь, заинтересованы в выдаче релевантных ссылок в ответ на запросы по тем или иным ключевым словам. В связи с этим сайты проводят поисковую оптимизацию для поднятия своих позиций в результатах выдачи поисковых систем по определённым запросам пользователей с целью увеличения трафика. Одним из элементов оптимизации выступает использование тегов к материалам, размещаемым на сайтах.

Таким образом, представляется, что информационные агентства, в том числе РБК и РИА Новости, крайне заинтересованы в подборе надлежащих тегов, наиболее полно характеризующих содержание публикуемых новостей. Использование подобной информации из двух источников позволит избежать смещения (bias), которое могло возникнуть при фокусировке только на одном портале или использовании несбалансированной выборки. В данном контексте идёт речь о смещении, вызванном тем, что каждое из информационных агентств имеет свою специфику, а также логику разметки тематических статей с помощью тегов. Дальнейшее расширение базы посредством включения других Интернет-ресурсов является нецелесообразным ввиду несоответствия одному или нескольким критериям, выделенным выше.

Как результат, в указанный период в «Базу для обучения моделей машинного обучения» вошло 26 932 новости финансово-экономической тематики.

Отметим, что частота публикационной активности на порталах РБК и РИА Новости разная (рис. 3). Тем не менее новости в итоговую базу отбирались путём случайной выборки в соотношении 50 на 50. Другими словами, полученная база является сбалансированной относительно источников информации за весь период в целом. При этом разбивка по годам может отличаться с точки зрения включаемых новостей из различных источников в определённые годы, как это и показано на рис. 3.

Отдельного внимания заслуживают комментарии относительно использования данных поисковых систем в качестве потенциального источника для квантификации инфляционных ожиданий населения. Устоявшимся стандартом в области использования данных поисковых запросов для целей наукастинга и краткосрочного прогнозирования различных экономических показателей является использование данных Google. Начало использования

¹³ Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/12702/#internet> (дата обращения: 02.12.2024).

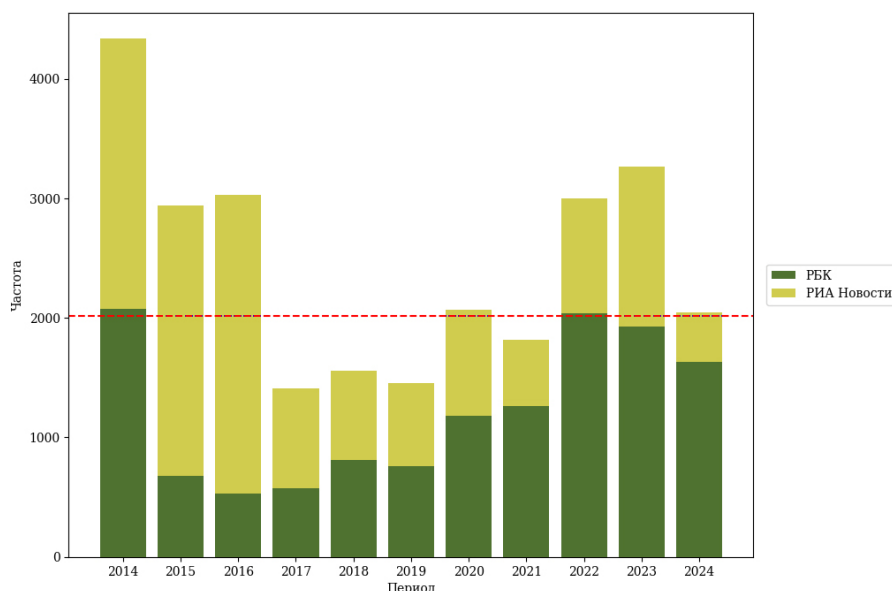

Рис. 3. База для обучения моделей машинного обучения на основе финансово-экономических новостей РБК и РИА Новости (янв.14 — дек.24)

Источник: составлено автором.

данного подхода было заложено более 15 лет назад, после запуска сервиса Google Trends¹⁴ [Choi, Varian, 2009]. Исследование опубликованных работ в области использования поисковых данных для целей анализа инфляционных процессов в различных работах подтверждают данный тезис — превалирует Google (Приложение).

Сложившаяся ситуация является обоснованной ввиду того, что на поисковую систему Google в масштабах мира приходится более 90% всех пользовательских запросов¹⁵. При этом в российской практике сложилась уникальная ситуация, когда до середины 2022 г. рынок поисковых запросов был практически полностью поделён между двумя системами — Google и Яндекс — в примерном соотношении 50 на 47% [Щербаков, Харламова, Яковина, 2022. С. 4483]. Начиная с указанного периода, Яндекс занял лидирующие позиции. На текущий момент на него приходится 74% запросов¹⁶, против примерно 25% у Google. Представляется, что данное соотношение будет сохраняться в ближайшее время.

С одной стороны, важным преимуществом специализированного сервиса от Яндекс¹⁷ по сравнению с конкурирующим и общепринятым в данной сфере Google Trends выступает возможность получения доступа к информации не в индексной форме, а в абсолютном значении, то есть количестве запросов по тем или иным ключевым словам. Хотя надо отметить, что до недавнего времени существенным ограничением в работе с открытыми данными Wordstat была короткая история запросов по ключевым словам — за 24 последних месяца на день обращения для данных частотой в месяц и за 12 последних месяцев — для недельных [Щербаков, Харламова, Яковина, 2022, С. 4484]. С марта 2024 г. стала доступна новая версия сервиса, которая расширила горизонт доступной статистики о динамике ключевых запросов до 7 лет (с 2018 г.)¹⁸. Представляется, что этот шаг значительно увеличивает возможности использования данных Яндекс для решения исследовательских задач.

¹⁴ Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/> (дата обращения: 15.05.2025).

¹⁵ По данным аналитического агентства Statcounter по состоянию на 10.03.2025. Statcounter Global Stats. URL: <https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁶ По данным аналитического агентства Statcounter по состоянию на 10.03.2025. Statcounter. URL: <https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share/all/russian-federation> (дата обращения: 12.03.2025)

¹⁷ «Яндекс. Подбор слов» (Wordstat)». URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 02.06.2025)

¹⁸ Подробности на: Яндекс Вебмастер. URL: <https://webmaster.yandex.ru/blog/s-20-marta-na-wordstat-yandex-ru-zapustitsya-obnovlennyy-wordstat> (дата обращения: 14.08.2024)

Результаты отбора ключевых слов для квантификации инфляционных ожиданий населения

На первом шаге был проведён анализ ключевых слов на основе *Baseline-подхода*, описание которого приведено ранее. В течение всего наблюдаемого периода (январь 2014 г. — декабрь 2024 г.) в топ-3 наиболее часто употребляемых слов в рамках коммуникаций Банка России попали: *инфляция, банк и ставка*¹⁹. При этом необходимо отметить, что слово «инфляция» было на первом месте по частотности использования с 2014 г. по 2018 г. включительно, далее — в 2021 г. В периодах 2019–2020 гг., 2022–2024 гг. лидировало слово «ставка»²⁰.

Как отмечалось ранее, данные результаты являются отчасти предсказуемыми и интуитивно понятными в силу того, что если исследуются инфляционные процессы, то нужно в первую очередь использовать корневое слово «инфляция». Такой логики придерживаются большинство авторов работ по данному направлению (Приложение 1).

При использовании в качестве дополнительного фильтра сервиса Яндекса, позволяющего оценить абсолютное число запросов, становится понятным, что далеко не все производные и очень близкие словоформы к «инфляции» выступают релевантными в рамках подобных исследований (в том числе с точки зрения относительных масштабов самих пользовательских запросов). Так, если среднемесячное количество запросов через поисковую систему Яндекс по ключевому слову «инфляция» в 2024 г. в рамках всей страны составило 747 544, то по словоформе «инфляционный» — только 27 652, т.е. в 27 раз меньше. Это отсылка к тому, что множественный перебор различных словосочетаний с корневым словом, о котором говорилось ранее, не всегда может выступать лучшей стратегией отбора ключевых запросов.

На втором шаге был произведён анализ ключевых слов на той же базе текстовых коммуникаций Банка России («База для извлечения смыслов») с использованием избранных NLP моделей (на основе T5 архитектуры)²¹.

Необходимо отметить, что без предварительного дообучения на собранной новостной базе («База для обучения моделей машинного обучения») и использования моделей «из коробки»²² в топ-3 ключевых слов массива коммуникаций Банка России вошли:

- финансы;
- аналитика;
- аналитика рынка.

Указанные термины имеют весьма широкий характер и очевидно не могут быть использованы для дальнейшей квантификации инфляционных ожиданий. При таком подходе слово «инфляция» оказалось на четвёртом месте. Это ещё раз подчёркивает необходимость и важность дообучения моделей под тематическую сферу применения.

¹⁹ В составе наиболее употребляемых словосочетаний: Банк России/Центральный банк и ключевая ставка.

²⁰ В составе наиболее употребляемого словосочетания: ключевая ставка.

²¹ NLP-анализ был выполнен с помощью языка программирования Python.

Отдельные параметры дообучения избранных моделей:

- `optimizer = optim.AdamW(model.parameters(), lr=1e-5)`
- `lr_scheduler = optim.lr_scheduler.MultiStepLR(optimizer=optimizer, milestones=[3, 6], gamma=0.1, verbose=True)`
- `batch_size = 10`
- `report_steps = 500`
- `NUM_EPOCH = 10`

Дообучение моделей с помощью GPU: Tesla T4

²² В качестве базовых, необученных моделей («из коробки») использовались образцы со специализированного ресурса Hugging Face. URL: <https://huggingface.co/> (дата обращения: 02.02.2025)

После дообучения используемые модели (ruT5-base и keyT5-base) продемонстрировали относительно схожие с точки зрения ключевых слов — лидеров коммуникаций регулятора результаты. При этом возникла дополнительная необходимость объединения синонимичных понятий, например: ЦБ, Центробанк, Центральный Банк, Банк России, которые в виде различающихся ключевых слов были выделены моделями.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что в рамках полученных результатов используемых моделей в перечень наиболее частотных ключевых слов вошли также такие термины, как: ФРС, ОПЕК, Минфин, пенсионная система и ряд других. Важно понимать, что Банк России в своих коммуникациях данные понятия напрямую не упоминает, хотя, безусловно, анализирует и учитывает их при принятии решений. По всей видимости, размеченные новости на финансово-экономическую тематику, даже относящиеся к денежно-кредитной политике и деятельности Банка России в целом, имеют широкий спектр тегов, установленных СМИ (для больших охватов пользователей поисковых систем), поэтому дообучение моделей на собранном массиве привело к неожиданным эффектам.

После очистки финальных результатов от выявленных «выбросов» и объединения синонимичных терминов к топ-3 ключевых слов отнесены следующие группы:

- ▶ Центральный банк (включая поисковые запросы: ЦБ, Банк России, Центробанк, Центральный банк);
- ▶ инфляция;
- ▶ курс (курс доллара, курс рубля, курс валюты, курс евро)²³.

Как мы видим, Baseline-подход и избранные NLP-модели имеют по два пересечения в рамках выделенных ключевых слов. Таким образом, было принято решение совместить полученные согласно этим подходам результаты и далее анализировать статистику поисковых запросов по следующим агрегированным блокам: инфляция, курс, ключевая ставка, Центральный банк. Представляется, что в своих коммуникациях Банк России на системной основе делал акцент на данных группах слов, которые в конечном счёте могут повлиять на состояние инфляционных ожиданий населения России.

Для сравнения: большая языковая модель (YandexGPT) суммировала несколько последних (сентябрь, октябрь, декабрь) заседаний Совета директоров Банка России в 2024 г. до следующих ключевых слов: инфляция, ключевая ставка, денежно-кредитные условия. В целом результаты соответствуют полученным нами в рамках исследования выводам на более длительной выборке (2014–2024 гг.), что в том числе может свидетельствовать об относительной устойчивости и стабильности информационного сигнала регулятора.

В следующей части работы произведён анализ поисковых запросов по выделенным группам слов на базе данных российской поисковой системы Яндекс, которая, как было отмечено выше, на текущий момент обладает рядом преимуществ для исследовательских целей, в том числе за счёт расширения доступного периода наблюдения.

Анализ поисковых запросов на основе выявленных ключевых слов, характеризующих инфляционные ожидания населения России

К самым популярным запросам среди российских пользователей Яндекс на протяжении 2018–2024 гг. из выделенных блоков были запросы по теме «курс», следом идут запросы по теме «Центральный банк». За 5 лет интерес вырос по всем тематикам, пиковый интерес наблюдался в шоковом 2022 г. — 370,3 млн шт. В целом за 6 лет число запросов по данным тематикам выросло на 75,7% (табл. 1).

²³ Словосочетания «валютный рынок» и «валютный курс» были исключены из перечня ключевых слов, хотя и выделены моделями, после дополнительного фильтра в «Яндекс. Подбор слов» было обнаружено относительно незначительное количество запросов ТАКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ по сравнению с включёнными, синонимичными понятиями (аналогично словоформе «инфляционный»).

Таблица 1

Статистика по поисковым запросам Яндекс (абсолютные значения)

Млн запросов в год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Темпы прироста 2024/2018, %
Курс	102,2	85,4	138,2	109,6	301,4	189,8	147,7	44,4
г/г, %	—	–16,5	61,8	–20,7	175,0	–37,0	–22,2	
Центральный банк	23,3	20,7	27,4	28,3	53,9	58,5	65,0	178,7
г/г, %	—	–11,3	32,7	3,1	90,6	8,5	11,1	
Инфляция	3,6	4,0	6,4	7,7	9,8	8,1	9,0	150,3
г/г, %	—	10,8	61,6	19,3	28,2	–17,5	10,9	
Ключевая ставка	1,2	1,2	1,8	2,7	5,2	4,6	7,3	529,9
г/г, %	—	0,3	54,9	49,3	95,4	–12,3	58,6	
Всего	130,3	111,2	173,8	148,2	370,3	261,0	228,9	75,7
г/г, %	—	–14,6	56,3	–14,7	149,9	–29,5	–12,3	

Источник: Яндекс. Вордстат (Wordstat). URL: <https://wordstat.yandex.ru/>, расчёты автора.

Аналогичная динамика просматривается и с точки зрения нормированных значений поисковых запросов в системе Яндекс. Анализ таких данных позволяет исключить выводы о росте абсолютного количества запросов только за счёт роста пользователей поисковой системы (табл. 2).

Таблица 2

Статистика по поисковым запросам Яндекс (относительные значения²⁴)

Средняя ежемесячная доля запросов	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Темпы прироста 2024/2018, %
Курс	0,1178	0,0926	0,1231	0,0900	0,2246	0,1499	0,1218	3,4
г/г, %	—	–21,4	32,9	–26,9	149,5	–33,2	–18,7	
Центральный банк	0,0266	0,0221	0,0240	0,0230	0,0396	0,0458	0,0539	103
г/г, %	—	–16,7	8,6	–4,3	72,2	15,8	17,7	
Инфляция	0,0041	0,0043	0,0055	0,0063	0,0073	0,0063	0,0073	79,5
г/г, %	—	5,1	29,6	12,9	16,0	–13,5	16,3	
Ключевая ставка	0,0013	0,0013	0,0016	0,0022	0,0040	0,0037	0,0061	359
г/г, %	—	–3,9	27,8	36,8	78,3	–7,4	65,5	
Всего	0,1498	0,1202	0,1543	0,1215	0,2754	0,2057	0,1891	26,3
г/г, %	—	–19,7	28,3	–21,3	126,7	–25,3	–8,1	

Источник: «Яндекс. Подбор слов» (Wordstat)», расчёты автора.

²⁴ Абсолютные значения нормируются на количество показов результатов поиска Яндекса за соответствующий месяц.

Далее приведена визуализация динамики поисковых запросов отдельно по каждому блоку ключевых слов.

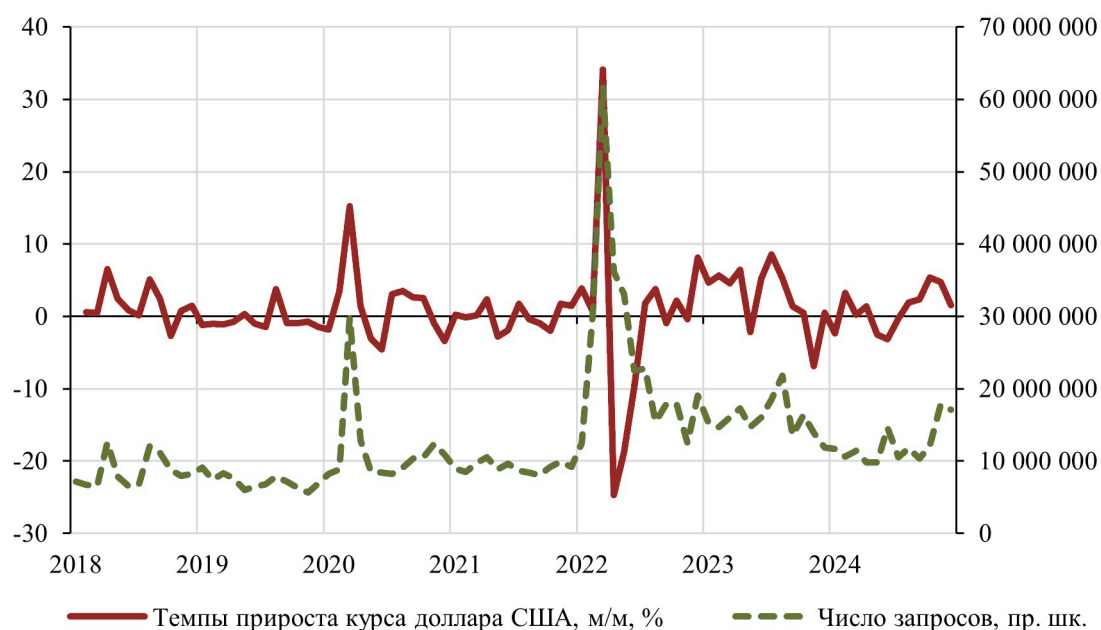

Рис. 4. Запросы по теме «Курс»

Источник: Банк России, «Яндекс. Подбор слов (Wordstat)», расчёты автора.

Запросы по теме «Курс» являются самыми популярными среди российских пользователей поисковой системы Яндекс. Всплески интереса наблюдаются в месяцы высоких темпов прироста (убыли) курса доллара США (март 2020, март — июнь 2022, рис. 4).

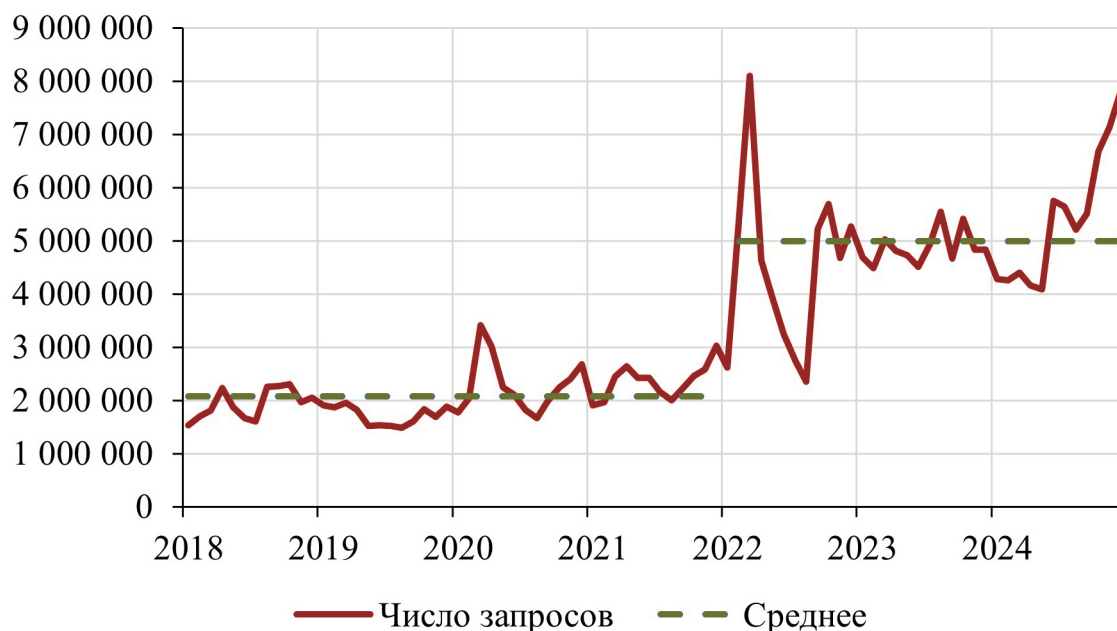

Рис. 5. Запросы по теме «Центральный банк» (абсолютные значения)

Источник: «Яндекс. Подбор слов» (Wordstat)», расчёты автора.

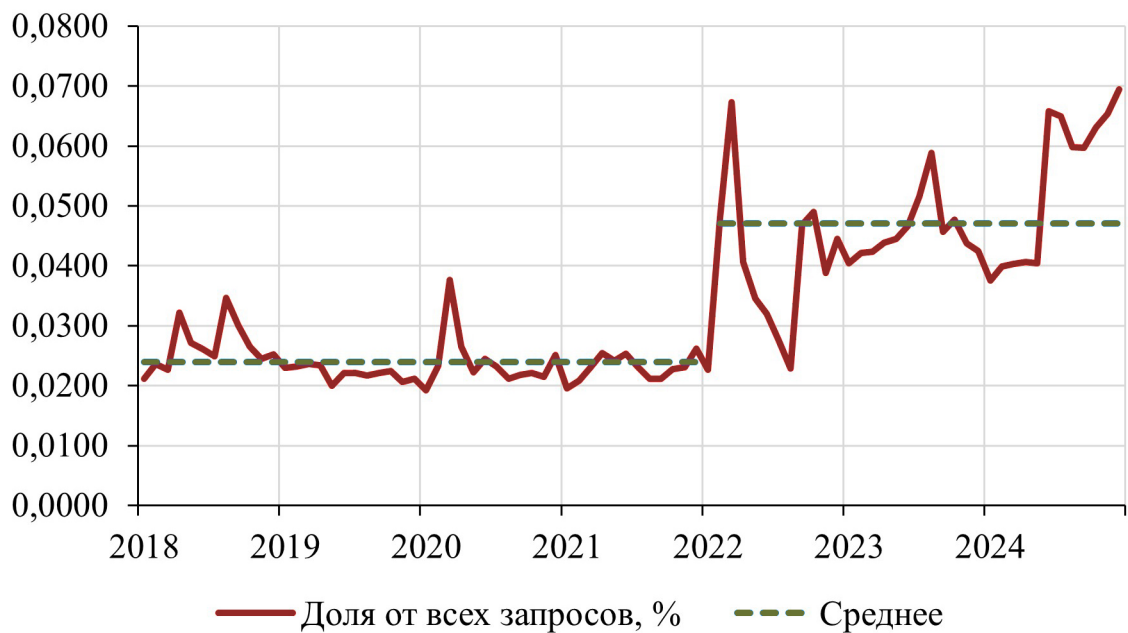

Рис. 6. Запросы по теме «Центральный банк» (относительные значения)

Источник: «Яндекс. Подбор слов (Wordstat)», расчёты автора.

В 2022–2024 гг. среднемесячное число запросов на тему «Центральный банк» выросло в 2,4 раза (при этом в 2 раза выросла доля запросов по данной теме) по сравнению с 2018–2021 гг. (рис. 5 и 6). Это может указывать на некоторый сдвиг («level shift») в уровне интереса российских пользователей по данной теме. С одной стороны, это может быть следствием информационно-коммуникационной политики Банка России по ДКП. С другой стороны, отражением органического роста и сохранения интереса к данной тематике после событий 2022 г.

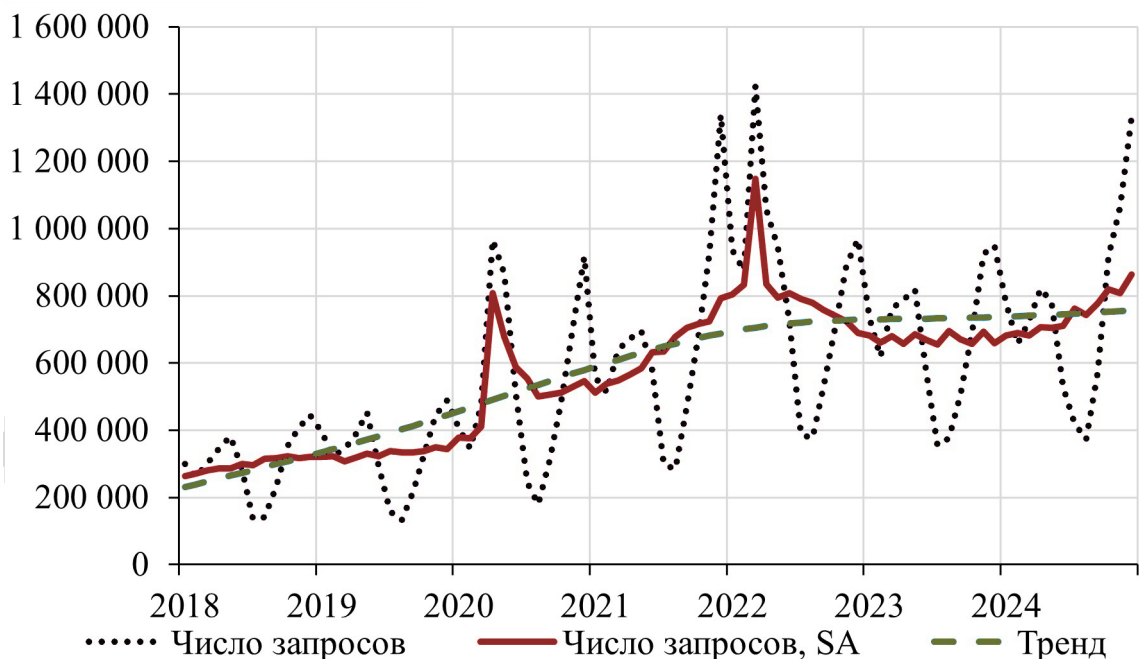

Рис. 7. Запросы по теме «Инфляция» (абсолютные значения)

Источник: «Яндекс. Подбор слов (Wordstat)», расчёты автора.

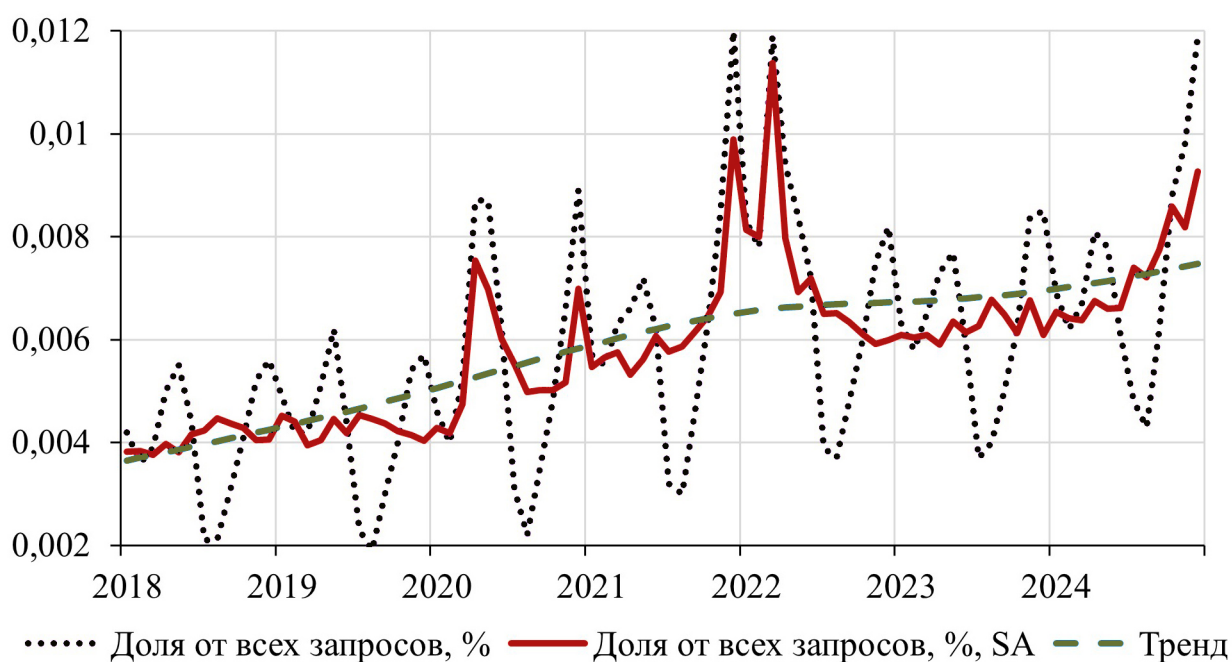

Рис. 8. Запросы по теме «Инфляция» (относительные значения)

Источник: «Яндекс. Подбор слов (Wordstat)», расчёты автора.

В целом интерес (тренд по запросам НР фильтр²⁵) к теме инфляции стабильно рос на протяжении 2018–2021 гг., в 2022–2024 гг. он достиг своих пиков и остаётся примерно на этом уровне (рис. 7–8). Возрастающая статистика по поисковым запросам по теме «инфляция» может свидетельствовать об увеличении озабоченности населения вопросами общего роста цен. Это в конечном счёте может выступать проекцией высоких инфляционных ожиданий.

Рис. 9. Запросы по теме «Ключевая ставка»

Источник: «Яндекс. Подбор слов (Wordstat)», расчёты автора

²⁵ Нами использован фильтр Ходрика-Прескотта (НР), предназначенный для сглаживания временного ряда (устранения циклической компоненты и выделения именно трендовой составляющей)

По большей части всплески запросов по ключевой ставке происходят в периоды её резкого повышения (2022–2024 гг.). Вероятно, пользователи пытаются узнать новости о её изменении и причинах этого, вводя соответствующие поисковые запросы. В остальные периоды они в целом имеют относительно слабый интерес к теме. К тому же часть запросов по ключевой ставке может отражаться в динамике запросов по теме «Центральный банк». Отделить данные эффекты на этом этапе является проблематичным.

Апробация прокси-показателей инфляционных ожиданий в рамках моделей прогнозирования инфляции в России

Для апробации полученных результатов по поисковой статистике выделенных ключевых слов в качестве прокси-показателей в рамках прогнозирования инфляции использовались модели ARIMAX²⁶, где выбор структуры осуществлялся автоматически по информационному критерию Акаике (AIC). В каждой из моделей в качестве объясняемой переменной использовались значения сезонно сглаженных месячных темпов инфляции (SA)²⁷, а объясняющей переменной — индикаторы запросов по ключевым словам, а также показатели инфляционных ожиданий на основе опросов «инФОМ»²⁸, среднемесячный курс доллара США²⁹. В качестве альтернативной модели (бенчмарка) была взята ARIMA-модель с автоматическим выбором ARIMA-структуры по информационному критерию Акаике (AIC) без дополнительных объясняющих переменных.

Модели рассматривались как без временного сдвига, так и со сдвигами на один месяц. Другими словами, если в модели использовались данные без сдвига, то для прогнозирования инфляции в текущем периоде применялись значения объясняющей переменной за тот же период. В свою очередь, если использовался сдвиг на один месяц, то для прогнозирования инфляции применялись данные по объясняющим переменным за предыдущий период.

Для оценки прогнозной точности моделей использовались месячные данные с января 2018 г. по декабрь 2024 г.: обучающая выборка (train) с января 2018 г. по декабрь 2023 г., тестовая (осуществлялись вневыборочные прогнозы на один месяц вперёд) с января по декабрь 2024 г. (12 прогнозов). При необходимости временные ряды были приведены к стационарному виду путём соответствующих преобразований. Прогнозировались темпы инфляции по России (SA) на месяц вперёд и сравнивались с фактическими значениями.

В качестве метрики для сопоставления построенных моделей использовался показатель RMSE (root mean square error, среднеквадратическая ошибка). Данный показатель демонстрирует то, насколько хорошо предсказанные значения в рамках рассматриваемых моделей совпадают с фактическими наблюдаемыми значениями конкретного набора данных. Соответственно, чем ниже значение RMSE, тем лучше (точнее) та или иная модель способна предсказывать объясняемую переменную, т.е., в контексте данной работы — инфляцию. Исходя из данной логики, в табл. 3 отражены полученные результаты по ТОП-10 моделям.

Полученные данные свидетельствуют о том, что статистики по поисковым запросам выделенных в рамках данного исследования ключевых слов могут использоваться в качестве объясняющих переменных, направленных на минимизацию ошибок прогнозов в рамках моделей прогнозирования инфляции на уровне Российской Федерации. Как показано

²⁶ Всего было построено 26 моделей ARIMAX с различными вариантами объясняющей переменной

²⁷ База данных по сезонно сглаженным месячным темпам инфляции. Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/aipd/> (дата обращения: 24.02.2025)

²⁸ Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/#highlight=инфляционные%7Сожидания%7Синфляционных%7Сожиданий (дата обращения: 24.02.2025)

²⁹ Банк России. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения: 24.02.2025)

Таблица 3

Выбор лучшей модели при использовании данных поисковых запросов по выделенным ключевым словам

№	Тип модели	Объясняющая переменная	Преобразование	Временной сдвиг	RMSE
1	ARIMAX	Статистика по запросам по всем выделенным группам ключевых слов (абсолютные значения)	dlog	1 месяц	0,249
2	ARIMAX	Статистика по запросам «Инфляция» (относительные значения)	—	1 месяц	0,254
3	ARIMAX	Статистика по запросам по всем выделенным группам ключевых слов (относительные значения)	dlog	1 месяц	0,257
4	ARIMAX	Статистика по запросам «Инфляция» (абсолютные значения)	—	1 месяц	0,259
5	ARIMAX	Статистика по запросам «Центральный банк» (абсолютные значения)	—	—	0,271
6	ARIMAX	Статистика по запросам «Центральный банк» (абсолютные значения)	—	1 месяц	0,271
7	ARIMAX	Статистика по запросам «Курс» (абсолютные значения)	dlog	1 месяц	0,272
8	ARIMAX	Статистика по запросам «Курс» (относительные значения)	dlog	1 месяц	0,277
9	ARIMAX	Значения наблюдаемой инфляции по данным «инФОМ»	—	—	0,290
10	ARIMAX	Значения наблюдаемой инфляции по данным «инФОМ»	—	1 месяц	0,298

Источник: расчёты автора.

выше, наиболее значимые с точки зрения прогнозирования инфляции результаты (относительно минимальные значение RMSE в рамках представленных выше моделей) дала агрегированная статистика по всем выделенным ключевым словам: «Центральный банк», «Курс», «Ключевая ставка», «Инфляция» (абсолютные и относительные значения), а также «Инфляция» (относительное и абсолютное значения).

Выводы

Инфляционные ожидания являются важным параметром, учитываемым в рамках реализации такого режима денежно-кредитной политики, как таргетирование инфляции. На сегодняшний момент во всём мире основным направлением, способствующим сбору и формированию агрегированных данных об инфляционных ожиданиях населения, выступает проведение специализированных опросов. В России подобные исследования проводятся с 2009 г. Данный подход обладает как рядом преимуществ, так и недостатков, одним из которых является дороговизна получения подобных данных (особенно детализированных), а также отсутствие возможности их обновления «в моменте». Ввиду этого, а также с учётом развития современных информационных технологий, в последнее десятилетие

происходит активное тестирование альтернативных способов замеров инфляционных ожиданий. Одним из них выступает определение инфляционных ожиданий населения на основе поисковых запросов пользователей в сети Интернет. При этом остаётся открытым вопрос отбора ключевых слов для квантификации ожиданий населения.

Таким образом, в рамках данной работы был применён экспериментальный подход на основе NLP-анализа коммуникаций Банка России в области ДКП для выявления ключевых слов, потенциально формирующих инфляционные ожидания населения России. В работе заложены концептуальные основы обоснования отбора ключевых слов, поисковая статистика которых может использоваться в рамках квантификации инфляционных ожиданий, их дальнейшего отслеживания и использования в рамках анализа инфляционных процессов, прогнозирования и наукастинга. В отличие от большинства других исследований в данной области отбор осуществлялся через призму проводимых регулятором коммуникаций, которые являются одной из важнейших составляющих режима таргетирования инфляции.

Предлагаемый подход отражает логику «сверху-вниз», когда в основу положены ключевые слова, через которые регулятор доносит необходимую информацию в рамках проводимой коммуникационной политики до населения страны [Щербаков, Харламова, Яковина, 2022]. Безусловно, нельзя утверждать, что данный список выделенных групп слов является исчерпывающим ввиду того, что часть населения может использовать ряд других слов-маркеров, отражающих инфляционные настроения в обществе (подход «снизу-вверх»). Такой анализ возможен, например, на основе больших данных социальных сетей [Shcherbakov, Karov, 2024]. Поэтому отдельным блоком можно выделить исследование пересекающихся множеств ключевых слов в рамках данных подходов, дальнейшая работа по их сближению.

Статистика по поисковым запросам выделенных групп слов («инфляция», «курс», «Центральный банк», «ключевая ставка») позволяет получить дополнительную информацию, характеризующую инфляционные процессы, в том числе с точки зрения поведенческих характеристик пользователей поисковых систем. Отслеживание динамики запросов по группам «инфляция» и «Центральный банк» дают оперативную информацию повсеместно, а по группам «курс», «ключевая ставка» — в кризисных и/или изменяющихся экономических условиях. Ввиду последних изменений в политике доступности исторических данных, а также популярности поисковой сети среди жителей России, особый акцент сделан на данных системы Яндекс.

Как было показано в разделе, посвящённом апробации использования данных показателей для прогнозирования месячной инфляции с помощью базовых моделей семейства ARIMAX, такие индикаторы могут повысить точность прогноза. При этом мы не призываем к отказу от использования опросных данных по инфляционным ожиданиям. Посыл работы состоит в том, чтобы использовать их совместно с альтернативными, более быстрыми с точки зрения появления данных, показателями, что должно привести синергетический эффект в рамках изучения инфляционных процессов.

Вместе с тем разработка данной тематики показала, что есть потенциал дальнейшего исследовательского развития, в том числе по таким направлениям:

- ▶ Дальнейшие эксперименты с NLP-моделями, а также LLM-моделями.
- ▶ Поиск дополнительных и/или создание собственных баз с размеченными данными для дообучения моделей.
- ▶ Дальнейшее формирование агрегированных показателей ключевых слов на основе выделенных групп. Во-первых, для сопоставления полученных показателей с замерами инфляционных ожиданий на основе проводимых «инФОМ» опросов по заказу Банка России. Во-вторых, для тестирования в более сложных эконометрических моделях, направленных на краткосрочное прогнозирование и наукастинг инфляции, в том числе в субфедеральном и региональном разрезах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№	Исследование	Источник статистики запросов	Период	Поисковый образ	Локация
1	Винокуров, Медведь, 2023	Google	2016–2021	«Инфляция», «экономика»	Россия
2	Петрова, 2022	Google	2015–2021	«Инфляция», «рост цен», «цены выросли», «цены растут», «повышение цен», «цена на газ», «цена на бензин», «цены на продукты», «индекс потребительских цен», «индекс цен», «ипц».	Россия
3	Юревич, 2021	Google	2011–2021	«Инфляция»	Россия
4	Sahu, Chattopadhyay, 2020	Google	2006–2018	Словосочетания с «инфляция» и «цена»	Индия
5	Niesert et al., 2020	Google	2004–2016	20 экономических категорий (тем)	США, Великобритания, Канада, Германия и Япония
6	Ержан, 2019	Google	2016–2019	Словосочетания с «инфляция» и «цена»	Казахстан
7	Петрова, 2019	Google	2004–2019	75 слов и словосочетаний по экономической тематике	Россия
8	Bichhal, Raja, 2019	Google	2006–2018	«Инфляция», «рост цен» и «цены на топливо»	Индия
9	Hassani, Silva, 2018	Google	2006–2018	«Инфляция»	Великобритания
10	Wei et al., 2017	Google	2012–2017	«Инфляция», ИПЦ	13 стран с крупной экономикой, включая Россию
11	Seabold, Coppola, 2015	Google	2004–2014	22 словосочетания, включая «инфляция», «цена», «зарботная плата»	Гондурас, Коста-Рика, Сальвадор
12	Li et al., 2015	Baidu, Google	2004–2012	Набор словосочетаний со словом цена	Китай
13	Zhang et al., 2012	Google	2004–2009	44 словосочетания, объединенные в категории «макроэкономика» и «спрос–предложение»	Китай
14	Guzman, 2011	Google	2004–2008	«Инфляция»	США

Источник: адаптировано автором на основе [Юревич, 2021].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Банк России (2024). Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. [Bank of Russia (2024). Monetary policy guidelines for 2025-2027]. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf) (дата обращения: 30.06.2024).
- Винокуров С.С., Медведев А.А. (2023). Инфляция, информационный фон и ожидания домохозяйств [Vinokurov S.S., Medved A.A. (2023). Inflation, informational environment and expectations of households] // *Статистика и экономика*. Т. 20, № 1. С. 37–52. 10.21686/2500-3925-2023-1-37-52.
- Голощапова И.О., Андреев М.Л. (2017). Оценка инфляционных ожиданий российского населения методами машинного обучения [Goloshchapova I.O., Andreev M.L. (2017). Measuring inflation expectations of the Russian population with the help of machine learning] // *Вопросы экономики*. № 6. С. 71–93.
- Дауит Д.М., Кемалов М.М., Джаксылыкова А.Б. (2020). Обзор различных методов обобщения текста [Dauit D., Ketalov M., Jaxylykova A. (2020). Overview of the different text summarization methods] // *Вестник Казахстанско-Британского технического университета*. Т. 17. № 2. С. 163–168.
- Евстигнеева А. (2023). Коммуникация как инструмент денежно-кредитной политики [Evstigneeva A. (2023). Communication as a monetary policy tool] // *Аналитическая записка*. Банк России. С. 1–33. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/146496/research_policy_notes_b_4_1.pdf (дата обращения: 27.01.2025)
- Евстигнеева А., Карпов Д. (2023). Влияние негативных новостей на восприятие инфляции населением [Evstigneeva A., Karpov D. (2023). The impact of negative news on the perception of inflation by the population] // *Серия докладов об экономических исследованиях*. Банк России. №111. С 1–33. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/144918/wp_111.pdf (дата обращения: 20.02.2025)
- Ержан И.С. (2019). Апробация альтернативных методов оценки инфляционных ожиданий в Казахстане [Yerzhan I.S. (2019). Approbation of alternative methods for assessing inflation expectations in Kazakhstan.] // *Экономическое обозрение*. Национальный Банк Республики Казахстан. № 2–3. С. 4–15.
- Жемков М.И., Кузнецова О.С. (2017). Измерение инфляционных ожиданий участников финансового рынка в России [Zhemkov M., Kuznetsova O. (2017). Measuring inflation expectations in Russia using stock market data] // *Вопросы экономики*. № 10. С. 111–122.
- Перевышин Ю.Н., Рыкалин А.С. (2018). Моделирование инфляционных ожиданий в российской экономике [Perevyshin Y., Rykalin A. (2018). Modeling Inflation Expectations in the Russian Economy] // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3149565 (дата обращения: 20.09.2024)
- Петрова Д.А. (2019). Прогнозирование инфляции на основе интернет-запросов [Petrova D.A. (2019). Inflation forecasting based on Internet search queries] // *Экономическое развитие России*. Т. 26. № 11. С. 55–62.
- Петрова Д.А. (2022). Оценка инфляционных ожиданий на основе интернет-данных [Petrova D. (2022). Assessment of inflation expectations based on Internet data] // *Прикладная эконометрика*. Т. 66. № 2. С. 25–38.
- Федюнина А.А., Юревич М.А., Городный Н.А. (2024). Пандемия, санкции и беспокойство в регионах России: наукастинг ожиданий деловой активности [Fedyunina A.A., Yurevich M.A., Gorodny N.A. (2024). Pandemic, sanctions and anxiety in Russia's regions: business expectations nowcasting] // *Вопросы экономики*. № 3. С. 96–119.
- Хазанов А.А. (2015). О квантификации инфляционных ожиданий Банком России [Khazanov A. (2015). On quantification of inflation expectations by the Bank of Russia] // *Деньги и кредит*. № 3. С. 59–63.
- Шуляк Е. (2022). Макроэкономическое прогнозирование с использованием данных социальных сетей [Shulyak E. (2022). Macroeconomic forecasting using data from social media] // *Деньги и кредит*. Т. 81. № 4. С. 86–112.
- Щербаков В.С., Харламова М.С., Гартвич Р.Е. (2022). Методы и модели наукастинга экономических показателей с помощью поисковых запросов [Shcherbakov V.S., Kharlamova M.S., Gartvich R.E. (2022). Methods and models for nowcasting economic indicators with help of search queries] // *Мат-лы Межрегиональной научно-практ. онлайн-конф. «Развитие экономики регионов: пространственная трансформация, глобальные вызовы и перспективы экономического роста»*. — Красноярск. С. 117–127.
- Щербаков В.С., Харламова М.С., Яковина М.Ю. (2022). Статистика поисковых запросов как прокси-показатель региональной ценовой динамики [Shcherbakov V.S., Kharlamovs M.S., Yakovina M.Yu. (2022). Search query statistics as a proxy indicator of regional price dynamics] // *Креативная экономика*. Т. 16. №11. С. 4475–4490.
- Юревич М.А. (2021). Инфляционные ожидания и инфляция: наукастинг и прогнозирование [Yurevich M.A. (2021). Inflation expectations and inflation: nowcasting and forecasting] // *Journal of Economic Regulation*. Т. 12. № 2. С. 22–35.
- Angelico C., Marcucci J., Miccoli M., Quarta F. (2022). Can we measure inflation expectations using Twitter? // *Journal of Econometrics*. Vol. 228. No. 2. Pp. 259–277.
- Aromí D., Llada M. (2020). Forecasting inflation with twitter // *Asociación Argentina de Economía Política*. Working Papers. No. 4308.
- Ay B., Ertam F., Fidan G., Aydin G. (2023). Turkish abstractive text document summarization using text to text transfer transformer // *Alexandria Engineering Journal*. No. 68. Pp. 1-13. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2023.01.008>.
- Banbura M., Leiva-Leon D., Menz J.-O. (2021). Do Inflation Expectations Improve Model-based Inflation Forecasts? // *Banco de Espana Working Paper*. No. 2138.

- Batchelor R. (2009). How Robust are Quantified Survey Data? Evidence from the United States // *Inflation Expectations* / Ed. by P. Sinclair. — Routledge. Pp. 8-33.
- Bernanke B. (2007). Inflation Expectations and Inflation Forecasting // *Monetary Economics Workshop of the National Bureau of Economic Research Summer Institute* / Cambridge, Massachusetts.
- Bicchal M., Raja Sethu Durai S. (2019). Rationality of inflation expectations: an interpretation of Google Trends data // *Macroeconomics and Finance in Emerging Market Economies*. Vol. 12. No. 3. Pp. 229–239.
- Carlson J.A., Parkin M. (1975). Inflation Expectations // *Economica*. Vol. 42. No. 166. Pp. 123–138.
- Carroll C.D. (2003). Macroeconomic expectations of households and professional forecasters // *The Quarterly Journal of economics*. Vol. 118. No. 1. Pp. 269–298.
- Choi H., Varian H. (2009). Predicting initial claims for unemployment benefits. URL: <http://static.googleusercontent.com/media/research.google.com/en/us/archive/papers/initialclaimsUS.pdf> (access date: 15.11.2024).
- Evstigneeva A., Sidorovskiy M. (2021). Assessment of Clarity of Bank of Russia Monetary Policy Communication by Neural Network Approach // *Russian Journal of Money and Finance*. Vol. 80. No. 3. Pp. 3–33. DOI: 10.31477/rjmf.202103.03.
- Fuhrer J. (2012). The Role of Expectations in Inflation Dynamics // *International Journal of Central Banking*. No. 8. Pp. 137–165.
- Guan B., Zhu X., Yuan Sh. (2024). A T5-based interpretable reading comprehension model with more accurate evidence training // *Information Processing & Management*. Vol. 61. No. 2. DOI: 10.1016/J.IPM.2023.103584.
- Guzman G. (2011). Internet Search Behavior as an Economic Forecasting Tool: The Case of Inflation Expectations // *Journal of Economic and Social Measurement*. Vol. 36. No. 3. DOI:10.3233/JEM-2011-0342.
- Han X., Zhang Zh., Ding N., Gu Y. (2021). Pre-trained models: Past, present, and future // *AI Open*. No. 2. Pp. 225–250. DOI: 10.1016/J.AIOPEN.2021.08.002.
- Hassani H., Silva E.S. (2018). Forecasting UK consumer price inflation using inflation forecasts // *Research in Economics*. Vol. 72. No. 3. Pp. 367–378.
- Larsen V. H., Thorsrud L. A., Zhulanova J. (2021). News-driven inflation expectations and information rigidities // *Journal of Monetary Economics*. No. 117. Pp. 507–520. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2020.03.004.
- Li X., Shang W., Wang S., Ma J. (2015). A MIDAS modelling framework for Chinese inflation index forecast incorporating Google search data // *Electronic Commerce Research and Applications*. Vol. 14. No. 2. Pp. 112–125.
- Mankiw G., Reis R., Wolfers J. (2003). Disagreement about inflation expectations // *NBER Macroeconomic Annual*. No. 18. Pp. 209–248.
- Niesert R.E., Oorschot J.A., Veldhuisen C.P., Brons K., Lange R-J. (2020). Can Google search data help predict macroeconomic series? // *International Journal of Forecasting*. Vol. 36. No. 3. Pp. 1163–1172.
- Raffel C., Shazeer N., Roberts A., Lee K., Narang S., Matena M., Zhou Y., Li W., Liu P. (2020). Exploring the Limits of Transfer Learning with a Unified Text-to-Text Transformer // *Journal of Machine Learning Research*. No. 21. Pp. 1–67.
- Sahu S., Chattopadhyay S. (2020). Epidemiology of inflation expectations and internet search: an analysis for India // *Journal of Economic Interaction and Coordination*. No. 15. Pp. 649–671.
- Seabold S., Coppola A. (2015). Nowcasting Prices Using Google Trends: An Application to Central America // *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 7398. Pp. 1–40.
- Shcherbakov V.S., Karpov I.A. (2024). Regional Inflation Analysis Using Social Network Data // *Economy of regions*. Vol. 20. No. 3. Pp. 930–946. DOI: 10.17059/EKON.REG.2024-3-21
- Thrun S., Pratt L. (1998). Learning to learn: Introduction and overview // *Springer Science & Business Media*.
- Vaswani A., Shazeer N.M., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A.N., Kaiser L., Polosukhin I. (2017). Attention is All you Need // *ArXiv*, abs/1706.03762.
- Wang M., Xie P., Du Y., Hu X. (2023). T5-Based Model for Abstractive Summarization: A Semi-Supervised Learning Approach with Consistency Loss Functions // *Applied Sciences*. Vol. 13. No. 12. Pp. 1–16. DOI: 10.3390/AP13127111-
- Wei Y., Zhang X., Wang S. (2017). Can search data help forecast inflation? Evidence from a 13-country panel // 2017 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). DOI: 10.1109/BigData.2017.8258442
- Yadav D., Desai J., Yadav A.K. (2022). Automatic Text Summarization Methods: A comprehensive Review // *arXiv:2204.01849*.
- Zhang C., Lv B., Peng G., Liu Y., Yuan Q. (2012). A study on correlation between web search data and CPI // *In Recent Progress in Data Engineering and Internet Technology*. Pp. 269–274.
- Zmitrovich D., Abramov A., Kalmykov A., Tikhonova M., Taktasheva E., Astafurov D., Baushenko M., Snegirev A., Shavrina T., Markov S., Mikhailov V., Fenogenova A. (2023). A Family of Pretrained Transformer Language Models for Russian. DOI: 10.48550/arXiv.2309.10931.

Щербаков Василий Сергеевич*shcherbakovvs@mail.ru***Vasilii Shcherbakov***shcherbakovvs@mail.ru**PhD (Economy), head of economic department, the Ural Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation; associate professor, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University.***ASSESSMENT OF INFLATION EXPECTATIONS OF THE RUSSIAN POPULATION BASED ON INTERNET SEARCH QUERIES (TOP-DOWN APPROACH)**

Abstract. By their nature, inflation expectations are an unobservable variable. In the framework of economic theory and practice, proxy indicators of inflation expectations (mainly based on surveys) are used as the most important variables for analyzing and forecasting inflationary processes. At the same time, when implementing the inflation targeting regime, regulators primarily focus on managing inflation expectations through monetary policy communications. In this respect, their special, dual character is manifested. Today, the use of alternative estimates of inflation expectations, including search query statistics, continues to grow in popularity. The selection of keywords for quantifying the expectations of the population remains a conceptual issue. The purpose of the study is to develop a methodologically sound approach to selecting keywords for search queries, statistics on which can be used as proxy variables of inflationary expectations. Within the framework of the article, this goal is achieved on the basis of text analysis of communications of the Bank of Russia using machine learning models (especially NLP). Based on the frequency analysis (Baseline approach), as well as the use of advanced NLP models (the T5 family of models (“Text-to-Text Transfer Transformer”), four groups of keywords (“inflation”, “Central Bank”, “exchange rate”, “key rate”) were identified using which the regulator can shape the inflation expectations of the Russian population (top-down approach). Due to recent changes in the policy of accessibility of historical data, as well as the popularity of the search network among residents of Russia, special emphasis is placed on the data of the Yandex search network. It is assumed that tracking the dynamics of requests for the “inflation” and “Central Bank” groups provides operational information everywhere, and for the “exchange rate” and “key rate” groups — in crisis and/or changing economic conditions. The results obtained on the search statistics of the selected keywords were tested as proxy indicators in the framework of forecasting inflation at the level of the Russian Federation based on a set of ARIMAX family models. The results indicate that it is advisable to use keyword statistics as explanatory variables to minimize forecast errors within the framework of inflation forecasting models.

Keywords: *monetary policy, inflation targeting, inflation expectations, search queries, text analysis, machine learning methods, Yandex.*

JEL: C82, C88, E31, E52.

Г.Д. Гловели

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

К.Э. Мерзликин

*к.э.н., сотрудник кафедры макроэкономической политики
и стратегического управления экономического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Р.М. НУРЕЕВ: ОТ «ПОЛИТЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ» К ПОИСКУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ «БОЛЬШОЙ ТЕОРИИ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. Статья посвящена научному наследию Рустема Махмутовича Нуреева, опубликовавшего в 1976 г. в сборнике Института экономики АН СССР свою первую концептуальную работу и впоследствии много лет проработавшего в Центре методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН. Показано значение творческой разработки Нуреевым концепции азиатского способа производства (АСП) для преодоления когнитивных тупиков советской политэкономической схоластики. Акцентируется обнаруженное Нуреевым сходство между АСП как исторически первой модели «власти-собственности» и административно-командной системой «реального социализма», основанной на формальном обобществлении, осуществлённом в форме тотального огосударствления общественных отношений. Охарактеризован роль Нуреева как одного из лидеров постсоветского институционализма, увидевшего в спектре институциональных теорий альтернативу антиисторизму неоклассики и перспективы для создания новой «большой теории» экономического развития на основе межпарадигмального и междисциплинарного интегрирования.

Ключевые слова: Нуреев, политэкономия в широком смысле, азиатский способ производства (АСП), когнитивные тупики политэкономии социализма, власть-собственность, неоклассика, постсоветский институционализм, новая и новейшая экономическая история, большие теории общественного развития.

JEL: A11, B25, B52, D01, E02, N15, O10, P00

УДК: 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_91_104

© Г.Д. Гловели, К.Э. Мерзликин, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гловели Г.Д., Мерзликин К.Э. Р.М. Нуреев: от «политэкономии в широком смысле» к поиску институциональной «большой теории» экономической истории // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 91–104. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_91_104.

FOR CITATION: Gloveli G., Merzlikin K. R.M. Nureev: from «Political Economy in a Broad Sense» to the Search for an Institutional «Grand Theory» of Economic History // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 91–104. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_91_104.

Преодоление когнитивных тупиков советской политэкономической схоластики

Рустем Махмутович Нуреев (1950–2023) был, по существу, единственным российским политэкономом после первопроходцев А.А. Богданова (1873–1928) и И.И. Степанова (1870–1928)¹, внёсшим серьёзный вклад в «политическую экономию в широком смысле», как определил Ф. Энгельс науку об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен и, соответственно этому, совершается распределение продуктов в разных общественных формациях [Энгельс, 1961. С. 153–154]. Хотя существование не только политэкономии капитализма и «политэкономии социализма», но и политэкономии добуржуазных (докапиталистических) способов производства считалось азбучной истиной в советской науке, более или менее содержательные опыты «политической экономики феодализма» были предприняты только докторами исторических наук Б.Ф. Поршневым (1905–1972) и Ф.Я. Полянским (1907–1983), однако остались незамеченными [Поршнев, 1956; Полянский, 1980]. Очерки же «политэкономии» первобытнообщинной и рабовладельческой формаций, написанные секретарями Отделения экономики АН СССР К.В. Островитяновым [Островитянов, 1972] и А.М. Румянцевым [Румянцев, 1981], скорее стоит отнести к разряду неактуализируемой партийной догматики.

В эту догматику не вписывалась вызвавшая две волны дискуссий (1920-е — начало 1930-х гг. и 1960–1980-е гг. [Нуреев, 1989. Гл. 1]) концепция «азиатского способа производства» (АСП). Для самого понятия место в советских энциклопедиях нашлось лишь на рубеже 1960–1970-х гг. — с отсылками к статье К. Маркса «Британское владычество в Индии» и его рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству» [Тер-Акопян, 1969, 1972]. Тогда же (1970) вышло и переиздание известного университетского «Курса политической экономики». Его авторы, руководимые Н.А. Цаголовым (1904–1985), отстаивали применение диалектического метода «Капитала» Маркса к построению систематической теории производственных отношений всех способов производства, а не только капиталистического. Хотя понятие «азиатский способ производства» в «Курсе политической экономики» не использовалось, один из его основных авторов, В.Н. Черковец (1924–2018), обратил внимание студента Рустема Нуреева² на проблему АСП и уместность её прояснения на основе метода, прокламированного политэкономом МГУ. Метод характеризовался как восхождение от абстрактного к конкретному — с выделением в каждой формационной системе исходного, основного и производных производственных отношений, основного экономического противоречия. Это и было осуществлено Нуреевым применительно к АСП в кандидатской диссертации (1977). После защиты он присоединился к кафедре политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, быстро снискав известность как искушённый методолог и ведущий специалист по политэкономии докапиталистических формаций [Нуреев, 1979а; Нуреев, 1979б; Нуреев, 1980].

Политэкономический анализ АСП, начатый ещё на студенческой скамье, образно говоря, «дал старт» многогранной научной деятельности Р.М. Нуреева, в течение 20 лет углублявшего своё понимание категории АСП и докапиталистических способов производства в целом [Нуреев, 1991], хотя широко развернувшаяся полемика об АСП так и не

¹ Неоднократно переиздававшийся до середины 1920-х годов «Курс политической экономики» А. Богданова и И. Степанова (1910–1919) и предшествовавший ему знаменитый «Краткий курс экономической науки» А. Богданова (1897, со многими переизданиями до 1924), при всех недостатках были первыми попытками построения «политэкономии в широком смысле», основанными на едином структурном подходе к различным способам производства [Гловели, 2010].

² Учился на экономическом факультете МГУ в 1967–1972 гг., затем там же в аспирантуре (до 1975).

привела к общему знаменателю позиции приверженцев марксистского формационного подхода (не только советских, но и западных³).

Период становления Р.М. Нуреева как учёного пришёлся на пик «застоя» 1970-х гг., когда говорить о свободном творчестве в такой идеологической области, как политическая экономия, было весьма затруднительно. За четверть века, прошедшие со времени выхода «сталинского» учебника политической экономии под редакцией академика К.В. Островитянова и пяти других редакторов-соавторов [*Островитянов и др.*, 1954], несмотря на подчас весьма острые споры между сложившимися школами политэкономии социализма, её основная структура так или иначе воспроизводилась во всех последующих советских учебниках и большинстве монографий советских политэкономов: общественная собственность на средства производства; основной экономический закон; планомерность; товарно-денежные отношения; хозрасчёт; распределение по труду [*Ореховский и др.*, 2022. С. 38]. Даже в Советской исторической энциклопедии отмечалось, что незавершённые дискуссии советских политэкономов о причинах сохранения товарно-денежных отношений и их роли при социализме приобрели схоластический характер [*Корхов*, 1973. С. 272]. То же самое можно сказать о полемике между «цаголовской школой» экономического факультета МГУ, отстаивавшей категорию планомерности как исходного производственного отношения («экономической клеточки») во всей системе производственных отношений социализма, и теми, кто утверждал, что планомерность — не особая экономическая категория, а одна из сторон всей системы производственных отношений социализма [*Абалкин*, 1973. С. 53]. Систематизация производственных отношений на исходные, основные и производные тоже была из разряда схоластического теоретизирования [*Нуреев*, 2015. С. 40], как и споры о составе и доле необходимого и прибавочного продуктов в совокупном общественном продукте [*Нуреев, Ореховский*, 2021б. С. 206].

«Когнитивный тупик» советской политэкономии, связанный с исключением из неё важнейшего необходимого элемента развития любой научной дисциплины — возможности критики и уточнения положений предшественников, проявился в дискуссии на экономическом факультете МГУ в 1975 г., после которой факультет вынужден был покинуть В.П. Шкредов (1925–1996). Он обратил внимание на ошибочность расхожего представления о том, что предметом исследования I отдела I тома «Капитала» являются не товар и товарное обращение, а товарное производство [*Нуреев, Ореховский*, 2021а. С. 194]. Но это представление восходит к сакрализованным текстам В.И. Ленина, сомнения Нуреева в букве которых вызвали большое недовольство ортодоксального коммуниста В.Н. Черковца [*Нуреев*, 2015. С. 44]. Вместе с тем тщательное изучение в студенческие годы и во время подготовки кандидатской диссертации наследия «классиков марксизма-ленинизма» позволило Р.М. Нурееву:

а) уже в первой аспирантской статье уверенно включиться в полемику советских обществоведов о марксистской позиции по проблемам специфики собственности и экономической роли государства (организатора общественных работ) в странах Востока [*Нуреев*, 1974];

б) парировать отрицательный отзыв на диссертацию, поступивший от ведущей организации — Академии общественных наук при ЦК КПСС, с упреками автору за отрицание

³ В 1962 г. во французском Центре марксистских исследований была организована группа по проблемам азиатского способа производства, которая объединила и возглавила выступления учёных-марксистов развитых капиталистических, социалистических и развивающихся стран. Журнал французских марксистов «*La Pensée Revue du rationalisme moderne*» стал подлинным центром дискуссии об азиатском способе производства [*Нуреев*, 1989. С. 23–24].

марксистско-ленинских теорий классов, государства, общественно-экономических формаций и ошибочном противопоставлении раннего Маркса позднему⁴;

в) пересмотреть понятие «общественно-экономическая формация», как догматическое упрощение, не соответствующее аутентичному взгляду Маркса на «экономическую общественную формацию», объединяющую антагонистические способы производства (азиатский, рабовладельческий, феодальный, капиталистический) и сменяющую первичную общественную формацию, основанную на общей собственности;

г) актуализировать Марксову типологию сельской общины, выступавшую в качестве первичной формы личной зависимости и «первой великой производительной силы»;

д) чётко классифицировать три основных направления в подходах авторов, включившихся с середины 1960-х гг. в новую дискуссию об азиатском способе производства и обогативших аналитический аппарат теории классовых обществ категорией *ренты-налога*. При этом в советскую политэкономическую литературу данная категория была введена именно Нуреевым [Нуреев, 1976; Нуреев, 1979б; Нуреев, 1980].

Большинство советских обществоведов продолжало отстаивать положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ, ставшее результатом первого этапа дискуссии об АСП (1920-е — начало 1930-х гг.), завершённого «сверху» по указанию И. Сталина [Нуреев, 1989. С. 221]. Но в ходе второго этапа дискуссии, развернувшейся в 1960–1970-е гг., рядом исследователей было подмечено, что характерная для восточных обществ эксплуатация сельских общинников посредством взимания ренты-налога и общественных работ (строительства ирригационных и оборонительных сооружений, храмов, дворцов) скорее соответствует разновидностям феодальной ренты — продуктовой и отработочной [Нуреев, 1979а]. Так появилась концепция единой «большой феодальной формации», которую наиболее последовательно развивал африканист Ю.М. Кобищанов (1934–2022) [Кобищанов, 1974; Кобищанов, 1992]. Близкую концепцию единого рентного докапиталистического способа производства обосновал В.П. Илюшечкин (1915–1996), энциклопедически обобщивший огромный фактический материал о различных формах эксплуатации во всей истории древности, средневековья и нового времени. Илюшечкин разделил все добуржуазные общества на четыре группы в зависимости от заключаемой в них пропорции различных форм частнособственнической эксплуатации (арендной; крепостнической; промежуточными между крепостничеством и арендой; рабовладельческой) [Илюшечкин, 1971; Илюшечкин, 1990].

Наконец, третье направление было представлено собственно сторонниками АСП как смешанного феодально-рабовладельческого («профеодально-кабального») общества с определяющей ролью государственной собственности и эксплуатацией государством формально свободного крестьянства [Нуреев, 1979а]. Вскоре из этого направления выделились два широких подхода, впоследствии развивавшиеся авторами на протяжении нескольких десятилетий. Один из них был предложен китаистом Л.С. Васильевым (1930–2016), выдвинувшим в центр характеристик восточных обществ категорию «власти-собственности», отражающей факт опосредования функции собственника причастностью к власти [Васильев, 1982].

Другой подход был обоснован Ю.И. Семеновым (1929–2023), написавшим ещё в первой половине 1970-х гг. для сборника «Становление классов и государства» большую статью о широком распространении во времени и в пространстве праклассовых и классовых обществ с «пирамидно-сегментарной» структурой. Учёный приходил к выводу, что К. Маркс первоначально назвал «азиатским» первый антагонистический способ производства, где верховным собственником земли был *класс, организованный в форме иерархии*

⁴ В результате диссертационный совет единогласно проголосовал за присуждение Нурееву степени кандидата экономических наук.

должностных лиц. Затем Маркс перестал пользоваться этим термином, убедившись, что данный способ производства существовал не только в Азии, но и в других частях света. Семенов предложил назвать этот способ производства «политарным», характеризующим общеклассовой частной собственностью эксплуататоров — получателей прибавочного продукта, движущегося от подножия социальной пирамиды к её вершине.

Позднее, в постсоветское время, Семенов отмечал, что уже тогда, в «застойные» 1970-е гг., понял, что «наше советское общество является не чем иным, как новейшим вариантом политаризма», однако его статья «ни в малейшей степени не представляла собой попытки преподнести в замаскированном виде картину советского общества» [Семенов, 2019. С. 9]. Но параллели с социально-экономическим строем, сложившимся в СССР, вырисовывались отчётливо, поэтому статья была изъята из упомянутого сборника, хотя через несколько лет, благодаря поддержке экономиста-востоковеда В.Г. Растянникова (1928–2015), всё же увидела свет в другом сборнике [Семенов, 1980].

Молодой Р.М. Нуреев, рассматривая проблематику АСП в контексте растущей экономической активности государства с сопутствующим ростом коррупции и бюрократизма в развивающихся странах Азии и Африки [Нуреев, 1976б. С. 206], использовал в качестве синонима термину «азиатский» и соответствующей формы отчуждения прибавочного продукта определение «архаическая неразвитость классовых отношений», обращая особое внимание на непосредственное совпадение класса эксплуататоров с государством, т.е. «архаическую нерасчленённость владельцев средств производства с бюрократической и военной машиной» [Там же. С. 220]. При такой нерасчленённости эксплуатировался «формально непосредственно общественный труд, причём его общественный характер перерос границы общины и достиг уровня общества» [Там же. С. 223]. Напрашивались параллели с «непосредственно общественным» характером труда при социализме — догмой политэкономической схоластики о системе производственных отношений коммунистической формации [Курс политической экономии, 1974. С. 97, 243]. Характерно, что цитируемая статья Нуреева появилась в сборнике Института экономики АН СССР с характерным заглавием «Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма».

Лишь в конце 1980-х гг., в период раскрепощения общественной мысли, инспирированного «перестройкой» и «гласностью», Нуреев выступил с прямым сопоставлением АСП и построенного в СССР «государственно-бюрократического социализма» [Нуреев, 1990]. За плечами автора к тому времени имелся, с одной стороны, опыт систематизации экономических аспектов законодательных и литературных памятников древневосточных обществ [Нуреев, 1987], а с другой — знакомство с диссидентскими концепциями тоталитарной власти в СССР, уподобляемой «восточному деспотизму» [Wittfogel, 1957; Восленский, 1984]. Кроме того, с провозглашением в 1987 г. М.С. Горбачёвым курсом на «обновление социализма» обиходными стали обобщения «командно-административная система» и «механизм торможения» как характеристики произошедших в 1930–1970-е гг. «деформаций» идеальной марксистско-ленинской модели. Уже в 1988 г. на страницах главного печатного органа ЦК КПСС «Правда» была дезавуирована «политэкономия социализма» с её «сладенькой догмой о непосредственно общественном характере труда при социализме» [Дзокаева, 1988].

Нуреев в статье мартовского номера журнала «Вопросы экономики» за 1990 г. указывал, что многие социально-экономические деформации в СССР в 1930–1970-е гг. имели «азиатскую» природу, включая чрезмерное огосударствление, полное вытеснение частного-собственнического сектора, практику административного воздействия на рыночные отношения (которые имели подчинённый и ограниченный характер) в форме установления твёрдых цен, и т.д. Он усматривал корни командно-административной системы в разрыве между реальным уровнем обобществления производства и чрезмерным огосударствлением

экономики, сближавшим «реальный социализм» по своим сущностным характеристикам с азиатским способом производства.

Однако, размышляя о сходстве «деформированного» социализма и АСП в русле перестроечного дискурса о возможности «подлинного обновления социализма, развития его гуманистической природы» [Нуреев, 1990. С. 58], Нуреев отвергал отождествление АСП и социализма, поскольку эти способы производства возникают на разных стадиях развития производительных сил [Там же. С. 52]. Критика «деформаций» социализма сопровождалась оговорками о возможности реализации «социалистического идеала» на основе «самоутверждения личности», включая свободу передвижения, выбор работы, перемену профессий, смену жилья и места проживания, хозяйственный расчёт и рынок, самоуправление трудовых коллективов [Там же. С. 57].

Поздние, постсоветские оценки Нуреевым «азиатских черт» экономики СССР 1930–1970-х гг. стали более жёсткими. Например, в послесловии к русскому переводу книги известного советолога П. Грегори «Политическая экономия сталинизма» Нуреев отмечал: «Государство монопольно определяет условия предоставляемой работы, её содержание, систему оплаты, формирует репрессивный аппарат, законодательно ограничивает формы протеста. Происходит не только формальное, но и реальное подчинение труда государственно-бюрократическому строю. Под видом борьбы с характерными для капитализма отношениями вещной зависимости и экономического принуждения воспроизводятся предкапиталистические формы: отношения личной зависимости и внеэкономического принуждения» [Нуреев, 2008. С. 373]. Эта мысль развивается в резюмирующем исследовании о влиянии дискуссий об азиатском способе производства на преодоление когнитивных тупиков политэкономии социализма: «Ретроспективно важным и чрезвычайно интригующим обстоятельством является то, что существенная часть советских политэкономов признала социализм не новым, передовым общественным строем, а видоизменённой докапиталистической формацией. И это — в 1970-е гг.! Причём с опорой на К. Маркса и Ф. Энгельса! Отсюда оставался один шаг до признания необходимости радикальных институциональных реформ и полного отказа от прежней социалистической риторики» [Нуреев, Ореховский, 2022. С. 142].

Расширение методологической основы исследований — переход к институционализму и поиск «большой теории» экономической истории

В своих итоговых размышлениях о спорах вокруг АСП и «восточного деспотизма» Р.М. Нуреев отметил, что, хотя автор известной концепции «гидравлического общества» К. Виттфогель и дистанцировался от прежних коллег-марксистов, основ другой экономической теории он так и не усвоил [Нуреев, Ореховский, 2022. С. 137]. То же самое можно сказать и об историософском дискурсе автора концепции «власти-собственности» Л.С. Васильева. Тот в своём итоговом многотомнике «Всеобщая история» увлечённо-ожесточённо боролся с поверженным марксизмом (историческим материализмом), при этом продолжая упорно привлекать в свою поддержку идеи К. Маркса об АСП (см.: [Алаев, 2012. С. 67–68]). Но этого никак нельзя сказать о творческом поиске самого Р.М. Нуреева.

Нуреев ясно сознавал не только то, что переоценка событий 1917 г. затрагивает все составляющие марксистского обществоведения (экономическую, философскую, социально-политическую), но и то, что смятение марксизма — не единственный акт драмы ухода с исторической сцены «больших теорий» экономического и социогуманитарного знания [Нуреев, 2015. С. 41]. Однако специально штудировавший в студенческие годы не только Маркса, Энгельса и Ленина, но и «Науку логики» Г. Гегеля, для углубления методологии анализа АСП Нуреев не собирался ни отказываться от фундаментальной политэкономической

и философской подготовки, обеспеченной марксистским образованием, ни ограничиваться фрагментарным (по его словам — «точечным») характером современного экономического мейнстрима [Там же. С. 41].

На рубеже 1980–1990-х гг., будучи одним из лучших преподавателей марксистской политэкономии, Нуреев одним из первых признал не только закат «политэкономии социализма», но и кризис марксистской политэкономии капитализма. И обратился к освоению мейнстримных теорий⁵ с последующей их адаптацией не только к радикально менявшемуся российскому экономическому образованию, но и к прикладным научным исследованиям.

Всероссийское признание снискали в 1990-е гг. его учебники по микроэкономике, ставшие самыми цитируемыми российскими учебниками по этой дисциплине [Манушин, Еникеев, 2023. С. 454]. Причём эти учебники отличались систематическими институциональными акцентами, проводимыми с первых же глав о базовых категориях рыночной экономики: транзакционные издержки, экономика информации, public choice, и т.д. Стоит сказать, что в подготовке учебно-методических материалов, ориентированных на российские сюжеты из прошлого и настоящего, Р.М. Нурееву помогал его ученик Ю.В. Латов, ещё со второго курса экономического факультета МГУ работавший под руководством Нуреева над проблематикой АСП и защитивший кандидатскую диссертацию по теме «Обмен деятельностью в условиях азиатского способа производства» (1993). В 2000-е гг. Латов стал видным специалистом по теории и истории теневой экономики, хорошо знакомым с научным аппаратом экономического анализа преступности одного из лидеров Чикагской школы, Г. Беккера (равно как и с вышедшей из той же школы теорией человеческого капитала) [Латов, 1999; Латов, 2006; Латов, Ковалев, 2006]. Однако Нуреев и Латов, часто выступавшие как соавторы, не приняли беккеровской программы неоклассического «экономического империализма». Напротив, как противоядие от засилья экономического империализма они рассматривали традиции и новации институционализма, научной парадигмы, развивающейся на границах собственно экономической науки и соседних общественных наук, особенно наук на междисциплинарных стыках — экономической социологии, социальной психологии. Уже в новом веке, в качестве главного научного сотрудника Института экономики РАН и заведующего кафедрой макроэкономики Финансового университета, Нуреев особое внимание уделил критике методологических предпосылок мейнстримной макроэкономики и наведению мостов между нею и институционализмом [Нуреев и др., 2013; Нуреев, 2013].

Нуреев не только уловил возрастание значимости институциональной экономической теории, но и изучил и классифицировал все её направления [Нуреев, 1999], уделяя особое внимание новой политической экономии, по которой опубликовал первый российский учебник [Нуреев, 2005]. Ещё одним направлением, по которому Нуреевым также был создан первый российский учебник, стала экономика развития [Нуреев, 2001]. Здесь сказался давний, в контексте проблематики АСП, интерес к экономическим особенностям стран третьего мира, особенно к Индии [Нуреев, 1976а], обогащённый освоением различных макроэкономических и институциональных теорий зависимости, догоняющего развития и модернизации. Наконец, в стремлении к учёту преимуществ разных подходов и объёмному видению структуры пространства исследований Нуреев, разумеется, не мог избежать влияния институционалистской новой экономической истории (НЭИ) Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста, некоторые разработки которой пересекаются с концепцией «власти-собственности» [Нуреев, Ореховский, 2022. С. 142].

Неудивительно, что именно Р.М. Нуреев стал одним из лидеров постсоветского институционализма — организатором-руководителем виртуальной мастерской «Поиск

⁵ Включая сдачу вводного и промежуточного курсов по микро- и макроэкономике в Лондонском университете.

эффективных институтов для России XXI-го века», объединившей учёных из разных российских регионов и республик СНГ; главным редактором цикла коллективных монографий «Постсоветский институционализм» (выходивших с регулярностью альманаха в 2005–2012 гг. в разных городах от Донецка до Томска); организатором-сопредседателем Международной ассоциации институциональных исследований; основателем (2009) и главным редактором специального «Журнала институциональных исследований» (*Journal of Institutional Studies*); и, конечно же, автором учебников об особенностях институционального развития России [Нуреев, 2009; Нуреев, Латов, 2016].

Особо надо отметить найденную Нуреевым и его коллегами, разделявшими пафос стимулирования и распространения новых институциональных идей среди российских обществоведов, оригинальную форму сочетания очных симпозиумов и заочных интернет-конференций. В 2003–2005 гг. в таком плодотворном формате были проведены организованные НИУ ВШЭ (тогда ГУ ВШЭ) дискуссии по вопросам институционального анализа функционирования экономических субъектов постсоветской России, экономической антропологии К. Поланьи и теории, которую Нуреев охарактеризовал, как новейшую экономическую историю, — историю зависимости от предшествующего развития (*Path Dependence*).

«Новая» и «новейшая» институциональные теории экономической истории, по оценке Нуреева и Латова, с двух сторон подходят к проблеме изменчивости институтов. Если Д. Норт и его коллеги сделали акцент на выборе норм, возможности конструирования и экспорта институтов, то первооткрыватель QWERTY-эффектов П. Дэвис (выступивший в онлайн-формате на организованной Нуреевым дискуссии) и его последователи — на институциональной инерции, «колее», которая мешает конструированию и импорту институтов. Оригинальным российским продолжением этих концепций на материале постсоветской экономики стала теория «институциональных ловушек» академика В.М. Полтеровича [Полтерович, 1999]. Если Д. Норт и дополнивший теорию *Path Dependence* описанием эффекта блокировки (*lock-in*) Б. Артур акцентировали внимание на институтах, замедляющих развитие экономических систем в сравнении с более эффективными альтернативами, то В. Полтерович проанализировал ситуацию, когда неэффективный институт не просто тормозит развитие, но разрушает ту систему, в рамках которой он сформировался [Нуреев, Латов, 2006б. С. 241].

Нуреев и Латов подчеркнули, что концепция «институциональных ловушек» Полтеровича удачно объясняет положение, в котором оказалась западная экономическая наука, основанная на доминировании неоклассики. С тех пор, как школа А. Маршалла заложила фундамент *economics*, «развитие экономической науки в течение уже более столетия идёт в одной и той же колее, хотя в адрес неоклассики накапливается всё больше критики» [Там же. С. 242].

Теория *Path Dependence* основана на снискавшей на рубеже тысячелетий широкую (хотя часто поверхностную) популярность метанаучной синергетической парадигме, связанной с именем Ильи Пригожина, создателя теории самоорганизации порядка из хаоса [Там же. С. 247]. Социально-экономические системы, как и природные, проходят через бифуркационные события, когда происходит выбор какой-либо одной возможности из веера различных альтернатив. Развитие общества не является жёстко предопределённым — наблюдается чередование периодов институциональной инерции, когда вектор развития изменить нельзя (движение по аттрактору), и точек бифуркации, в которых возникает возможность выбора институтов [Нуреев, Латов, 2010. С. 20].

Илья Романович Пригожин (1917–2003) дружил с Иммануилом Валлерстайном (1930–2019) [Дерлугьян, 2013. С. 363], учеником крупнейшего историка-экономиста XX в. Фернана Броделя (1902–1985) и основателем мир-системного подхода, снискавшего в начале XXI в. широкое признание как мощное теоретическое направление, в рамках которого реально

осуществился методологический синтез между стадийным видением и интерпретацией истории как совокупности различных крупных локальных систем (цивилизаций) [Крадин, 2008].

Предложенная И. Валлерстайном типология исторических систем: 1) реципрокные минисистемы; 2) редистрибутивные мир-империи; 3) современная капиталистическая мир-система (мироэкономика), основанная на асимметричных международных рыночных обменах, базируется на ключевой идее Карла (Кароя) Поланьи (1886–1964) о трёх институциональных типах экономической координации, взаимодействий людей по поводу получения благ и услуг: реципрокности, редистрибуции, рыночном обмене. Реципрокность (от лат. *reciprocus* — «возвращающийся») означает взаимность по принципу «ты мне, я — тебе»; редистрибуция — перераспределение (лат. *redistributio*), когда продукты поднимаются по социальной лестнице снизу вверх, а затем частично поступают обратно; рынок — когда обмен принимает монетарную форму [Валлерстайн, 2008. С. 75–76].

Нуреев вместе с учениками и коллегами предпринял оригинальную попытку «достроить» концепцию Поланьи до «большой теории» [Нуреев, Латов, 2006а. С. 10–12], интегрировав её в свой параллельно-последовательный подход к формационной эволюции, с выделением западного, основанного на институтах частной собственности, и восточного (политарного), основанного на власти-собственности, путей развития (рис. 1).

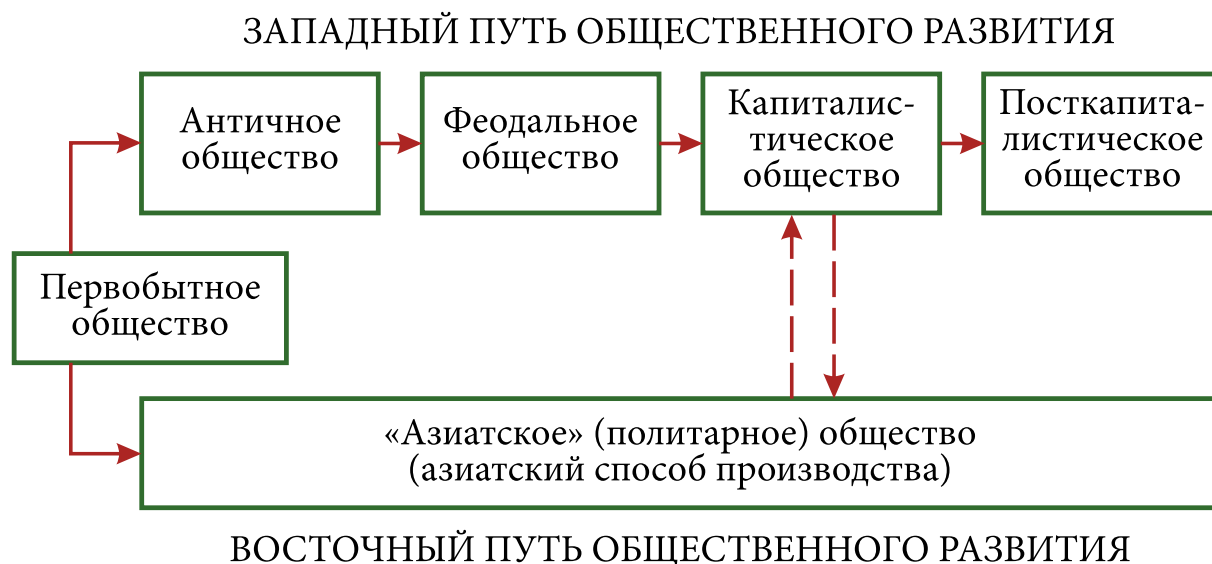

Рис. 1. Параллельно-последовательный принцип формационного анализа экономической истории человечества с выделением западного и восточного (политарного) путей общественного развития

Источник: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. — М.: Кнорус, 2016. С. 26.

Как новейшая экономическая история, основанная на теории зависимости от предшествующего развития, так и концепция К. Поланьи выдвигались Нуреевым как альтернатива неоклассике [Нуреев, Латов, 2006б. С. 244] с её принципиальным анти-историзмом и амбициозным, но узким экономическим империализмом. Очевидно, сильно развитое эстетическое чувство глубокого знатока мировой художественной культуры (особенно архитектуры) и мастера наглядно-образного моделирования [Пястолов, 2024. С. 119] побуждало видеть за спектром экономических концепций институционализма (как «нового», так и «старого») очертания контура новой «большой теории» общественного развития, оттенявшей бы более точно многоцветье реальности. Нуреев выделял полудюжину больших теорий общественного развития: марксизм, локально-цивилизационные подходы (в их разнообразии от веберизма до кросс-культурализма Г. Хофстеде), теории постиндустриального общества, концепция Поланьи, миросистемный анализ, институциональная

новая экономическая история. Новейшая экономическая история (Path Dependence) была отнесена к особо значимым подходам «среднего уровня» — наряду с развиваемой рядом отечественных учёных «социоестественной историей», смыкающейся с исторической климатологией [Нуреев, Латов, 2016. С. 8–11]. Нуреев и солидарный с ним Латов исходили из того, что указанные выше подходы в совокупности дают научный инструментарий, позволяющий рассчитывать на построение синтетической теории экономической истории. «Это возможно, поскольку все перечисленные парадигмы основаны на трактовке общества, рассматриваемого не как механическая сумма индивидов, а как система социальных организаций и социальных норм. В этом случае существующие “большие” теории не противоречат, а дополняют друг друга. Основой такого синтеза, по нашему мнению, может стать *трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов*, в процессе которой происходит отбор — отчасти осознанный, отчасти стихийный — наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества» [Там же. С. 21].

Упорядочивая набор подходов и методов изучения истории народного хозяйства, Нуреев и Латов не только представили схему взаимодействия экономической теории, исторической и статистической науки, выделив зоны пересечения всех трёх наук и их методов, но и наметили программу масштабного историко-экономического синтеза на основе институционального подхода, который носит межпарадигмальный и междисциплинарный характер.

Но Нуреев не случайно, с долей присущего ему юмора, называл самого себя «воплощённым противоречием» [Нуреев, Латов, 2015. С. 43]. Отчасти, видимо, он подразумевал диалектическое движение через антиномии и отрицание отрицания, столь впечатляюще развёрнутое в «Науке логики» Гегеля и «Капитале» Маркса. От тезиса марксистской политэкономии через отрицание советской схоластики был сделан решительный шаг к неоклассическому антитезису, а через отрицание неоклассической антиисторичности — к институциональному «синтезу парадигм», в котором нашлось место и герменевтике марксизма, и пропедевтике неоклассического Economics.

Речь идёт о разработке Нуреевым общей типологии экономических ресурсов (производительных сил). В итоговых марксистских монографиях об азиатском способе производства и докапиталистических формациях в целом [Нуреев, 1989; Нуреев, 1991] была обоснована типология производительных сил: естественные (изначально данные природой); общественные (созданные индивидом и/или локальными коллективами — общиной, фирмой); всеобщие (созданные крупными коллективами — государством, человечеством в целом). Дополнительно разделив первые два типа ресурсов на два вида — каждый в зависимости от того, являются ли ресурсы субъективными (неотделимыми от личности человека) или же объективными (выступающими как внешнее условие человеческой деятельности), Нуреев получил классификацию экономических ресурсов, хорошо сопрягаемую с набором 5 основных ресурсов в современном стандартном курсе экономикс (табл. 1).

Полученная классификация носит одновременно и универсальный, и формационно-специфический характер, поскольку все разновидности ресурсов существуют при любой социально-экономической системе, но для каждой из них типична своя специфическая комбинация основных ресурсов. Опираясь на свою типологию, Нуреев вместе с Латовым обосновал категорию «производственной среды российской цивилизации» [Нуреев, Латов, 2016. С. 37–39]. Она стала отправным пунктом в институциональном анализе экономической истории России, изложенном в многочисленных статьях, монографии об «эффекте колеи» в российско-европейском расхождении [Нуреев, Латов, 2010] и новаторском учебнике [Нуреев, Латов, 2016].

Предпринятый Нуреевым и его учеником Латовым институциональный синтез российской экономической истории будет рассмотрен нами отдельно, а сейчас вернёмся

Таблица 1

Типология ресурсов, сочетающая универсально-экономический и формационно-специфический подходы.

Типы ресурсов по их происхождению	Естественные (изначально данные природой)		Общественные (созданные индивидом и/или локальными коллективами)		Всеобщие (созданные крупными сообществами)
Виды ресурсов по их принадлежности	Субъективные (природа самого человека) — ТРУД	Объективные (окружающая природа) — ЗЕМЛЯ	Субъективные (знания и навыки) — ИНФОРМАЦИЯ	Объективные (предметы и средства труда) — КАПИТАЛ	Субъективные (институты и организация) — ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
Типы капитала	Физиологический	Природный	Человеческий	Вещественный	Социальный

Составлено по: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. – М. Кнорус. С. 37–38.

к самооценке Нуреева как «воплощённого противоречия». Это было сказано в контексте «диалога глухих» в российской экономической науке, нежелания сторон слышать друг друга. Рустем Махмутович Нуреев и словом, и делом доказывал возможность «диалога на конструктивной основе» [Нуреев, 2015. С. 42]. И эту его готовность к конструктивному диалогу можно уподобить высококачественной линзе, концентрирующей спектр его многогранного научного наследия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абалкин Л.И. (1973). *Хозяйственный механизм развитого социалистического общества*. [Abalkin L.I. (1973). The economic mechanism of a developed socialist society]. — М.: Мысль.
- Алаев Л.Б. (2012). *Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.И. Непомнин versus Л.С. Васильев)*. [Alaev L.B. (2012). Two newest concepts of the history of the East and the world (O.I. Nepomnin versus L.S. Vasiliev) // *Comparative Politics*. № 1. С. 67–82.
- Валлерстайн И. (2008). *Мировсистемный анализ: введение*. [Wallerstein I. (2008). World-systems analysis: an introduction]. — М.: Территория будущего.
- Васильев Л.С. (1982). Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур [Vasiliev L.S. (1982). The phenomenon of power-property. To the problem of typology of pre-capitalist structures] // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. — М.: Наука. С. 60–99.
- Восленский М. (1984). *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза* [Voslensky M. (1984). Nomenklatura. The ruling class of the Soviet Union]. — London: OPI.
- Гловели Г.Д. (2010). Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма [Gloveli G.D. (2010). Political economy in a broad sense: elements of institutionalism and utopianism] // *Вопросы экономики*. № 10. С. 113–134.
- Дерлугьян Г. (2013). *Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы*. [Derluguian G. (2013). How this World Works. Sketches on macrosociological topics]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Дзокаева Т.К. (1988). Последняя жертва [Dzokaeva T.K. (1988). The last victim] // *Правда*. № 127. 6 мая. С. 3.
- Илюшечкин В.П. (1971). *Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени*. [Ilyushechkin V.P. (1971). Rent form of exploitation in prebourgeois societies of Antiquity, the Middle Ages and Modern Times]. — М.: Институт востоковедения АН СССР.
- Илюшечкин В.П. (1990). *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. Опыт системно-структурного исследования* [Ilyushechkin V.P. (1990). Exploitation and property in estate-class societies / Experience of systemic-structural research]. — М.: Наука.
- Кобищанов Ю.М. (1974). Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития [Kobishchanov Yu.M. (1974). African feudal societies: reproduction and uneven development] // *Африка: возникновение отсталости и пути развития* / Отв. ред. Л.Е. Куббель. — М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы. С. 85–290.
- Кобищанов Ю.М. (1992). Теория большой феодальной формации [Kobishchanov Yu.M. (1992). The theory of the great feudal formation] // *Вопросы истории*. № 4–5. С. 57–72.

- Корхов Ю.А. (1973). Товарное производство. [Korkhov Yu.A. (1973). Commodity production // Soviet Historical Encyclopedia] // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. — М.: Советская энциклопедия. С. 268–271.
- Крадин Н.Н. (2008). Проблемы периодизации исторических макропроцессов [Kradin N.N. (2008). Problems of periodization of historical macroprocesses] // История и математика. Модели и теории / Ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков, М.: ЛКИ — УРСС. С. 166–200.
- Курс политической экономии (1974). Т. II. Социализм. / Под ред. Н.А. Цаголова [The course of political economy (1974). Vol. II. Socialism. / N.A. Tsagolov (ed.)]. — М.: Экономика.
- Латов Ю.В. (1999). Экономическая теория преступлений и наказаний (экономисты в гостях у криминологов [Latov Yu.V. (1999). Economic theory of crime and punishment (economists visiting criminologists)] // Вопросы экономики. № 3. С. 60–75.
- Латов Ю.В. (2006). Роль «теневой экономики» в социально-экономической истории [Latov Yu.V. (2006). The role of «shadow economy» in socio-economic history] // Историко-экономические исследования. Т. 7. № 3. С. 9–48.
- Латов Ю.В., Ковалев С. Н. (2006). Теневая экономика: Учеб. пособие для вузов. Моск. ун-т МВД России. [Latov Yu.V., Kovalev S.N. (2006). Shadow economy: textbook for universities. Moscow University of Internal Affairs of Russia]. — М.: Норма.
- Манушин Д.В., Еникеев Ш.И. (2023). Памяти Рустема Махмудовича Нуреева: обзор работ по экономической теории, управлению отраслевой экономикой и другим направлениям [Manushin D.V., Enikeev Sh.I. (2023). In memory of Rustem Makhmutovich Nureev: a review of works on economic theory, industry economics management and directions] // Russian Journal of Economics and Law. Т. 17. № 2. С. 451–460.
- Нуреев Р.М. (1974). К.Маркс о становлении общественного характера труда в докапиталистических формах производства [Nureev R.M. (1974). K. Marx on the formation of social character in pre-capitalist forms of production] // Процесс обобществления производства в различных социально-экономических системах. — М.: Изд-во МГУ. С. 17–26.
- Нуреев Р.М. (1976а). Генезис многоукладности в развивающихся странах (на примере Индии) [Nureev R.M. (1976a). Genesis of multi-structurality in developing countries (on example of India)] // Развивающиеся страны: проблемы воспроизводства в условиях многоукладной экономики. — М.: Изд-во МГУ. С. 5–24.
- Нуреев Р.М. (1976б). Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства [Nureev R.M. (1976b). Features of the basic production relationship and the discussion on AMP] // Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма / Отв. ред. А.А. Сергеев. — М.: Институт экономики АН СССР. С. 205–233.
- Нуреев Р.М. (1979а). Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе. [Nureev R.M. (1979a). The problems of the «Asian mode of production» in the soviet historical and economic literature] // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. № 5. С. 13–22.
- Нуреев Р.М. (1979б). Рабовладельческий строй [Nureev R.M. (1979b). The slave-owning system] // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. — М.: Советская энциклопедия. С. 415–419.
- Нуреев Р.М. (1980). Феодализм [Nureev R.M. (1980). Feudalism] // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. — М.: Советская энциклопедия. С. 270–275.
- Нуреев Р.М. (1987). Древний Египет. Передняя Азия [Nureev, R.M. (1987). Ancient Egypt. Western Asia] // Всемирная история экономической мысли. Т. 1. — М.: Мысль. С. 36–69.
- Нуреев Р.М. (1989). Экономический строй докапиталистических формаций (Диалектика производительных сил и производственных отношений). [Nureev R.M. (1989). The economic system of pre-capitalist formations (The Dialectic of productive forces and production relations)]. — Душанбе: Дониш.
- Нуреев Р.М. (1990). Азиатский способ производства и социализм [Nureev R.M. (1990). The Asian mode of production and socialism] // Вопросы экономики. №3. С. 47–58.
- Нуреев Р.М. (1991). Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. [Nureev R.M. (1991). Political economy. Pre-capitalist modes of production. Basic patterns of development]. — М.: Изд-во МГУ.
- Нуреев Р.М. (1999). Институционализм: прошлое, настоящее, будущее [Nureev R.M. (1999). Institutionalism: Past, Present, and Future] // Вопросы экономики. № 1. С. 128–140.
- Нуреев Р.М. (2001). Экономика развития: модели становления рыночной экономики [Nureev R.M. (2001). Developmental economics: models of the formation of a market economy]. — М.: ИНФРА-М.
- Нуреев Р.М. (2005). Теория общественного выбора [Nureev R.M. (2005). Theory of public choice]. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ.
- Нуреев Р.М. (2008). Послесловие к «Политической экономии сталинизма» Пола Грегори [Nureev R.M. (2008). Afterword to the Political Economy of Stalinism by Paul Gregory]. // Грегори П. Политическая экономия сталинизма — М. РОССПЭН. С. 344–389.
- Нуреев Р.М. (2009). Россия. Особенности институционального развития [Nureev R.M. (2009). Russia. Features of institutional development]. — М.: Норма.

- Нуреев Р.М. (2013). На пути к созданию новой макроэкономики: вклад институционализма [Nureev R.M. (2013). Towards the creation of a new macroeconomics: the contribution of institutionalism] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 5. № 1. С. 6–20.
- Нуреев Р.М. (2015). Если мы не будем заявлять о себе, наш голос не будет услышан [Nureev R.M. (2015). If we don't declare ourselves, our voice won't be heard] // *Мир новой экономики*. № 2. С. 37–46.
- Нуреев Р.М. (2017). Критика базовых предпосылок современных макроэкономических теорий [Nureev R.M. (2017). Criticism of the Basic Prerequisites of Modern Macroeconomic Theories] // *Предпосылки экономической теории* / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Р.М. Нуреева. — СПб: Алетейя.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2006а). Предисловие. Карл Поланьи — наш современник [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2006a). Preface. Karl Polanyi is Our Contemporary] // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Р. М. Нуреева. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 9–12.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2006б). Что такое path dependence и как её изучают российские экономисты [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2006b). What is path dependence and how do Russian economists study it?] // *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и как процесса*. — М.: ИД ГУ ВШЭ. С. 228–256.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2010). Russia and Europe: the rut effect (experience of the institutional analysis of the history of economic development)]. — Калининград: РГУ им. И. Канта, Балтийский МИОН.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2016). Economic history of Russia (experience of institutional analysis): textbook]. — М. Кнорус.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021а). Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х. [Nureev R.M., Orechovsky P.A. (2021a). Discussions around the Basic Production relationship in the Political Economy of Socialism: the Cognitive Impasse of the 1970s] // *Журнал экономической теории*. Т. 18. №2. С. 185–196.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021б). Дискуссия вокруг производительных сил (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х). [Nureev R.M., Orechovsky P.A. (2021b). Discussions around the Production Forces (Political Economy of Socialism: the Cognitive Impasse of the 1970s)] // *Актуальные проблемы экономики и права*. Т. 15. № 2. С. 197–214.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2022). Долгие 1970-е гг.: когнитивный тупик политэкономии социализма [Nureev R.M., Orechovsky P.A. (2022). The Long 1970-s: The Cognitive Impasse of Political Economy Socialism] // *Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР* / Под ред. П.А. Ореховского. — СПб.: Алетейя. С. 75–190.
- Ореховский П.А., Вархотов Т.А., Кошовец О.Б. (2022). Период политического романтизма (1954–1972): политэкономы и философы [Orekhovsky P.A., Varhotov T.A., Koshovets O.B. (2022). The Period of Political Romanticism (1954–1972): Political Economists and Philosophers] // *Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР* / Под ред. П.А. Ореховского. — СПб.: Алетейя. С. 75–190.
- Островитянов К.В., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А., Лантев И.Д., Кузьминов И.И., Гатовский Л.М. (1954). Политическая экономия. Учебник. [Ostrovityanov K.V. et al. (1954). Political economy]. — М.: Политиздат.
- Островитянов К.В. (1972). Избранные произведения. Т. 1. Политическая экономия досоциалистических формаций [Ostrovityanov K.V. (1972). Selected works. Vol. 1. Political Economy of pre-socialist formations]. — М.: Наука.
- Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы [Polterovich V.M. (1999). Institutional traps and economic reforms] // *Экономика и математические методы*. Т. 35. № 2. С. 1–37.
- Полянский Ф.Я. (1980). Вопросы политической экономии феодализма [Polyansky F.Ya. (1980). Questions of the political economy of feudalism]. — М.: Изд-во МГУ.
- Поршнева Б.Ф. (1956). Очерк политической экономии феодализма [Porshnev B.F. (1956). An essay on the political economy of feudalism.]. — М.: Госполитиздат.
- Пястолов С.М. (2024). Светлый образ наставника. Памяти Рустема Махмудовича Нуреева (1950–2023) [Pyastolov S.M. (2024). The bright image of a mentor. In memory of Rustem Makhmutovich Nureev (1950–2023)] // *Journal of Institutional Studies*. Т. 16. №1. С. 117–121.
- Румянцев А. М. (1981). Возникновение и развитие первобытнообщинного способа производства. Присваивающее хозяйство (Политико-экономические очерки) [Rumyantsev A.M. (1981). The emergence and development of the primitive communal mode of production. Appropriating economy (Political and economic essays)]. — М.: Наука.
- Семенов Ю.И. (1980). Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения [Semenov Yu.I. (1980). About one of the types of traditional social structures in Africa and Asia: the proto-state and agrarian relations] // *Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки* / Отв. ред. В.Г. Растянников. — М.: Наука. С. 102–130.
- Семенов Ю.И. (2019). Политарный («азиатский») способ производства. Сущность и место в истории человечества и России [Semenov Yu.I. (2019). The polytarian («Asian») mode of production. The essence and place in the history of mankind and Russia.]. — М.: ЛЕНАНД.

- Тер-Акопян Н.Б. (1969). [Ter-Hakobyan N.B. (1969). The Asiatic mode of production]. Азиатский способ производства // Большая советская энциклопедия. Т. 1. — М.: Советская энциклопедия. С. 279.
- Тер-Акопян Н.Б. (1972). Азиатский способ производства [Ter-Hakobyan N.B. (1971). Asian mode of production] // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. — М.: Советская энциклопедия. С. 42–43.
- Энгельс Ф. (1961). Анти-Дюринг [Engels F. (1961). Anti-Duehring] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. — М.: Госполитиздат. С. 5–338.
- Wittfogel K.-A. (1957). *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. — New Haven: Yale University Press.

Гловели Георгий Джемалович

Georgii Gloveli

*Doctor of sciences (Economics), professor, National Research University «Higher School of Economics», Moscow
glovelig@mail.ru*

Мерзликин Константин Эдуардович

Konstantin Merzlikin

*PhD (Economics), researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow
kon.merzlikin@gmail.com*

R.M. NUREEV: FROM «POLITICAL ECONOMY IN A BROAD SENSE» TO THE SEARCH FOR AN INSTITUTIONAL «GRAND THEORY» OF ECONOMIC HISTORY

Abstract. This article explores the scholarly legacy of Rustem Makhmutovich Nureev, who published his first conceptual work in 1976 in a volume of the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences and later spent many years at the Center for Methodological and Historical-Economic Studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Particular attention is given to the importance of Nureev's innovative elaboration of the concept of the Asian Mode of Production (AMP) as a way of overcoming the cognitive dead ends of Soviet political-economic scholasticism. Nureev highlighted the parallels between the AMP, understood as the historically earliest model of «power-property», and the administrative-command system of «real socialism», which was based on formal socialization carried out through the total statization of social relations. The article further characterizes Nureev as one of the leading figures of post-Soviet institutionalism, who regarded the diversity of institutional theories as an alternative to the ahistoricism of neoclassical economics, and as offering a promising foundation for the creation of a new “grand theory” of economic development grounded in inter-paradigmatic and interdisciplinary integration.

Keywords: *Nureev, political economy in the broad sense, Asiatic Mode of Production (AMP), cognitive impasses of the political economy of socialism; power-property, neoclassicism, post-Soviet institutionalism; new and contemporary economic history, grand theories of social development.*

JEL: A11, B25, B52, D01, E02, N15, O10, P00.

Г.А. Маслов

*к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ИССЛЕДОВАНИЕ НТП И ТЕОРИЙ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РАБОТАХ Ю.Я. ОЛЬСЕВИЧА¹

Аннотация. Статья, приуроченная к 95-летию Института экономики РАН, посвящена теоретическому наследию Ю.Я. Ольсевича, одного из ведущих специалистов Института по проблемам воздействия НТП на трансформации социально-экономических систем. Особое внимание уделено разработанной Ю.Я. Ольсевичем концепции инфраиндустрии. Зарубежные теории критиковались за недостаточное внимание к магистральным направлениям развития научно-технического прогресса в различных социально-экономических системах. При анализе советского опыта Ю.Я. Ольсевич выделял проблемы сверхцентрализации, обусловленные во многом перманентным противоборством с западным блоком, что соответствовало подходам многих западных советологов. Современный этап общественного развития характеризуется особой ролью инфраиндустрии, подсистемы производительных сил, объединяющей различные производства. Помимо выделения прогрессивного потенциала научно-технической революции Ю.Я. Ольсевич отмечал ряд рисков, прежде всего связанных с увеличением неравенства и экологическими проблемами. Было показано, что современной технико-экономической системе свойственен рост обобществления производства, что предполагает развитие механизмов государственного планирования. В то же время сложность производственных процессов подразумевает поддержку многоукладности экономики. В статье отмечается, что развитие наследия Ю.Я. Ольсевича приобретает особую актуальность в настоящее время.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, научно-техническая революция, марксизм, инфраиндустрия, многоукладность.

JEL: B31, O33

УДК: 330.858, 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_105_116

© Г.А. Маслов, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маслов Г.А. Исследование НТП и теорий технико-экономического развития в работах Ю.Я. Ольсевича // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 105–116. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_105_116.

FOR CITATION: Maslov G. Research on Scientific and Technological Progress and Theories of Technical and Economic Development in the Works of Yu. Olsevich // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 105–116. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_105_116.

¹ Автор благодарит Г.Д. Гловели, заведующего Центром методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, за помощь в работе над статьёй.

Введение

Современные стремительные технологические изменения значительным образом трансформируют как глобальную, так и национальные социально-экономические системы. Сущностными чертами нынешнего этапа научно-технического развития является переплетение и повсеместное распространение широкого спектра технологий. При всех рисках неосмотрительного использования новых технологий, которые связываются с четвёртой промышленной революцией, их общественно прогрессивный потенциал является очень высоким. В этих условиях резко обострилась глобальная конкуренция между крупнейшими игроками на мировой арене за доминирование на ключевых высокотехнологичных рынках, что приводит к росту протекционизма, практикам санкционного давления и интенсификации военных конфликтов. Россия, обладая большим экономическим потенциалом, находится в центре данных геоэкономических процессов. Это означает необходимость ускоренного научно-технического развития для обеспечения экономической самостоятельности по ключевым направлениям, что в нынешних условиях становится необходимой предпосылкой как устойчивого роста благосостояния населения, так и эффективного противодействия внешним шокам.

Вместе с тем в настоящее время проблема осмысления экономико-теоретического наследия по проблемам научно-технического развития остаётся недостаточно проработанной, как и вопрос фундаментальных закономерностей технико-экономического развития в исторической динамике. Данную ситуацию можно объяснить рядом причин, прежде всего нередким отставанием экономической теории от вызовов практики, инерционностью используемой аксиоматики, методологического аппарата. Техничко-экономическая среда в последнее время развивается очень стремительно, ставя всё новые вопросы перед экономической наукой.

В рамках всего пространства экономической науки относительно мало места занимают исторические работы. Сами по себе исследования по проблемам истории экономики и экономических учений, как правило, лежат за пределами мейнстрима, которому в меньшей степени свойственен исторический подход [Milonakis, Fine, 2009]. Анализ истории экономической мысли предполагает работу с объектом, очень растянутым во времени. Его существенное обновление происходит медленно, что препятствует «динамизму» в исследовательском сообществе. Говоря о наследии отечественных экономистов советского периода, следует отметить их идеологическую окраску, что подорвало репутацию советской экономической науки в целом. Идеология заслонила ряд продуктивных подходов и идей по проблеме научно-технического развития, которые вдобавок нуждаются к адаптации к современным реалиям.

В рамках статьи основное внимание будет уделено разработкам Ю.Я. Ольсевича, крупного историка и критика экономических учений, который не ограничивался идеологизированным переложением и систематизацией концепций западных авторов, но вносил оригинальное собственное видение в проблематику социально-экономических последствий научно-технического прогресса (далее — НТП), обосновал сохраняющую актуальность концепцию индустрии.

Теоретический вклад Ю.Я.Ольсевича в вопросы научно-технического развития

Юлий Яковлевич Ольсевич (1929–2016), уроженец Алтайского края и выпускник (1951) экономического факультета МГУ, начал свою долгую научно-преподавательскую деятельность преподавателем Уральского политехнического института. После защиты в МГУ кандидатской диссертации по проблемам социалистического мирового рынка

и социалистического международного разделения труда (1958) Ольсевич несколько лет работал в экономической редакции Издательства иностранной литературы, а затем в ИМЭМО АН СССР. Под его редакцией были изданы переводы известных книг видных представителей основных течений западной экономической мысли XX в.: неоклассики (Э. Чемберлин), кейнсианства (Э. Хансен, Р. Харрод), институционально-социологического направления (Г. Мюрдаль). С этого времени Ольсевич специализировался на критике с марксистских позиций западных экономических и советологических концепций. В сферу его внимания попали в том числе «неоклассический синтез» признанного мэтра мейн-стрима П. Самуэльсона, структурная концепция экономического развития англо-австралийского статистика К. Кларка и французского политэконома и социолога Ж. Фурастье, зафиксировавшая последствия опережающего роста «третичного сектора» (сферы услуг) в развитых индустриальных экономиках.

Критика западных концепций в СССР велась исходя из идеологически жёстко заданных установок «общего кризиса капитализма» и его отражения в «вульгарной политической экономии» и «ревизионизме». Ю.Я. Ольсевич, однако, принадлежал к числу тех немногих авторов, которые более сообразно излагали содержание новых западных экономических теорий и давали их критику на основе глубокого усвоения марксизма, включая его сильные стороны.

С 1965 г. началась более чем полувековая деятельность Ю.Я. Ольсевича в Институте экономики. Одновременно с ней, начиная с 1969 г., он преподавал на экономическом факультете МГУ. Стоит отметить, что Ю.Я. Ольсевич был ответственным редактором V тома фундаментальной «Всемирной истории экономической мысли» (1994) и IV тома («Век глобальных трансформаций») антологии «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков» (2004). Он также активно организовывал международные научные мероприятия, регулярно выступал на крупнейших зарубежных площадках. Уже в XXI в. почти ежегодно Ю.Я. Ольсевич публиковал оригинальные работы по новым направлениям исследований — специфика русской национальной школы экономической мысли¹, влияние на экономическую мысль Запада хозяйственных реформ в России и КНР, социально-психологические аспекты инновационного развития, психоэкономическая типология предпринимательства, когнитивно-психологический сдвиг в аксиоматике экономической теории, фундаментальная неопределённость финансовых рынков и др.

Основные разработки Ю.Я. Ольсевича в области проблем научно-технического развития, пронизывающих различные исследовательские пространства, пришлись на конец 1980-х — начало 1990-х гг. Вероятно, это обусловлено, во-первых, накоплением большого фактического материала, отражающего стремительный научно-технический прогресс, развёртывание информационной революции. Во-вторых, торможение экономической динамики в СССР (особенно по направлениям, связанным с интенсивными факторами роста), которое обостряло проблему запуска технического перевооружения народного хозяйства. После распада СССР с аналогичными вызовами столкнулась молодая рыночная экономика России, переживавшая драматичный упадок науки и высокотехнологичного производства. В-третьих, анализ фундаментальных технологических и социально-экономических трансформаций был сопряжён с важностью обращения к историческому опыту. В условиях, когда прежние модели воспроизводства уже не работают, экономика приобретает новое качество, требуется системное исследование новых феноменов в их развитии, что невозможно без исторического подхода и анализа практики прошлого. При естественной необходимости адаптации под идеологические ограничения Ю.Я. Ольсевич не изменял собственным исследовательским установкам, методологии и теоретическому видению основных вопросов. Это отражается, в частности, в сохранении преемственности между

¹ О позиции Ольсевича по этому вопросу [Гловели, 2025. С. 26–27].

его поздние- и постсоветскими работами, что в то время было свойственно далеко не всем учёным.

В советский период приходилось очень мягко писать о трудностях развёртывания НТП в СССР, в то время как проблемы в рамках капитализма предполагалось высвечивать максимально ярко. Это не отменяло возможностей обоснованного указания на существующие и возможные в будущем противоречия внутри рынка на новом технико-экономическом этапе и возможные вне рыночные альтернативы. В качестве ключевых проблем в условиях капитализма, «анархичной» системы, противоположной социалистическим отношениям планомерности, Ю.Я. Ольсевичем выделялись следующие [Ольсевич, 1987]:

1) неравномерность вложений в НИОКР, обусловленная нестабильной конъюнктурой на рынке (что, в свою очередь, усугубляет эту нестабильность в будущем);

2) рост безработицы (как структурной, так и циклической, вызванной вышеотмеченной большой нестабильностью рынка);

3) рост многоуровневого (как внутри стран, так и на мировой арене) неравенства из-за различного доступа к знаниям, технологиям;

4) искажённая система стимулов. При капитализме формируются стимулы для предпринимателя. Однако подлинной движущей силой НТП является труд учёных, инженеров и работников, осваивающих новую технику. Они продолжают испытывать отношения отчуждения, подчинения и закрепощения на рабочем месте, ограниченность в возможностях творческой самореализации.

Ольсевич подчёркивал сложность выявления магистральных линий НТП, наложение множества разнонаправленных тенденций, а также важность выделения специфики НТР самой по себе в качестве первого шага последующего анализа социально-экономических вопросов. Вместе с тем им были выделены следующие наиболее общие характеристики НТР: 1) более «глубокий» (погружение «внутрь» материалов) и «широкий» (исследования космоса, океана) уровень познания природных объектов; 2) внедрение автоматизации; 3) освоение новых источников энергии и материалов; 4) более объёмная и сложная структура совокупного рабочего, вызванная тесным переплетением исследовательских и производственных процессов. В позднесоветский период, акцентируя связь уровня производительных сил с формированием этапов хозяйственного развития, Ольсевич отметил следующие тенденции НТП: 1) наращивание производственной мощи; 2) обогащение набора технических средств; 3) усложнение технических систем; 4) рост автономности технических средств по отношению к человеку; 5) укрупнение, объединение технических систем, что выступает предпосылкой обобществления.

В российской не только академической, но и политической среде в канун и после распада СССР закрепилась рецепция ранее раскритикованной концепции «постиндустриального общества» вместе с признанием того, что из-за механизма торможения в планово-директивной экономике страной был упущен новый этап развития, связанный с «информационной революцией». Была «разоблачена» теория конвергенции двух систем, одним из источников которой была концепция Дж. К. Гэлбрейта о схожести «техноструктуры» в крупных индустриальных комплексах США и СССР [Гэлбрейт, 1969], игнорировавшая принципиальные различия в диапазоне прав, обязанностей и условий работы инженерно-административных кадров в обеих странах [Ольсевич, 1994а. С. 59]. Одновременно с этим теоретической основой «догоняющей постиндустриализации» был выбран ставший господствующим в 1980-е гг. на Западе монетаризм [Ольсевич, 1997. С. 24].

Ю.Я. Ольсевич предложил своё объяснение «монетаристской контрреволюции» и поражения кейнсианства в экономической мысли Запада. Историческая заслуга кейнсианства состояла в том, что оно дало теоретическое обоснование и конкретные разработки системы финансового обеспечения устойчивого экономического роста, включая государственное стимулирование НИОКР в крупных промышленных структурах. Одновременно

усиление профсоюзов создавало внутри корпораций силы давления, препятствовавшие снижению заработной платы и подталкивавшие на «дорогу технического и организационного прогресса» [Ольсевич, 1994а. С. 59]. Таким образом, произошла трансформация механизма капиталистического хозяйствования от анархичного монополистического к регулируемому, конкурентному и социализированному рынку. Последний качественно отличался от рынка, который функционировал до второй половины XX в. Ускорение и широкий размах НТП, переросшего в научно-техническую революцию, можно считать продуктом этого нового рыночного механизма, обеспечившего в третьей четверти XX в. не только беспрецедентный рост в индустриально-капиталистических экономиках, но и более равномерное распределение его плодов с укреплением «среднего класса» [Ольсевич, 1994а. С. 73, 79, 82].

Однако система макроэкономического регулирования со встроенной в капиталистический хозяйственный механизм государственной поддержкой эффективного спроса со временем стала слишком громоздкой, тогда как информатика обусловила возможность рассредоточения источников и центров НТП. Сдвиги в хозяйственном механизме, децентрализация производства в целом ряде отраслей, экспансия сферы услуг выдвинули на первый план экономистов-неоконсерваторов с их установкой не на поддержку малоимущих слоёв денежными пособиями и бесплатными услугами, а на общую помощь всем, кто способен сам зарабатывать деньги. Монетаризм возник как прямая реакция на кейнсианство и вытеснил его на фоне кризиса антициклической политики.

В контексте неоконсервативного поворота на Западе Ольсевич в конце XX — начале XXI вв. переосмыслил критиковавшиеся им ещё в 1960–1970-е гг. западные концепции научно-технического развития и структурных трансформаций, не отказываясь от фокусировки на присущем им недостатке целостности, прочной методологической основы [Ольсевич, 1994а. С. 55–71; Ольсевич, 2007. С. 16–17; Ольсевич, 1987] и в силу этого — ограниченности в возможностях системного изучения развёртывания НТП в динамике капиталистической экономики.

Ольсевич классифицировал трансформационные концепции на два типа: монокаузальные — от структурно-секторального подхода Кларка-Фурастье до различных версий «информационного общества» (Й. Масуда, Г. Дордик, М. Порат и др.) — и «плюралистические», среди которых выделяются концепция «постиндустриального общества» Д. Белла и концепция «общества «Третьей волны» Э. Тоффлера [Тоффлер, 2010]. Однако и те и другие характеризуются недостаточным вниманием к глубинным основам социально-экономических систем, преувеличением значимости определённых явлений (например, концентрация на количественном росте сферы услуг без внимания к трансформациям в промышленности является слабым местом теорий постиндустриального общества). Плюралистические концепции, близкие к футурологии, предлагали при сохранении капиталистической основы экономической системы скорректировать цели развития (более комфортная среда проживания, экологическая устойчивость и т.д.) безотносительно анализа объективных противоречий между новыми производительными силами и устаревающими производственными отношениями. Выделяется ряд изменений в надстройке (образ жизни, привычки, культурные установки и пр.), но не раскрывается их экономическая основа.

Вместе с тем отмечалось, что даже в рамках плюралистической методологии западные авторы логично и последовательно описывали ряд важных отдельных закономерностей, порождённых НТР, превратившей причинно-следственную связь «наука — техника — производство» в главную магистраль прогресса, а компьютеризованные знания в особый ключевой фактор производства [Ольсевич, 1994а. С. 64, 69]. Это означает качественный скачок не только в технике и секторальной структуре, но и в производственных отношениях, в соотношении социальных сил, который не смогла должным образом осмыслить марксистская политэкономика в рамках догматической доктрины общего кризиса государственно-монополистического капитализма.

К началу развёртывания НТР в индустриальных экономиках Запада уже набирал силу процесс массового производства и потребления товаров длительного пользования на основе роста автомобильной, электротехнической, химической и других отраслей, рождённых ещё предыдущей технической революцией. Этот процесс ускорился на основе принципиально новых технологий эпохи НТР, породивших новые отрасли (электроника, индустрии освоения космоса и океана, биотехнологии и др.). НТР изменила направление и природу инновационной деятельности, что создало технические возможности для сочетания финансовой концентрации с конкуренцией, способствовало повороту от обслуживания процессов концентрации и специализации к процессам децентрации и диверсификации (главным образом в обрабатывающей промышленности и сфере услуг) [Ольсевич, 2007. С. 288].

При этом обнаружилось не только растущее значение фундаментальной науки, прикладных НИОКР и менеджизма, но и то, что новая усложнённая техника требует высококвалифицированной и физически здоровой рабочей силы. Проблема социальных потребностей, массового доступа к образованию и здравоохранению выделилась как один из ключевых моментов общественного развития. Гигантский сдвиг в разделении труда, связанный с ускоренным ростом совокупности отраслей, удовлетворяющих возникшую на базе роста эффективности производства и реальных доходов массовую потребность в разностороннем обслуживании населения получил отражение в различных западных концепциях «государства благосостояния» и трансформации индустриального общества [Ольсевич, 1994а. С. 70; Ольсевич, 1994б. С. 218].

Ограничение государством и профсоюзами возможностей извлечения прибылей за счёт интенсификации эксплуатации труда и окружающей среды в сочетании с антимонопольной политикой в условиях НТР содействовали, по определению Ю.Я. Ольсевича, «тихой институциональной революции», в результате которой сложился новый механизм повышения эффективности, при котором повышение минимума зарплаты и её привязка к уровню производительности труда, а также повышение цен на ресурсы и увеличение штрафов за загрязнение окружающей среды «пришпоривают» инновации [Ольсевич, 2007. С. 288].

В то же время бюрократическое торможение экономики государственного социализма и зажим экономической мысли рамками партийных решений не позволили решить задачи интенсификации экономического роста на основе достижений НТР и насыщения рынка в СССР и других странах СЭВ высококачественными потребительскими товарами и услугами в условиях директивного планирования. Господствовавшая десятилетиями идеология соревнования с Западом по формуле «догнать и перегнать» сформировала «синдром заимствования», усугублённый военным противостоянием. В отсутствие рыночных критериев для научно-технического и структурного прогресса советская наука не смогла выработать альтернативных критериев [Ольсевич, 1994б. С. 215].

Признание «непреложного исторического факта поражения госсocialизма в экономическом соревновании с капитализмом» [Ольсевич, 2007. С. 6], с одной стороны, и неудовлетворённость методологической односторонностью даже многофакторных концепций капиталистической трансформации, с другой стороны, побудили Ю.Я. Ольсевича к обоснованию собственной концепции произошедшего во второй половине XX в. нового переворота в капиталистических производительных силах и производственных отношениях. Ключевое место в этом перевороте, движущими силами которого были НТР и противоборство с мировым социализмом, Ольсевич отводил переходу от фабричной индустрии к инфраиндустрии.

Концепция инфраиндустриальной трансформации

Категории «инфраиндустрии» и «инфрасистемы» были обоснованы Ю.Я. Ольсевичем в конце 1980-х гг. [Ольсевич, 1989. С. 49–52] и уточнялись на протяжении 25 лет [Ольсевич, 2007. С. 17–18, 288; Ольсевич, 2014. С. 108–110]. По авторскому определению, инфрасистема — это «специализированная функционально единая подсистема общественных производительных сил, соединяющая разнородные частные производства и органически входящая в них своими составляющими», а инфраиндустрия — новая историческая форма производительных сил, когда частные (локальные) комплексы машин соединены совокупностью инфрасистем в единую технологическую цепь, которая связывает отдельные предприятия, все сферы хозяйства в единую систему машин, составляющую техническую и организационную базу для совокупного рабочего нового типа» [Ольсевич, 1989. С. 50].

Отправным пунктом своей концепции инфраиндустрии как «единой “системы машин”, способной в своём развитии охватить народное хозяйство целой страны и группы стран», Ольсевич назвал известные учения Маркса и Ленина о крупной фабричной индустрии и электрификации [Ольсевич, 1989. С. 49]. Однако он подчеркнул двоякое отличие инфраиндустрии, как более высокой ступени обобществления. С одной стороны, фабричная система машин могла использоваться при непосредственной координации труда рабочих данной фабрики; инфраиндустриальная система машин требует непосредственной координации всего общественного труда, в каких бы формах она ни осуществлялась: в виде централизованной, цепной либо комбинированной связи. С другой стороны, инфраиндустриальные формы более диверсифицированы: в конкретных производствах могут преобладать тенденции либо к концентрации, либо к деконцентрации [Ольсевич, 1989. С. 51].

Инфраиндустрия начала развиваться ещё до научно-технической революции, став основой её развития, проводником роста скорости технического обновления. Ещё Марксом и Энгельсом было отмечено, а Лениным и его соратниками взято на вооружение в народнохозяйственном планировании (план ГОЭЛРО) значение системы выработки, передачи и использования электроэнергии как универсальной, главной «сквозной» системы, связывающей элементы хозяйства в единое технологическое целое. Главной, но не единственной, поскольку к таким «сквозным» инфрасистемам в разной степени относятся также транспорт (включая трубопроводный) и связь, системы водо- и теплоснабжения и т.п. [Ольсевич, 1989. С. 50].

НТР, подготовленная развитием инфрасистем, образующих её фундамент, в свою очередь придала инфраиндустрии качественно новые формы, открыла для неё новые области. Сочетание электроиндустрии с газо-, водоснабжением, автомобильным и трубопроводным транспортом, современными системами связи и т.п. создает в ряде отраслей предпосылки для высокоэффективной работы не только средних, но и мелких предприятий, вплоть до индивидуальных. В результате подрываются разделение между материальным и нематериальным производством, поскольку инфраиндустрия пронизывает самые различные типы производств, а также прежнюю систему разделения труда. Формируется база для развития совокупного рабочего нового типа, требующая всеобщей координации. Однако одновременно с этим, ввиду усложнения производства, труд становится и более дифференцированным. Эти закономерности усложняют проблему формирования стоимости труда (особенно по отношению к наиболее высококвалифицированному).

Образуется общая система производства товаров и услуг в I и II подразделениях воспроизводства; не только общественное питание, но и наука, здравоохранение, культура, спорт, туризм становятся сферами деятельности, основанными на инфраиндустрии. Наконец, прогресс инфраиндустрии «ломает» технологическую стену между производством и бытом. Современное жилище — это сложный технический «агрегат», насыщенный

приборами, действие которых основано на инфрасистемах — системах электро-, водо-, тепло-, газоснабжения, системах связи и информатики [Ольсевич, 2014. С. 109].

Происходит становление технологической целостности хозяйства, проходящее несколько этапов: 1) формирование единой системы энергообеспечения; 2) синхронизация разных производств (транспорт и связь играют роль конвейера); 3) ориентация на конкретного потребителя (производство «на заказ»).

Поскольку с расширением инфраиндустрии как сквозной технологической системы производственные единицы, «нанизанные» на неё, могут как укрупняться, так и уменьшаться, возникают предпосылки многоукладности экономики. Формируются как основы распространения инструментов планирования (в отношении наиболее крупных производственных систем), так и развития рыночных механизмов (в условиях динамичного развития невозможно качественно учитывать в плане все детали). Необходима поддержка разнообразия форм собственности, определяемого особенностями технологических процессов и эффективной системой стимулов в том или ином производстве.

Именно постепенное развитие многоукладного характера советской экономики, гармонизация плановых и рыночных начал виделись Ю.Я. Ольсевичем в качестве разрешения проблемы торможения технического прогресса и социально-экономической динамики. Соглашаясь с рядом критикуемых им советологов, учёный отмечал, что сверхцентрализм, закрепившийся в советской модели, имел свои корни в постоянном противоборстве с западными странами, предполагавшем мобилизацию национальных ресурсов. В результате под грузом гонки вооружений сложилась директивно-распределительная ведомственная система, которая уже вовсе не определялась марксистской идеологией либо революционной политикой, а сама для себя вырабатывала идеологию и политику [Ольсевич, 1994б. С. 216]. Многие проблемы советской экономики усугубились с наступлением нового этапа научно-технического развития. В частности, если раньше доминирование крупных производств с относительной устойчивостью технологий и ассортиментом продукции больше соответствовало плано-ориентированной системе, то впоследствии бурное развитие компьютерной техники и информатики, распространение мелкого высокотехнического производства товаров и услуг, постоянное изменение потребностей и многое другое — «всё это оказалось не под силу громоздкому централизованному планированию» [Ольсевич, 1994б. С. 224]. Проблемы нарастали по мере снижения мотивации работников к труду, потери общественного энтузиазма на фоне разочарования населения в динамике и качестве потребления. Советская экономическая наука не смогла должным образом ответить на эти вызовы, став жертвой собственного догматизма.

Инфраиндустриальная трансформация различных систем регулируемого капитализма, обеспечив новый виток НТР, имела не только положительные последствия в виде роста специализации, сравнительных преимуществ, международного обмена опытом и т.д. Она привнесла бóльшую долю неопределённости, а также не избавила и от порождения различных форм неравенства. Во-первых, ввиду большого воздействия производства на планету актуализируются вызовы сохранения окружающей среды. Обостряется проблема неравномерности экологической нагрузки, когда богатые страны переносят в бедные вредные производства. Во-вторых, новые технологии повышают требования к квалификации работников, их адаптируемости к решению новых задач. В результате объективным образом растут и потребности (качественное образование, благоприятная окружающая среда, возможности полноценного отдыха и пр.), а глобализация потребительских стандартов способствует синдрому «жизненной неполноценности». В-третьих, обостряется проблема неравенства из-за неравномерного доступа к технологиям. Расширяется средний класс, но одновременно с этим формируются новые малообеспеченные слои населения.

В одной из своих последних работ Ю.Я. Ольсевич указывал на необходимость системного подхода к научно-техническому развитию, подчеркивая, что в высокоразвитых

странах Запада (а сегодня можно добавить и лидеров промышленного «нового Востока») технический прогресс охватывает прежде всего инфраструктуру (энергетику, транспорт, связь, информацию) и работающие на неё отрасли — энергетическое и транспортное машиностроение, электротехнику, электронику, автомобилестроение, судостроение, авиастроение и др. Им высказывалась тревога по поводу состояния российской инфраструктуры, недостаточности её масштабов, отсталости в оснащении, изношенности основных фондов [Ольсевич, 2014. С. 110].

В конце 2000-х и в начале 2010-х гг. Ю.Я. Ольсевич активно писал о растущем отрыве экономических теорий мейнстрима от реальности, подрыве доверия к экономической науке (причём данные тезисы были сформулированы не только после, но и до экономического кризиса). Подвергалась критике аксиоматика, «заточенная» под построение равновесных моделей, в то время как более актуальными становились подходы, объясняющие систематическое отклонение от равновесия, описывающие ограниченную рациональность агентов (в частности, всё более популярной начинала становиться поведенческая экономика) и особую роль фактора информации. В качестве поиска теоретической альтернативы стоит упомянуть обращение к естественнонаучным основаниям экономического поведения, хотя с проблематикой НТП связь в данном случае несколько опосредованная.

Последние достижения в биологии, когнитивных науках позволили выявить определённую предрасположенность людей к различным системам мотивации и образам действий, в том числе в качестве рыночных агентов. В частности, по отношению к предпринимателям выделялись психотипы хищника, новатора, рутинёра, оппортуниста [Ольсевич, 2008; Ольсевич, 2009]. Это выступает ещё одной основой многоукладности экономики, а также обосновывает важность формирования социальных институтов, поддерживающих носителей «прогрессивных» психотипов. Хотя данный подход получил критику за одностороннюю концентрацию лишь на отдельных психологических составляющих, не всегда релевантных в социальной среде [Колганов, 2017], он вышел на пространство выявления новых для экономической теории закономерностей и поставил новые перспективные вопросы для будущих исследований. Несомненно, важно продолжать линию на разработку и совершенствование подходов, соединяющих достижения естественных и социальных наук, что лежит в логике современного развития науки.

Наследие Ю.Я. Ольсевича и теоретическое осмысление современных технико-экономических трансформаций

Ю.Я. Ольсевич продолжил развитие вопроса научно-технического развития, который ранее разрабатывался другими видными учёными Института экономики РАН [Институт экономики..., 2020; Хейнман, 1962]. Основным сходством в их исследованиях можно назвать системный фундаментальный подход с опорой на исторический опыт, который, тем не менее, не оторван от практико-ориентированных вопросов. Не случайно работа данных исследователей вызывала спрос со стороны органов власти, хотя зачастую авторские рекомендации не находили должной реализации на практике (видимо, во многом ввиду политико-идеологических причин). Разработки Ю.Я. Ольсевича соответствовали перестроечным теоретическим направлениям с точки зрения обоснования частичного внедрения рыночных механизмов (будучи ранее табуированной темой), многоукладности экономики, акцента на экологических вызовах [Глазьев, Львов, 1986; Дынкин, 1991]. Однако при этом важным отличием можно назвать отказ от детализированной классификации технико-экономических этапов (в отличие, например, от теории технологических укладов С.Ю.Глазьева и Д.С.Львова [Глазьев, Львов, 1986]) и признания ускоренного развёртывания информационных технологий, начиная с 1970-х гг. и второй промышленной революции (что нехарактерно для доперестроечной советской литературы). Вероятно, это можно

объяснить более широким взглядом историка экономической мысли, который учитывает множество составляющих экономической динамики, в то время как выделение более «мелких» технико-экономических стадий может быть признаком преувеличения значимости технологических факторов. Вместе с тем сам факт роста теоретического внимания к проблеме научно-технического развития говорит о фундаментальной трансформирующей хозяйстве роли производительных сил, что отмечал и сам Ю.Я. Ольсевич. В целом эволюция экономической науки в большей степени опосредованно и непосредственно оказывается под влиянием изменения материальной основы производства.

Среди основных социально-экономических последствий научно-технической революции, которые выделял Ю.Я. Ольсевич, более чем три десятилетия спустя особенно стоит отметить вызовы неравенства и экологической устойчивости. При том, что в нынешнюю эпоху антропоцена в документах национальных государственных органов разных стран, ведущих международных организаций и площадок, таких как ООН, Всемирный экономический форум проблема перехода к «зелёной» экономике и устойчивому развитию давно является центральной, она скорее не решается, а обостряется. Это вызвано сохранением рыночной ориентации на максимизацию производства и потребления без должного решения вопросов интернализации внешних эффектов, оценки экологического ущерба (который впоследствии негативно влияет и на здоровье населения), особенно в долгосрочном периоде [Бобылев, Завьялова, 2024].

Неравенство, риск роста которого выделял Ю.Я. Ольсевич, проявляет себя на разных уровнях: от неравномерной экологической нагрузки между странами и доступа к технологиям до неравенства доходов внутри рабочей силы в рамках национальных экономик. Так, в США в период с 1980–2020 гг. при совокупном росте производительности на 59,7% средняя зарплата выросла на 48,4, а медианная — на 16,3%². Имеет место снижение доли оплаты труда в структуре национального дохода. При этом основной рост неравенства наблюдается между оплатой труда наёмных работников. Неравенство проявляется и через укрепление крупных компаний, монополизацию. Ю.Я. Ольсевич обоснованно выделил предпосылки сохранения многоукладности экономики. В то же время можно говорить о неравномерности в динамике концентрации производства. Если в конце XX в. появление новых отраслей, миниатюризация производства способствовали росту конкуренции, то впоследствии новые технологии, требующие крупных ресурсов, ускорили тенденции монополизации. За последние десятилетия в США наблюдался рост индекса Херфиндаля-Хиршмана [Grullon, Larkin, Michaely, 2019]. В результате именно неравенство можно назвать одним из ключевых социально-экономических противоречий нового этапа технико-экономического развития³, в то время как, например, угрозы массовой структурной безработицы не реализовались (хотя во многих развитых странах безработица также стала существенной системной проблемой).

Распространение «сквозных» технологий, более тесная интеграция различных отраслей и усложнение производственных цепочек сохраняют актуальность концепции инфраиндустрии Ю.Я. Ольсевича, как и его положений о предпосылках обобществления. Перед современными государствами стоят вызовы поддержания макроэкономической стабильности, сглаживания неравенства, развития форм партнёрства с частным бизнесом, стимулирования высокотехнологичных производств. Ещё одним направлением активного вмешательства государства является пространство развития человеческого потенциала и обеспечения удовлетворения более широкого круга потребностей, в том числе

² Economic Policy Institute. URL: <https://www.epi.org/blog/growing-inequalities-reflecting-growing-employer-power-have-generated-a-productivity-pay-gap-since-1979-productivity-has-grown-3-5-times-as-much-as-pay-for-the-typical-worker> (access date: 18.06.2025).

³ При этом, безусловно, технологический фактор не может быть назван единственной фундаментальной причиной роста неравенства.

нематериальных, что востребовано современным работником. Как справедливо отмечал Ю.Я. Ольсевич, возникают предпосылки дальнейшего развития механизмов индикативного планирования, более сложного, многофакторного и направленного на различный характер целей. В целом на новом этапе научно-технического развития имеет место более активное вмешательство государства в рыночные процессы, хотя зачастую оно выливается в деструктивные формы, отражающиеся в том числе в росте геополитической напряжённости и милитаризации.

В заключение следует сказать, что исследования современных технико-экономических трансформаций зачастую, как и ранее, характеризуются фрагментарностью и концентрацией на отдельных её проявлениях. В результате не хватает видения целостной картины и магистральных направлений. Логика развёртывания научно-технической революции предполагает тесное переплетение, взаимно обусловленное развитие разных сфер общественного воспроизводства. Понимание основных закономерностей, управление социально-экономической системой требует комплексного междисциплинарного подхода с учётом исторического опыта, который свойственен, в частности, политэкономической традиции. В этой связи теоретическое наследие Ю.Я. Ольсевича видится очень ценным.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бобылев С.Н., Завьялова Т.В. (2024). Устойчивое развитие: в поисках новой экономики [Bobylev S.N., Zavyalova T.V. (2024). Sustainable development: searching for a new economy] // *Вопросы политической экономики*. № 3 (39). С. 43–51. DOI: 10.5281/zenodo.13895628.
- Глазьев С.Ю., Львов Д.С. (1986). Теоретические и прикладные аспекты управления НТП [Glazyev S. Yu., Lvov D.S. (1986). Theoretical and Applied Aspects of Scientific and Technical Progress Management] // *Экономика и математические методы*. № 5. С. 793–804.
- Гловели Г.Д. (2025). Первые промышленные революции и российские школы экономической мысли [Gloveli G.J. (2025). The First Industrial Revolutions and Russian Schools of Economic Thought] // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 2. С. 25–51. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_25_51.
- Гэлбрейт Дж.К. (1969). Новое индустриальное общество [Galbraith J. K. (1969). The New Industrial State]. — М.: Прогресс.
- Дынкин А.А. (1991). Новый этап НТР: Экономическое содержание и механизм реализации в капиталистическом хозяйстве [Dyunkin A.A. (1991). A New Stage of Scientific and Technological Progress: The Economic Content and Mechanism of Implementation in the Capitalist Economy]. — М.: Наука. EDN: THMUVZ.
- Институт экономики Российской академии наук в лицах. (2020). / Отв. ред. М.И. Воейков [Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences in Persons: Collection / Ed. by M.I. Voeykov]. — СПб.: Алетейя.
- Колганов А.И. (2017). Что дает психология для понимания экономических процессов? (О книге Ю.Я. Ольсевича «Психологические основы экономического поведения») [Kolganov A.I. (2017). What Does Psychology Provide for Understanding Economic Processes? (On the Yu.Ya. Olsevich's Book «Psychological Foundations of Economic Behavior»)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 132–139. EDN: LBGRIL
- Ольсевич Ю.Я. (1987). Критика антимарксистских взглядов по проблемам НТР [Olsevich Yu.Ya. (1987). Criticism of Anti-Marxist Views on the problems of the Scientific and Technical Revolution]. — М.: Наука.
- Ольсевич Ю.Я. (1989). Парадоксы или новые тенденции: о единстве и плюрализме индустриальных форм [Olsevich Yu.Ya. (1989). Paradoxes or New Trends: On the Unity and Pluralism of Industrial Forms] // *Коммунист*. № 6. С. 48–57.
- Ольсевич Ю.Я. (1994а). Трансформация хозяйственных систем: Сб. статей [Olsevich Yu. Ya. (1994a). Transformation of Economic Systems (Collection of Articles)]. — М.: Институт экономики РАН.
- Ольсевич Ю.Я. (1994б). Экономические концепции советологии: этапы и дискуссии [Olsevich Yu. Ya. (1994b). Economic Concepts of Sovietology: Stages and Discussions] // *Всемирная история экономической мысли*. Т. 5. *Теоретические и прикладные концепции развитых стран Запада* / Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. — М.: Мысль. С. 109–134.
- Ольсевич Ю.Я. (1997). Монетаризм и Россия: проблемы совместимости [Olsevich Yu. Ya. (1997). Monetarism and Russia: Problems of Compatibility] // *Вопросы экономики*. № 8. С. 24–37.
- Ольсевич Ю.Я. (2007). Влияние экономических реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада [Olsevich Yu. Ya. The Impact of Economic Reforms in Russia and China on Western Economic Thought]. — М.: ИНФРА-М.

- Ольсевич Ю.Я. (2008). О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения [Olsevich Yu.Ya. (2008). On the Psychogenetic and Psychosocial Foundations of Economic Behavior] // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. С. 3–40.
- Ольсевич Ю.Я. (2009). *Психологические основы экономического поведения* [Olsevich Yu.Ya. (2009). Psychological Foundations of Economic Behavior]. — М.: ИНФРА-М.
- Ольсевич Ю.Я. (2014). Социально-психологические аспекты технологического развития системы [Olsevich Yu.Ya. (2014). Social and Psychological Aspects of Technological Development of the System] // *Российская социально-экономическая система* / Отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. — М.: ИНФРА-М. С. 102–118.
- Толфлер Э. (2010). *Третья Волна* [Toffler A. (2010). The Third Wave]. — М.: АСТ.
- Хейнман С.А. (1962). Создание материально-технической базы коммунизма и научно-техническая революция [Kheinman S.A. (1962). Creation of the Material and Technical Base of Communism and the Scientific and Technical Revolution] // *Коммунист*. № 12. С. 47–58.
- Grullon G., Larkin Y., Michaely R. (2019). Are US Industries Becoming More Concentrated? // *Review of Finance*. Vol. 23. No. 4. Pp. 697–743.
- Milonakis D., Fine B. (2009). *From Political Economy to Economics: Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory*. — London, New York: Routledge.

Маслов Глеб Андреевич

glemiach@yandex.ru

Gleb Maslov

PhD (Economy), Senior Research Fellow at the Center for Methodological and Historical-Economic Research of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

glemiach@yandex.ru

RESEARCH ON SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND THEORIES OF TECHNICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE WORKS OF YU. OLSEVICH

Abstract. The article dedicated to the 95th anniversary of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences is devoted to the theoretical legacy of Yu.Ya. Olsevich, one of the Institute's leading experts on the impact of scientific and technological progress on the transformation of socio-economic systems. Special attention is paid to the developed Yu. Olsevich concepts of the infra-industry. Foreign theories were criticized for not paying enough attention to the main directions of scientific and technological progress in various socio-economic systems. When analyzing the Soviet experience, Yu. Olsevich highlighted the problems of over-centralization, largely due to the permanent confrontation with the Western bloc, which corresponded to the approaches of many Western Sovietologists. The current stage of social development is characterized by the special role of the infra-industry, a subsystem of productive forces that unites various industries. In addition to highlighting the progressive potential of the scientific and technological revolution, Yu. Olsevich noted a number of risks, primarily related to increasing inequality and environmental problems. It is shown that the modern technical and economic system is characterized by an increase in the socialization of production, which implies the development of state planning mechanisms. At the same time, the complexity of production processes implies maintaining the complexity of the economy. The article notes that the development of the legacy of Yu. Olsevich's work is becoming particularly relevant at the present time.

Keywords: *scientific and technological progress, scientific and technological revolution, Marxism, infra-industry, multiplicity.*

JEL: B31, O33.

О.Н. Борох

*к.э.н, ведущий научный сотрудник, Институт Китая
и современной Азии РАН (Москва)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-х годов)

Аннотация. В статье рассматриваются процессы реформирования экономического образования в Китае первой половины 1950-х гг., когда марксистская политэкономия стала частью официальной идеологии. Среди китайских профессиональных экономистов того времени доминировали обладатели дипломов западных университетов. Кроме того, плавной адаптации старой профессуры к новым требованиям препятствовало давнее отчуждение между китайскими «буржуазными» и марксистскими экономистами. После недолгих споров о применимости в Китае западной экономической науки основанные на ней курсы были исключены из университетских программ. Освоение профессиональными экономистами русского языка и советской научной литературы привело к появлению аспектов теории, заслуживающих внимания исследований по истории русской экономической мысли. Ускорению темпов создания новой модели экономического образования способствовало открытие Народного университета Китая, где проникнутые революционным духом преподаватели были нацелены на всеобъемлющее заимствование опыта СССР. От обучения студентов экономической теории немногочисленными специалистами предстояло перейти к массовой подготовке преподавателей марксистской политэкономии, создать основанную на коллективизме образовательную систему. Соединить советскую политэкономия с китайской действительностью было нелегко: тогда китайские экономисты ещё не изучили новую теорию, а советские специалисты не понимали в полной мере китайскую специфику. Спор начала 1950-х гг. о факторах производительных сил продемонстрировал приверженность советских преподавателей сталинской трактовке, с чем не согласились отдельные китайские экономисты. Успехи в освоении советской модели были поставлены внутри Китая под сомнение как нежелательное проявление «догматизма». Близкое знакомство с советской политэкономией позволило китайским экономистам составить о ней собственное мнение и отказаться от её копирования, уделяя большее внимание национальной специфике.

Ключевые слова: марксистская политическая экономия, западная экономическая наука, Пекинский университет, Народный университет Китая, советские специалисты.

JEL: B2, B24, A2

УДК: 330.85

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132

© О.Н. Борох, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борох О.Н. Трансформация системы экономического образования в Китае (первая половина 1950-х годов) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132.

FOR CITATION: Borokh O. Transformation of the Economic Education System in China (The First of Half of the 1950s) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132.

Введение

Создание Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. стало поворотным пунктом в развитии китайской экономической науки XX в. Страна выбрала путь строительства социализма, марксистская идеология обрела официальный статус. Возникла необходимость реформирования системы высшего образования в соответствии с новым курсом экономического развития. Главенствующим компонентом экономической науки стала марксистская политическая экономия.

В 1950-е гг. советская модель оказала глубокое воздействие на становление новой системы экономического образования в Китае. Однако перестройка вузов и преподавания экономических дисциплин происходила не в пустоте. Исходным фоном преобразований была существовавшая инерционная академическая и образовательная среда, которая зачастую сопротивлялась переменам.

Важной научной проблемой является объективная целостная оценка исходного уровня экономической науки в преддверии реструктуризации китайского образования. В советском китаеведении 1970-х гг. возникла и получила распространение характеристика экономической науки республиканского Китая как «одной из самых отсталых отраслей знаний» [*Китайская Народная Республика*, 1975. С. 363; *Пивоварова*, 1989. С. 87]. В Китае марксисты часто критиковали китайских «буржуазных» экономистов за отрыв от практики, несостоятельность теоретических воззрений и неспособность решить проблемы страны. Однако эти аргументы не могут служить подтверждением низкого уровня и «отсталости» экономической науки в Китае.

КНР унаследовала от потерпевшей поражение в гражданской войне гоминьдановской республики профессионально зрелое экономическое сообщество, хорошо разбиравшееся в западных экономических теориях. Ведущие преподаватели экономических дисциплин в китайских вузах получили образование в известных американских университетах. Встраивание этих учёных в новую социально-политическую реальность сопровождали споры и открытые идейно-теоретические разногласия. Изучение этой страницы истории китайской экономической мысли середины XX в. помогает выявить истоки современных усилий по созданию политической экономии с китайской спецификой.

В статье анализируются преобразования системы экономического образования в Китае в первой половине 1950-х гг. с точки зрения проблем институциональной адаптации и идейного перевоспитания старой профессуры, создание под влиянием СССР новой модели обучения и появление в Китае её критической оценки. Большое внимание уделено процессам заимствования советской экономической теории и образовательной практики. Статья опирается на первоисточники и исследовательские публикации на китайском языке.

Начало перестройки преподавания экономических дисциплин

К моменту создания КНР система высшего образования была сформирована по западным образцам. В стране насчитывалось 205 колледжей и университетов. Среди них частными были 81, включая 21 миссионерское учебное заведение, многие вузы получали субсидии от США [*Wu Huifan*, 2012. Р. 140]. Однако наличие американского финансирования и руководства в миссионерских университетах в новых условиях стало неприемлемым.

Р. Хейхо указывает, что первоначально власти намечали постепенные преобразования, при которых частные и миссионерские вузы сохранялись на 2–3 года. На стартовом этапе единственным «радикальным изменением» стали исключение гоминьдановской политической идеологии и введение марксистско-ленинских учебных программ [*Hayhoe*, 1996. Р. 74].

В первые годы существования КНР китайские власти стремились осуществить плавный «новодемократический» переход без уничтожения «патриотической буржуазии»,

которой была предложена перспектива мирного вхождения в новый экономический механизм. В годы гражданской войны Коммунистическая партия Китая (КПК) создала широкий демократический фронт против Гоминьдана, его частью была интеллигенция. Патриотический альянс создавал предпосылки для постепенной ассимиляции старых университетов вместе с преподавательским составом.

Однако процесс трансформации не мог быть слишком долгим. Всекитайская конференция по высшему образованию в 1950 г. заявила, что «высшее образование должно служить экономическому строительству» [Wu Yuifan, 2012. P. 140]. Для решения поставленных задач страна нуждалась в экономистах, овладевших марксистской политэкономией.

Благоприятные условия для реформ существовали в Пекинском университете. Вуз не находился под контролем иностранцев и славился традициями демократических патриотических выступлений студенчества. Пекин перешёл под контроль КПК в начале 1949 г. до провозглашения создания КНР. В весеннем семестре почти все юридические курсы Пекинского университета наряду со многими курсами по общественным наукам были отменены из-за «реакционного» содержания. Среди учащихся пользовался популярностью новый факультативный курс «История общественного развития», который преподавал историк-марксист Хэ Ганьчжи. В осеннем семестре 1949 г. в Пекинском университете ещё не было марксистских учебников по общественным и гуманитарным наукам. Профессора преподавали марксизм, используя старые материалы [Stiffler, 2005. Pp. 233–234].

В 1930–1940-е гг. облик и содержание курсов экономической теории в китайских вузах определяли выпускники западных университетов. Экономисты-марксисты находились вне этого сообщества, конструктивного взаимодействия и взаимопонимания между ними не было. Марксисты обладали не только собственным представлением о перспективах социально-экономического развития Китая, но и глубоким знанием истории марксистской экономической мысли. До победы революции Ван Янань и Го Дали перевели «Капитал» К. Маркса, труды представителей классической политической экономии А. Смита и Д. Рикардо.

В 1949 г. Министерство образования направило Ван Янаня и Го Дали преподавать на экономический факультет Университета Цинхуа, выступавшего оплотом проамериканского мейнстрима. Исследователь Лю Цюньи с опорой на сделанное позднее признание экономиста Чэнь Дайсуня сообщает, что преподавательский коллектив не принял марксистов, на них писали анонимные жалобы. В итоге Министерству образования пришлось перевести Ван Янаня в Сямэньский университет, Го Дали стал сотрудником Института марксизма-ленинизма ЦК КПК [Liu Qinyi, 2021. P. 231].

История выдавливания из столичного вуза двух известных марксистских экономистов свидетельствовала о трудности плавной трансформации. Преодолеть сформировавшееся за несколько десятилетий отчуждение между «буржуазной» профессурой и марксистами без внешнего директивного вмешательства оказалось невозможно. В опубликованной через десять лет после создания КНР статье Ван Янань подтвердил свою былую неприязнь к англо-американской школе и действовавшему под её руководством в республиканский период Китайскому экономическому обществу: «Их теоретическая основа — субъективизм австрийской школы, прошедший ещё более вульгарную обработку американского типа» [Wang Yanan, 1959. P. 38].

Д. Стиффлер признаёт, что интеллектуальная элита университетов Пекина, Тяньцзиня и Шанхая в годы гражданской войны в подавляющем большинстве случаев выступала против Гоминьдана. Однако к победившим коммунистам она отнеслась с осторожностью, заняв выжидательную позицию. Глубокое влияние американской модели образования и культуры на китайские вузы препятствовало сближению с новой властью, опиравшейся в революции на крестьянские массы [Stiffler, 2005. P. 224]. Многие профессора с западными дипломами возмущались снижением стандартов при «открытии дверей для

рабочих и крестьян». Они выражали недовольство обесцениванием чисто академических исследований, сокращением личной и институциональной автономии в пользу исключительной ориентации на практическое служение государству [Stiffler, 2005. P. 232].

С 1950 г. власти начали использовать инструменты идейно-воспитательной работы. Чтобы способствовать сближению собравшихся вместе профессоров из разных университетов, правительство организовало для них поездку в Циндао на каникулы. Для приобщения к новой политико-экономической реальности преподавателей и студентов послали проводить земельную реформу. К примеру, профессор экономики Пекинского университета Чжоу Бинлинь участвовал в земельной реформе в провинции Гуанси в 1951–1952 гг. [Liu Qinyi, 2021. P. 232].

Этот экономист был типичным представителем старой интеллектуальной элиты. Чжоу Бинлинь получил магистерскую степень в Колумбийском университете США, изучал общественные науки в Лондонском университете и в Сорбонне. После возвращения в Китай в 1925 г. он преподавал в Пекинском университете и Университете Цинхуа, до 1949 г. возглавлял Школу права Пекинского университета [Zhang Youren, 2012. P. 3]. Кампания идейного перевоспитания способствовала его адаптации к новой реальности. 9 октября 1952 г. Чжоу Бинлинь опубликовал в партийной газете «Жэньминь жибао» статью с хвалебными оценками Мао Цзэдуна [Zhang Youren, 2012. Pp. 12–13].

Экономисты Пекинского университета о реформе образования

Попытки старой профессуры включиться в изменившийся общественно-политический контекст и заговорить на новом языке порождали споры. В ноябре 1949 г. сразу после победы революции профессор Пекинского университета Фань Хун опубликовал в журнале «Синь цзяньшэ» («Новое строительство») статью «О пятой колонне и детской болезни левизны в экономической науке» [Fan Hong, 2012. Pp. 257–262]. Он утверждал, что нельзя полностью отрицать буржуазную экономическую науку, из нее можно что-то заимствовать и использовать. Однако её также нельзя полностью принимать, поскольку недопустимо пренебрегать её сутью — служением капитализму. Западную экономическую науку Фань Хун освоил в Кембриджском университете, в конце 1930-х гг. он с марксистских позиций критиковал учение Дж.М. Кейнса.

Фань Хун заявил, что в преподавании политической экономии в Китае появились два заметных уклона. «Первый уклон можно назвать пятой колонной или третьим путём, второй — детской болезнью левизны» [Fan Hong, 2012. P. 258]. Первый уклон сочетает марксистское учение с буржуазной экономической наукой, «это похоже на шаг вперед, два шага назад, эффект в обучении равен нулю» [Fan Hong, 2012. P. 261]. Но если буржуазную науку только критиковать, получается слишком левый уклон. Фань Хун призвал устранить оба уклона.

Текст вызвал неоднозначную реакцию, побудившую экономиста выступить с самокритикой в газете «Жэньминь жибао» [Fan Hong, 1950]. Фань Хун пояснил, что использовал заострённые формулировки «пятая колонна» и «детская болезнь левизны» для того, чтобы побудить коллег обратить внимание на своё выступление.

В центре находился вопрос об отношении к немарксистской экономической науке. «Несомненно, её позиции, взгляды и методы должны быть отвергнуты. Но весь ли содержащийся в ней анализ фактов ничего не стоит и также должен быть отвергнут? Если ответ на этот вопрос утвердительный, то ниспровергнуть придётся не других, а самого себя. Современные буржуазные экономисты говорят, что цена зависит от спроса и предложения, нужно ли это отвергать? Должна ли быть отвергнута “максимальная” прибыль капиталиста, которая “стабилизируется” в точке пересечения предельного дохода и предельных издержек? Должна ли быть отвергнута дифференциальная земельная рента, регулируемая

общественным законом убывающей отдачи земли? Если все эти простые вещи будут отвергнуты, то “Капитал” Маркса не устоит» [Fan Hong, 1950].

Фань Хун указывал, что «Капитал» основан на материалах изучения этих экономических явлений и продолжает их исследование. Если эти явления исчезнут из сферы внимания экономической науки, не станет и «Капитала». Учёный не ставил под сомнение нацеленность теорий буржуазных экономистов на явления, а не на суть, признавая, что по сравнению с глубиной марксизма такое понимание очень вульгарно. Однако если отмеченные явления не являются вымышленными, их не нужно отрицать, необходимо раскрыть их сущность. По мнению Фань Хуна, подобный подход к буржуазной экономической науке позволит избежать многих споров.

«Где буржуазные экономисты видят только отношения между людьми и вещами, мы показываем отношения между людьми. Именно это я имел в виду, когда сказал в статье, что буду использовать буржуазное знание явлений как материал для дальнейших исследований и служения пролетариату. Хотя эта идея не ошибочна, я её не разъяснил, что сбило людей с толку и даже заставило их поверить в правильность буржуазных экономических теорий и побудило к их реставрации... В эпоху новой демократии мы должны отвечать за сказанное. Мои слова были слишком общими и вводили в заблуждение, что свидетельствовало о безответственности. Это ошибка, которую я должен признать» [Fan Hong, 1950].

Учёный заявил, что в эпоху новой демократии нужно объединить 90% населения для участия в строительстве нового Китая. «Я не выходец из пролетарской среды. Хотя я зарабатываю на жизнь собственным трудом с тех пор, как окончил университет, я никогда не жил организованной и дисциплинированной пролетарской жизнью. По этим причинам у меня мелкобуржуазный менталитет нетерпения, или нетерпение независимого трудящегося. В период единства и преобразований я не должен был произвольно навешивать ярлыки “пятой колонны” или “детской болезни левизны”. Мелкобуржуазное нетерпение или нетерпение отдельного независимого трудящегося неизбежно разрушает единство на практике. Это ещё одна моя ошибка, и я хочу извиниться за нее» [Fan Hong, 1950].

Царившую в республиканский период западную экономическую науку за год вытеснили из университетского курса, чтобы освободить место для марксистской политэкономии. 26 июня 1950 г. профессор экономики Пекинского университета Чэнь Чжэньхань написал находившемуся за границей коллеге Цзян Шоцзе личное письмо о ситуации на факультете. Тот переправил послание обосновавшемуся в США известному либеральному мыслителю Ху Ши. Материал вошёл в опубликованные дневники Ху Ши (запись от 9 сентября 1950 г.) и стал ценным свидетельством участника трансформации преподавания экономических дисциплин [Hu Shi, 2001. Pp. 50–51].

Чэнь Чжэньхань сообщил, что в преподавании общественных наук власти следовали политике «решительно преобразовывать, постепенно реализовывать», сделав акцент на «политических занятиях» (диалектический материализм, исторический материализм, теория новой демократии). «Их изучают во всех учебных заведениях все студенты не менее девяти часов в неделю. Для совершенствования методов преподавания делают упор на групповые дискуссии, планирование содержания курсов» [Hu Shi, 2001. P. 50].

Письмо сообщало, что учебные планы изменили, исходя из требования сделать акцент на марксизме-ленинизме в содержании образования. «На экономических факультетах курсы “Введение в экономическую науку” и “Экономический анализ” и др. отменены (например, в Цинхуа) или преобразованы в факультативные (например, в Пекинском университете). Со следующего года таких курсов не будет ни в одном университете страны» [Hu Shi, 2001. P. 50]. Чэнь Чжэньхань отметил, что теория, «которую мы раньше изучали, останется только в истории мысли, или займет место в специальных курсах, и только в форме критики» [Hu Shi, 2001. P. 50].

В письме он поведал, что на экономическом факультете Пекинского университета введён новый курс «Политическая экономия» (марксистско-ленинская экономическая наука) в качестве обязательного предмета для Школы гуманитарных наук и Школы права. Были сформированы четыре группы, в которых должны были преподавать Фань Хун и его ученики. Курсы по изучению «Капитала», экономике новой демократии, экономике СССР и земельной реформе читали в Пекинском университете приглашённые преподаватели из других вузов. Прежний курс «Введение в экономическую науку» был заменён на факультатив через полгода после создания КНР. Курс «Экономический анализ» профессора Чжоу Бинлиня заменён на факультатив с самого начала, со следующего учебного года он отменяется.

В прочие профильные курсы, получившие новое наименование «профессиональные предметы», были внесены содержательные изменения. По мнению Чэнь Чжэньхана, происходило «сокращение чисто теоретического анализа и добавление материалов о практической политике» [Hu Shi, 2001. P. 51]. О себе он сообщил в письме, что преподаёт политическую экономию наряду со спецкурсами по экономической истории Китая Нового времени и экономической истории, участвует в многочисленных собраниях. «В университетском преподавании внутри страны за год по сравнению с прошлым есть прогресс в политическом сознании и в соединении с практикой. Уровень, напротив, снизился. На какое-то время это явление, которого невозможно избежать» [Hu Shi, 2001. P. 51].

Другое вошедшее в дневники Ху Ши письмо на сходную тему написал преподаватель экономической теории Пекинского университета Чжао Найтуань, защитивший в 1920-е гг. в США в Колумбийском университете под руководством Э. Селигмена диссертацию об английском экономисте XIX в., критиковавшем Д. Рикардо, Ричарде Джонсе [Zhang Youren, 2012. P. 55]. Когда в начале 1949 г. на экономическом факультете Пекинского университета перестали читать излагавший основные принципы «буржуазной» экономической теории курс «Введение в экономическую науку», Чжао Найтуань самостоятельно добавил курс «Введение в цены», включавший важные темы рыночной экономики, но оставшийся невостребованным на фоне роста интереса к плановому хозяйству [Zhang Youren, 2012. P. 72].

В личном письме к Цзян Шоцзе от 8 января 1950 г. Чжао Найтуань сообщил, что с осени 1949 г. была проведена масштабная реформа учебных курсов. Политические курсы стали обязательными, профессиональные предметы были оптимизированы, особенно в области экономической теории. В методах преподавания сделан упор на обсуждения в группах, пропагандируется коллективное обучение, индивидуальными исследованиями пренебрегают. «Идейной свободы не существует совсем. С утра до вечера преподаватели и студенты заняты проведением собраний, не хватает времени на чтение книг. Всё это приводит к тому, что научный уровень с каждым днём снижается... Сейчас в прессе нет новостей, ощущение подобно лягушке на дне колодца¹, очень тоскливо» [Hu Shi, 2001. P. 51].

В 1952 г. Чжао Найтуань вместе с преподавателями и студентами участвовал в земельной реформе в провинции Гуанси. Летом 1952 г. после реструктуризации он остался на экономическом факультете Пекинского университета [Zhang Youren, 2012. Pp. 72–73].

Публикация Фань Хуна наряду с личными посланиями Чэнь Чжэньхана и Чжао Найтуаня свидетельствуют о готовности старой профессуры включиться в новую образовательную программу. В 1950 г. Фань Хун и Чэнь Чжэньхань преподавали в Пекинском университете марксистскую политэкономию [Hu Shi, 2001. P. 51].

¹ «Лягушка на дне колодца» — китайское выражение, означающее узкий кругозор человека, неспособность целостного восприятия происходящего.

Освоение старой профессурой русского языка и советской научной литературы порождало неожиданные и заслуживающие внимания результаты. Выпускник Кембриджа Сюй Юйнань, занимавшийся до победы революции переводом трудов Кейнса, опубликовал статью об экономических взглядах А.Н. Радищева. Учёный опирался на советские издания «Избранных сочинений» [Радищев, 1949a] и «Избранных философских сочинений А.Н. Радищева» [Радищев, 1949b]. Помимо «Путешествия из Петербурга в Москву», Сюй Юйнань изучил «Письмо о китайском торге» и путевые заметки из Сибири, проекты организации таможенного дела и введения новых пошлин. Китайский экономист проанализировал предложенные Радищевым теории развития промышленности, торговли и ценообразования, денег, налогов и пошлин [Ху Юйнань, 1954].

Опыт изучения западной экономической науки помог преподававшему в Пекинском университете Сюй Юйнаню рассмотреть страницы истории русской экономической мысли XVIII в. в мировом контексте. Он назвал безосновательными заявления буржуазных учёных о том, что экономические идеи Радищева «пришли извне» и не были самостоятельными. Эти взгляды были порождением истории российского общества на фоне ситуации в России. Ставший основой учения Радищева философский материализм был направлен против феодальной формации российского общества. Его отношение к крепостничеству, взгляды на вопросы денег и пошлин предлагали решение российских проблем. Хотя в то время уже появилось либеральное учение Смита о свободе торговли, Радищев доказывал необходимость таможенных пошлин. По мнению китайского экономиста, это показывает, что его учение выросло на собственной почве [Ху Юйнань, 1954. Р. 47].

Сюй Юйнань выделил четыре характеристики, подтверждающие передовой характер нацеленного против крепостничества учения Радищева.

Во-первых, оно было единым, в нём соединились философские и экономические идеи. У физиократов, Смита и Рикардо, подобной единой системы не было, а этическое учение Смита даже входило в конфликт с его экономическими воззрениями.

Во-вторых, Радищев научно проанализировал классовое противостояние в российской деревне. Он указал на причины низкой производительности в сельском хозяйстве, выступил за свержение крепостнической системы революционными методами, обосновал необходимость каждому пахарю иметь своё поле.

В-третьих, хотя многие его предложения открывали путь развитию капитализма в России, Радищев не стоял на позиции буржуазии. Он исходил из интересов трудящихся масс, прежде всего крестьян.

В-четвёртых, он раскрыл эксплуататорские источники «прибавочной» цены (прибыли), глубоко проанализировал суть бумажных денег, раскрыл отношения между бумажными деньгами и валютным курсом, овладел законами обращения бумажных денег. В этом Радищев превзошёл успехи западных современников и даже более позднего по времени Рикардо.

Сюй Юйнань пришёл к выводу, что Радищев — это великий мыслитель XVIII в. и прогрессивный экономист, основоположник течения революционных демократов в российской политэкономии, которому принадлежит «славное место в истории развития как российской, так и мировой экономической науки» [Ху Юйнань, 1954. Р. 47].

Китайский исследователь применил к изучению российской экономической мысли высокие профессиональные стандарты. Он изучил и проанализировал источники на русском языке, включая довольно сложные для понимания — например, «Письмо о китайском торге» [Ху Юйнань, 1954. Рр. 43–44]. Учёный стремился самостоятельно разобраться в идеях Радищева, рассматривая их в контексте мировой мысли. Одновременно Сюй Юйнань соблюдал академические правила того времени, ссылаясь на труды И.В. Сталина и В.И. Ленина. Если бы это направление получило развитие, в Китае могли появиться интересные работы, предлагающие новый взгляд на историю русской экономической мысли.

Путь к созданию нового университета

Руководство пекинских вузов пыталось отстаивать свои интересы в относительно краткосрочном «окне возможностей», которое существовало с начала 1949 г. до осени 1950 г., когда вступление Китая в Корейскую войну привело к ужесточению отношения к «буржуазной» идеологии и её носителям [Stiffler, 2005. Рр. 213–214]. Кампания по идейному перевоспитанию интеллигенции началась в декабре 1950 г. Известные профессора публично осудили свою былую приверженность проамериканскому буржуазному мышлению, заявив о готовности служить народу и учиться у Советского Союза [Stiffler, 2005. Р. 236].

Вышедшие в Китае в начале 1950-х гг. статьи с критикой настроений в преподавательском сообществе делали акцент на трудностях преобразований. Одна из публикаций отмечала, что «реакционные идеи преклонения перед США» сохранились в умах профессуры. У некоторых это низкопоклонство достигло степени слепой веры, они рассматривают всё американское как незыблемый закон, тогда как «в отношении успехов советской науки занимают позицию сомнения, недоверия». Часть преподавателей не только превозносит западную материальную цивилизацию, но и продолжает ориентироваться на публикацию научных статей за границей. Один из них сказал студенту третьего курса факультета гражданского строительства, что его статью лучше опубликовать в США, а не в Китае, предложив помощь в её переводе на английский язык и отправке текста в Америку. Некоторые открыто говорят студентам, что их курсы дадут знания, которые помогут без проблем поехать учиться в США [Sixiang gaizao..., 1952. Р. 53].

Помимо инерции мышления, трудность реформ была обусловлена нечёткостью понимания направления и экономического содержания «новodemократического образования». Экономическая теория новой демократии основывалась на предпосылке полуфеодального и полукOLONиального статуса дореволюционного Китая. Её теоретической базой служила теория производительных сил и производственных отношений Маркса. Эта концепция была интегрирована с идеологией народного благосостояния Сунь Ятсена, одной из точек отсчёта выступал опыт новой экономической политики в СССР.

От подготовки немногочисленных специалистов по экономической теории ведущим университетам предстояло перейти к массовому выпуску кадров со знанием марксистской политэкономии для её широкого преподавания как идейно-теоретической дисциплины во всех китайских вузах. Новые преподаватели и научные сотрудники высшей школы должны были усваивать воззрения и методы марксизма-ленинизма, обладать базовыми знаниями и опытом в области политической экономии, способностями к самостоятельной работе [Liu Qunyi, 2021. Р. 237].

Для ускоренного решения этой задачи было решено создать новый образцовый университет, не обременённый «буржуазными» академическими традициями и потому более пригодный к внедрению советской модели преподавания идеологических дисциплин. Эта идея возникла до образования КНР. Мао Цзэдун говорил: «ВКП(б) — наш лучший учитель, и мы должны учиться у них» [Mao Zedong, 1991. Р. 1481]. В июле 1949 г. в телеграмме посещавшему в то время СССР Лю Шаоци он призвал «учиться у Советского Союза комплексу учений и институтов, отличных от буржуазных, в различных областях работы, создать такой университет необходимо» [Mao Zedong, 2013. Р. 605].

В состав комиссии по подготовке создания нового университета вошли два советских советника. Комиссия посетила ряд университетов в Тяньцзине и Пекине осенью 1949 г. с целью выбрать один из них в качестве базы. Однако глава комиссии Лу Динъи предупредил, что буржуазию не следует антагонизировать, в результате было принято решение о создании полностью нового университета [Stiffler, 2007. Р. 291].

Советские советники выявили многочисленные недостатки старых вузов, созданных в республиканскую эпоху. Их преподаватели получили образование в Америке

или Европе, в библиотеках мало или вообще нет книг на русском языке, среди студентов преобладают дети буржуазии, землевладельцев и интеллигенции, практически нет выходцев из крестьянства и трудящейся бедноты. Советники заключили, что США оказывают очень сильное влияние на китайские вузы, в особенности на получавшие американское финансирование Университет Цинхуа и Яньцзинский университет. Это воздействие чётко прослеживается не только в структуре учебных заведений, но и в учебных материалах, в идеологии преподавателей и студентов и даже в их сшитой по американскому образцу одежде. Было отмечено, что часть профессорско-преподавательского состава относится к новому общественному строю враждебно, выражает недовольство введением обязательных курсов по социально-экономическим дисциплинам и русскому языку [Stiffler, 2007. Рр. 291–292].

Осенью 1950 г. в Пекине был создан полностью новый Народный университет Китая. Там были собраны проникнутые революционным духом преподавательские кадры, вуз открыл двери для студентов из рабочих и крестьян. Проректор Чэн Фанъу пояснил, что в прошлом считалось разумным, когда каждый преподаватель учил студентов в соответствии с собственным пониманием своего курса или даже исходя из личных интересов. Если кто-то высказывал профессору мнение о содержании или методе чтения лекций, тот воспринимал это как заведомое оскорбление и посягательство на его свободу. Преподаватель не нес никакой ответственности за обучение своих студентов. В новой ситуации подобные методы и подходы не могут гарантировать идейность и научность содержания преподавания. Более того, они способствуют распространению реакционерами ошибочного и даже реакционного яда, поощряют недисциплинированность, индивидуализм и анархию буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции [Cheng Fangwu, 1951].

Новая организация преподавания в Китае должна была стать коллективной. В подтверждение проректор Народного университета Китая сослался на слова из XI главы первого тома «Капитала» Маркса о том, что планомерный совместный труд раскрывает человеческие способности, «дело идёт не только о повышении путём кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила» [Маркс, 1960. С. 337].

Более сложной была задача реформирования находившихся в Пекине по соседству трёх известных университетов. Власти решили сделать Пекинский университет многопрофильным, объединив гуманитарные и юридические школы Университета Цинхуа и Яньцзинского университета и включив их в состав Пекинского университета. Реформа была нацелена на укрупнение масштаба и ликвидацию дублирования. В новых условиях лишним оказался созданный американцами миссионерский Яньцзинский университет — его упразднили и передали территорию Пекинскому университету [Liu Qunyi, 2021. Р. 231].

План реструктуризации Пекинского университета, Университета Цинхуа и Яньцзинского университета был выдвинут в конце 1951 г. Одним из аргументов могли стать трудности в процессе интеграции в единый коллектив старой и новой профессуры. Реакция на сопротивление снизу поначалу была сдержанной. Когда часть преподавателей Школы права Университета Цинхуа не захотела переходить в Школу права Пекинского университета, Министерство образования пошло на уступки. В Университете Цинхуа создали собственную Школу финансов и экономики на базе Школы права с приглашением части профессоров Школы права Пекинского университета. Однако это решение не было долгосрочным. В ходе дальнейшей реструктуризации высших учебных заведений в 1953 г. Школа финансов и экономики Университета Цинхуа была упразднена и включена в состав Народного университета Китая [Liu Qunyi, 2021. Р. 232].

Внедрение советского опыта

В 1952 г. в китайских вузах началась реформа, нацеленная на широкомасштабное изучение советского опыта. Система преподавания опиралась на советские учебные планы, программы и учебники, подготовку специалистов вели в соответствии с советской схемой вузовских специальностей. 1952–1955 гг. стали периодом активного усвоения Китаем советской образовательной модели, её адаптации к местной специфике [Zhao Jing, 2012. P. 64].

В феврале 1953 г. министр высшего образования Ма Сюйлунь выдвинул лозунг «систематического изучения передового опыта СССР в области построения образования». В 1954 г. его преемник на этом посту Ян Сюфэн заявил: «Наши реформы в области преподавания долгое время не начинались, а изучение передового научно-технического и педагогического опыта Советского Союза далеко не систематическое и не глубокое, в нём ещё много формализма». Министерство предложило «продолжить всестороннее изучение передового опыта» СССР [Zhao Jing, 2012. P. 64].

Народный университет Китая первым заимствовал советскую систему кафедр, после 1953 г. она была распространена на все китайские вузы. Кафедры стали инструментом сплочения преподавательских коллективов, площадками для планирования работы, контроля над выполнением планов образовательной и научной деятельности, налаживания связей между вузами и производством. Критерии отбора преподавателей и студентов Народного университета учитывали уровень идеологической подготовки. По словам ректора, среди них не было ни одного, кто относился к передовому опыту СССР скептически или враждебно [Wu Yuzhang, 1953].

Народный университет воспринимал присутствие большого количества советских специалистов как благоприятное условие. В них видели наставников во всех сферах, у них учились не только знаниям, но и «большевистскому опыту», «методам ведения дел», преодолевая «ложное чувство собственного достоинства». «Перед лицом советских специалистов мы подобны младенцам, открыты и искренни. Независимо от того, насколько большой вопрос, если не понимаем, то смело спрашиваем. Нет ничего, о чём бы мы не спрашивали у советских специалистов, поскольку у нас есть дух увлечённости учёбой и любознательности» [Jin yi bu ..., 1953. P. 2].

Но даже в этом вузе некоторые «как лягушки на дне колодца начали расхваливать собственные поверхностные знания», «в отношении советских специалистов стало меньше скромности и готовности принять их всей душой», «по отношению к товарищам ещё более зазнались» [Op. cit., 1953. P. 2]. Ранние симптомы усталости от советского опыта были восприняты с тревогой. Преподавательскому составу напомнили, что они научились общему, не овладев глубинной сутью. «У некоторых людей возникли сомнения — подходит ли нам советский опыт? Подходят ли нам методы заимствования советского? На самом деле эти недостатки возникают не потому, что мы слишком много учимся у советских специалистов, а, наоборот, слишком мало... Чем больше мы станем учиться у советских специалистов, тем больше будут наши возможности работать самостоятельно. Чтобы мы смогли в будущем “отойти” от советских специалистов, сегодня должны на них опираться (но не быть зависимыми)» [Op. cit., 1953. Pp. 2–3].

Обучение у советских специалистов было наиболее практичным и эффективным способом освоения передового опыта социалистического строительства в Советском Союзе [Zheng Gang, Lan Jun, 2007. P. 125]. В 1954 г. по итогам обсуждения опыта преподавания в Народном университете Китая Министерство высшего образования признало его успехи в учёбе у СССР и призвало прочие вузы следовать данному примеру. Так был утверждён лидирующий академический статус Народного университета в области финансов и экономики, политики и права, марксистско-ленинской философии.

Опиравшаяся на кафедры «коллективистская система» Народного университета сформировала интегрированную учебную цепочку — лекции, обсуждение в аудитории, консультации, устный экзамен. Советские специалисты подчёркивали, что принцип коллективизма указывает на взаимосвязь преподавателей социалистической принадлежности, «в буржуазных вузах нет организаций подобных кафедрам, нет связей между преподавателями, а если они есть, то являются исключительно личными или партийными» [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 67].

По словам проректора Ху Сикуя, сочетание индивидуального творчества с коллективным сотрудничеством стало «величайшей особенностью» преподавания в Народном университете. Он подчеркнул: «Основной принцип организации кафедры заключается в том, чтобы в полной мере использовать силу коллектива на основе индивидуальных независимых исследований, а также под централизованным руководством заведующего кафедрой в полной мере развивать демократию, осуществлять критику и самокритику» [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 67].

Студенты в аудитории должны были соблюдать дисциплину, им не следовало открыто высказывать сомнения преподавателю, замечания можно было делать в письменном виде в конце занятия. Советские специалисты подчёркивали, что «лекции должны быть направлены против буржуазии, лектор должен разоблачать реакционные теории, которые буржуазия, в особенности американской и британской империй, принесли в Китай». Кафедра чётко заявила, что «марксистско-ленинская политэкономика — это наука с сильным классовым и партийным характером, оружие пролетарской борьбы» [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 67].

Народный университет Китая занимался популяризацией советской экономической теории. После публикации в 1955 г. китайского перевода советского учебника политэкономии в Китае была развёрнута работа по его разъяснению. Написанное под руководством Сюй Хэ «Объяснение терминов (в учебнике политической экономии)» печатали в журнале Народного университета «Цзяосюэ юй яньцзю» («Преподавание и исследования») начиная с 10-го номера за 1955 г.

К середине 1950-х гг. вместе с китайскими коллегами советские специалисты создали в Народном университете теоретический курс политэкономии, ставший образцом для других вузов. Они пропагандировали коллективизм ради воспитания обладающих духом партийности и плановым стилем работы преподавателей политэкономии, создания системы регулирования их деятельности. Большое значение придавалось систематическому обучению теоретическим знаниям и делался упор на изучение классических работ.

Китайская критика советской модели экономического образования

Преподававшие в Китае марксистскую политэкономия советские специалисты признавали необходимость адаптации содержания привнесённых из СССР лекционных курсов к китайской действительности. Однако высокий авторитет советского опыта строительства социализма обусловил его доминирование в учебной программе политической экономии. Присущее дореволюционной системе партийного теоретического образования конца 1930–1940-х гг. внимание к качеству усвоения материала при его меньшем количестве ушло на задний план [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 71].

Зарубежные исследователи сообщают, что руководство Народного университета указывало на недостаточное знание советскими специалистами Китая и периодически требовало предоставлять им информацию о стране в русском переводе [Stiffler, 2010. P. 313]. По мнению заведующего кафедрой политэкономии Народного университета Сун Тао, попытки добавить экономическую специфику Китая в советские лекции оказались недостаточно эффективными в том числе потому, что у китайских преподавателей отсутствовала соответствующая информация и база знаний [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 66].

В 1954 г. преподававший в Народном университете А.М. Бирман жаловался, что курс «Финансы» полностью основан на сведениях об СССР и нуждается в добавлении материалов по Китаю. Он повторил эту критику в июне 1955 г. на встрече-дискуссии советских специалистов. В 1955–1956 учебном году Бирман окончательно отказался от отдельных разделов по финансам в Советском Союзе и финансам в Китае и объединил их [Stiffler, 2010. P. 313].

Тема соединения советского опыта с китайской реальностью стояла на повестке дня давно, этого постоянно требовали китайские власти. В 1952 г. кафедрам было предложено составлять «китаизированные лекции». Заместитель советника ректора Народного университета В.Ф. Филиппов подчёркивал, что «советский опыт не следует пересаживать механически, нехорошо применять его в виде догмы». Были выдвинуты требования повысить эффективность обучения в свете реальной ситуации в Китае, преодолеть зависимость от советских экспертов как «ходячих энциклопедий» [Geng Huamin, Wu Qimin, 2016. P. 64].

Советские специалисты пропагандировали в КНР идеологическую бдительность и верность линии партии. В мае 1953 г. преподававший в Народном университете Китая Б.Г. Болдырев назвал ошибочным мнение китайских коллег о том, что изучавшие в вечернем университете марксизм-ленинизм и труды Мао Цзэдуна не подвержены влиянию буржуазных идей. Докладчик отметил, что в СССР большинство людей воспитано советской властью, однако неправильно считать, что у них нет капиталистических идей. Во многие советские статьи авторы невольно включают буржуазные взгляды — это объективизм, когда некритически используют официальные буржуазные материалы, и субъективный идеализм, когда опираются на чьи-либо субъективные представления и не исходят из объективных экономических законов. Болдырев призвал использовать в научной работе широкий круг источников — при исследовании китайских налогов не следует ограничиваться материалами о налогообложении в Китае, необходимо собирать сведения о налогах в других странах, обращаться к литературе по теории финансов и к произведениям классиков. Советский специалист высоко оценил написанную в конце 1930-х гг. работу Мао Цзэдуна «Относительно противоречия», направленную против ошибочных субъективных взглядов внутри КПК и затронувшую широкий круг проблем (философия Гегеля, взгляды Богданова, древнекитайская литература, вопросы истории), назвав её наряду с другими трудами Мао Цзэдуна «образцом научной работы» [Baodeliefu, 1953. P. 22].

Примечательной страницей советско-китайского интеллектуального взаимодействия стал спор начала 1950-х гг. о факторах производительных сил. Советские специалисты опирались на «Краткий курс истории ВКП(б)», где во втором параграфе четвёртой главы говорилось, что производительные силы состоят только из двух элементов, а именно рабочей силы и средств труда, предмет труда они не включают. В этом их поддерживали представители китайского марксистского мейнстрима того времени. Однако часть китайских экономистов оспорила этот подход. Ссылаясь на Маркса, они утверждали, что предмет труда является важным элементом производительных сил [Li Xin, 1992. P. 1].

Уже в конце 1930-х гг. китайские марксисты обратили внимание на несогласованность между подходом Маркса (производительные силы состоят из труда, средств труда и предмета труда) и «Кратким курсом», утверждавшим: «Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества» [История..., 1938. С. 114–115].

Ли Синь вспоминал, что в период «движения за упорядочение стиля» в 1942 г. «Краткий курс» стал для китайских коммунистов обязательной для чтения книгой. Считалось, что раздел о марксизме написал сам Сталин, и это — наивысшее развитие теории. Обратив внимание на несоответствие между тремя факторами Маркса и двумя

факторами Сталина, Ли Синь задал вопрос своим наставникам. Ему ответили, что в эпоху революции надо подчёркивать субъективные способности и боевитость, поэтому следует говорить только о двух факторах, акцентировать роль человека [Li Xin, 1992. P. 1].

После образования КНР Ли Синь работал в Народном университете, где было много советских специалистов. Все они отмечали развитие Сталиным теории Маркса, обращая особое внимание на этот параграф. Они утверждали, что производительные силы представляют субъективные производственные способности людей и потому не могут включать предмет труда. Учившийся у советских специалистов китайский преподаватель утверждал, что теория трёх элементов производительных сил сводится к идее зависимости от естественных обстоятельств («питаться тем, что небеса пошлют»), тогда как теория двух факторов воплощает идею господства людей над природой («решимость человека побеждает небо»). Рассуждения о том, что революционеры должны принять эту идею и отвергнуть мысль о зависимости от природных обстоятельств, были «восхвалением Сталина и критикой Маркса» [Li Xin, 1992. P. 1].

Работавший в Институте марксизма-ленинизма ЦК КПК (Центральной Партшколе ЦК КПК) марксист Ван Сюэвэнь усомнился в этой точке зрения и поддержал теорию трёх факторов производительных сил, что вызвало дискуссию по всей стране, в особенности в Народном университете Китая и в Партшколе. По воспоминаниям Ли Синя, советские специалисты в Народном университете защищали позицию Сталина, никто не осмелился встать на сторону Ван Сюэвэня, «поэтому дискуссия не развернулась, большинством голосов “победили”» [Li Xin, 1992. P. 2].

Этот спор имел важное символическое значение. С критикой советского понимания марксизма выступили не «буржуазные» интеллектуалы, а китайские марксисты. Сталинская трактовка устояла, поскольку была воспринята китайским руководством, подчёркивавшим важность субъективного фактора в экономическом развитии.

Советские специалисты придали цитатам Сталина непререкаемый авторитет. Критика Сталина в СССР спровоцировала кризис легитимности теоретических установок, уже утвердившихся в Китае. После XX съезда КПСС в 1956 г. Мао Цзэдун выступил за разработку собственного пути социалистического строительства в Китае. Китайская сторона скорректировала программу обучения, снизив нагрузку на студентов, связанную с высокой долей курсов политической теории и русского языка, было ликвидировано дублирование изучаемых дисциплин политической теории [Geng Huamin, Wu Qimin, 2016. P. 64].

Призыв партийного руководства отказаться от догматизма в учёбе у СССР побудил Народный университет заменить курс основ марксизма-ленинизма на курс по истории социалистического движения. Количество часов на изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» было сокращено. Вдохновлённая советским опытом практика создания опорных кафедр вместо факультета также была пересмотрена. 22 мая 1956 г. Министерство высшего образования приняло решение о создании в Народном университете нового экономического факультета, в нём открыли специальность «политическая экономия» с набором студентов на пять лет. Деканом факультета стал Сун Тао, заместителями — Ван Лэй и Сюй Хэ; были созданы три кафедры — политической экономии, истории экономических учений и отраслевой экономики. Бывший экономический факультет был переименован в факультет планирования и статистики [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 66].

По мере уменьшения авторитета СССР в КНР снижалось влияние советских наставников. Последний советский преподаватель кафедры политэкономии Народного университета В.С. Спановский, работавший в Китае до июня 1957 г., вступил в спор с китайской профессурой. Он утверждал, что процент, получаемый капиталистами после перехода к совместному управлению предприятиями с участием государственного и частного капитала в китайской промышленности и торговле, не является эксплуатацией. Однако на фоне кампании против «правых элементов» и начала наступления властей на частный капитал

это мнение стало для китайской стороны политически неприемлемым. Кафедра отвергла взгляды Спановского [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 66].

Советская сторона не приветствовала участие командированных специалистов в китайских идейно-теоретических дискуссиях. Иллюстрацией происходившего служит история философа П.П. Иониди. 19 февраля 1957 г. он выступил с приуроченным к пятидесятилетию кончины великого русского химика докладом «Естественнонаучное и философское значение периодической системы Менделеева». Характеристика Менделеева как осознанного материалиста и диалектика вызвала несогласие с китайской стороны. Заведующий кафедрой основ естественных наук философского факультета Народного университета Линь Ваньхэ заявил, что Менделеев развивал материализм лишь спонтанно.

Узнав об этом, посольство СССР в Китае направило в Народный университет советника по культуре Н.Г. Сударикова с просьбой прекратить распространение конспектов лекций Иониди. Дипломат заявил, что Иониди «не может эффективно аргументировать» учение марксизма-ленинизма и «нагромождает множество взглядов, не представительных для философского сообщества». Он подсказал, что вместо Иониди чтением его лекций мог бы заняться специалист по диалектическому материализму из Пекинского университета.

Декан философского факультета Народного университета Хэ Сыцзин был удивлён реакцией советского посольства. Он считал, что «вопросы, поднятые специалистом, действительно обширны, и их глубокое решение — долгий процесс» и не понимал, «почему это ошибка». Кафедра философии надеялась, что «товарищ Иониди останется и продолжит направлять нашу работу, помогая ей». Однако приглашённый на два года специалист был досрочно отозван в Советский Союз в июне 1957 г. [Stiffler, 2010. Pp. 315–319].

На фоне разочарования в советской модели и роста накала борьбы против «правых» КПК обратилась к пропаганде опыта дореволюционного партийного образования в освобождённых районах [Geng Huamin, Wu Qimin, 2016. P. 66]. Народный университет и советских специалистов провозгласили источником «догматизма» в курсах политической теории в китайских вузах. Снять это клеймо университету удалось только в 1964 г. по итогам Всекитайского рабочего совещания о курсах политической теории.

Сунь Дацюань отмечает, что в первой половине 1950-х гг. некоторые китайские экономисты избежали «суеверного поклонения» советским учебникам и разрабатывали собственные теории, основанные на специфике экономических проблем Китая. Ректор Пекинского университета Ма Иньчу выдвинул «теорию комплексного баланса» и «новую теорию народонаселения», которая вызвала широкий отклик и впоследствии легла в основу политики сокращения рождаемости [Sun Daquan, 2020. Pp. 14–15].

Близкое знакомство с советской политэкономией позволило китайским экономистам составить о ней собственное объективное мнение, разглядеть её недостатки и предложить свои планы развития экономического образования. Официально санкционированное развенчание авторитета советской политэкономии создало предпосылки для продолжения споров о создании собственной китайской экономической науки и даже о возможности включения в неё элементов западных теорий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс* (1938). [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Brief course (1938).]. — М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда».
- Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году* (1975). [People's Republic of China: Political and economic developments in 1973 (1975).]. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука».
- Маркс К. (1960). *Капитал. Т. 1.* [Marx K. (1960). Capital. Vol. 1] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 23. Изд. 2-е [Marx K., Engels F. (1960). Works. 50 vols. Vol. 23.]. — М.: Государственное издательство политической литературы.
- Пивоварова Э.П. (1989). Экономическая наука КНР: 40 лет развития [Pivovarova E.P. (1989). Economic science in China: 40 years of development] // *Вопросы экономики.* № 10. С. 87–98.

- Радищев А.Н. (1949а). *Избранные сочинения* [Radishchev A.N. (1949a). *Selected works*]. — М.: Госполитиздат.
- Радищев А.Н. (1949б). *Избранные философские сочинения* [Radishchev A.N. (1949b). *Selected philosophical works*]. — М.: Государственное издательство политической литературы.
- Baodeliefu [Boldyrev] (1953). Guanyu kexue yanjiu gongzuo — Sulian zhuanjia Baodeliefu tongzhi wu yue liu ri zai caizheng jiaoyanshi de baogao jilu zhaiyao [Baodeliefu (1953). On scientific research work — excerpts from the transcript of the report of the Soviet expert comrade Boldyrev at the section of finance on May 6] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 2. Pp. 21–22. (In Chinese).
- Cheng Fangwu (1951). Zhongguo Renmin daxue de jiaoyanshi gongzuo [Cheng Fangwu (1951). Work of teaching and research sections of Renmin University of China] // *Renmin ribao*. 30.03.1951. (In Chinese).
- Fan Hong (1950). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue wenti de ziwo piping [Fan Hong (1950). Self-criticism on the teaching of political economy] // *Renmin ribao*. 03.01.1950. (In Chinese).
- Fan Hong (2012). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue wenti de ziwo piping [Fan Hong (2012). Self-criticism on the teaching of political economy] // *Fan Hong zhuzuo ji. Shang* [Fan Hong's collection of writings. Part 1]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. Pp. 256–262. (In Chinese).
- Geng Huamin, Wu Qimin (2016). Sulian zhuanjia yu xin Zhongguo gaoxiao zhengzhi lilun kecheng de jianli [Geng Huamin, Wu Qimin (2016). The Soviet experts and the establishment of the political theory courses in universities in New China] // *Zhonggong dangshi yanjiu*. No. 6. Pp. 55–67. (In Chinese).
- Hayhoe R. (1996). *China's Universities 1895–1995. A Century of Cultural Conflict*. — New York and London: Garland Publishing, Inc.
- Hu Shi (2001). Hu Shi riji 1950 nian 9 yue 9 ri [Hu Shi (2001). Hu Shi's diary. September 9, 1950] // *Hu Shi riji quanbian*. 8 [The complete diary of Hu Shi. 8]. — Hefei: Anhui jiaoyu chubanshe. Pp. 50–51. (In Chinese).
- Jin yi bu xiang Sulian zhuanjia xuexi (Shelun) [Further learning from Soviet experts (Editorial)] (1953) // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 6. Pp. 2–3. (In Chinese).
- Li Xin (1992). Wushi niandai chu guanyu shengchanli yaosu de taolun [Li Xin (1992). Discussions on factors of productive forces in the early 1950s] // *Qinghua daxue xuebao (zhexue shehui kexue)*. No. 1. Pp. 1–3. (In Chinese).
- Liu Qunyi (2021). Renmin de jingjixue: yuanxi tiaozheng zhong de Beijing daxue jingji xueke [Liu Qunyi (2021). Economics for the people: Peking university's economic disciplines under faculty restructuring] // *Dai zong yang zhi — Chen Daisun xiansheng danchen 120 zhounian jinian wenji* [With respect to teacher Chen Daisun: An anthology of essays on the 120th anniversary of Mr. Chen Daisun's birth]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. Pp. 229–241. (In Chinese).
- Mao Zedong (1991). Lun renmin minzhu zhuanzheng [Mao Zedong (1991). On the people's democratic dictatorship] // *Mao Zedong xuanji. Di si juan* [Selected works of Mao Zedong. Vol. 4]. — Beijing: Renmin chubanshe. Pp. 1468–1482. (In Chinese).
- Mao Zedong (2013). *Mao Zedong nianpu (1893–1949)*. Xia juan [Mao Zedong (2013). Mao Zedong chronicle (1893–1949). Vol. 3]. — Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe. (In Chinese).
- Sixiang gaizao luntan [Thought remolding forum] (1952) // *Xin jianshe*. No. 5. Pp. 53–56. (In Chinese).
- Stiffler D. (2005). Resistance to the Sovietization of Higher Education in China // *Universities Under Dictatorship* / J. Connelly and M. Grüttner (Eds.). — University Park, USA: Penn State University Press. Pp. 213–244. DOI: 10.1515/9780271093499-011
- Stiffler D.A. (2007). Creating New China's First New-Style Regular University, 1949–50 // *Dilemmas of Victory* / J. Brown and P.G. Pickowicz (Eds.). — Cambridge (Mass.): Harvard University Press. Pp. 288–308. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x0f5f.15>
- Stiffler D. (2010). “Three blows of the shoulder pole”: Soviet experts at Chinese People's University, 1950–1957 // *China learns from the Soviet Union, 1949–Present* / Th. P. Bernstein and Hua-yu Li (Eds.). — Lanham, MD: Lexington Books. Pp. 303–325.
- Sun Daquan (2020). Xin Zhongguo 70 nian lilun jingjixue yanbian yu fazhan [Sun Daquan (2020). The evolution and development of theoretical economics in 70 Years of New China] // *Renwen zazhi*. No. 5. Pp. 13–21. (In Chinese).
- Wang Yanan (1959). Dui woguo jingjixue jie de huigu he qianzhan [Wang Yanan (1959). Review and prospects of China's economics circles] // *Jingji yanjiu*. No. 10. Pp. 38–39. (In Chinese).
- Wu Huifan (2012). Xin Zhongguo wenke gaodeng jiaoyu de «gongzuo muji» — 20 shiji wu liushi niandai Zhongguo renmin daxue de banxue tansuo yu gongxian [Wu Huifan (2012). The «mother machine» of the humanities in higher education in New China — Educational exploration and contribution of Renmin university of China in the 1950s and 1960s] // *Zhongguo renmin daxue xuebao*. No. 6. Pp. 140–145. (In Chinese).
- Wu Qimin, Geng Huamin (2017). Sulian zhuanjia yu Zhongguo Renmin daxue zhengzhi jingjixue lilun kecheng de jianli (1949–1957 nian) [Wu Qimin, Geng Huamin (2017). Soviet Experts and the establishment of the course on the theory of political economy at Renmin University of China] // *Dangdai Zhongguo shi yanjiu*. No. 7. Pp. 63–72. (In Chinese).
- Wu Yuzhang (1953). Zhongguo Renmin daxue san nian lai gongzuo jiben zongjie [Wu Yuzhang (1953). A basic summary of three years of work at Renmin University of China] // *Renmin ribao*. 04.09.1953. (In Chinese).

- Xu Yunan (1954). Shiba shiji Eluosi xianjin sixiangjia Lajishefu he tade jingji sixiang — jingji sixiang shi de yi zhang [Xu Yunan (1954). The advanced Russian thinker of the eighteenth century, Radishchev, and his economic thought — a chapter of the history of economic thought] // *Xin jianshe*. No. 5. Pp. 35–47. (In Chinese).
- Zhang Youren (2012). *Zhang Youren huiyi wenji* [Zhang Youren (2012). Anthology of Zhang Youren's memories]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. (In Chinese).
- Zhao Jing (2012). Dui xin Zhongguo chengli chuqi gaoxiao jiaoxue gaige zhong xuexi Sulian wenti de renshi [Zhao Jing (2012). Understanding of the problem of studying the Soviet Union in the teaching reform of colleges and universities in the early period of New China] // *Dangdai Zhongguo shi yanjiu*. No. 2. Pp. 63–66. (In Chinese).
- Zheng Gang, Lan Jun (2007). 20 shiji 50 niandai gaodeng jiaoyujie pingqiang Sulian zhuanjia fazhan licheng, tedian ji qi yingxiang [Zheng Gang, Lan Jun (2007). History, features, and influence: on China's employment of experts from Soviet Union in colleges and universities in the 1950s] // *Jishou daxue xuebao (shehui kexue ban)*. Vol. 28. No. 1. Pp. 124–129. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна

borokh@hotmail.com

Olga Borokh

PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)

borokh@hotmail.com

TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC EDUCATION SYSTEM IN CHINA (THE FIRST HALF OF THE 1950s)

Abstract. The paper focuses on the transformation of economic education in China in the first half of the 1950s, when Marxist political economy became part of the official ideology. Among Chinese professional economists at that time the majority had degrees from Western universities. The long-standing estrangement between Chinese “bourgeois” and Marxist economists hampered the task of smooth adaptation of old teaching staff to the new requirements. After a brief debate about the applicability of Western economics in China related courses were excluded from university curricula. Mastering of the Russian language and Soviet academic literature by Chinese professional economists has led to noteworthy studies on the history of Russian economic thought. Imbued with a revolutionary spirit professors of the recently established People's University of China have contributed to constructing a new model of economic education by comprehensively embracing the Soviet experience. The task was to move from educating a small number of experts in economics to the mass training of teachers of Marxist political economy, and to establish a collectivist educational system. It was not easy to connect Soviet political economy with Chinese reality when Chinese economists had not yet grasped the new theory, while Soviet experts did not fully understand Chinese specifics. The debate in the early 1950s about the factors of productive forces demonstrated the commitment of Soviet lecturers to the Stalinist interpretation, which was not accepted by some Chinese economists. Successes in implementing the Soviet model were questioned within China as an unwanted manifestation of “dogmatism”. Through close acquaintance with Soviet political economy Chinese economists formed their own opinion about it, thus moving from copying to paying greater attention to national characteristics.

Keywords: *Marxist political economy, Western economics, Peking University, People's University of China, Soviet experts.*

JEL: B2, B24, A2.

А.П. Казун

*к.социол.н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

И ДОВЕРИЕ, И ЗАКОН: КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛИЯЮТ НА СОБЛЮДЕНИЕ КОВИДНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ¹

Аннотация. В статье приводится анализ взаимодействия социального капитала и формальных институтов в контексте соблюдения ограничительных мер во время пандемии COVID-19 в России. Опираясь на концепции социального капитала и институциональной экономики, исследование проверяет гипотезы о субституции или комплементарности этих механизмов. На основе данных онлайн-опроса «RoCIRR 2» (более 10 тыс. респондентов из 61 региона России в 2024 г.) изучается влияние обобщённого межличностного доверия и субъективных оценок качества государственных услуг (здравоохранения, полиции, судов) на степень толерантности/нетерпимости населения к нарушениям режима самоизоляции. Формулируются гипотезы о положительном эффекте формальных институтов и обобщённого доверия, а также об их взаимодействии как замещении или же взаимном усилении. Модели OLS с фиксированными эффектами регионов и контролями показывают, что доверие не имеет самостоятельного эффекта, но усиливает влияние качества институтов при их высокой оценке. При низком качестве институтов доверие снижает потребность в регулировании. Результаты вносят вклад в понимание роли неформальных норм в условиях среднеразвитых формальных институтов, характерных для России. Выводы имеют значение для политики по повышению готовности населения к следованию государственным директивам в кризисах, подчёркивая необходимость укрепления как доверия, так и формальных институтов.

Ключевые слова: *социальный капитал, формальные институты, доверие, COVID-19, соблюдение норм.*

JEL: Z13, I12, O17, P37

УДК: 334.01

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143

© А.П. Казун, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казун А.П. И доверие, и закон: как социальный капитал и формальные институты влияют на соблюдение ковидных ограничений // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 133–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143.

FOR CITATION: Kazun A. Both Trust and Law: How Social Capital and Formal Institutions Influence Compliance with COVID Restrictions // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 133–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_133_143.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

В научной литературе и публичном дискурсе уже многие годы обсуждается вопрос о том, при каких условиях эффективно функционируют формальные правила и в какой мере социальный капитал, включая межличностное доверие, способствует их соблюдению. Существуют противоречивые точки зрения на эту проблему. С одной стороны, социальное доверие может выступать в качестве компенсатора (дополнения) для неэффективных формальных институтов, помогая поддерживать социальный порядок там, где государственные механизмы слабы [Kumlin, Rothstein, 2005; Wu, 2021]. С другой стороны, неформальные институты, такие как доверие и нормы взаимопомощи, могут полностью замещать формальные правила, снижая необходимость в их развитии и совершенствовании [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010; Djankov et al., 2003].

Пандемия COVID-19 в очередной раз высветила эту дилемму. В регионах мира, где наблюдался более высокий уровень доверия к местным властям и развитый неформальный активизм, фиксировался повышенный уровень соблюдения масочного режима и самоизоляции. Напротив, в условиях преобладающего недоверия жёсткие ограничения часто оказывались менее эффективными, поскольку подрывалась их легитимность [Bartscher et al., 2021; Pitas, Ehmer, 2020]. В результате возникает фундаментальный вопрос: выступает ли социальный капитал заменителем для слабых (или только формирующихся) формальных институтов, или же эти два механизма способны действовать совместно, взаимно усиливая друг друга? Классические концепции социального капитала [Coleman, 1990; Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993; Fukuyama, 1995] и институциональной экономики [North, 1990; Weingast, 1997] задают теоретическую рамку для анализа, однако допускают противоположные предсказания. В одних случаях доверие замещает формальные институты, делая развитие вторых ненужным, в других — качественные институты и социальный капитал образуют синергию, способствуя устойчивому развитию. Дополняя классические работы, современные исследования подчёркивают особую роль социального капитала в кризисных ситуациях, когда формальные механизмы подвергаются дополнительной нагрузке [Borgonovi, Andrieu, 2020; Makridis, Wu, 2021]. Это обуславливает для нас выбор ситуации пандемии COVID-19 в качестве характерного кейса, на примере которого можно раскрыть данную проблему.

Настоящее исследование вносит вклад в указанную дискуссию, эмпирически проверяя гипотезы субституции и комплементарности на основе данных крупномасштабного онлайн-опроса жителей России, проведённого в 2024 г. Мы фокусируемся на субъективных оценках качества ключевых государственных услуг и уровне обобщённого доверия как индикаторах формальных и неформальных институтов, соответственно. Нас будет интересовать ответ на вопрос о том, как готовность граждан следовать установленным государством нормам самоизоляции связана с качеством формальных и неформальных институтов. Такой подход позволяет не только выявить прямые эффекты институциональных факторов на соблюдение норм, но и проанализировать их взаимодействие в контексте новой социальной реальности.

Теоретическая рамка исследования

Социальный капитал традиционно принято интерпретировать как невидимый «смазывающий» механизм, который снижает издержки обмена и контроля в обществе [Coleman, 1990; Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993; Fukuyama, 1995]. В этой перспективе социальный капитал способствует кооперации, уменьшая неопределённость в межличностных взаимодействиях. Норт подчёркивал, что формальные и неформальные правила действуют совместно, но их относительный вес определяется уровнем транзакционных издержек:

в условиях высокой неопределённости неформальные нормы, включая доверие, приобретают особую значимость [North, 1990]. Хелмке и Левитски ввели таксономию взаимодействий между формальными и неформальными институтами, разделив их на комплементы (дополняющие, *Complementary*) и субституты (заменяющие, *Substitutive*). Это позволяет классифицировать случаи, когда неформальные механизмы либо усиливают, либо подменяют формальные [Helmke, Levitsky, 2004].

Формальную модель «regulation-as-substitute-for-trust» предложили Агьон и его соавторы, продемонстрировав, что дефицит доверия усиливает общественный спрос на жёсткое государственное регулирование [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010]. В их модели недоверие порождает требование к регулированию, которое, в свою очередь, подавляет формирование доверия, приводя к множественным равновесиям. Ключевой вывод заключается в том, что в странах с низким доверием граждане предпочитают большее вмешательство государства, даже осознавая его коррумпированность. Этот же подход ещё ранее развивали Джанков с соавторами, вводя понятие «cost of disorder» — издержек, связанных с хаосом при слабых институтах [Djankov et al., 2003], а Бенабу и Тироль, анализируя эффект «вытеснения» (*crowding out*), когда внешние стимулы (регулирование) вытесняют внутренние нормы (доверие) [Bénabou, Tirole, 2011]. В противоположном лагере — Ротштейн и Усланер, а также Кумлин, которые выступают за комплементарность: по их мнению, беспристрастное и эффективное государство само генерирует культуру доверия, которая, в свою очередь, облегчает функционирование институтов [Rothstein, Uslaner, 2005; Kumlin, Rothstein, 2005].

Межстрановые эмпирические тесты дают неоднозначные результаты. Нак и Кифер установили, что доверие ускоряет экономический рост, но этот эффект ослабевает после учёта качества прав собственности [Knack, Keefer, 1997]. Бьёрнсков подтвердил приоритет доверия в странах со слабыми законами [Bjørnskov, 2008], а Ахлеруп и соавторы выявили нелинейный эффект: вклад доверия угасает при высоком уровне верховенства права [Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009]. Меон и Секкат, а также Гуизо с соавторами показали, что доверие и верховенство права выступают заменителями друг друга в вопросе стимулирования инвестиций, но при достижении определённого порога качества институтов они начинают взаимно дополнять и усиливать друг друга, создавая синергию [Méon, Sekkat, 2015; Guiso, Sapienza, Zingales, 2011]. Современный мета-анализ подчёркивает условность этих эффектов, зависящую от уровня развития страны [Alesina, Giuliano, 2015; Helliwell, Huang, Wang, 2014; Xue, Reed, Menclova, 2020; Zak, Knack, 2001]. Дополнительные исследования на примере развивающихся стран подчёркивают замещающую роль социального капитала при институциональных провалах [Annen, 2013; Borisova, Smyth R., Zakharov, 2024].

На микроуровне Аннен обнаружил, что в Боливии незарегистрированные в налоговых органах продавцы с развитыми сетями контактов достигают оборотов, сопоставимых с оборотами формальных фирм, находящихся на официальном налоговом учёте, т.е. социальный капитал подменяет официальные гарантии [Annen, 2013]. Аналогичный вывод для России делают Борисова, Полищук и Пересецкий: в товариществах собственников жилья соседская сплочённость компенсирует провалы формального управления [Borisova, Polishchuk, Peresetsky, 2014]. Исследования в Азии подтверждают подобные паттерны [Wu, 2021; Chen, Peng, Rieger, Wang, 2021].

Пандемия COVID-19 стала естественным экспериментом для проверки этих идей. Саррачино и его соавторы на данных Google Mobility выявили, что увеличение доверия на одно стандартное отклонение снижает мобильность на 3%, независимо от строгости мер [Sarracino et al., 2023]. Даниэле и его соавторы, а также Бартшер с соавторами зафиксировали усиление добровольного принятия на себя самоограничений благодаря социальному капиталу в Италии и Германии [Daniele et al., 2020; Bartscher et al., 2021]. Многие работы, посвящённые пандемии, подтверждают центральную роль доверия в обеспечении

коллективной защиты и снижения заболеваемости [Devine, Gaskell, Jennings, Stoker, 2021; Bargain, Aminjonov, 2020; Bai, Du, Jin, Wan, 2020; Bol, Giani, Blais, Loewen, 2021; Borgonovi, Andrieu, 2020; Makridis, Wu, 2021; Pitas, Ehmer, 2020].

В современных обзорах делается вывод о взаимном обуславливании эффектов доверия и формальных институтов: при крайне низком качестве государственного управления социальный капитал действительно выполняет функцию «костыля», но по мере улучшения институтов их влияние становится взаимно усиливающим [Alesina, Giuliano, 2015; Helliwell, Huang, Wang, 2014]. Эти неоднозначные результаты ставят вопрос о том, какой механизм доминирует в России, где формальные институты обладают «средней» силой, а социальный капитал исторически фрагментирован. Настоящая статья отвечает на этот вопрос, тестируя взаимодействие индекса качества формальных государственных институтов и обобщённого доверия.

Гипотезы

Формулируя исследовательские гипотезы, мы опираемся на две ключевые ветви литературы об институтах и социальном капитале. Первая ветвь, восходящая к Норт и развиваемая Хелмке и Левитски, акцентирует роль формальных правил и качества государственных институтов в поддержании общественного порядка [North, 1990; Helmke, Levitsky, 2004]. Формальные институты, такие как система здравоохранения, а также полиция и суды, создают стимулы для соблюдения норм через механизмы принуждения и наказания. Исходя из этого, мы ожидаем, что более высокая субъективная оценка качества этих институтов будет ассоциирована с большей строгостью в отношении к нарушениям (и нарушителям) официальных ограничений, поскольку граждане воспринимают такие институты как легитимные и надёжные.

H1. Более высокое качество формальных институтов повышает непримиримость населения к нарушению самоизоляции.

Вторая ветвь литературы опирается на представление о социальном капитале как о «смазке» для социальной системы. Он обеспечивает возможности для кооперации, поскольку обобщённое доверие позволяет опираться на моральные обязательства вместо страха наказания [Coleman, 1990; Putnam, Leonardi, Nanetti, 1993; Fukuyama, 1995]. Эмпирические исследования подтверждают связь доверия с повышенной законопослушностью, поскольку в обществах с высоким уровнем обобщённого доверия правила соблюдаются добровольно [Knack, Keefer, 1997; Paldam, Svendsen, 2001].

H2. Более высокий уровень обобщённого доверия повышает непримиримость к нарушению самоизоляции.

Центральная интрига нашего исследования состоит в характере взаимодействия этих механизмов. Теория «regulation-as-substitute-for-trust» предполагает, что доверие наиболее ценно при слабых формальных институтах, а его предельная польза снижается по мере укрепления институтов [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010; Djankov et al., 2003]. Межстрановые тесты демонстрируют убывание вклада доверия в рост или инвестиции с улучшением верховенства права [Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009; Méon, Sekkat, 2015; Zak, Knack, 2001].

H3a (субституция). Вклад обобщённого доверия в непримиримость к нарушению самоизоляции уменьшается по мере роста оценки качества институтов.

Альтернативная версия исходит из утверждения, что качественные институты сами формируют культуру доверия, делая её эффективной [Rothstein, Uslaner, 2005; Kumlin, Rothstein, 2005]. Эмпирика периода COVID-19 показывает, что доверие работает лучше всего там, где меры государства воспринимаются как легитимные [Daniele et al., 2020; Bartscher et al., 2021].

H3b (комплементарность). Вклад обобщённого доверия в непримиримость к нарушению самоизоляции усиливается по мере роста оценки качества институтов.

Гипотезы H3a и H3b являются взаимоисключающими — анализ коэффициента взаимодействия позволит определить преобладающий механизм в российском контексте.

Данные

Для анализа используется массив второй волны проекта «Исследования о коронавирусе в регионах России» (RoCIRR 2.0), собранный Международным центром изучения институтов и развития НИУ ВШЭ 25 июля — 12 сентября 2024 г. Онлайн-опрос охватил 10,4 тыс. взрослых жителей 61 региона России и предполагал получение, как минимум, пятнадцати полностью заполненных анкет в каждом из 117 городов численностью свыше 100 тыс. человек. Стратифицированные квоты по полу, возрасту и образованию должны были приблизить выборку к параметрам генеральной совокупности — взрослое население России с доступом к интернету.

Для решения задачи статьи использовались четыре блока переменных:

1) Субъективные оценки качества ключевых государственных услуг¹ — здравоохранения, полиции и судебной системы — нормированы и агрегированы в единую меру качества формальных институтов (Альфа Кронбаха — 0,83).

2) Оценка уровня генерализированного (обобщённого) доверия по стандартному вопросу «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» с двумя вариантами ответа «Большинству можно доверять» или «Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми».

3) Зависимая переменная — ответ на вопрос «Насколько допустимым Вы считаете несоблюдение режима самоизоляции, если государство вводит его для сдерживания распространения инфекции?», от 1 до 10, где 10 — «Абсолютно недопустимо». Отметим, что поскольку опрос проходил в 2024 г., мы оценивали уже не столько поведение в момент пандемии, сколько отношение к важности соблюдения мер самоизоляции, которое сложилось у жителей России по итогу пандемии.

4) Результаты контролируются на широкий спектр социально-демографических и контекстуальных характеристик — пол, возраст, образование, доход, семейное положение, наличие детей разного возраста, тип населённого пункта, религиозную активность, ипотечную нагрузку, привычки медиапотребления и субъективную оценку местной коррупции. В моделях используются фиксированные эффекты по регионам и кластеризация стандартных ошибок на уровне региона. Основные описательные статистики для переменных, используемых в моделях, представлены в Приложении.

В результате мы строим следующую регрессионную модель:

$$y_{ir} = \beta_0 + \beta_1 IQ_{ir} + \beta_2 Trust_{ir} + \beta_3 IQ_{ir} * Trust_{ir} + Control_{ir} + \delta_r + \varepsilon_{ir},$$

где y_i — оценка недопустимости нарушения режима самоизоляции (от 1 до 10) в регионе r для индивида i , β_0 — константа, β_1 и β_2 — коэффициенты регрессии при переменных, IQ_{ir} — индекс оценки качества формальных институтов, $Trust_{ir}$ — бинарная переменная для обобщённого доверия (где 1 — «большинству можно доверять»). $Control_{ir}$ — вектор

¹ Вопросы звучали следующим образом: «Пожалуйста, оцените качество следующих услуг в Вашем городе / населённом пункте»: «Государственное здравоохранение», «Полиция / охрана общественного порядка», «Судебная система». 1 — очень плохое, 10 — очень хорошее. Для создания индекса каждая переменная делилась на 10, а затем считалось среднее. Итоговый индекс качества формальных институтов принимает значения от 0,1 до 1.

социально-демографических и контекстуальных контролей (пол, возраст, образование, доход, семья, дети, религиозность, медиапотребление, наличие ипотеки). δ_r — фиксированные эффекты для региона, ε_{ir} — случайная ошибка. Стандартные ошибки кластеризованы на уровне региона. Базовая модель опускает эффект взаимодействия $\beta_3 IQ_{ir} * Trust_{ir}$.

Результаты

Основные результаты исследования представлены в таблице 1, в которой Модель 1 представляет базовый уровень значимости переменных, а Модель 2 оценивает взаимодействие доверия и качества формальных институтов.

Таблица 1

Регрессионная модель OLS — Недопустимость нарушения изоляции в период COVID-19 (1-10)

	Модель 1	Модель 2
IQ (Качество формальных институтов)	1,105*** (0,140)	0,904*** (0,160)
Trust (Обобщённое доверие)	−0,038 (0,075)	−0,779** (0,244)
IQ × Trust		1,243** (0,389)
Контрольные переменные		
Женщины	0,649*** (0,059)	0,652*** (0,059)
Возраст	0,007 (0,003)	0,007* (0,003)
Образование: среднее профессиональное	0,146 (0,115)	0,146 (0,114)
Образование: высшее	0,247* (0,123)	0,245. (0,123)
Уровень дохода (1-4)	0,068 (0,043)	0,067 (0,043)
В браке или живет с партнёром	0,010 (0,067)	0,008 (0,066)
Есть дети до 10 лет	−0,062 (0,064)	−0,058 (0,064)
Есть дети старше 10 лет	−0,005 (0,062)	−0,004 (0,062)
Часто ходит в церковь	0,137. (0,077)	0,128 (0,077)
Оценка проблемы коррупции в регионе	0,036* (0,016)	0,035* (0,016)
Избегает новостей	−0,024* (0,011)	−0,025* (0,010)
Есть ипотека	0,075 (0,089)	0,076 (0,088)
Размер населенного пункта	Да	Да
Фиксированные эффекты (регион)	Да	Да
Количество наблюдений	10696	10696
R ²	0,025	0,026
R ² Adj.	0,018	0,019

Примечание: $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Стандартные ошибки кластеризируются на уровне региона.

Источник: составлено автором.

Модель 1 показывает, что люди, которые выше оценивают качество формальных институтов в своём городе, чаще считают, что нарушение режима самоизоляции недопустимо. При этом уровень обобщённого доверия сам по себе никак не воздействует на отношение населения к норме соблюдения самоизоляции. Среди социально-демографических характеристик на уровне 5% значимы пол и образование — чаще о необходимости соблюдения правил говорят женщины с высшим образованием. Модель 2, а также рис. 1 показывают эффект взаимодействия между уровнем обобщённого доверия и оценкой качества институтов. Мы видим, что при качестве формальных институтов выше 0.63, обобщённое доверие выступает катализатором. Однако при низком качестве институтов наблюдается отрицательный эффект, что позволяет предположить эффект замещения². Если человек одновременно оценивает качество формальных институтов как высокое, а также доверяет окружающим людям, то он будет относиться к требованию о соблюдении режима самоизоляции более серьёзно. И наоборот — в условиях низкого доверия и плохого качества формальных институтов человек будет более толерантно относиться к нарушению режима самоизоляции.

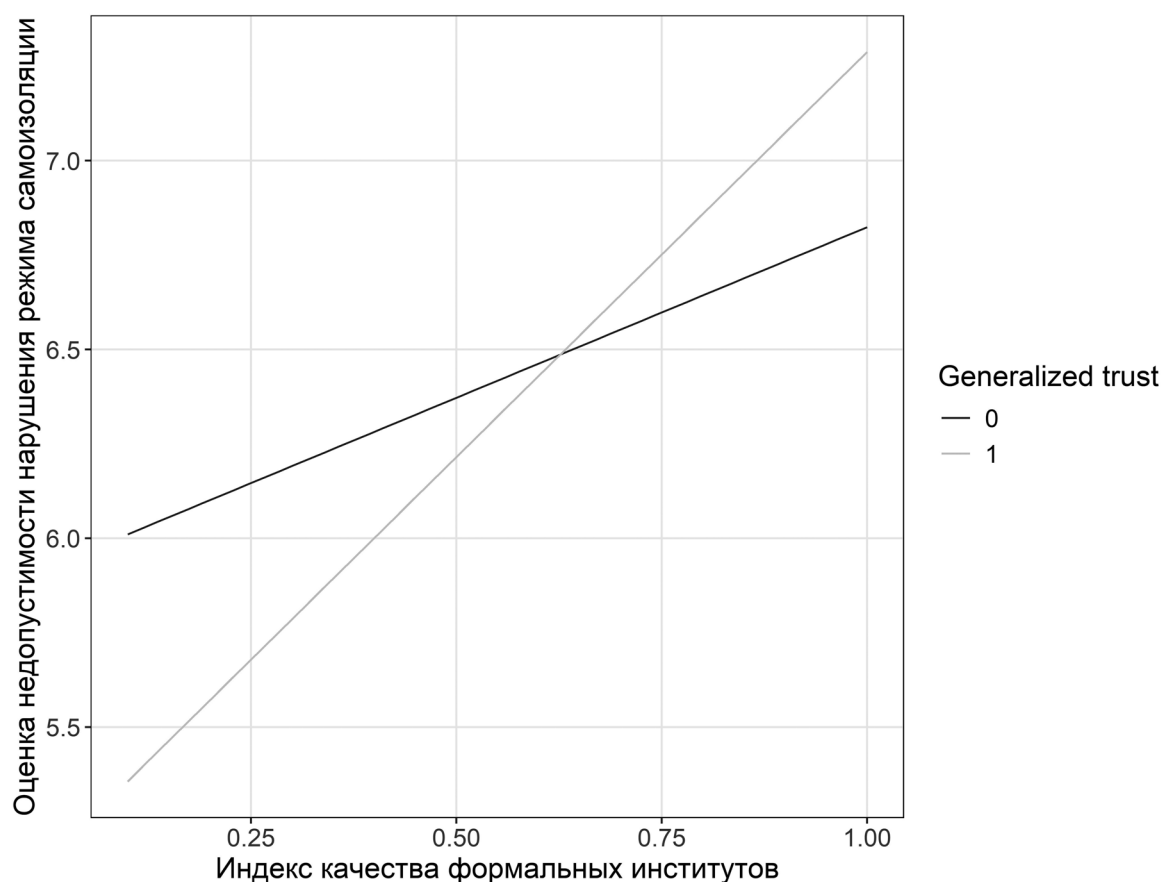

Рис 1. Взаимодействие обобщённого доверия и качества институтов при влиянии на норму соблюдения режима самоизоляции

Источник: составлено автором.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов важно отметить, что исследование имеет методологические ограничения. Во-первых, субъективные оценки качества институтов и доверия подвержены смещениям (как отмечено в [Knack, Keefer, 1997; Zak, Knack, 2001]). Во-вторых, кросс-секционные данные не позволяют строго установить причинность, для установления которой требуется более сложный исследовательский дизайн

² Результаты воспроизводятся также в том случае, если мы построим логистическую регрессию, где в качестве зависимой переменной будет не ответ на 10-ти балльной шкале, а бинарный ответ (укрупнённый от 1 до 5 и от 5 и выше).

[Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009; Méon, Sekkat, 2015]. В-третьих, мы фокусируемся только на России, а также используем данные онлайн-опроса, что ограничивает потенциал для обобщения результатов, а также оставляет пространство для смещений. Несмотря на это, полученные результаты вносят вклад в научную литературу, позволяя сделать довольно чёткий и обоснованный выбор между двумя объяснительными моделями взаимодействия формальных и неформальных институтов.

Дискуссия и заключение

Полученные результаты подтверждают тезис о взаимном дополнении обобщённого доверия и развитых формальных институтов при соблюдении норм в кризисный период. В отличие от модели замещения, где недоверие усиливает спрос на регулирование, что, в свою очередь, снижает развитие доверия (как показали [Aghion, Algan, Cahuc, Shleifer, 2010] на данных по различным странам), и где институциональные провалы компенсируются социальным капиталом для снижения издержек беспорядка [Djankov et al., 2003], наши результаты говорят скорее о синергетическом эффекте: обобщённое доверие усиливает эффект качества институтов. Однако при низком качестве институтов высокое обобщённое доверие может снижать потребность в строгом регулировании.

Этот вывод согласуется с подходами, согласно которым равенство и беспристрастные институты формируют доверие (см. например: [Rothstein, Uslaner, 2005] и их аргумент про «всё для всех» через снижение коррупции), а универсальные институты благосостояния формируют социальный капитал [Kumlin, Rothstein, 2005]. При этом гражданский капитал усиливает экономическую устойчивость [Guiso et al., 2011]. Это особенно актуально для переходных экономик, подобных России, где формальные институты имеют провалы или находятся в стадии формирования [Borisova, Polishchuk, Peresetsky, 2014; Borisova, Govorun, Ivanov, 2017].

Теоретический вклад настоящего исследования — это новое эмпирическое подтверждение условности «чистых» эффектов доверия или формальных институтов. Мы показываем, что важно именно их взаимодействие. Можно предположить, что взаимодополняемость неформальных и формальных институтов доминирует при умеренном качестве последних. Эта работа также дополняет литературу, развивающую аргументы о нелинейности взаимосвязи, при которой вклад социального капитала в рост снижается в контексте сильных институтов [Ahlerup, Olsson, Yanagizawa, 2009; Méon, Sekkat, 2015].

Интересные выводы касаются механизмов: доверие не просто замещает, а стимулирует добровольное соблюдение норм, когда институты считаются надёжными (аналогичные результаты показали [Knack, Keefer, 1997; Zak, Knack, 2001]). В контексте COVID-19 это объясняет, почему страны и регионы с высоким доверием лучше справлялись с ограничениями [Bartscher et al., 2021; Bargain, Aminjonov, 2020, Sarracino et al., 2023], но при этом эффект растёт при сильных институтах, как показывают обзоры [Devine, Gaskell, Jennings, Stoker, 2021; Bol, Giani, Blais, Loewen, 2021]. Для России это исследование подчёркивает роль горизонтальных сетей в компенсации институциональных провалов [Paldam, Svendsen, 2001; Borisova, Govorun, Ivanov, Levina, 2018], но также указывает и на уязвимость: низкое социальное доверие может ослабить даже качественные меры государственной поддержки [Макушева, Нестик, 2020].

Практические рекомендации могут быть ориентированы на управление кризисами, подобными пандемии COVID-19. Во-первых, можно улучшать качество институтов через повышение прозрачности и эффективность услуг, что напрямую повысит соблюдение правил (как показано в [Kumlin, Rothstein, 2005; Helliwell, Huang, Wang, 2014]). Во-вторых, можно инвестировать в развитие социального капитала через кампании по укреплению доверия (например, информационные инициативы), по аналогии с успешными международными

кейсами [Borgonovi, Andrieu, 2020; Bai, Du, Jin, Wan, 2020; Chen, Peng, Rieger, Wang, 2021]. При этом, безусловно, следует отметить, что формирование доверия — очень длительный и сложный процесс. В-третьих, крайне важно учитывать взаимодействие этих двух факторов. Например, в регионах с низким доверием следует фокусироваться на институциональных реформах; в доверяющих — на вовлечении локальных сообществ [Annen, 2013; Pitas, Ehmer, 2020; Wu, 2021], которое может катализировать эффекты формальных институтов. Подобные меры [Xue, Reed, Menclova, 2020; Alesina, Giuliano, 2015] могут снизить уязвимость к будущим кризисам и повысить устойчивость [Romano et al., 2021; Besley, Dray, 2021].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описательная статистика

	N	Mean	SD	Min	P25	P50	P75	Max
Недопустимость нарушения самоизоляции (1–10)	11495	6,18	3,05	1,00	5,00	6,00	9,00	10,00
Индекс качества формальных институтов	11495	0,54	0,21	0,10	0,40	0,53	0,67	1,00
Обобщённое доверие	10696	0,17	0,38	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00
Пол	11533	0,52	0,50	0,00	0,00	1,00	1,00	1,00
Возраст	11533	41,51	9,64	3,00	35,00	41,00	48,00	90,00
Оценка уровня дохода	11495	2,46	0,79	1,00	2,00	2,00	3,00	4,00
В браке или с партнёром	11700	0,66	0,47	0,00	0,00	1,00	1,00	1,00
Дети до 10 лет	11700	0,47	0,50	0,00	0,00	0,00	1,00	1,00
Дети старше 10 лет	11700	0,53	0,50	0,00	0,00	1,00	1,00	1,00
Часто ходят в церковь	11495	0,16	0,37	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00
Оценка коррупции в регионе (1–10)	11495	5,97	2,19	1,00	5,00	5,00	7,00	10,00
Стараются избегать новостей (1–10)	11495	3,96	3,20	1,00	1,00	3,00	6,00	10,00
Есть ипотека	11700	0,14	0,35	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00

Категориальные переменные

		N	Percent
Уровень образования	Начальное / Среднее общее	1187	10,15
	Среднее специальное	3568	30,50
	Высшее +	6740	57,61
Размер населённого пункта	Деревня / малый город	2987	25,53
	Город до 249 тыс.	2185	18,68
	Город до 500 тыс.	2425	20,73
	Город до 1 млн	1369	11,70
	Город от 1 млн	2734	23,37

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Макушева М.О., Нестик Т.А. (2020). Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии [Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020). Social and psychological prerequisites and effects of trust in social institutions in a pandemic] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №6. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770.
- Ahlerup P., Olsson O., Yanagizawa D. (2009). Social capital vs institutions in the growth process // *European Journal of Political Economy*. Vol. 25. No. 1. Pp. 1–14.
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010). Regulation and Distrust // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 125. No. 3. Pp. 1015–1049. DOI: 10.1162/qjec.2010.125.3.1015.
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
- Annen K. (2013). Social capital as a substitute for formality: Evidence from Bolivia // *European Journal of Political Economy*. Vol. 31. Pp. 82–92. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.04.002.
- Bai J. (Jianqiu), Du S., Jin W., Wan C. (2020). *The Impact of Social Capital on Individual Responses to COVID-19 Pandemic: Evidence from Social Distancing*. — Rochester, NY: Social Science Research Network. DOI: 10.2139/ssrn.3609001.
- Bargain O., Aminjonov U. (2020). Trust and compliance to public health policies in times of COVID-19 // *Journal of Public Economics*. Vol. 192. Pp. 104–316. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2020.104316.
- Bartscher A.K., Seitz S., Siegloch S., Slotwinski M., Wehrhöfer N. (2021). Social capital and the spread of COVID-19: Insights from European countries // *Journal of Health Economics*. Vol. 80. Pp. 102–531. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2021.102531.
- Bénabou R., Tirole J. (2011). *Laws and Norms* / National Bureau of Economic Research. Working Papers. No. 17579.
- Besley T., Dray S. (2021). Institutions, Trust and Responsiveness: Patterns of Government and Private Action During the COVID-19 Pandemic // *LSE Public Policy Review*. Vol. 1. No. 4. DOI: 10.31389/lseppr.30.
- Bjørnskov C. (2008). Social Trust and Fractionalization: A Possible Reinterpretation // *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 3. Pp. 271–283. DOI: 10.1093/esr/jcn004.
- Bol D., Giani M., Blais A., Loewen P. J. (2021). The effect of COVID-19 lockdowns on political support: Some good news for democracy? // *European Journal of Political Research*. Vol. 60. No. 2. Pp. 497–505. DOI: 10.1111/1475-6765.12401.
- Borgonovi F., Andrieu E. (2020). Bowling together by bowling alone: Social capital and COVID-19 // *Social Science & Medicine*. Vol. 265. Pp. 113–501. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113501.
- Borisova E., Polishchuk L., Peresetsky A. (2014). Collective management of residential housing in Russia: The importance of being social // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 42. No. 3. Pp. 609–629.
- Borisova E., Govorun A., Ivanov D. (2017). Social capital and support for the welfare state in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. No. 5. Pp. 411–429. DOI: 10.1080/1060586X.2017.1348588.
- Borisova E., Govorun A., Ivanov D., Levina I. (2018). Social capital and preferences for redistribution to target groups // *European Journal of Political Economy*. Vol. 54. Pp. 56–67. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2018.05.006.
- Borisova E., Smyth R., Zakharov A. (2024). Autocratic Policy and the Accumulation of Social Capital: The Moscow Housing Renovation Program // *American Political Science Review*. Vol. 118. No. 3. Pp. 1110–1130. DOI: 10.1017/S0003055423000941.
- Chen D., Peng D., Rieger M.O., Wang M. (2021). Institutional and cultural determinants of speed of government responses during COVID-19 pandemic // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 8. No. 1. Pp. 171. DOI: 10.1057/s41599-021-00844-4.
- Coleman J.S. (1990). *Foundations of Social Theory*. — Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Daniele G., Martinangeli A. F. M., Passarelli F., Sas W., Windsteiger L. (2020). *Wind of Change? Experimental Survey Evidence on the COVID-19 Shock and Socio-Political Attitudes in Europe*. — Munich: CESifo. (CESifo Working Paper; no. 8517). DOI: 10.2139/ssrn.3671674.
- Devine D., Gaskell J., Jennings W., Stoker G. (2021). Trust and the Coronavirus Pandemic: What are the Consequences of and for Trust? An Early Review of the Literature // *Political Studies Review*. Vol. 19. No. 2. Pp. 274–285. DOI: 10.1177/1478929920948684.
- Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2003). The new comparative economics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. No. 4. Pp. 595–619. DOI: 10.1016/j.jce.2003.08.005.
- Fukuyama F. (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity: The New Foundations of Global Prosperity*. — New York: The Free Press.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2011). Civic capital as the missing link // *Handbook of Social Economics*. Pp. 417–480.
- Helliwell J. F., Huang H., Wang S. (2014). Social Capital and Well-Being in Times of Crisis // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 145–162. DOI: 10.1007/s10902-013-9441-z.
- Helmke G., Levitsky S. (2004). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. Vol. 2. No. 4. Pp. 725–740.
- Knack S., Keefer P. (1997). Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. No. 4. Pp. 1251–1288. DOI: 10.1162/003355300555475.

- Kumlin S., Rothstein B. (2005). Making and Breaking Social Capital: The Impact of Welfare-State Institutions // *Comparative Political Studies*. Vol. 38. No. 4. Pp. 339–365. DOI: 10.1177/0010414004273203.
- Makridis C.A., Wu C. (2021). How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic // *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 1. P. e0245135. DOI: 10.1371/journal.pone.0245135.
- Méon P.-G., Sekkat K. (2015). The formal and informal institutional framework of capital accumulation // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43. No. 3. Pp. 754–771.
- North D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Paldam M., Svendsen G. (2001). Missing social capital and the transition in Eastern Europe // Written for *Journal of institutional innovation, development and transition*. Vol. 5. Pp. 21–34.
- Pitas N., Ehmer C. (2020). Social capital in the response to COVID-19 // *American journal of health promotion: AJHP*. Vol. 34. No. 8. Pp. 942–944. DOI: 10.1177/0890117120924531.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Romano A., Spadaro G., Balliet D., Joireman J., Van Lissa C., Jin S., Agostini M., Bélanger J. J., Gützkow B., Kreienkamp J., Leander N. P. (2021). Cooperation and Trust Across Societies During the COVID-19 Pandemic // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 52. No. 7. Pp. 622–642. DOI: 10.1177/0022022120988913.
- Rothstein B., Uslaner E.M. (2005). All for All: Equality, Corruption, and Social Trust // *World Politics*. Vol. 58. No. 1. Pp. 41–72. DOI: 10.1353/wp.2006.0022.
- Sarracino F., Greyling T., O'Connor K., Peroni C., Rossouw S. (2023). *Trust Predicts Compliance with Covid-19 Containment Policies: Evidence from Ten Countries Using Big Data*. — Rochester, NY: Social Science Research Network. DOI: 10.2139/ssrn.4590902.
- Weingast B.R. (1997). The Political Foundations of Democracy and the Rule of the Law // *American Political Science Review*. Vol. 91. No. 2. Pp. 245–263. DOI: 10.2307/2952354.
- Wu C. (2021). Social capital and COVID-19: a multidimensional and multilevel approach // *Chinese Sociological Review*. Vol. 53. No. 1. Pp. 27–54.
- Xue X., Reed W.R., Menclova A. (2020). Social capital and health: a meta-analysis // *Journal of Health Economics*. Vol. 72. Pp. 102317. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2020.102317.
- Zak P.J., Knack S. (2001). Trust and Growth // *The Economic Journal*. Vol. 111. No. 470. Pp. 295–321. DOI: 10.1111/1468-0297.00609.

Казун Антон Павлович

akazun@hse.ru

Anton Kazun

PhD (Sociology), Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Assistant Professor at the Department of Applied Economics, HSE University (Moscow)

akazun@hse.ru

BOTH TRUST AND LAW: HOW SOCIAL CAPITAL AND FORMAL INSTITUTIONS INFLUENCE COMPLIANCE WITH COVID RESTRICTIONS

Abstract. This article analyzes the interaction between social capital and formal institutions in the context of compliance with restrictive measures during the COVID-19 pandemic in Russia. Developing a theoretical framework based on concepts of social capital and institutional economics, the study tests hypotheses regarding the substitution or complementarity of these mechanisms. Drawing on data from the online survey “RoCIRR 2” (more than 10,000 respondents from 61 regions of Russia in 2024), it examines the influence of generalized interpersonal trust and subjective assessments of the quality of public services (healthcare, police, courts) on the population’s degree of intolerance to violations of the self-isolation regime. Hypotheses are formulated about the positive effect of institutional quality and trust, as well as their interaction as substitution or mutual reinforcement. OLS models with fixed regional effects and controls show that trust has no independent effect but enhances the influence of institutional quality at high assessments. At low institutional quality, trust reduces the need for regulation. The results contribute to understanding the role of informal norms under conditions of moderately developed formal institutions, which are characteristic of Russia. The conclusions have implications for policies aimed at increasing the population’s readiness to follow government directives in crises, emphasizing the need to strengthen both trust and formal institutions.

Keywords: social capital, formal institutions, trust, COVID-19, norm compliance.

JEL: Z13, I12, O17, P37.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Н. Титов

д.э.н, ведущий научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

Д.М. Логинов

к.э.н., старший научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ¹

Аннотация. В статье на концептуально-теоретическом уровне и на уровне эмпирически подтвержденной исследовательской практики рассматриваются механизмы влияния, которое способно оказать развитие социального капитала на субъективное благополучие. Актуальность исследования определяется важностью повышения и поддержания приемлемого уровня субъективного благополучия для различных социальных групп и населения в целом. Таким образом, выявление и анализ факторов, способствующих позитивной социально-экономической динамике, представляются значимыми не только с точки зрения развития исследовательского дискурса, но и в контексте продуктивного развития страны. Субъективное благополучие рассмотрено как категория исследований качества жизни, позволяющая преодолеть ограничения объективных параметров оценки благосостояния, сфокусировав внимание на человеческих потребностях и степени их удовлетворенности. Социальный капитал проанализирован в качестве ресурса исключительной общественной значимости, поскольку его действие важно как для укрепления социальной общности, так и для повышения эффективности взаимодействий самой разной природы. Значительный социальный капитал способствует повышению субъективного благополучия, а также выступает барьером для негативной динамики удовлетворенности жизнью. Особую значимость влияние социального капитала на субъективное благополучие приобретает в периоды турбулентности, когда для населения актуализируются задачи преодоления разнообразных шоков.

Ключевые слова: субъективное благополучие, благополучие, социальный капитал, качество жизни, социальные взаимодействия, доверие, население.

JEL: A13, I31, Z13

УДК: 331.44, 334.01, 316.35

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_144_157

© В.Н. Титов, Д.М. Логинов, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Титов В.Н., Логинов Д.М. Влияние социального капитала на субъективное благополучие // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_144_157.

FOR CITATION: Titov V., Loginov D. The Influence of Social Capital on Subjective Well-Being // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_144_157.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Введение

Характеристики субъективного благополучия, т.е. оценки людьми своего уровня и качества жизни, уверенно утвердились в качестве одного из базисов академического и общественного дискурса, посвящённого социально-экономическому положению населения.

Концепт «благополучия» традиционно берётся за основу разработки и реализации государственной социальной политики, а показатели благополучия населения выступают важным индикатором оценки её результативности как в актуальный временной период, так и в динамике. В нашей стране решение задач повышения уровня и качества жизни традиционно находится в фокусе государственного стратегического планирования¹, а различные аспекты субъективного благополучия входят в круг исследовательского внимания [Горшков, 2024; Аникин, Нагерняк, Воронина, 2024; Скачкова, Клименко, Герасимова, Кривошеева-Медянцева, 2024; Сушко, 2024; Дудин, Тихонова, 2024; Мареева, 2018; Антипина, Миклашевская, Орлова, 2025]. При этом сложившаяся исследовательская традиция в отношении измерения характеристик благополучия предполагает рассмотрение двух его категорий — объективное и субъективное. Если первая категория посвящена измерению неких объективных характеристик, определяющих уровень и качество жизни индивида (доход, образование, здоровье, занятость и т.п.), то субъективное благополучие основано на оценке достигнутых им уровня и качества жизни, а также на удовлетворённости статусом и условиями жизнедеятельности.

Комиссия по измерению экономической эффективности и социального прогресса («Комиссия Стиглица») в своих основных рекомендациях пришла к выводу, что показатели субъективного благополучия предоставляют ключевую информацию о качестве жизни людей [Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009]. Это особо подчёркивает важность достижения и поддержания его приемлемого уровня — как в обществе в целом, так и в составе различных социальных групп. При этом важно подчеркнуть, что на субъективное благополучие влияет сложная совокупность факторов и условий, изучение которых представляется актуальной задачей для академического сообщества. Предметом нашего исследования в данном контексте является рассмотрение связи между субъективным благополучием и социальным капиталом.

Субъективное благополучие: концептуально-теоретическое обоснование и индикаторы оценки

Рассмотрение субъективного благополучия — часть широкой академической области исследований социальных показателей уровня и качества жизни, в рамках которых, начиная с 60-70-х гг. прошлого века, разрабатываются теоретические модели и проводятся эмпирические измерения факторов и динамики человеческого благополучия.

Исследование качества жизни — это междисциплинарная попытка научно измерить благосостояние отдельных лиц, регионов и обществ [Glatzer, 2004]. Исторически внимание к качеству жизни было вызвано необходимостью изучать прогресс в более широком смысле по сравнению с достаточно тривиальным анализом валового внутреннего продукта (ВВП) стран. Предположение, лежащее в основе использования ВВП для оценки благосостояния, заключается в том, что чем выше этот показатель, тем лучше люди способны удовлетворить свои потребности. Однако показатель ВВП не учитывает многие важные факторы (такие, например, как распределение доходов, неравенство в обществе, возможности

¹ См, например, Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 01.09.2025).

удовлетворения разнообразных потребностей за счёт имеющихся доходов и т.п.). Выступая действенным показателем для оценки рыночной экономической активности и создания богатства, он не вполне подходит для оценки благосостояния членов общества и их субъективного благополучия. Начиная со второй половины XX в., исследовательское внимание стало в большей степени смещаться в сторону определения показателей, позволяющих обеспечить целостное измерение качества жизни [Felce, Perry, 1993].

Традиция исследования благосостояния на основе объективных показателей утверждает, что высокий уровень жизни определяется такими ресурсами, как доход, богатство, знания, навыки и здоровье. Представители традиции, предпочитающей субъективные параметры, склоняются к мысли о том, что качество жизни должно оцениваться самими людьми [Campbell, 1972]. Примеры индикаторов, используемых в рамках этих двух направлений оценки благополучия, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Объективные и субъективные социальные показатели

Объективные социальные показатели	Субъективные социальные показатели
Ожидаемая продолжительность жизни	Чувство общности
Уровень преступности	Материальные блага
Уровень безработицы	Чувство безопасности
Валовой внутренний продукт	Счастье
Уровень бедности	Удовлетворённость «жизнью в целом»
Охват школьным образованием	Отношения в семье
Фактическое рабочее время в неделю	Удовлетворение от работы
Уровень самоубийств	Восприятие распределительной справедливости
	Идентификация класса
	Хобби

Источник: составлено авторами.

При построении индексов благополучия используются либо обособленный подход с точки зрения объективного или субъективного благополучия, либо комбинация двух этих оснований. Так, моделью реализации подхода объективного благополучия может быть индекс скорректированного ВВП, когда к национальному доходу добавляют или вычитают соответствующие факторы: такие как здоровье, образование, неравенство (Австралийский Индекс благополучия HALE) [The Herald/Age, 2011]. Комбинированный подход представлен, например, Индексом лучшей жизни ОЭСР [OECD, 2015], который рассчитывается по одиннадцати параметрам, характеризующим благополучие с точки зрения материальных условий (жилищные, доходные, трудовые) и качества жизни (общество, образование, экология, гражданские права, здоровье, удовлетворённость, безопасность, баланс работа/отдых). Примером интегральной оценки в субъективном выражении выступает Глобальный индекс благополучия Gallup-Healthways, он включает пять основных аспектов: успех, социальное, финансовое, физическое и общественное положение [Gallup, Healthways, 2014].

Объективные показатели по-прежнему широко признаются более точной основой при принятии политических решений. Например, в рамках Организации Объединённых Наций разработан Индекс человеческого развития, состоящий из показателей дохода, образования и здравоохранения, который применяется для сравнительной межстрановой оценки. Однако использование объективных измерений для оценки качества жизни требует консенсуса в обществе относительно понятия «общего блага». Но данный консенсус может оказаться недостижимым, особенно если идея «хорошего общества» становится вопросом политического и идеологического дискурсов. В результате ограничений, характеризующих

объективные показатели качества жизни, всё большее число исследователей обращаются к категории субъективного благополучия.

Факторы, влияющие на субъективное благополучие, как можно предполагать, в разных культурах и странах достаточно схожи [Helliwell, Huang, Harris, 2009]. Существует большое количество эмпирических разработок, посвящённых факторам, коррелирующим с общепризнанным уровнем благополучия и счастья. Во многих исследованиях соответствующие детерминанты изучаются путём проведения многомерного анализа социально-экономических характеристик (объясняющие переменные) и субъективного благополучия (зависимая переменная) [Dolan, Peasgood, White, 2008]. В качестве таких переменных, связанных с субъективным благополучием, выделяется широкий круг факторов: возраст, уровень дохода, состояние здоровья, семейное положение, статус занятости, религиозные верования, наличие в домохозяйстве несовершеннолетних детей, уровень образования и др.

Социальный капитал как общественно значимая конструкция

Исследования общественных отношений, по своей сути близких к социальному капиталу, имеют давнюю историю. Так, Э. Дюркгейм, исследуя связь между социальной сплочённостью и жизненными практиками, сделал вывод о том, что «взаимная моральная поддержка» может быть эффективным фактором, удерживающим людей от совершения самоубийства [Дюркгейм, 1994].

На терминологическом уровне социальный капитал вошёл в социальные науки в 80-е годы прошлого века, став привлекательным для социологов, политологов и экономистов. Концепция социального капитала имеет два важных компонента: она рассматривает, во-первых, ресурсы, встроенные в социальные отношения, а, во-вторых, доступ и использование таких ресурсов, принадлежащих акторам. Индивидуалистический взгляд на ресурсную значимость социального капитала был развит П. Бурдье [Бурдье, 2002] и Дж. Коулманом [Coleman, 1990]. В данном случае исследовательский фокус направлен на ресурсы, которые индивидуумы накапливают в результате своего членства в социальных сетях. Таким образом, П. Бурдье определил социальный капитал как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием прочной сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания. Дж. Коулман предлагал схожее определение. По его мнению, «социальный капитал определяется его функцией. Это не одна сущность, а множество различных сущностей, имеющих две общие характеристики: все они состоят из какого-то аспекта социальной структуры и облегчают определённые действия индивидов, находящихся внутри этой структуры. Как и другие формы капитала, социальный капитал является продуктивным, делая возможным достижение определённых целей, которые были бы недостижимы в его отсутствие» [Coleman, 1990. Р. 332]. Н. Лин даёт индивидуалистическое определение социальному капиталу, описывая его как ресурсы, встроенные в социальную структуру, к которым осуществляется доступ и которые мобилизуются в целенаправленных действиях, или просто как «ресурсы, встроенные в социальные сети» [Lin, Erickson, 2008].

Р. Патнэм расширяет понимание социального капитала до уровня общественного блага, которое можно рассматривать на уровне не только отдельных индивидов, но и групп, регионов или нации. В определение включаются связи между людьми — социальные сети, и вытекающие из них нормы взаимности и доверия [Putnam, 2000]. Следовательно, рассматриваемая категория относится к коллективной ценности всех «социальных сетей» и к возможностям, достижимым в результате их использования. Социальный капитал относится к особенностям организации сообщества, таким как доверие, нормы и сети, которые могут повысить эффективность вследствие осуществления скоординированных действий [Патнэм, 1996].

Р. Флорида, сопоставляя свой рейтинг креативности и рейтинг социального капитала Патнэма, отметил одну особенность в анализе последнего. Оказалось, что у него города с высоким уровнем социального капитала имеют низкие уровни креативности и наоборот. Например, в нижней части рейтинга Патнэма оказались такие инновационные центры, как Силиконовая долина, Остин, Боулдер, Анн Арбор. Флорида считал, что ослабленные социальные связи в городах таких центров оказываются ключевым механизмом мобилизации ресурсов, идей и информации при решении различных инновационных проблем [Florida, 2002]. Однако эти идеи, равно как и некоторые мысли Патнэма, опроверг Р. Инглхарт, напомнивший, что разным этапам развития соответствуют разные типы социальных связей. «Скрепляющие» связи свойственны индустриальному этапу социально-экономического развития с более низким уровнем жизни и соответствующим ему превалированием ценностей выживания. А связи, «наводящие мосты» между представителями разных групп, присущи более высокому уровню развития и господству ценностей самовыражения. «Социальный капитал в постиндустриальных странах не слабеет, а просто принимает иную форму» [Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 211]².

В итоге в теоретической литературе социальный капитал подразделяется на различные подтипы. Под «связывающим» понимаются сети, нормы и договорённости, которые облегчают совместную деятельность внутри однородных групп, а «соединяющий» включает связи между различными группами и общностями [Helliwell, 2001]. Связывающий социальный капитал (bonding) можно образно обозначить как некий «клей», скрепляющий общность на основе идентичности, норм и ценностей, тогда как соединяющий (bridging) подобен «смазке», облегчающей взаимодействия и отношения между группами. Эти две разновидности характеризуют горизонтальные отношения в общественных образованиях. Однако в некоторых исследованиях предлагается также вертикальное измерение социального капитала, и данный подтип описывает связи между людьми, обладающими неравной властью и ресурсами [Halpern, 2005].

В ходе исследований прослеживается также различие между структурным и когнитивным аспектами социального капитала. Структурный аспект описывает членство и участие в сетях (разделяясь при этом на формальные и неформальные связи), тогда как когнитивный реализуется в форме межличностного доверия.

Все определения социального капитала рассматривают его как ресурс, находящийся в общественных сетях. Однако можно провести различие между «сетевым» взглядом, когда социальный капитал рассматривается как индивидуальный ресурс, имеющий инструментальную ценность, и «коммунитарным» восприятием, при котором внимание уделяется атрибутам, присущим структуре отношений (общественному благу) [Yip et al., 2006]. Так, П. Бурдье и Дж. Коулман подчёркивали «рыночную» сторону термина социальный капитал, тогда как Р. Патнэм — «социальную».

Большинство исследователей солидарно в том, что рассматриваемый ресурс является одновременно и частным, и коллективным благом, т. е. выгоду от него получают как отдельные люди, так и сообщества (в том числе, и страны) в целом. Попытки объединения различных форм и определений социального капитала в единую концептуальную рамку привели к обоснованию рассмотрения данной категории на уровне трёх измерений: компоненты (сети, нормы, санкции), уровни анализа (индивидуальный, сообщество, нация) и характер (связь, связывание) [Halpern, 2005].

² В период создания центра «Сколково» как отечественной Силиконовой долины одну из проблем, встающих на этом пути, отметил М. Грановеттер. Успех Силиконовой долины во многом был обусловлен тем, что она создавалась «снизу», рядом с университетами, занимающимися естественно-научными и технологическими исследованиями, в соответствующей социальной среде, соединяющей её обитателей. Для Сколково этот фактор отсутствовал [Плискевич, 2012. С.20].

Сложились определённые методологические подходы к измерению социального капитала. Так, Р. Патнэм интерпретировал его через интенсивность участия в общественной и организационной жизни, волонтерство, неформальное общение и межличностное доверие в рамках соответствующих групповых образований. В результате в ряде исследований членство в общественной организации было выбрано в качестве основного индикатора [Li, Ferraro, 2006]. Важно отметить, что членство на основе межличностного доверия должно быть дополнено таким показателем, как интенсивность участия [Bjørnskov, 2008]. При этом доверие, выступая «сильным эмпирическим показателем социального капитала», может быть как следствием, так и фактором часто используемых сетей.

Положительное представление о социальном капитале как о ключевом факторе, способствующем развитию сообществ, обоснованно дополняется важными замечаниями, подчёркивающими его потенциально неоднозначную роль. В рамках «сетевого подхода» отмечается, что социальный капитал может приводить как к функциональным, конструктивным, так и к негативным последствиям: посредством социальных связей способно распространяться не только счастье, но и несчастье. При этом склонность к счастью выше в центре социальных сетей, чем на их периферии [Fowler, Christakis, 2008]. Кроме того, хотя социальный капитал, безусловно, предоставляет людям ценный доступ к ресурсам, он также способен оказывать на них определённое групповое давление, налагая обязательства, которые могут оказаться затруднительными или даже трудновыполнимыми. В частности, отмечаются четыре потенциально негативных последствия развития социального капитала: исключение посторонних, чрезмерные требования к членам сообщества, ограничения индивидуальной свободы и нивелирующие нормы [Portes, 1998].

При том, что значительная роль в результативности развития социального капитала принадлежит отдельной личности, ряд важных негативных особенностей способны ощущаться не самими акторами, а обществом, частью которого они являются. В частности, члены групп со значительным социальным капиталом могут исключить посторонних и объединиться в группы для достижения целей, которые наносят ущерб окружающим. Примерами подобных сплочённых групп, оказывающих негативное влияние на окружающих, являются не только мафиозные и антиобщественные сетевые образования. Картельные соглашения ухудшают общественное благосостояние, сложившиеся карьерные сети выступают дополнительным барьером социальной мобильности для молодых специалистов, а религиозные группы могут разделять сообщества [Фукуяма, 2004].

Р. Патнэм подвел итог дискуссии об указанных последствиях развития социального капитала. С его точки зрения, социальный капитал может быть направлен на злонамеренные, антисоциальные цели, как и любая другая форма капитала. А потому важно задаться вопросом, каким образом можно максимизировать положительную сторону его воздействия. Среди перечисляемых им направлений в этой сфере называются взаимный прогресс, сотрудничество, доверие, институциональная эффективность. Минимизации негативных сторон способствует преодоление сектантства, этноцентризма и коррупции [Putnam, 2000].

Механизмы влияния социального капитала на социальное благополучие

Результаты концептуальных и эмпирических разработок подтверждают, что социальный капитал является источником моральной поддержки и снижает негативные побочные эффекты модернизации, смягчая стрессы и генерируя чувство принадлежности, что позволяет членам сообществ повысить удовлетворённость жизнью. Социальная вовлечённость, очевидно, помогает людям справляться с проблемами отчуждения и изоляции, способствующими возникновению значимых социальных деприваций. Основываясь на разработках Э. Дюркгейма, можно постулировать, что чрезмерная индивидуализация

провоцирует замену тесных связей «рыхлыми сетями» взаимодействий. Отсутствие функционирующих горизонтальных связей чревато «аномией» [Дюркгейм, 1994], и в результате люди испытывают когнитивный диссонанс и неудовлетворённость жизнью.

Идеи Э. Дюркгейма продолжают вдохновлять современных исследователей, которые указывают, что происходящие процессы индивидуализации сопровождаются «ослаблением сетей». Таким образом, сокращение личных контактов приводит к отчуждению и уменьшению доверия между людьми, что способствует снижению чувства общности и ощущения совместной цели, стимулируя состояние неблагополучия. Можно сделать вывод о том, что благополучие людей во многом зависит от того, удастся ли поддерживать и развивать эффективные механизмы социального участия и интеграции. Территории и страны со значительным уровнем социального капитала становятся средами с более высоким субъективным благополучием в том числе потому, что люди в них более активно поддерживают друг друга.

Исследователи в области психологии подтверждают суждение, в соответствии с которым социальные отношения — значимый элемент человеческого благополучия [Donovan, Halpern, Sargeant, 2002]. Именно по этой причине социальная принадлежность является жизненно важной частью концептуальной иерархии потребностей А. Маслоу. В научных работах отмечается, что субъективное благополучие возрастает с увеличением количества партнёров доверительных коммуникаций [Powdthavee, 2008], а для повышения удовлетворённости жизнью люди нуждаются в поддерживающих, позитивных отношениях и ощущении социальной принадлежности.

Социальный капитал обычно рассматривается в научной литературе через инвестиции в социальные отношения, посредством которых люди получают доступ к ресурсам, встроенным в эти отношения, с целью увеличения ожидаемой выгоды. Когда люди инвестируют в социальные отношения, они могут затем получать вознаграждение в виде доступа к определённым благам, доступным через других членов сети [Lin, Erickson, 2008]. Механизм, с помощью которого ресурсы, встроенные в социальные сети, улучшают результаты действий участников взаимодействий, можно определить с помощью четырёх аспектов: информация, влияние, полномочия и подкрепление. По мнению Н. Лина, в конце причинно-следственной цепочки, следующей за описанными механизмами, стоят три типа «отдачи»: физическое здоровье, психическое здоровье и удовлетворённость жизнью [Lin, 2001]. Частое взаимодействие с другими людьми увеличивает шансы на получение поддержки и полезной информации. Кроме того, социальный капитал связан с выполнением нескольких ролей для людей, которые включены в те или иные социальные сети отношений. Его рост может положительно сказываться на субъективном благополучии за счёт доступа к ролевым привилегиям, безопасности, статусу, престижу и повышению чувства собственного достоинства [Morrow-Howell, Hong, Tang, 2009].

Доверие между людьми также сокращает транзакционные издержки в обществе и снижает сложность взаимодействий [Фукуяма, 2004]. Следовательно, способность доверять другим делает жизнь более продуктивной за счёт минимизации затрат на борьбу с риском и неопределённостью, позволяет людям лучше взаимодействовать, тем самым делая жизнь более безопасной и счастливой [Helliwell, Putnam, 2004]. Таким образом, высокие показатели доверия являются хорошим предиктором повышения уровня субъективного благополучия.

Ряд исследований, посвящённых взаимосвязи между социальным капиталом и субъективным благополучием, включают показатель межличностного доверия в число индикаторов качества социальных отношений. Так, количественные оценки взаимосвязи доверия на рабочем месте и субъективного благополучия свидетельствуют о том, что повышение на каждый пункт в рамках десятибалльной «доверительной» шкалы приводит к увеличению удовлетворённости жизнью [Helliwell, Huang, Harris, 2009]. Кроме того, сравнительно

высокое доверие к официальным институтам (государство, полиция, правовая система) положительно коррелирует с субъективным восприятием условий жизнедеятельности. Обнаружены значимые корреляции на индивидуальном уровне с оценками качества жизни для пяти отдельных показателей доверия: социальное доверие, доверие полиции, правовой системе, парламенту и политикам [Lelkes, 2006]. Исследования также свидетельствуют о том, что сообщества с высоким уровнем доверия демонстрируют большую устойчивость перед вызовами и рисками различной природы (например, потеря работы, ухудшение состояния здоровья, дискриминация и пр.).

Как отмечается, люди, которые активно вовлечены в практики волонтерства, характеризуются большими показателями счастья, чем те, кто не занимается подобной деятельностью [Borgonovi, 2008]. Предоставление неформального ухода или поддержки супругу, семье и друзьям приносит значительное внутренне вознаграждение и повышение субъективной удовлетворённости [Thomas, 2009]. В большинстве стран мира люди, которые жертвовали деньги на благотворительность, сообщали о более высоком уровне удовлетворённости жизнью, по сравнению с теми, кто этого не делал [Aknin, Dunn, Whillans, Grant, Norton, 2013].

Активная вовлечённость в решение социальных проблем (просоциальное поведение) способствует повышению субъективного благополучия благодаря ряду факторов. Во-первых, просоциальное поведение приносит наибольшую эмоциональную выгоду, когда оно способствует установлению социальных связей. Во-вторых, подобные действия также с большей вероятностью будут способствовать субъективному благополучию, когда данные поведенческие модели объясняются альтруистическими, а не эгоистическими мотивами. В-третьих, просоциальное поведение приводит к повышению субъективного благополучия в том случае, если это поведение обусловлено личным выбором, а не навязано извне. Кроме того, включённость в общественную проблематику положительно связана с субъективным благополучием в том случае, если актор знает и понимает, что оказывает реальную помощь конкретному лицу или группе.

Неформальные связи в рамках социального капитала (друзья, соседи и коллеги) могут обеспечить социальную поддержку в стрессовых ситуациях, возникающих из-за неблагоприятных жизненных событий. Люди часто вступают в социальные взаимодействия ради самореализации, для того чтобы их знали и понимали, а также с целью разделить личные устремления с единомышленниками. Реализация этих задач, очевидно, стимулирует повышение субъективного благополучия.

В ряде исследований изучалась важность неформального социального капитала, то есть тесных связей с друзьями, соседями и коллегами. В частности, Й. Ли приходит к выводу, что наличие подобных прочных связей положительно коррелирует с показателями счастья [Li, Ferraro, 2006]. Также отмечается, что время, проведённое с семьёй и друзьями, связано с более высоким уровнем положительных эмоций и снижением стрессовых состояний [Kahneman et al., 2004].

Хорошие социальные отношения, как свидетельствуют данные Всемирного исследования ценностей [Haller, Hadler, 2006], положительно связаны с такими переменными, как счастье и удовлетворённость жизнью. Тесные и близкие межличностные взаимодействия в значительной степени определяют положение на шкале субъективного благополучия. Например, среди пожилых людей неформальная социальная активность не только приводит к повышению удовлетворённости жизнью, но также снижает интенсивность симптомов депрессии, а подростки, которые хорошо интегрированы в дружеские сети, чаще характеризуются хорошим психическим здоровьем [Lelkes, 2006].

Прямая корреляция между характеристиками межличностного доверия и субъективного благополучия на уровне межстрановых сравнений прослеживается по результатам анализа данных Европейского исследования ценностей (EVS) [Inglehart, Rabier, 1986].

На основе регрессионного анализа данных «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey, WVS) по 32 странам можно подтвердить вывод о том, что, хотя показатели объективного благополучия страны (доход, экономическая стабильность, перспективы на будущее и другие важные характеристики), безусловно, влияют на удовлетворённость людей своей жизнью, связь между социальным капиталом и счастьем также оказывается чрезвычайно устойчивой и сильной [Bjørnskov, 2003]. В аналогичном анализе, характеризующем на данных WVS более 70 стран, установлено, что в более богатых государствах значение социального капитала для усреднённых национальных характеристик субъективного благополучия даже превышает роль некоторых объективных экономических параметров. Таким образом, как только доступ к материальным жизненным потребностям на общественном уровне оказывается приближенным к всеобъемлющему, качество межличностных отношений и связей приобретает всё большую значимость [Kroll, 2008].

Значимость социального капитала в условиях современной России

В современной российской практике проблематика социального капитала активно разрабатывается с начала 2000-х гг. В ходе достаточно многочисленных исследований подтверждено, что продуктивная включённость в систему социальных взаимодействий конвертируется в решение задач социально-экономической адаптации и вертикальной мобильности, а также входит в число факторов социальной стратификации и неравенства [Аврамова, Логинов, 2002; Радаев, 2003; Стрельникова, 2003; Виноградский, 2010; Немировский, Немировская, 2011; Полищук, 2011; Бинюкова, 2014; Иванов, Комаров, Павлов, Румянцев, 2014]. В последние годы, на фоне достаточно высокой турбулентности и кризисных проявлений различной природы, результаты проводимых исследований также подтверждают значение социального капитала в ресурсообеспеченности населения, возможностях сглаживания неравенства и выстраивания продуктивных моделей социально-экономического поведения в этих условиях [Каравай, 2021; Логинов, 2021; Каравай, 2023; Павленко, 2025].

Взаимосвязь социального капитала и субъективного благополучия в условиях актуального социально-экономического контекста мы рассмотрим на данных массового анкетного опроса, репрезентирующего население России в возрасте 18 лет и старше³, который был проведён Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2023 г. Социальные взаимодействия на индивидуальном уровне приобретают ресурсную значимость, когда могут быть «конвертированы» в достижение конкурентных преимуществ, замещение дефицита других ресурсов или увеличение их ликвидности. В этой связи социальный капитал может быть рассмотрен через анализ широты потенциально полезных социальных взаимодействий, т.е. через количество субъектных общественных групп, которые могут оказать помощь в разрешении трудных ситуаций или способствовать реализации успешных поведенческих моделей. В ходе исследования протестированы взаимоотношения респондентов со следующими группами акторов: родственники, друзья, коллеги, участники сетевых сообществ в интернете, государственные органы, общественные организации. Субъективные представления о возможности получения помощи и поддержки со стороны каждой из этих групп позволяют определить уровень ресурсных возможностей в системе социальных

³ Опрос реализован методом телефонного анкетирования посредством случайной стратифицированной систематической выборки мобильных телефонных номеров. Реализованное на основе данных Росстата квотирование территориальных страт (Столицы, Центр, Урал, Сибирь, Восток) позволило территориально распределить выборку в соответствии с показателями генеральной совокупности. Показатели достигнутой выборки по основным демографическим характеристикам соответствуют актуальным данным Росстата. Совокупный объём выборочной совокупности составил 2016 респондентов.

взаимодействий⁴. Данный подход имеет очевидные ограничения, связанные с тем, что индивиды в системе социальных взаимодействий не обладают полной информацией о действиях контрагентов в прожективной динамике. Однако при этом реализованный анализ представляется достаточно показательным для дифференцированной оценки «силы» имеющегося социального капитала, поскольку соответствующие суждения выносятся на основе полученного социального опыта и накопленной рациональности восприятия. Таким образом, мы можем вполне обоснованно предполагать, что россияне, рассчитывающие на помощь широкого круга социальных субъектов, действительно имеют больший потенциал получения помощи и поддержки, по сравнению с теми, кто изначально предполагает возможным полагаться либо лишь на ближайшее окружение, либо исключительно на собственные силы.

Результаты, представленные на рис. 1, иллюстрируют дифференциацию показателей удовлетворённости жизнью в целом (которые традиционно смещены в сторону позитивных значений оценочной шкалы) по группам разного уровня потенциально ресурсных социальных взаимодействий. Как видно, взаимосвязь является крайне существенной.

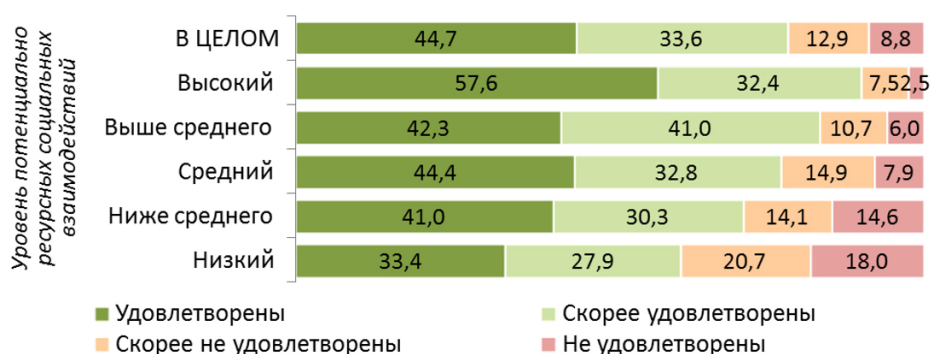

Рис. 1. Показатели декларированной удовлетворённости жизнью в целом, по уровням потенциально ресурсных социальных взаимодействий, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Развитые социальные ресурсы в значительной степени связаны с таким индикатором благополучия, как ощущение возможностей самореализации (рис. 2). Если в двух группах ограниченного потенциала социальных взаимодействий согласны с тем, что в повседневной жизни у них присутствуют возможности реализовать собственные способности (по 46% опрошенных), то в двух группах, отличающихся от средней в большую сторону, соответствующий ответ характеризует самооощение 64 и 81% опрошенных.

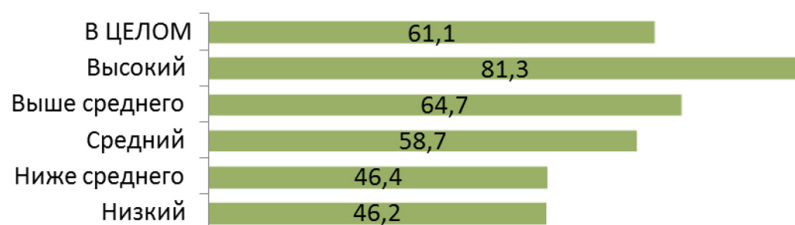

Рис. 2. Доля согласных с утверждением: «В повседневной жизни у меня достаточно много возможностей реализовать свои способности», по уровням потенциально ресурсных социальных взаимодействий, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

⁴ Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий признаётся низким при отсутствии возможности результативного обращения за помощью и поддержкой к представителям хотя бы одной из перечисленных групп (11,3% опрошенных); ниже среднего — если потенциал подобных обращений ограничивается одной группой (19,0%); средний — при наличии двух подобных групп (26,1%); выше среднего — при трёх группах (23,5%); высокий — если подобных групп от четырёх до шести (20,1%).

Отмечается также существенная взаимосвязь между наличием потенциально ресурсных социальных взаимодействий различного уровня с распространённостью негативного эмоционального жизненного фона. Более половины опрошенных, имеющих высокий или выше среднего уровень развития рассматриваемых ресурсов, ощущают себя свободными от ощущения тревоги и подавленности, а в сильной степени подвержены таким ощущениям менее 10% опрошенных. В группах «слабого» социального капитала ситуация заметно отличается, и сильная степень тревоги и подавленности характеризует кратко большее число россиян (рис. 3).

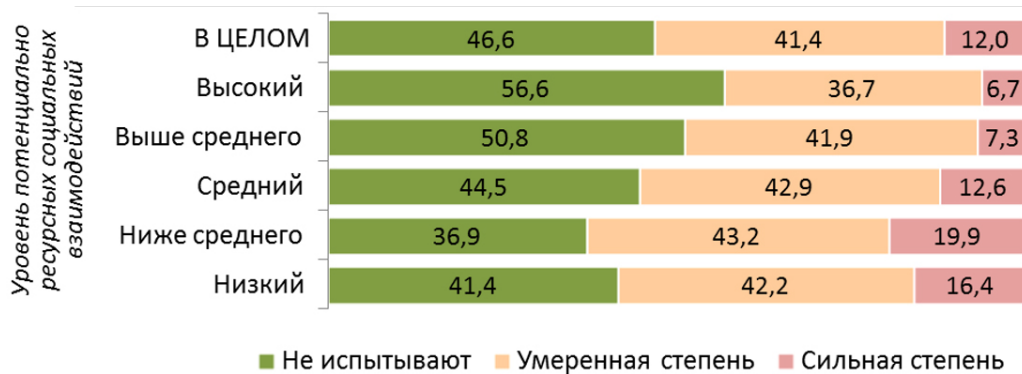

Рис. 3. Подверженность ощущениям тревоги и подавленности, по уровням потенциально ресурсных социальных взаимодействий, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

* * *

Обобщая, важно подчеркнуть, что различные элементы социальной структуры и культуры, составляющие социальный капитал, а также влияющие на его развитие и поддержание на достаточно высоком уровне, оказывают существенное влияние на субъективное благополучие. Данное влияние подтверждается на концептуальном и эмпирическом уровнях в отношении как отдельных социальных групп, так и общества в целом. По мере развития общественных структур всё большее значение в повышении удовлетворённости жизнью приобретает синергия, связывающая социальный капитал и просоциальное поведение. В этой связи актуализируются общественные и административные усилия, способствующие наращиванию социального капитала и преодолению барьеров его продуктивного использования для повышения благополучия. Существует множество областей социальной политики, где эта синергия может найти конструктивное воплощение, повысив качество работы здравоохранительной, образовательной, трудовой сфер, системы социального обеспечения, а также способствуя развитию каналов «обратной связи» от общественных групп к органам власти. От продуктивности соответствующих усилий во многом зависит динамика социального развития: не только в актуальный временной период, но и на горизонте ближайших десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности [Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002). Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities] // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 24–34.
- Аникин В.А., Нагерняк М.А., Воронина Н.Д. (2024). Концепция благополучия в общественных науках [Anikin V.A., Nagernyak M.A., Voronina N.D. (2024). The Concept of Well-Being in Social Sciences] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6 (184). С. 319–341. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2800.

- Антипина О.Н., Миклашевская Н.А., Орлова Е.А. (2025). Экономический смысл и прикладное значение индикаторов удовлетворённости жизнью [Antipina O., Miklashevskaya N., Orlova E. (2025). Economic Sense and Application Significance of Life Satisfaction Indicators] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1(26). С. 7–22. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_7_22.
- Бинюкова И.С. (2014). Социальный капитал России: проблемы и перспективы развития (социально-философский анализ) [Binyukova I.S. (2014). Social Capital in Russia: Problems and Prospects of Development (Social and Philosophical Analysis)]. — Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества.
- Бурдье П. (2002). Формы капитала [Bourdieu P. (2002). Forms of Capital] // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Виноградский В.Г. (2010). Социальный капитал сельских сообществ: понятие, динамика, перспективы [Vinogradsky V.G. (2010). Social Capital of Rural Communities: The Concept, Dynamics and Prospects]. — Саратов: Саратовский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет».
- Горшков М.К. (2024). Субъективное благополучие в контексте качества жизни (по результатам социологических измерений) [Gorshkov M.K. (2024). Subjective Well-Being in the Context of Quality of Life (Based on the Results of Sociological Measurements)] // *Вестник Российской академии наук*. Т. 94. № 2. С. 107–114. DOI 10.31857/S0869587324020031.
- Дудин И.В., Тихонова Н.Е. (2024). Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы [Dudin I.V., Tikhonova N.E. (2024). Subjective Well-Being of Russians Through the Prism of Their Identities: State and Factors] // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 12. № 3. С. 6–25. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.1.
- Дюркгейм Э. (1994). Самоубийство: Социологический этюд [Durkheim E. (1994). Suicide: A sociological study]. — М.: Мысль.
- Иванов В.В., Комаров В.М., Павлов П.Н., Румянцев Н.А. (2014). Вопросы модернизации: роль социального капитала [Ivanov V.V., Komarov V.M., Pavlov P.N., Rumiyansev N.A. (2014). Modernization Issues: The Role of Social Capital]. — М.: Изд. Дело.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Inglehart R., Welzel C. (2011). Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence]. — М.: Новое издательство.
- Каравай А.В. (2021). Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования [Karavay A.V. (2021). Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Functioning Mechanisms] // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 9, № 4(36). С. 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605.
- Каравай А.В. (2023). Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции [Karavay A.V. (2023). The Social Capital of Russian Society: A Year Under a Special Military Operation] // *Terra Ecomonicus*. Т. 21. № 4. С. 91–105. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105.
- Логинов Д.М. (2021). Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле [Loginov D.M. (2021). Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5.
- Мареева С.В. (2018). Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе [Mareeva S.V. (2018). Subjective Well-Being and Ill-Being Zones in the Russian Society] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 18. № 4. С. 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707.
- Немировский В.Г., Немировская А.В. (2011). Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края [Nemirovsky V.G., Nemirovskaya A.V. (2011). Social Structure and Social Capital of the Population of Krasnoyarsk Region]. — Красноярск: Сибирский федеральный университет.
- Павленко Б.В. (2025). Социальный капитал и экономическое неравенство в городах России: анализ социальных сетей [Pavlenko B.V. (2025). Social Capital and Economic Inequality in Russian Towns: Social Network Analysis] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2(27). С. 144–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_144_163.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. [Putnam R. (1996). To make democracy work: Civic traditions in modern Italy]. — М.: Ad Marginem.
- Плискевич Н.М. (2012). Человеческий капитал в трансформирующейся России [Pliskevich N. (2012). Human capital in transforming Russia] — М.: ИЭ РАН.
- Полищук Л.И. (2011). Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния [Polishchuk L.I. (2011). Social Capital in Russia: Measurement, Analysis, Impact Assessment] // *Городское управление*. № 6. (179). С. 83–90.
- Радаев В.В. (2003). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Radaev V.V. (2003). The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–16.
- Скачкова Л.С., Клименко Л.В., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д. (2024). Благополучные люди в России: роль экономического и социального капитала [Skachkova L.S., Klimentko L.V., Gerasimova O.Ya., Krivosheeva-Medyantseva D.D. (2024). Happy People in Russia: The Role of Economic and Social Capital] // *Журнал институциональных исследований*. Т. 16. № 3. С. 126–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.126-146.

- Стрельникова Л.В. (2003). Социальный капитал: типология зарубежных подходов [Strel'nikova L. V. (2003). Social Capital: A Typology of Foreign Approaches] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 33–41.
- Сушко П.Е. (2024). Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений [Sushko P.E. (2024). Specificity of Subjective Well-Being of Russians from Different Types of Settlements] // *Вестник Института социологии*. Т. 15. № 4. С. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4.
- Фукуяма Ф. (2004). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. [Fukuyama F. (2004). *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*]. — М.: АСТ.
- Aknin L.B., Dunn E.W., Whillans A.V., Grant A.M., Norton M.I. (2013). Making a difference matters: Impact unlocks the emotional benefits of prosocial spending // *Journal of Economic Behavior and Organization*. No. 88. Pp. 90–95.
- Borgonovi F. (2008). Doing well by doing good. The relationship between formal volunteering and self-reported health and happiness // *Social Science & Medicine*. No. 66(11). Pp. 2321–2334.
- Bjørnskov C. (2003). The happy few: Cross-country evidence on social capital and life satisfaction. // *Kyklos*. No. 56(1). Pp. 3–16.
- Bjørnskov C. (2008). Social capital and happiness in the United States // *Applied Research in Quality of Life*. No. 3(1). Pp. 43–62.
- Campbell A. (1972). Aspiration, satisfaction and fulfilment. // *The human meaning of social change* / A. Campbell & P.E. Converse (Eds.). — New York: Russell Sage Foundation. Pp. 441–446.
- Coleman J. (1990). *Foundations of social theory*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dolan P., Peasegood T., White M. (2008). Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being // *Journal of Economic Psychology*. No. 29 (1). Pp. 94–122.
- Donovan N., Halpern D., Sargeant R. (2002). *Life satisfaction: The state of knowledge and implications for government*. — London: Prime Minister's Strategy Unit.
- Felce D., Perry J. (1993). *Quality of life: A contribution to its definition and measurement*. — Bangor: University of Wales.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. — N.Y.: Basic Books.
- Fowler J., Christakis N. (2008). Dynamic spread of happiness in a large social network: Longitudinal analysis over 20 years in the framingham heart study // *British Medical Journal*. No. 4(337). Pp. 677–691.
- Gallup, Healthways. (2014). *State of global well-being. Results of the Gallup-Healthways Global well-being index*. URL: https://www.miqols.org/resources/Gallup-Healthways_State_of_Global_Well-Being_vFINAL.pdf (access date: 20.08.2025)
- Glatzer W. (2004). Challenges for the quality of life in contemporary societies. // *Challenges for quality of life* / W. Glatzer, S. Below & M. Stoffregen (Eds.). — Dordrecht: Kluwer. Pp. 3–10.
- Haller M., Hadler M. (2006). How social relations and structures can produce happiness and unhappiness: An international comparative analysis // *Social Indicators Research*. No. 75. Pp. 169–216.
- Halpern D. (2005). *Social capital*. — Cambridge: Polity.
- Helliwell J.F. (2001). Social capital, the economy and well-being. // *The review of economic performance and social progress* / K. Banting, A. Sharpe & F. St-Hilaire (Eds.). — Montreal: Institute for Research on Public Policy and Centre for the Study of Living Standards. Pp. 43–60.
- Helliwell J.F., Huang H., Harris A. (2009). International differences in the determinants of life satisfaction. // *New and enduring themes in development Economics* / T. Ray, E. Somanathan & B. Dutta (Eds.). — Singapore: World Scientific.
- Helliwell J.F., Putnam R.D. (2004). The social context of well-being // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London Series B-Biological Sciences*. No. 359(1449). Pp. 1435–1446.
- Inglehart R., Rabier J.R. (1986). Aspirations adapt to situations — but why are the Belgians so much happier than the French? A cross-cultural analysis of the subjective quality of life // *Research on the quality of life* / F.M. Andrews (Ed.). — Ann Arbor: University of Michigan. Pp. 1–56.
- Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D., Schwarz N., Stone A. (2004). A survey method for characterizing daily life experience: The day reconstruction method // *Science*. No. 306. Pp. 1776–1780.
- Kroll C. (2008). *Social capital and the happiness of nations. The importance of trust and networks for life satisfaction in a cross-national perspective*. — Frankfurt a.M.: Peter Lang Publishing.
- Lelkes O. (2006). Knowing what is good for you. Empirical analysis of personal preferences and the «objective good» // *The Journal of Socio-Economics*. No. 35. Pp. 285–307.
- Li Y., Ferraro K. (2006). Volunteering in middle and later life: Is health a benefit, barrier or both? // *Social Forces*. Vol. 85. No. 1. Pp. 497–519.
- Lin N. (2001). Building a network theory of social capital. In L. Nan, K. Cook & R. S. Burt (Eds.). *Social capital: Theory and research*. — New York: De Gruyter. Pp. 3–30.
- Lin N., Erickson B. H. (2008). Theory, measurement, and scope of social capital research. // *Social capital. An international research program* / N. Lin & B. H. Erickson (Eds.). — Oxford: Oxford University Press.

- Morrow-Howell N., Hong S.I., Tang F.Y. (2009). Who benefits from volunteering? Variations in perceived benefits // *Gerontologist*. Vol. 49. No1. Pp. 91–102.
- OECD (2015). *How's Life? 2015: Measuring Well-being*. OECD Publishing. URL: https://www.oecd.org/en/publications/how-s-life-2015_how_life-2015-en.html (access date: 20.08.2025).
- Portes A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. No. 24. Pp. 1–24.
- Powdthavee N. (2008). Putting a price tag on friends, relatives, and neighbours: Using surveys of life-satisfaction to value social relationships // *Journal of Socio-Economics*. Vol. 37. No. 4. Pp. 1459–1480.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. — New York: Simon & Schuster.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. — Paris: CMEPSP.
- The Herald/Age (2011). *Lateral Economics Index of Australia's Wellbeing*. URL: <https://lateraleconomics.com.au/wp-content/uploads/2014/02/Fairfax-Lateral-Economics-Index-of-Australias-Wellbeing-Final-Report.pdf> (access date: 20.08.2025).
- Thomas P.A. (2009). Is it better to give or to receive? Social support and the well-being of older adults. // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. No. 65B(3). Pp. 351–357.
- Yip W., Subramanian S.V., Mitchell A.D., Lee D.T.S., Wang J., Kawachi I. (2006). Does social capital enhance health and well-being? Evidence from rural China // *Social Science & Medicine*. No. 64. Pp. 35–49.

Титов Владимир Николаевич

titov-vn@ranepa.ru

Vlagimir Titov

Dr. Sci. (Econ), Leading Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
titov-vn@ranepa.ru

Логинов Дмитрий Михайлович

loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov

PhD (Econ), Senior Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
loginov-dm@ranepa.ru

THE INFLUENCE OF SOCIAL CAPITAL ON SUBJECTIVE WELL-BEING

Abstract. The article reviews mechanisms of influence that development of social capital may have on subjective well-being at the conceptual and theoretical level as well as at the level of empirically confirmed research practice. The relevance of the study is defined by importance of subjective well-being appropriate level increasing and maintaining both for various social groups and the population in general. Thus, identifying and analyzing factors that contribute to positive socio-economic dynamics is significant not only from the point of view of the research discourse development but also in the context of country's productive development. Subjective well-being is considered as category of quality-of-life research that allows us to overcome limitations of welfare assessment objective parameters focusing on human needs and the degree of their satisfaction. Social capital has been analyzed as a resource of exceptional social significance as it acts both to strengthen social integrity and to enhance efficiency of interactions of various natures. Considerable social capital encourages enhancement of subjective well-being as well as acts as barrier to negative dynamics in life satisfaction. The impact of social capital on subjective well-being acquires particular significance in periods of turbulence when population faces the challenge of overcoming various shocks.

Keywords: *subjective well-being, welfare, social capital, quality of life, social interactions, trust, population.*

JEL: A13, I31, Z13.

С.А. Васильев

д.э.н., проф., Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара
(Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ 90-х гг.: ФОРМИРОВАНИЕ КОМАНДЫ И ИДЕОЛОГИИ РЕФОРМАТОРОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса формирования группы молодых российских экономистов, осуществивших в 1990-е гг. радикальные экономические реформы. Анализируются такие факторы формирования мировоззрения участников реформ, как социально-политическая ситуация в Советском Союзе в 1960–1970-е гг., рецепция в советской академической науке западных экономических теорий, реализация новых образовательных проектов: создание математических и языковых спецшкол, появление специальности «Экономическая кибернетика» в университетах. Для лучшего понимания бэкграунда будущих реформаторов был осуществлён ряд выборочных интервью, позволивших выявить определённые закономерности формирования их мировоззрения. Вскрыты предпосылки радикального идеологического разрыва группы с позициями как западного, так и отечественного экономического мейнстрима. Проведён сравнительный анализ особенностей формирования реформаторских команд в XIX (Великие реформы) и в XX вв. Прослежено влияние исследований ряда отечественных и зарубежных экономистов на формирование теоретических воззрений группы. Описан процесс консолидации группы молодых экономистов в дореформенный период. Работа представляет собой начало цикла статей о российских экономических реформах.

Ключевые слова: экономические реформы, 1990-е годы, молодые реформаторы, мировоззрение, формирование команды.

JEL: A11, A22, B25, B30, B52

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179

© С.А. Васильев, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С.А. Экономические реформы в России 90-х гг.: формирование команды и идеологии реформаторов // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179.

FOR CITATION: Vasiliev S. Economic Reforms in Russia in the 1990s: Forming a Team and Ideology of Reformers // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179.

Введение

В период 1990–2000 гг. Россия прошла ряд крупных политических и социально-экономических преобразований, связанных с крахом коммунистического режима и модели государственной плановой экономики. В политической сфере, по сути дела, произошла реставрация конституционного режима, разрушенного большевистским переворотом в январе 1918 г. (ропуск Учредительного Собрания), сопровождавшаяся восстановлением представительного правления и политических прав и свобод после семидесятилетнего перерыва. В правовой сфере была воссоздана независимая судебная система и гражданское законодательство. В сфере экономической была осуществлена приватизация государственной собственности, проведена либерализация цен и открыты внешние рынки.

Наиболее трудно реализуемой частью социально-экономических преобразований были экономические реформы, имевшие целью преобразовать плановую экономику в рыночную. Переход от системы планового хозяйства к рыночной экономике проходил достаточно болезненно и сопровождался сильным экономическим спадом. Однако в результате преобразований была создана вполне эффективная экономическая система, позволившая добиться в начале XXI в. значительных темпов экономического роста и существенно повысить уровень народного благосостояния.

Особенностью российских экономических реформ 90-х гг. было то, что они проводились консолидированной группой относительно молодых экономистов, имевших сходный бэкграунд и общавшихся друг с другом ещё в дореформенный период.

В первой части данной работы мы попытаемся проанализировать внешние условия, повлиявшие на формирование указанной группы и её политических установок, опираясь на следующие факторы:

- ▶ особенности социальной атмосферы СССР 1960–1970-х гг.;
- ▶ рецепция неоклассического синтеза в советской экономической теории в советской экономической науке;
- ▶ развитие экономического и среднего специального образования.

Во второй части работы мы выборочно проанализируем биографии группы экономистов, принявших активное участие в выработке концепции реформ и её реализации и обратим особое внимание на факторы, способствовавшие консолидации реформаторской группы, выработке относительно близких теоретических и практических взглядов на экономическое развитие и характер будущих реформ.

Третья часть статьи посвящена теоретическим воззрениям группы реформаторов и процессу формирования единой команды.

История формирования группы молодых реформаторов неплохо описана в современной литературе, однако эти источники не претендуют на систематическое описание процесса формирования команды и её теоретических воззрений. В этом смысле прорывными стали работы зарубежных исследователей Э. Лидса [Leeds, 2016] и Т. Рупрехта [Ruprecht, 2022], в которых системно анализируется эволюция экономической науки в СССР и предпосылки формирования либеральной экономической идеологии в 1970–1980-х гг.

Экономические реформы 1990-х гг. имеют некоторую аналогию с Великими реформами (особенно Крестьянской реформой) в том смысле, что они также были задуманы и проводились относительно узкой группой профессионалов, тесно общавшихся друг с другом задолго до начала реформ и выработавших общее понимание направления реформ и технологии их проведения. Эта ситуация, вообще говоря, не является типичной для российских реформ. Реформы в начале XIX и XX вв. проходили совершенно по-другому. Михаил Сперанский был реформатором-одиночкой; реформы начала XX в. готовились достаточно разобщённо профессионалами в разных ведомствах (Владимир Гурко, Александр Кривошеин, Александр Риттих), а отношения между двумя ведущими реформаторами — Витте и Столыпиным — были откровенно враждебными [Васильев, 2022a; Васильев, 2022b].

В данной работе автором применён (в ограниченной форме) метод сравнительной просопографии в отношении реформаторских групп XIX и XX вв., что позволяет анализировать российские реформы в исторической перспективе и лучше понять источники их успехов и неудач.

Просопографический подход к изучению исторических процессов позволяет получить определённое новое знание, которое невозможно извлечь из индивидуальных биографий. Так, при изучении жизнеописаний общественных и государственных деятелей эпохи Великих реформ выясняется, что большинство из них провело детские годы в деревне, где они получали домашнее образование. Отсюда можно сделать вывод (подтверждаемый

воспоминаниями) о том, что крестьянский вопрос имел для них не только общественное, но и личное значение¹.

В то же время техника анализа «коллективных биографий» реформаторов XIX и XX вв. имеет значительные различия. Существует большой комплекс воспоминаний активных деятелей Великих реформ, их друзей и родственников, а также значительный объём личной переписки. В отличие от этого, современные реформаторы, по большей части, мемуаров пока не написали, а те материалы, которые вышли в печати, освещают преимущественно события, непосредственно предшествующие реформам и сам ход реформ, которые и без этого достаточно хорошо задокументированы. Автору также неизвестны какие-либо эпистолярные источники по истории современных экономических реформ.

Ни социальное происхождение будущих реформаторов, ни их образование и коммуникации в период профессиональной подготовки до сих пор не описаны и, соответственно, никак не проинтерпретированы. Для заполнения этой лакуны автором были проведены интервью с рядом общественных деятелей эпохи реформ конца XX — начала XXI вв.

В подготовке и реализации экономических реформ 1990-х гг. принимала участие довольно широкая группа молодых реформаторов, имевших преимущественно экономическое образование. Ядро этой группы составили примерно двадцать человек. По разным причинам далеко не все фигуранты были доступны для проведения интервью.

Поэтому потенциальный список интервьюируемых был дополнен экономистами тех же годов рождения, что и участники «команды реформ», которые были хорошо знакомы с будущими реформаторами, участвовали в обсуждениях и имели сходный профессиональный бэкграунд, однако не были активными участниками процесса реализации экономических реформ. В итоге мы имеем 14 интервью с экономистами 1947–1961 гг. рождения, из трёх городов (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск), известных своим участием в экономических реформах и своими достижениями в экономических науках.

Данная работа открывает *цикл статей* автора об экономических реформах в современной России. Следующие статьи будут посвящены анализу программ экономических реформ, их реализации в 1990–2010 гг. и оценке результатов реформ.

Внешняя среда

Особенности социальной атмосферы СССР в 1960–1970-х гг.

С учётом дат рождения реформаторов, охватывающих период 1947–1961 гг., время формирования их личностей приходится условно на период с 1956 (XX съезд КПСС) до 1982 г. (смерть Брежнева). Разумеется, и предшествующее поколение — те, кто родились в военные и первые послевоенные годы, имели все шансы стать поколением «молодых реформаторов». С одной стороны, их ещё окружали более-менее крепкие люди, прошедшие хотя бы первый этап сознательной жизни ещё до революции, получившие дореволюционное образование и чудом уцелевшие в годы репрессий. Они могли передать свой образовательный опыт, а также познакомить с изданной в те времена экономической литературой (правда, сама эта литература за 30–50 лет уже устарела). Некоторым повезло на работе с профессионалами старой школы. Скорее, это происходило именно при их переходе после окончания ВУЗа в академический институт (от преподавания таких людей стремились

¹ История формирования группы общественных деятелей, задумавших и осуществивших Великие реформы в середине XIX в. хорошо описана в мемуарной и биографической литературе. Здесь необходимо упомянуть семитомное издание мемуаров Дмитрия Милютин [Милютин, 1997–2006], биографии Николая Милютина [Леруа-Болье, 2025], Юрия Самарина [Нольде, 2003] и Ивана Аксакова [Тесля, 2014]. Большое количество ценной информации содержится в воспоминаниях участников реформ Александра Кошелева [Кошелев, 2002], кн. Дмитрия Оболенского [Оболенский, 2017], Петра Семенова [Семенов Тян-Шанский, 2018] и Якова Соловьева [Соловьев, 1881–1884]. Некоторый свод информации по реформаторам середины XIX в. имеется в книге Линкольна [Lincoln, 1990] и в очерке автора [Васильев, 2024].

удалить). С особо талантливыми и надёжными мэтры могли там откровенно разговаривать. Особая атмосфера для такого рода общения впоследствии возникла в Новосибирском академгородке, ставшем прибежищем для уцелевших талантливых учёных старой (да и талантов новой) школы.

Но всё же у этого поколения был существенный изъян: они формировались до 1956 г. — года XX съезда КПСС. И хотя в этот период режим уже ослаблялся, сама атмосфера в обществе не позволяла образовываться кружкам, объединённым обсуждением общественных проблем. Поэтому практически не было обсуждения в группах этого возраста, скажем, событий в Венгрии 1956 г. В лучшем случае об этом говорили два-три преданных друга. Сама жизнь отталкивала от изучения общественно-научных дисциплин и нацеливала на более «нейтральную» естественно-научную сферу.

В целом этот период можно разделить на два отчётливо различных этапа: 1956–1968 гг. (оттепель и период коллективного руководства в раннебрежневский период) и 1968–1982 гг. (застой и единовластие Брежнева). Водоразделом здесь служат события в Чехословакии, и группа единомышленников, например, кружков респондентов разделилась по возрастному признаку на две части: те, для которых события в Чехословакии были осознаны, и те, для кого они прошли незаметно. Этот водораздел проходит на уровне респондентов 1956–1958 гг. рождения.

Надо сказать, что эти два периода развития советского общества сильно отличаются по своему содержанию и эмоциональному состоянию общества.

Хрущёвская оттепель воспринималась на бытовом уровне как возврат к нормальной жизни, а в идеологическом плане — как переход к действительно новому коммунистическому обществу. Причём к этим идеям серьёзно относились и верхи, и низы. Главным политическим содержанием этого периода были десталинизация, дебюрократизация и децентрализация. В социальном плане важным моментом стало начало массового жилищного строительства и развитие самоуправления на низовом уровне. Это было время большой открытости и высокого градуса общественного оптимизма.

В определённой степени продолжение этой политики происходило в русле так называемого коллективного руководства (1964–1968 гг.). К этому времени относится запуск Косыгинской экономической реформы, сокращение сроков службы в армии и на флоте, введение пятидневной рабочей недели.

Ключевыми событиями периода, последовавшего за вторжением войск стран Варшавского договора в Чехословакию, стало свёртывание экономической реформы, сосредоточение политической власти в руках Л.И. Брежнева и начало ползучей ресталинизации страны. В области идеологии брежневский режим оставил позади все разговоры о грядущем коммунистическом обществе. В концепции развитого социализма, принятой в это время, не было никаких идеалов ни вблизи, ни вдали. Идеология полностью ушла из жизни партийных комитетов, работа в них рассматривалась лишь как необходимая ступенька в административной карьере. В политической сфере была усилена цензура в литературе и киноискусстве, начались преследования инакомыслящих.

Закручивание гаек довольно жёстко подействовало на поколение шестидесятников (людей 1930-х гг. рождения). Их идеи и ожидания, которые начали было реализовываться в хрущёвскую эпоху, были теперь заморожены, время начало двигаться вспять. Вообще стало опасно публично говорить то, что думаешь, общественная жизнь переместилась на кухни недавно построенных отдельных квартир советской интеллигенции. Именно на этих кухнях дети шестидесятников получали информацию о том, что происходит в стране и мире.

Для поколения будущих реформаторов сама перемена эпох прошла относительно незаметно: в 1968 г. большинство из них ещё училось в школе. Однако общественная атмосфера 1970-х гг. на них подействовала определённым образом. Во-первых, идеологический

зажим вызвал общественную апатию. В университетах это проявилось в значительной степени отчуждения профессоров от студентов. Студенты, и даже аспиранты, были профессорам неинтересны. Впрочем, профессорам зачастую были неинтересны даже их собственные исследования. Интересным было получение новой квартиры, покупка новой машины, для самых удачливых — зарубежные поездки.

Это вполне подтверждается в интервью молодых экономистов 70-х гг., ни у кого из них не было доверительных отношений с их профессорами. Более того, практически никто из ведущих профессоров экономических ВУЗов не повлиял на экономические воззрения своих тогдашних студентов. Именно по этой причине уже с начальных курсов любознательные студенты быстро выходили за круг университетских программ обучения и формировали собственные оригинальные, хотя иногда и доморощенные, воззрения на экономическую действительность.

Во-вторых, принципиальное решение нового партийного руководства отбросить все социальные идеалы оказало весьма отрезвляющее действие на молодое поколение интеллектуалов. Вся идеологическая работа типа «ленинского зачёта» выглядела бессмысленным ритуалом. Славословия на съездах в адрес «дорогого Леонида Ильича» вызывали насмешку, что, впрочем, имело общенародный характер: вряд ли в стране когда-либо рассказывали такое количество анекдотов вообще, а в особенности про партийных руководителей: Брежнева и Ленина (серия анекдотов, посвящённых столетию со дня рождения последнего). Между тем деградация экономики была видна невооружённым глазом.

Подводя итоги можно сказать, что молодые люди, пришедшие в экономическую профессию на рубеже 1970-1980-х гг., не имели никаких предубеждений и представляли собой «*tabula rasa*», на которой, впрочем, никто ничего не собирался писать. В этом смысле студенты-экономисты 1970-х гг. формировали себя сами.

Состояние экономической науки в 1960-1970-е гг.

Большинство реформаторов эпохи девяностых — нулевых гг. имели экономическое образование соответствующего «духу времени» периода их обучения, что представляется весьма естественным: экономические реформы в это время представляли собой самую сложную задачу. Между тем в предшествующих поколениях российских реформаторов-экономистов не было вовсе — и по очень простой причине: в это время в университетах отсутствовали экономические специальности. Реформаторам XIX в. пришлось осваивать экономическую науку самостоятельно: выпускник юридического факультета Киевского университета Николай Бунге стал самым заметным российским экономистом середины XIX в., преподавал экономику наследнику престола, закончил свою карьеру министром финансов и председателем Комитета Министров. Организатор разработки крестьянской реформы, выпускник Благородного пансиона при Московском университете Николай Милютин на своей службе в МВД активно занимался экономической статистикой: большинство его опубликованных работ посвящены экономико-статистическому описанию российских регионов. Один из наиболее выдающихся общественных деятелей эпохи Великих реформ Юрий Самарин также изучал экономику самостоятельно и стал одним из ведущих российских специалистов по вопросам налогообложения.

Если же говорить о советском времени, то в 30–50 х гг. XX в. экономической науки в СССР практически не существовало — её заменила марксистско-ленинская политическая экономия. Любые инициативные попытки развивать хотя бы прикладные исследования пресекались. Техника линейного программирования, разработанная Л.В. Канторовичем ещё в 1939 г., была справедливо клеймена как антимарксистская, поскольку объективно обусловленные оценки (теневые цены) в модели Канторовича никак не были связаны с трудовыми затратами. Экономические специальности в ВУЗах не пользовались престижем, талантливая молодёжь почти поголовно шла в точные и технические науки.

Ситуация, однако, радикально изменилась в начале 1960-х гг., и этим изменениям, способствовали несколько факторов. Во-первых, в 1950-е гг. в мировой экономической науке произошла так называемая «математическая революция». На самом деле математические методы активно применялись экономистами ещё в XIX в., однако математическая техника была достаточно примитивной, и значительное число работ выдающихся экономистов использовали математические методы в минимальной степени: вспомним, например, знаменитую «Общую теорию занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса.

В работах же экономистов послевоенного поколения применялись довольно продвинутые математические модели, превратившие экономику в точную науку. Именно в это время были достигнуты выдающиеся результаты во всех отраслях экономического знания. В 1954 г. Кеннет Эрроу и Жерар Дебрё доказали существование точки статического равновесия для модели совершенной конкуренции [Arrow, Debreu, 1954]. В 1956 г. Роберт Солоу разработал модель экономического роста на основе производственной функции, которая легла в основу всех будущих моделей экономического роста [Solow, 1956]. В 1958 г. Дорфман, Самуэльсон и Солоу сформулировали так называемую «теорему о магистрали», которая представляет собой приложение идей общего равновесия к экономической динамике [Dorfman, Samuelson, Solow, 1958].

За пределами собственно математической экономики в эти годы также появился ряд работ выдающихся экономистов. Достаточно упомянуть три из них: это «Процесс экономического роста» У. Ростоу, «Модели человека» Г. Саймона и «Общество изобилия» Дж.К. Гэлбрейта [Rostow, 1952; Simon, 1957, Galbraith, 1958].

Во-вторых, в это время советская экономика превратилась в довольно сложную экономическую систему, и традиционные методы планирования не справлялись с большим количеством материальных балансов. А господство валовых плановых показателей стимулировало избыточный расход ресурсов. По этой причине в условиях идеологической оттепели практические работники начали испытывать интерес к математическим моделям: межотраслевому балансу Василия Леонтьева и теории оптимизации Леонида Канторовича, тем более что быстрое развитие вычислительной техники делало возможным проведение расчётов по моделям большой размерности.

В-третьих, чрезвычайно сложный математический аппарат западной экономической теории, в принципе непонятный для большинства советских экономистов, позволил пересадить её на советскую почву как особую экономическую дисциплину: «математическую экономику» — техническую отрасль экономической науки, не вступающую в противоречие с марксистско-ленинской политической экономией. Более радикальная трактовка определяла новую дисциплину как «экономическую кибернетику», выводя её за пределы собственно экономической науки в сферу «наук об управлении», наряду с технической кибернетикой, биокибернетикой и т.д.

Основным направлением исследований советских экономистов-математиков стала так называемая теория оптимального функционирования социалистической экономики, известная также как СОФЭ (Система Оптимального Функционирования Экономики). В рамках этой теории предполагалось построение системы оптимизационных моделей, охватывающей все уровни иерархии народного хозяйства. Критерием оптимальности здесь являлась максимизация функции общественного благосостояния с учётом наиболее полного использования имеющихся ресурсов. Отсюда возникал некоторый мостик к идеям рыночного социализма: объективно обусловленные оценки ресурсов в оптимизационной модели выступали как «теневые цены», использование которых в системе хозяйственного расчёта позволило бы отказаться от жёстких директивных заданий. Ориентируясь на критерий максимизации, прибыли предприятия в этой концепции автоматически выходили бы на плановые показатели, рассчитываемые в модели.

В практическом же плане предполагалось, на основе комплекса оптимизационных моделей, создать единую государственную систему управления экономикой (ОГАС) как общесоюзную сеть вычислительных центров. Она должна была получать информацию с уровня предприятий, интегрировать её в модель национальной экономики, рассчитывать оптимальный план для всего народного хозяйства, дезагрегировать его и доводить этот план до всех отраслей и предприятий.

Надо сказать, что даже в эпоху безудержного технологического оптимизма, характерного для начала 1960-х гг., у многих исследователей были серьёзные сомнения относительно практической реализуемости такого подхода. Для характеристики идей ОГАС был даже выдуман специальный термин «глушковщина» — производное от фамилии главного идеолога ОГАС академика В.М. Глушкова [Бирман, 2001. С. 209]. Тем не менее именно Глушков благодаря своему политическому весу смог включить в Постановление ЦК КПСС и Совета Министров «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народном хозяйстве» (№563 от 21.05.1963) особый пункт (номер 17) о создании Центрального экономико-математического института Академии наук СССР (ЦЭМИ), который вскоре стал самым крупным академическим институтом в сфере общественных наук.

Важным фактором повышения интереса к экономическим наукам стало проведение в СССР экономической реформы 1965 г., предполагавшей развитие самостоятельности предприятий, уменьшение числа плановых показателей, доводимых до предприятий сверху, повышение роли прибыли и рентабельности, увязывание фондов стимулирования предприятий с прибылью и рентабельностью. Эта реформа широко освещалась в прессе и на телевидении, в научно-популярных изданиях и брошюрах.

Наряду с этим повышалась роль экономических и финансовых служб, была введена должность заместителя директора — главного экономиста предприятия.росло число штатных должностей, замещаемых экономистами с высшим образованием. Все это привело к повышению статуса экономических специальностей до такой степени, что в начале 1970-х гг. конкурс в экономические ВУЗы составлял 4–5 человек на место, в то время как за 10 лет до этого он не превышал 1–2 человек.

Изменения в системе высшего и среднего образования

Внедрение математических методов в советскую экономическую науку происходило довольно быстрыми темпами и создавало серьёзные кадровые проблемы: большинство советских экономистов имело весьма слабую математическую подготовку, так что выпускники экономических факультетов, приходившие на работу в новые учреждения экономико-математического профиля, вынуждены были самостоятельно доучиваться математике. Отчасти проблема решалась с приходом в экономическую науку хорошо подготовленных математиков, но здесь возникала иная проблема: математики плохо понимали суть экономических процессов и привносили в свои исследования и разработки достаточно формальные и механистические подходы.

Таким образом, проблема подготовки специалистов, сочетающих хорошее понимание экономики с хорошим владением математическими методами, становилась крайне актуальной. Первой ласточкой в этой сфере стало создание по инициативе Л.В. Канторовича так называемого «шестого курса», организованного на экономическом факультете Ленинградского университета в 1959 г. На этом курсе, в частности, учились такие выдающиеся экономисты, как Александр Анчишкин, Иван Сыроежин, Станислав Шаталин. Уже в 1960 г. были созданы экономико-математические отделения на экономических факультетах Московского и Ленинградского университетов, а в 1962 г. — на гуманитарном факультете Новосибирского университета. В 1964 г. специальность получила

новое название «экономическая кибернетика», а концу 1960-х гг. кафедры экономической кибернетики были открыты во многих городах Советского Союза.

В 1970-е гг. ведущее место в системе экономико-математического образования заняли три кафедры экономической кибернетики: Московского университета, Новосибирского университета и Ленинградского финансово-экономического института под руководством трёх известных специалистов в этой сфере: Станислава Шаталина, Александра Гранберга и Ивана Сыроежина. Эти кафедры имели особый статус и обучали студентов по своим собственным учебным планам. Выпускники именно этих трёх кафедр составили непропорционально большую долю в группе молодых реформаторов. Специалисты этих кафедр вели профильные занятия и на других отделениях экономических факультетов уже в 1960-е гг.

Не менее важную роль в формировании молодого поколения экономистов сыграли изменения в системе среднего образования, а именно: создание физико-математических школ и значительное увеличение числа языковых школ.

Создание физико-математических школ стало инициативой группы ведущих математиков страны, тесно связанных с военно-промышленным комплексом. В это время бурное развитие военных технологий требовало решения крайне сложных математических задач, для некоторых из которых приходилось разрабатывать совершенно новые инструменты, такие, например, как теория оптимального управления [Понтрягин, 1961]. Спрос на сильных математиков предъявляла также быстрорастущая компьютерная отрасль. В этой связи необходимо было находить и развивать математические таланты уже на школьной скамье. Математические олимпиады решали эту задачу только отчасти, в то время как специализированные школы позволяли не только выявлять математически одарённых подростков, но и преподавать им уже в школе институтские курсы высшей математики. Эта инициатива хорошо совмещалась с идеями хрущёвского правительства о расширении специальной профессиональной подготовки в средних школах.

Первые физико-математические школы открывались практически явочным порядком, без каких-либо решений партии и правительства. Так, физико-математические школы появились в Ленинграде в 1961–1962 гг. (№30 и №239) и в Москве (физматшкола №2). В 1963 г. было принято решение Совета Министров СССР о создании в Москве, Ленинграде, Киеве и Новосибирске четырёх физико-математических школ-интернатов.

Надо отметить, что физико-математические школы давали не только отличное физико-математическое, но также и хорошее гуманитарное образование. В этих школах работали очень сильные учителя истории и литературы. Неудивительно, что в брежневское время физматшколы стали рассадником диссидентства и попали под пресс партийных органов (напомним о разгроме второй школы в Москве в 1971 г., слиянии 30 и 38 школ в Ленинграде в 1976 г.).

Другим важным нововведением начала 1960-х гг. стало широкое распространение языковых спецшкол. Первые языковые спецшколы были созданы в послевоенное время, когда в стране стала ощущаться нехватка специалистов со знанием иностранных языков, необходимых отчасти для нужд советской пропаганды, а отчасти для разведывательной работы. Неслучайно первый (нереализованный) проект создания языковых спецшкол был разработан под эгидой Военного института иностранных языков. Ранее проблема обучения иностранным языкам решалась, но только отчасти, на уровне родителей, понимавших её значимость: благодаря члену семьи, хорошо владевшему одним либо несколькими языками, или с помощью репетиторов.

Первые языковые школы были открыты в Ленинграде в 1948 г., в Москве в 1949 г. Уже на первом этапе их деятельности сложилась концепция и технология работы, основанная не только на обучении разговорному языку, но и на широком погружении в культуру страны, а также на преподавании ряда предметов на изучаемом языке [Майофис, 2016]. Языковые спецшколы в первые послевоенные годы не получили большого распространения: не

хватало подготовленных учителей и учебных пособий. В середине 1950-х гг. количество таких школ не превышало двух десятков на всю страну.

Ситуация резко изменилась в начале 1960-х гг., когда согласно постановлению Совета Министров СССР от 27 мая 1961 г. в стране были открыты 700 языковых спецшкол и несколько десятков интернатов с углублённым изучением иностранных языков. К этому времени проблемы подготовки кадров и учебных пособий были решены, так что в дальнейшем число языковых спецшкол стало увеличиваться экспоненциально.

С самого начала спецшколы приобрели элитный характер: там учились преимущественно дети номенклатуры и интеллигенции. Все попытки увеличить долю детей рабочих в составе обучающихся не давали результата. Языковые спецшколы за счёт более высокого культурного уровня обучающихся обеспечивали и более высокий уровень преподавания (хотя, конечно, не такой высокий, как физматшколы), что требовало и более высоких предварительных знаний для поступающих. Однако наиболее важные социально-политические последствия имело погружение учащихся в культуру зарубежных стран: изучение их истории и географии, чтение в оригинале иностранной литературы. Надо отметить, что к этому времени в СССР начали выходить массовыми тиражами неадаптированные издания книг зарубежных авторов, прежде всего на английском языке, которые учащиеся старших классов спецшкол могли легко прочитать. С середины 1970-х гг. в условиях разрядки в книжных магазинах появились книги, изданные за рубежом, что дополнительно расширило потенциальный круг чтения.

В Москве и Ленинграде у учеников спецшкол была возможность общаться со своими сверстниками, совершавшими турпоездки по Советскому Союзу. Ученики старших классов спецшкол привлекались на общественных началах на работу в качестве экскурсоводов для групп зарубежных туристов. Даже в сфере музыкальной культуры у учащихся спецшкол были преимущества: они могли легко понимать тексты песен английских и американских исполнителей, весьма популярных в СССР в это время.

Таким образом, среди детей элиты и интеллигенции сложилась особая субкультура, в которой активно воспроизводились зарубежные паттерны поведения, Запад не воспринимался через призму «образа врага», а свободное посещение зарубежных стран становилось насущной потребностью.

Формирование личностей

Социальное происхождение будущих реформаторов

Первая особенность, которая бросается в глаза при изучении биографий будущих реформаторов — это то, что среди их предков нет коренных москвичей или петербуржцев. Впервые их предки, деды или прадеды, появляются в этих городах в начале XX в. Это три семьи, которые относятся к высшему и среднему классу: купец первой гильдии, богатый домовладелец, хорошо оплачиваемый инженер (отметим, что все трое — нерусского происхождения).

Вторая волна переселения происходит на рубеже 1920–1930-х гг. и связана с коллективизацией и индустриализацией. В это время в столичных городах появляются ещё четыре типа семей. Однако наиболее распространённой является ситуация, когда молодые люди после войны приезжают в Москву или Ленинград для поступления в столичные ВУЗы, там знакомятся и женятся. В нашей подборке интервью таких семей семь.

Родители многих опрашиваемых родились на рубеже 1920–1930-х гг., и по этой причине не попали во время войны в действующую армию, однако многие оказались в эвакуации. Они поступали в ВУЗы в начале 1950-х гг. и выбирали преимущественно технические специальности. Исключения есть: по одному разу встречаются юридическое, филологическое и философское образование.

Экономистов в этом поколении немного: в одной семье родители — преподаватели политэкономии, в другой семье отец — экономист на морском торговом флоте, в третьей семье мать окончила экономический ВУЗ и работала преподавателем.

Преобладающее социальное происхождение: из мещан. Предки из дворян зафиксированы в двух случаях, из крестьян — в трёх случаях. В трёх семьях были предки из священнослужителей, в трёх семьях — казаки (уральские и черноморские), в двух семьях — старообрядцы. Шесть человек происходят из смешанных русско-еврейских семей. И в городских, и в сельских семьях среди предков и родственников постоянно упоминаются учителя, в подавляющем числе — русского языка и литературы (два исключения: преподаватель математики и преподаватель географии). Значительно реже упоминаются врачи. Важно также и то, кого нет среди предков опрашиваемых: здесь нет профессиональных военных, хотя во время войны несколько человек были в действующей армии. Здесь нет сотрудников каких бы то ни было органов, а также партийных и номенклатурных работников. Сталинские репрессии коснулись только двух семей².

Школьное образование и выбор профессии

Школьное образование опрашиваемых было весьма разнообразным. Важно, однако, то, что к моменту их поступления в начальную школу было отменено раздельное обучение мальчиков и девочек, наступила оттепель и советская школа приобрела более или менее человеческий вид. Если говорить об уровне преподавания, то три человека из списка закончили ведущие физико-математические школы страны: 2-ю школу в Москве, 10-ю школу в Новосибирске и 239-ю школу в Ленинграде. Четыре человека окончили специализированные языковые школы в Москве и Ленинграде. У двух человек школы были неспециализированными, но в значительной степени элитными: исторически и по местоположению. Из оставшихся пяти опрашиваемых двое признали уровень своих средних школ неудовлетворительным.

Любимым предметом почти у всех опрашиваемых была история, в меньшей степени география, а также литература. Одновременно почти все имели хорошие математические способности. Даже те, кто учились в неспециализированных школах, регулярно участвовали в районных и городских олимпиадах по математике и получали там дипломы (хотя не всегда самой высокой степени).

Круг школьного внеклассного чтения был довольно типичным: приключения и фантастика, научно-популярные книги по истории и географии. Александр Дюма, Жюль Верн, Фенимор Купер, Майн Рид, братья Стругацкие (отмечены почти всеми). Круг чтения в старших классах трудно отделить от круга чтения в ВУЗах. Здесь выделяются Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк, Михаил Булгаков, Юрий Трифонов. Важным фактором в выборе книг были мамы и бабушки, многие с хорошим гуманитарным образованием (учительницы, сотрудницы библиотек, редакторы в издательствах). Во многих семьях были доступны книги самиздата и тамиздата (Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Джордж Оруэлл).

Впоследствии, хотя и не сразу, выяснилось, что почти все опрошенные имеют отличные литературные способности, причём некоторые из них не только в своём профессиональном жанре (экономике), но и в художественной литературе.

Это, по-видимому, связано с двумя факторами: во-первых, с семейной наследственностью — не случайно так много учителей русского языка среди предков и родственников, во-вторых, с правильной организацией круга чтения в семье и школе. В сухом остатке мы имеем группу молодых людей с очень странным сочетанием способностей: им нравятся

² Если говорить о группе респондентов в терминах среднего класса, то большинство их принадлежало к семьям типа middle middle, с редкими исключениями в сторону upper и lower middle.

гуманитарные науки, у них сильный математический ум и они умеют хорошо излагать свои мысли на бумаге.

Значительная часть опрошенных, несмотря на свои успехи в математике, склонялась к выбору гуманитарных специальностей. Наиболее распространённой была идея поступать на исторический факультет (в списке были ещё филологический и географический факультеты). Идея поступления на исторический факультет отвергалась родителями с порога: отпрыскам объясняли, что они в таком случае станут учителями истории в школе. В особенности недоумевали родители с техническими профессиями: у детей так хорошо шла в школе математика, так почему не поступать на мехмат (матмех) или в какой-нибудь технический вуз?

Специальность «экономическая кибернетика» выступала здесь как некоторый компромисс: с одной стороны, гуманитарная наука, с другой стороны — широко изучается и используется математика. В результате специальность «экономическая кибернетика» выбрали 9 человек из 14. Ещё двое поступили на специальность «политическая экономия» в то время, когда кибернетика ещё не была так популярна, однако их дипломные работы и кандидатские диссертации были сильно математизированы и вполне могли пройти по кафедре экономической кибернетики. Только два человека закончили обучение по кафедре политической экономии и работали потом преподавателями политической экономии в ВУЗах.

Их университеты

Большинство респондентов (шесть человек) закончило экономический факультет МГУ, трое — экономический факультет Ленинградского университета, по двое — экономический факультет Новосибирского университета и отделение экономической кибернетики Ленинградского финансово-экономического института, один человек — Московский финансовый институт.

На вопрос о том, какие профессора экономики повлияли на мировоззрение респондентов, основной ответ был: никакие. Хотя были отмечены несколько профессоров, лекции которых представляли интерес. В Московском университете это С.М. Меньшиков, Е.З. Майминас (который вел специальный семинар), А.М. Емельянов. В Новосибирском университете — тот же С.М. Меньшиков (он переехал в Новосибирск из Москвы), М.К. Бандман, К.К. Вальтух. В Ленинградском университете: В.Л. Шейнис, Л.С. Бляхман, Н.Н. Воробьев.

С самых первых дней учёбы в университетах молодые экономисты начали читать зарубежную экономическую литературу, на первых порах в переводах. Все читали одни и те же книги, поскольку переводной литературы было мало. Главным хитом был учебник экономики П. Самуэльсона, причём один из респондентов вспоминает, что он купил эту книгу в букинистическом магазине за огромные по тем временам деньги: 25 рублей. Более доступным учебником была книга Л. Столерю «Равновесие и экономический рост», выпущенная большим тиражом в издательстве «Статистика» в 1974 г. Что касается прикладных исследований, то в 1966 г. на русском языке была опубликована фундаментальная книга У. Баумоля «Экономическая теория и исследование операций», а в 1975–1976-х гг. вышел двухтомник Э. Маленво «Статистические методы эконометрии» [Самуэльсон, 1964; Столерю, 1974; Баумоль, 1966; Маленво, 1975; Маленво, 1976].

Судя по проведённым интервью, важным источником «вдохновения» для молодых экономистов стали книги отцов-основателей кибернетики Н. Винера, У.Р. Эшби и Ст. Бира, добавившие долю стереометрии в их экономические воззрения. Действительно, принцип необходимого разнообразия, предложенный Эшби, утверждал, что разнообразие управляющей системы должно превосходить разнообразие управляемой системы, что

в содержательном плане не только приводило к вопросу о неэффективности Госплана, но и ставило под сомнение любые идеи оптимального планирования. А теорема неполноты Гёделя, подробно разобранный в книге Бира, указывала на принципиальную ущербность любых сложных экономико-математических моделей [Винер, 1958; Эшби, 1959; Бир, 1963].

Неудивительно, что большая часть респондентов с большим скепсисом относились к идеям СОФЭ (системы оптимального функционирования экономики), разрабатываемым в ЦЭМИ и в новосибирском Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР³. Никто из них не занимался этой проблематикой ни в дипломных работах, ни в диссертационных исследованиях, предпочитая эконометрику и конкретно-экономические проблемы.

Методы межотраслевого анализа, которые начали в это время широко применяться, в том числе и в прогнозировании, также вызывали большие сомнения. Во-первых, в матрице Василия Леонтьева технологические коэффициенты зафиксированы, и здесь нет возможности замены одних ресурсов другими. Во-вторых, расчёт коэффициентов матрицы Леонтьева требовал проведения раз в несколько лет почти сплошных и очень трудоёмких обследований, качество которых по ряду причин было недостаточно удовлетворительным. В частности, вся официальная статистика собиралась по так называемым хозяйственным отраслям, в то время как межотраслевой баланс рассчитывался по чистым отраслям, поэтому возникала проблема правильного разнесения затрат между чистыми отраслями внутри обследуемых предприятий. Значительная часть экономики относилась к военному сектору, откуда в лучшем случае поступали некоторые агрегированные результаты. Многоотраслевые модели экономики оказывались в прогнозировании очень неустойчивыми в связи с трудностями калибровки, а агрегированные модели были более устойчивыми, но менее содержательными.

Отсутствие развитых личных контактов между старшим и младшим поколениями экономистов и скептическое отношение молодёжи к теме оптимального планирования были существенным фактором взаимного отчуждения, которое в период проведения реформ проявилось у старшего поколения в тотальном неприятии взглядов и практики реформаторов. Действительно, экономические реформы сделали ненужными не только оптимизационные и межотраслевые модели, но даже такой реальный шедевр советской экономической науки, как Комплексная программа научно-технического прогресса — всё, что было святого у старшего поколения экономистов-математиков.

Парадоксальным образом в следующем поколении экономистов ситуация снова перевернулась: поколение реформаторов ушло в правительство, а старшее поколение продолжило читать лекции в университетах. Так что у нового поколения экономистов сложилось негативное отношение к реформам 1990-х гг. Что, впрочем, не помешало представителям этого поколения неплохо продвинуться в рыночной экономике России начала XXI в.

Самообразование

На младших курсах доступ для студентов в ведущие библиотеки столиц был затруднён: для работы в них, как правило, требовалось письмо из ВУЗа. К старшим курсам ситуация менялась: большинство респондентов к этому времени уже имели устойчивые связи на выпускающих кафедрах и необходимые бумаги подписывались достаточно легко.

В Москве потребности в зарубежной экономической литературе процентов на восемьдесят удовлетворяла библиотека Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), новое здание которого было открыто в 1975 г. в непосредственной близости от всех академических институтов экономического профиля.

³ В 1957 г. в постановлении Президиума АН СССР назывался Институт экономики и статистики СО АН СССР, но уже в 1958 г. (год основания) был переименован в ИЭиОПП СО АН СССР.

В Ленинграде ситуация с англоязычной экономической литературой обстояла значительно хуже: здесь было на порядок меньше необходимых респондентам книжных изданий, и они были примерно поровну распределены между Публичной библиотекой и Библиотекой Академии наук. Справедливости ради следует отметить, что в Ленинграде были доступны практически все ведущие англоязычные экономические журналы. Но в любом случае для полноценного изучения зарубежных источников ленинградцам приходилось выезжать в ИНИОН.

Если литература по экономической теории находилась, как правило, в открытом доступе, то всё, что касалось советской экономики направлялось в спецхран, впрочем, как и многие работы по философии, социальным наукам и политологии. Респонденты получали туда доступ, как правило, уже после окончания ВУЗов и перехода на работу в академические институты. В любом случае это было достаточно нерегулярное чтение и недостаток широкого гуманитарного образования — характерная особенность рассматриваемого поколения экономистов.

Большинство выпускников отделений экономической кибернетики не имели проблем с математическим аппаратом англоязычной экономической литературы, но английский язык им (за исключением выпускников английских школ) пришлось серьёзно подтягивать, некоторые из них посещали даже языковые курсы. Однако самым важным фактором в этом отношении были их зарубежные стажировки в США, Канаду, Великобританию и другие страны. Из этих поездок респонденты возвращались с прекрасным знанием языка.

К началу 1990-х гг. все они свободно говорили по-английски, что позволяло им не только эффективно общаться на профессиональные темы с зарубежными специалистами, но и выстраивать с ними личные отношения.

Вообще говоря, большинство респондентов к концу 1980-х гг. смогло хотя бы раз побывать за рубежом, и все отмечают большие изменения, произошедшие в их мировоззрении после эти поездок. Сухой остаток впечатлений можно изложить, несколько перефразируя слова братьев Стругацких: «на свете есть много стран, где-то люди живут лучше, чем у нас, где-то — хуже, но нигде не живут глупее...».

Ещё одна характерная особенность в рассматриваемой группе — знание второго иностранного языка. Это была по тем временам некоторая роскошь, однако второй язык сильно расширял горизонты мышления и открывал несколько иные перспективы. Как правило, вторым языком был французский, немецкий или испанский. Однако в расширенной группе молодых экономистов некоторые знали и восточноевропейские языки: польский, чешский и сербохорватский, что было весьма важно для изучения экономик стран Восточной Европы. Практическая невозможность овладения венгерским языком компенсировалась свободным доступом к англоязычному венгерскому журналу «Acta Oeconomica» в котором публиковались статьи ведущих венгерских экономистов.

Следует отметить, что старшее поколение советских экономистов знало иностранные языки (и в частности, английский) значительно хуже: когда они учились в школе, уровень преподавания иностранных языков там был очень невысоким. Тем более их никто не учил толком иностранным языкам в ВУЗах. Эти экономисты самостоятельно освоили язык в объёме, достаточном для чтения (и даже перевода) англоязычной экономической литературы, но никогда не владели языками свободно. Исключения были немногочисленными: отец Станислава Меньшикова работал в 1930-е гг. в Лондоне, где его сын одно время учился в местной школе, Олег Богомолов свободно знал немецкий язык, Юрий Яременко стажировался в Китае, где овладел китайским. Иван Сыроежин после длительной стажировки в США в начале 1960-х гг. говорил по-английски совершенно свободно.

Следует подчеркнуть, однако, то обстоятельство, что выпускники экономического факультета МГИМО и отделения зарубежной экономики МГУ, которые знали английский и другие иностранные языки на очень хорошем уровне, как правило, не принимали активного участия в подготовке и проведении реформ ни в 1960-е, ни в 1990-е гг.

Профессиональная ориентация

После окончания университетов все респонденты избрали академическую или университетскую карьеру. Это не удивительно: они все были склонны к исследовательской (реже к преподавательской) работе, имели большие достижения в учёбе и их охотно принимали в аспирантуру или в АН СССР. Да и с чисто материальной точки зрения академическая или университетская карьера была весьма привлекательной: ненормированный рабочий день, относительно высокие зарплаты (особенно для кандидатов и докторов наук). Все респонденты довольно быстро защитили кандидатские диссертации и имели хорошие перспективы стать к 40 годам молодыми профессорами.

Никто из них не стремился ни к производственной, ни к партийно-номенклатурной карьере. Есть два эпизода работы в выборных комсомольских органах, но оба они быстро закончились возвращением в науку. Одна из причин нежелания работы на производстве состояла, по-видимому, в том, что любая карьера в этой сфере неизбежно проходила через партийные комитеты, к которым молодые экономисты не хотели иметь никакого отношения.

Такие карьеры реформаторов 1990-х гг. находятся в резком контрасте с карьерами реформаторов середины XIX в. В то время почти все видные деятели реформ прошли через государственную гражданскую службу, только несколько человек стали профессорами. Причин этому несколько. Во-первых, профессорских позиций в университетах в то время было немного. Во-вторых, для дворян считалось уместным после окончания образования провести определённое время на государственной службе — военной или гражданской. В-третьих, в 40-е гг. XIX в. в министерства активно рекрутировались выпускники университетов, где они, благодаря своему высокому уровню образования, делали достаточно быстрые карьеры. Многие будущие реформаторы XIX в. близко познакомились между собой на службе в Министерстве внутренних дел, которое в это время имело большие полномочия по регулированию экономики.

В период проведения Великих реформ их главные идеологи имели уже довольно высокий чиновничий статус, и главное — навыки аппаратной борьбы, которые им весьмагодились в конфликте с консервативной частью правительственного аппарата. Реформаторам же конца XX в. пришлось усваивать аппаратные навыки на ходу, набивая себе кучу шишек.

В то же время нельзя сказать, что будущие реформаторы не были знакомы с состоянием реального сектора экономики. По ходу своих исследований им часто приходилось путешествовать по всей стране: от Молдавии до Дальнего Востока. Они хорошо разбирались в экономической статистике, как, впрочем, и молодые сотрудники Министерства внутренних дел в 40-е годы XIX в.

Сравнительная характеристика групп реформаторов XIX и XX веков

Если же сравнивать группы реформаторов XIX и XX вв. в более широкой перспективе, то можно обнаружить как сходство, так и различия в истории их формирования. Если говорить о сходстве, то в семьях реформаторов XIX в., как и семьях реформаторов XX в. мы находим очень мало военных. Здесь отцы — либо чиновники, либо помещики. В некоторых семьях отцы участвовали в наполеоновских войнах, но затем быстро покидали армию. Есть только один адмирал, который был скорее морским исследователем (В.Я. Головин). Впрочем, в XX в. в семьях реформаторов мы также видим одного адмирала (Т.А. Гайдара).

Во-вторых, реформаторы XIX и XX вв. были (за редкими исключениями) отличниками в гимназиях и школах и первыми студентами в университетах. И те и другие имели отличные литературные способности.

В-третьих, в XIX в. (как и в XX в.) главной кузницей реформаторов был Московский университет и его Благородный пансион, готовивший к поступлению в Университет, и несколько учебных заведений в Петербурге (Университет, Царскосельский лицей и Училище Правоведения).

В-четвёртых, будущие реформаторы познакомились и подружились между собой после окончания университетов, но до начала активной стадии реформ. Обе команды были в определённой степени «двуголовыми», опираясь в своей деятельности в равной степени на людей из обеих столиц.

Наконец, важной чертой, роднящей реформаторов XIX и XX вв., была крайняя независимость в суждениях: они до всего доходили собственным умом и ничего не принимали на веру. В то же время они вполне уважали чужие взгляды и позиции, когда они были самостоятельными. Именно такое психологическое и интеллектуальное сходство помогло им близко познакомиться в дореформенный период, не разругаться в ходе проведения реформ и сохранить дружеские отношения в постреформенное время.

Различия, однако, тоже были значительными. В XIX в. все реформаторы происходили из родовитых и, как правило, богатых дворянских семей. Они были достаточно обеспечены, чтобы в любой момент оставить государственную службу и уехать к себе в деревню (или за границу). Почти у всех активистов Великих реформ большое заграничное путешествие было элементом образования и становления их как личностей. Они все хорошо знали, как минимум, два иностранных языка: французский и немецкий, причём французский они знали в совершенстве, а немецкий в достаточной степени, чтобы читать в подлиннике произведения немецких философов, которые владели тогда умами молодого поколения русских. Третьим языком у представителей этого поколения обычно был польский, итальянский или английский.

Книги по общественно-политическим наукам, изданные во Франции и Германии, были доступны абсолютно всем образованным русским (даже если они были запрещены к ввозу в Россию, как, например записки А. де Кюстина или роман А. Дюма о декабристах «Учитель фехтования»). А так как таких книг было немного, они прочитывались и обсуждались всем образованным сословием. В частности, огромной популярностью пользовались обе книги А. де Токвиля. Так что гуманитарное образование у молодёжи 40-х гг. XIX в. было лучше, чем в XX в.

Второе отличие состоит в том, что образованное сословие России было в середине XIX в. очень небольшим, все значимые фигуры были тогда сосредоточены в столицах, так что появление молодых талантливых выпускников университетов сразу замечалось в московских и петербургских салонах. Почти все фамилии будущих деятелей Великих реформ были на слуху в образованных кругах уже к началу Крымской войны. В XX в. молодые реформаторы до начала реформ были не только неизвестны широкому слою интеллигенции, они были малозаметны даже в профессиональном сообществе экономистов. Они не были своими ни среди политэкономов, ни среди экономистов-математиков, ни среди специалистов по отраслевой экономике.

Экономические воззрения будущих реформаторов. Формирование команды

Теория административного рынка и её предшественники

Несмотря на несколько различный образовательный и социальный бэкграунд будущих реформаторов, у них уже к началу 1980-х гг. сформировалось общее представление о закономерностях функционирования и развития советской экономики, которое затем было названо «теорией административного рынка» (ТАР). Эту теорию можно назвать теорией только условно. Она вырабатывалась независимо несколькими группами исследователей,

имела разные названия (например, экономика согласований), никем никогда не была сведена в общую концепцию и довольно быстро потеряла свое практическое значение по мере трансформации плановой экономики в рыночную. Наиболее последовательное изложение идей ТАР дано в статье В.Найшуля «Высшая и последняя стадия социализма» [Найшуль, 1991].

В отличие от прежних теоретических описаний советской экономики как командно-административной системы, в которой плановые решения принимаются на высших уровнях хозяйственной иерархии и затем доводятся до нижестоящих звеньев, ТАР рассматривала советскую экономику как систему согласований плановых решений между различными уровнями хозяйственной иерархии, в которой происходит торг за плановые показатели и ресурсы, что и позволяет говорить о своеобразном «рынке». В этом отношении ТАР противостояла не только политической экономии социализма в её консервативном изводе (всеобщая планомерность), но и теоретическим построениям идеологов СОФЭ, согласно которым вся информация в экономике идёт снизу вверх, а решения об оптимальном плане принимаются на самом верху на основе оптимизационных моделей. ТАР также радикально отличалась от идеологии рыночного социализма: в реальной системе производственных отношений социализма деньги и финансы играли подчинённое положение по отношению к натуральным показателям и материальным ресурсам и были обычно вспомогательным элементом в административном торге. Монетизация этой системы отношений при сохранении государственной собственности представлялась достаточно утопичной идеей.

В формировании теории административного рынка и в новом понимании механизмов функционирования социалистической экономики сыграли определённую роль работы нескольких выдающихся экономистов, опубликованные в 70-е гг. и в начале 80-х гг. Первым в этом ряду стоит имя Ивана Сыроежина, который создал в начале 70-х гг. на основе синтеза общей теории систем Людвига фон Берталанфи [Берталанфи, 1969] и западных теорий управления так называемую теорию хозяйственных систем (ТХС) [Попова, Сыроежин, Эйсснер, 1974]. В этой теории функция распоряжения рассматривалась как основная структурообразующая функция в социалистическом хозяйстве, а базовой структурной единицей является распорядительный центр (РЦ) — объединение лиц, принимающих решения. РЦ — звено переменного масштаба, так что и цех, и завод, и министерство являются распорядительными центрами.

Экономические интересы РЦ определяются ресурсами, находящимися в их распоряжении, причём ресурсы отдельных РЦ могут пересекаться (т.е. находиться в совместном распоряжении). Процесс планирования и управления сводится в этой схеме к процессу согласования интересов различных РЦ.

Разнородность и разнокачественность ресурсов, находящихся в распоряжении РЦ, создаёт существенные отличия в их тезаурусах и затрудняет вербализованный информационный обмен между ними. Не случайно в ТХС важным исследовательским инструментом были деловые игры и имитационное моделирование, позволявшие экспериментально воспроизводить процессы информационного обмена в хозяйственных системах. Одним из ресурсов, находящихся в распоряжении РЦ, являются властные (административные) ресурсы, используемые в процессе согласования интересов. Поэтому процесс согласования интересов при подготовке и реализации плановых решений представляет собой административный торг — только что не называемый так официально.

Другим важным понятием в ТХС было понятие проблемной ситуации, которая определялась как такое нарушение интереса РЦ, которое может быть преодолено не единственным способом. В этой схеме никто ничего не оптимизирует: распорядительные центры сталкиваются с потоком проблемных ситуаций, каждая из которых разрешается в условиях неполной информации и в контексте реальностей текущего момента. Это ставило ТХС одинаково далеко как от теории общего равновесия, так и от системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Другой яркой фигурой в процессе возникновения теории административного рынка стал выдающийся венгерский экономист Янош Корнай. Наиболее известная его работа «Экономика дефицита» [Kornai, 1980] (русский перевод — 1990 г.) стала известна в кругу будущих реформаторов в начале 1982 г., однако главная книга Корнай «Антиравновесие» была опубликована в 1971 г., а годом позже был опубликован его цикл лекций «Форсированный и гармонический рост» [Kornai, 1971; Kornai, 1972].

В книге «Антиравновесие» Корнай достаточно аргументированно показал ограниченность равновесного подхода к экономике, утверждая, что типичным и постоянно воспроизводимым состоянием любой экономики является неравновесие. В книге «Экономика дефицита» эта идея развита по отношению к плановой экономике, причём там было доказано, что в социалистической экономике дефицит является перманентным и не может быть преодолен. Главная причина такой ситуации — феномен «мягких бюджетных ограничений», который приводит к постоянному превышению спроса над предложением. Понятие мягких бюджетных ограничений стало впоследствии органической частью теории административного рынка.

Третьим источником формирования теории административного рынка стала опубликованная в 1981 г. монография Юрия Яременко «Структурные изменения в социалистической экономике» [Яременко, 1981; Яременко, 2000]. В этой работе Яременко сформулировал тезис о структурной неоднородности советской экономики, в которой он выделял ядро (военно-промышленный комплекс) и периферию (гражданские отрасли)⁴. Ядро экономики производит качественные товары, а периферия — массовые. В ситуации сбалансированного развития происходит замещение массовых ресурсов периферии качественными ресурсами ядра, неэффективные производства периферии схлопываются, так что общая эффективность экономики растёт. Однако в случае нарушения равновесия, например, при форсированном развитии ВПК, которое происходило в 1970-е гг., возникает нехватка качественных товаров и их приходится компенсировать массовыми товарами, эффективность использования которых в ядре экономики невелика. При этом периферия вынужденно разрастается.

Юрий Яременко был выдающимся экономистом и тонким наблюдателем советской экономики. Он хорошо видел структурные дисбалансы начала 1980-х гг. и выработал концепцию их преодоления. По его мнению, правительству следовало отказаться от форсированного развития военно-промышленного комплекса и направить качественные (в том числе и кадровые) ресурсы ВПК в сферу гражданского машиностроения и производства предметов потребления, стимулируя таким образом рост эффективности этих секторов и повышение стандартов потребления населения. Проблема, однако, состояла в том, что реализация этой программы находилась за гранью политически возможного: руководство страны настолько срослось с верхушкой ВПК, что сценарий крупномасштабной конверсии требовал фактической смены режима. Эта смена режима в конце концов произошла, но совершенно обвальным образом, когда ни о какой управляемой конверсии ВПК не могло быть и речи.

Крушение своих идей Юрий Яременко пережил тяжело и стал жёстким критиком рыночных реформ, проводимых его учениками. Впрочем, Иван Сыроежин скорее всего также оказался бы среди критиков реформ: он весьма скептически относился к рынку⁵.

⁴ В условиях СССР нельзя было открыто говорить о роли советского ВПК. Поэтому в своих работах Ю.В. Яременко использует нейтральное понятие «хозяйственных уровней». Технологически более развитые отрасли (космос, атомная энергетика, ВПК и др.) — высшие уровни, отстающие (сельское хозяйство, строительство, транспорт, лёгкая и пищевая промышленность) — нижние уровни. — *Прим. ред.*

⁵ Иван Сыроежин умер в сравнительно молодом возрасте в 1983 г.

Формирование команды

Удивительным образом будущие реформаторы в период учёбы в Московском университете не общались друг с другом (разные специальности, разные годы выпуска), хотя у каждого из них были дружные студенческие компании, в которых обсуждались прочитанные книги (в том числе самиздат), а также вести с «враждебных» голосов. В Ленинграде ситуация была несколько иной, здесь многие будущие реформаторы познакомились на студенческой скамье, хотя это происходило уже ближе к концу 70-х гг., когда москвичи старшего поколения (1947–1955 г.г.) уже закончили обучение в МГУ.

Три очень известных ныне экономиста оказались в одной студенческой группе отделения политической экономии экономического факультета ЛГУ и очень тесно между собой общались, хотя в дальнейшем их карьеры сильно разошлись [Травин, 2024. С. 167]. На отделении экономической кибернетики Ленинградского финансово-экономического института группа студентов разных курсов сформировала сначала ядро студенческой лаборатории региональных экономических исследований, а затем, практически в полном составе, после окончания института влилась во вновь созданную Проблемную лабораторию региональных экономических исследований [Васильев, 2015. С. 43–44]. И совсем уж экзотической историей выглядит знакомство экономистов-математиков (кибернетиков) из Ленинграда и Новосибирска, которое произошло на студенческой конференции в Академгородке в апреле 1977 г. [Васильев, 2015. С. 47–49].

Однако две основные группы реформаторски настроенных экономистов возникли уже после завершения их участниками учёбы. Одна из них в Ленинградском инженерно-экономическом институте в 1979 г. (А. Чубайс, Г. Глазков, Ю. Ярмагаев), вторая — в Москве во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ) в 1982 г. (Е. Гайдар, П. Авен, В. Широнин).

К этому же времени относится знакомство между группами, а уже в 1984 г. группа Гайдара была привлечена к разработке предложений по проведению рыночных реформ по поручению Комиссии Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию хозяйственного механизма. К этой работе Гайдар привлёк также и ленинградцев. Подготовка концепции рыночных реформ была в основном завершена к моменту прихода к власти Михаила Горбачева, но по ряду причин она не только не была использована в период перестройки, но даже не была полностью опубликована.

Ещё две группы реформистски ориентированных молодых экономистов сформировались уже во время перестройки. Одна из них возникла в Ленинграде в 1987 г. и была оформлена как клуб общественных наук «Синтез», другая — в Москве в ЦЭМИ под крылом Евгения Ясина и Владимира Мащица, которые в это время заведовали смежными лабораториями этого института.

Совершенно особым образом складывалась ситуация в Новосибирске. Здесь консолидация будущих реформаторов происходила в рамках сельских социологических исследований, проводимых Т. Заславской, причём в этой группе принимали участие и москвичи (П. Авен и В. Широнин). Именно эта группа сформировала ряд исходных положений теории административного рынка [Широнин, 1984; Авен, Широнин, 1987; Павленко, 1989].

К началу перестройки система кружков, клубов и семинаров молодых экономистов уже не обеспечивала необходимого уровня содержательной коммуникации, поэтому начиная с 1986 г. в основном силами ленинградцев была организована серия конференций молодых учёных (Змеиная Горка, Лосево и т.д.), на которых, во-первых, перезнакомились все активные деятели будущих российских реформ, а во-вторых, они смогли выступить со своими наработками и получить реакцию от единомышленников. Именно эта серия конференций стала важным фактором формирования единого понимания социально-экономических процессов, происходивших в позднем СССР, а также возможных путей проведения рыночных реформ.

По оценкам автора, общая численность команды молодых экономистов составила к концу 1980-х гг. порядка 20 человек, при этом они почти все были лично между собой знакомы, регулярно читали статьи друг друга и хорошо представляли себе, кто чего стоит. Это стало важнейшим фактором эффективности работы команды в экстремальных условиях первого этапа реформ.

Здесь нельзя не сказать о двух главных действующих лицах команды молодых экономистов: Егоре Гайдаре и Анатолии Чубайсе. Они обладали безусловным авторитетом в объединённой команде реформаторов, хотя их экономико-математическое образование было минимальным: Гайдар закончил отделение политической экономии МГУ, а диплом и кандидатскую диссертацию писал на кафедре экономики промышленности. Чубайс закончил факультет экономики машиностроения в Ленинградском инженерно-экономическом институте, а затем работал там же на кафедре экономики НИОКР. Впрочем, экономико-математическое моделирование Гайдара никогда не интересовало, зато он очень хорошо изучил литературу по институциональной экономике и экономической истории, а также по широкому кругу социальных наук. Чубайс больше увлекался проблемами технологического развития и очень хорошо представлял себе, как устроено советское предприятие.

С самого начала два лидера ставили перед собой достаточно амбициозные долгосрочные задачи, хотя даже сейчас трудно предположить, какие именно. Они серьёзно занимались проблемой расширения круга единомышленников. Так один из участников ленинградской группы молодых экономистов (Г. Глазков) учился три года в аспирантуре ЦЭМИ и имел специальное задание от Анатолия Чубайса по поиску в Москве новых перспективных кадров. Егор Гайдар неоднократно приезжал в Ленинград и установил личные контакты со всеми участниками ленинградской группы. По мнению автора, без этих двух лидеров к началу реформ не смогла бы возникнуть группа хорошо образованных и знакомых между собой молодых экономистов, понимающих характер будущих управленческих задач и способных к коллективным действиям по их решению.

Заключение

Отличительной особенностью российских экономических реформ 1990-х гг. было то, что они разрабатывались и осуществлялись большой группой молодых экономистов, имевших близкое социальное происхождение и образование, разделявших общие взгляды на структуру и динамику советской экономической системы и хорошо представлявших себе возможные пути её реформирования. Ядро этой группы состояло примерно из 20 человек, хорошо знакомых между собой с середины 1980-х гг. Ещё примерно 20 человек составляли как бы второй круг группы реформаторов и были достаточно идеологически близки к первой группе. В дальнейшем большинство членов этих двух групп входили в состав российского правительства и обеспечивали преемственность курса экономических реформ по крайней мере до середины 2000-х гг.

Эта ситуация не уникальна: Великие реформы в России в середине XIX в. также были задуманы и реализованы достаточно узкой группой молодых профессионалов одного поколения (1816–1828 гг. рождения). Есть и более близкие исторические примеры: экономические реформы 1970–1980-х гг. в Чили, также осуществлённые относительно небольшой группой молодых экономистов, близко знакомых друг с другом.

События и факторы, повлиявшие на формирование группы молодых реформаторов, исторически отстоят достаточно далеко от момента начала реформ. Здесь речь в первую очередь идёт о математической революции 1950-х гг. в экономической науке и бурном развитии кибернетики и общей теории систем, происходившем в это время.

В Советском Союзе на рубеже 1950–1960-х гг. произошла довольно быстрая рецепция этих двух научных направлений, благодаря хрущёвской оттепели и расширению

контактов с Западом. Западные экономические теории были легализованы в форме научных направлений математической экономики и экономической кибернетики.

В начале 1960-х гг. произошли также радикальные изменения в сфере образования: в высших учебных заведениях массово открывались отделения по специальности «экономическая кибернетика», были созданы специализированные физико-математические школы и в разы увеличена сеть языковых спецшкол. Образование большинства будущих реформаторов было связано как раз с этими тремя образовательными проектами.

Хорошее знание математики и английского языка открывало молодому поколению экономистов широкий доступ к зарубежной экономической литературе. Возможно, именно благодаря такому широкому кругу чтения они скептически воспринимали как западный мейнстрим (теорию общего равновесия), так и его советский извод — теорию оптимального функционирования социалистической экономики и вообще оптимизационные модели и техники; они были более склонны к институционализму, хотя в то время далеко не все из них знали этот термин.

Широкий институциональный подход позволил по-иному посмотреть на экономическую реальность позднего СССР. Это была уже не командно-административная система, где все решения принимались в центре и исполнялись на местах, а «экономика согласований», где разработка и реализация экономических планов осуществлялась путём итеративных согласований и обмена ресурсами между различными уровнями хозяйственной иерархии. Теория, описывающая функционирование экономики согласований, получила название теории административного рынка.

Участники группы познакомились в начале 1980-х гг., когда необходимость экономических реформ стала очевидной, и они, практически сразу, приступили к выработке программы реформ. Тесное интеллектуальное общение в группе в середине 1980-х гг. позволило выработать общее представление о направлениях и тактике проведения будущих реформ и стало важным фактором эффективности работы группы в первых российских правительствах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Авен П.О., Широнин В.М. (1987). Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований [Aven P.O., Shironin V.M. (1987). The reforms of economic mechanism: feasibility of the designed transformations] // *Известия СО АН СССР. Серия Экономика и прикладная социология*. №13. Вып. 3. С. 33–48. DOI: 10.2753/PET1061-1991310233.
- Баумоль У. (1965). *Экономическая теория и исследование операций* [Baumol W. (1961) *Economic theory and operations analysis*]. — М.: Прогресс.
- Бир Ст. (1963). *Кибернетика и управление производством* [Beer St. (1959). *Cybernetics and management*]. — М.: Наука.
- Берталанфи Л. фон (1969). Общая теория систем: критический обзор [Bertalanffy L. von. (1969). *General system theory: a critical survey*] // *Исследования по общей теории систем*: Сб. переводов / Общ. ред. В. Садовский, Э. Юдин. — М.: Прогресс. С. 23–82.
- Бирман И. (2001). *Я экономист (о себе любимом)* [Bierman I. (2001). *I am economist (about myself beloved)*]. — М.: Время.
- Васильев С. (2015). *Две жизни одного поколения*. [Vasiliev S.A. (2015). *The two lives of one generation*]. — СПб.: Лимбус Пресс.
- Васильев С.А. (2022а). Аграрные реформы в России в XIX — начале XX вв.: политический контекст и технология проведения (Ч. 1. Крестьянская реформа Александра II). [Vasiliev S.A. (2022a) *Agrarian reforms in Russia in XIX-XX centuries (Part 1. The Great Reforms of Alexander II)*] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 151–172. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_157_172.
- Васильев С.А. (2022b). Аграрные реформы в России в XIX — начале XX вв.: политический контекст и технология проведения (Ч. 2. Второй этап аграрной реформы: С.Ю. Витте и П.А. Столыпин) [Vasiliev S.A. (2022b) *Agrarian reforms in Russia in XIX-XX centuries (Part 2. The Second Stage of Agrarian Reform: Witte and Stolypin)*] // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 149–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163.
- Васильев С.А. (2024). Западники, славянофилы и технократы: групповой портрет эпохи великих реформ. [Vasiliev S.A. (2024). *Westerners, slavofils, technocrats: group portrait of the Great Reforms era*] //

- С.А. Васильев *Очерки истории великих реформ.* — СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр». С. 68–112.
- Кошелев А.И. (2002). *Записки Александра Ивановича Кошелева (1822–1883 годы)* [Koshelev A.I. (2002). *Memories of Alexander Ivanovich Koshelev (1822–1883)*]. — М.: Наука.
- Леруа-Больё А. (2025). *Русский государственный деятель Николай Милютин. Исследование о России и Польше времён царствования Александра II (1855–1872)* [Leroy-Beaulieu A. (1884). *Un homme d'Etat russe (Nicolas Milutine d'après sa correspondance inédite. Étude sur la Russie et la Pologne pendant la règne d'Alexandre II (1855–1872))*]. — СПб.: Библиороссика.
- Майофис М.Л. (2016). Страх влияния: к ранней истории языковых спецшкол (конец 1940-х — начало 1960-х годов) [Maiofis M.L. (2016). *Fear of influence: early history of language schools*] // *Вопросы образования*. №2. С. 286–308. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-2-286-310.
- Маленво Э. (1975, 1976). *Статистические методы эконометрии*. Т. 1–2 [Malinvaud E. (1964). *Méthodes statistiques de l'économétrie*]. — М.: Статистика.
- Милютин Д., Милютин Д.А. (1997–2006). *Воспоминания*: В 7 т. [Miliutin D., Miliutin D.A. (1997–2006). *Memories*]. — М.: ТРИТЭ; Российский архив.
- Найшуль В. (1991). Высшая и последняя стадия социализма [Naishul V. (1991). *The highest and the last stage of socialism*] // В. Найшуль. *Погружение в трясину.* — М.: Прогресс. С. 31–62.
- Нольде Б. (2003). Юрий Самарин и его время [Nolde B. (2003). *Yuri Samarin and his time*]. — М.: ЭКСМО.
- Семенов Тян-Шанский П.П. (2018). *Мемуары П.П. Семенова Тян-Шанского*. Т. 3/ 1857–1861. [Semyonov Tyun-Shansky (2018). *Memories*. V. 3. 1857–1861]. — М.: Кучково поле.
- Оболенский Д.А. (2017). *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского*. [Obolensky D. (2017). *Diaries of Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky*]. — М.: Нестор.
- Павленко С. (1989). Неформальные управленческие взаимодействия [Pavlenko S. (1989). *Informal management interactions*] // *Постижение*. — М.: Прогресс. С. 190–202.
- Понтрягин Л.С., Болтянский В.Г., Гамкрелидзе Р.В., Мищенко Е.Ф. (1961). *Математическая теория оптимальных процессов*. [Pontryagin L.S. Boltiansky V.G., Gamkrelidze P.V., Mishchenko E.F. (1961). *Mathematical theory of optimal processes*]. — М.: Государственное изд-во физико-математической литературы.
- Попова Т.Г., Сыроеждин И.М., Эйсснер Ю.Н. (1974). *Экономическая кибернетика. Основы теории хозяйственных систем*. [Popova T.G., Syroezhin I.M., Eussner Yu.N. (1974). *Economic cybernetics. Fundamentals of the theory of economic systems*]. — Л.: Изд-во ЛГУ.
- Самуэльсон П. (1964). *Экономика: вводный курс*. [Samuelson P. (1948). *Economics: an introductory analysis*]. — М.: Прогресс.
- Соловьев Я.А. (1881–1884). *Записки сенатора Я.А.Соловьева о крестьянском деле* [Solovyov Ya.A. (1881–1884). *The notes of senator Solovyov on agrarian reform*] // *Русская старина*. Т. XXX–XLI.
- Столерю Л. (1974). *Равновесие и экономический рост (Принципы экономического анализа)* [Stoléru L. (1968). *L'équilibre et la croissance économique (In French)*]. — М.: Статистика.
- Тесля А.А. (2014). *Последний из «отцов». Биография Ивана Аксакова* [Tesylya A. (2014). *The last of the “fathers”: Ivan Aksakov*]. — СПб: Русская мысль.
- Травин Д. (2024). *Как мы жили в СССР* [Travin D. (2024). *How we lived in the USSR*]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Широнин В.М. (1984). Механизмы координации производственной деятельности [Shironin V.M. (1984). *Mechanisms for coordination of production activities*] // *Сборник трудов ВНИИСИ*. Вып. 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanisms-of-coordination-of-economic-activities/viewer> (дата обращения: 10.09.2035).
- Эшби У.Р. (1959). *Введение в кибернетику* [Ashby W.R. (1956). *Introduction to cybernetics*]. — М.: Издательство иностранной литературы.
- Яременко Ю.В. (1981). *Структурные изменения в социалистической экономике* [Yaryomenko Yu. (1981). *Structural change in the socialist economy*]. — М.: Мысль.
- Яременко Ю.В. (2000). Теоретические основы исследования структурных сдвигов [Yaryomenko Yu. (2000). *Theoretical foundations for the study of structural change*] // Ю.В. Яременко. *Теория и методология исследования многоуровневой экономики*. — М.: Наука. С. 27–128.
- Arrow K.J., Debreu G. (1954). Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. Vol. 22. No. 3. Pp. 265–290.
- Dorfman R., Samuelson P., Solow R.M. (1958). *Linear Programming and Economic Analysis*. — N.Y.: McGraw Hill.
- Galbraith J.K. (1958). *The Affluent Society*. — N.Y.: Houghton Mifflin Company.
- Kornai J. (1971). *Anti-equilibrium. On economic systems theory and the tasks of research*. — Amsterdam: North Holland Pub.Co.
- Kornai J. (1972). *Rush versus harmonic growth*. — Amsterdam: North Holland Pub.Co.
- Kornai J. (1980). *Economics of shortage*. — Amsterdam: North Holland Pub.Co. 2v.
- Leeds A. (2016). *Spectral Liberalism: on the Subjects of Political Economy in Moscow*. PhD Thesis / Dissertation, University of Pennsylvania.

- Lincoln W.B. (1990). *The Great reforms: autocracy, bureaucracy and the politics of change in imperial Russia*. — Decalb, Illinois: Northern Illinois Univ. Press.
- Rostow W.W. (1952). *The Process of Economic Growth*. — N.Y.: W.W.Norton.
- Ruprecht T. (2022). The road from the Snake Hill. The Genesis of Russian Neoliberalism. // *Market Civilizations: Neoliberals East and South* / Ed's. Q. Slobodian, D. Plehwe — Zone Books. Pp. 109–138.
- Simon H.A. (1957). *Models of Man*. — N.Y.: John Wiley & Sons.
- Solow R.M. (1956). Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.

Васильев Сергей Александрович

savasiliev.78@gmail.com

Sergey Vasiliev

Doctor of Economics, Professor, E.T. Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow)

savasiliev.78@gmail.com

ECONOMIC REFORMS IN RUSSIA IN THE 90S: FORMING A TEAM AND IDEOLOGY OF REFORMERS

Abstract. The Russian economic reforms in the end of XX-th century were conceived and implemented by a wide group of young economists with similar social background and education. They shared common views on the structure and dynamics of the Soviet economy and could well imagine potential pathways to economic reforms. During the nineties the majority of this group joined the Russian government and secured the reform momentum at least until the middle of the next decade. Among the factors which influenced the creation of the group were the mathematical revolution in economics and rapid transfer of these ideas into soviet academic circles. Mathematical economics was widely taught in the universities, supported by the creation of specialized mathematical and language schools. The generation of young economists of the seventies was quite skeptical towards general equilibrium theories and was more institutionally oriented. They perceived the Soviet economy not as a command-administrative monster, but rather as a system of multiple horizontal and vertical informational and informal interactions which would facilitate the preparation and implementation of economic plans. The members of the group got acquainted early in the eighties, when the necessity of reforms became obvious. By the middle of the eighties, the group had a clear vision of the directions and techniques of the future reforms, which was very important for cohesion and efficiency of their activity in the first Russian government.

Keywords: *economic reforms, young reformers, ideology, team formation.*

JEL: A11, A22, B25, B30, B52.

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва)

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ: ДЕСЯТИЛЕТИЕ 2014–2024 гг. (новое исследование Института социологии РАН)

Аннотация. В статье рассматривается анализ результатов мониторингового социологического исследования Института социологии РАН, которым посвящена восьмая книга серии «Российское общество и вызовы времени». Особо отмечается актуальность этой книги, так как в ней исследуется состояние российского общества в сложный для него период — 2014–2024 гг. В книге анализируются изменения последнего десятилетия как в сфере материального положения массовых слоёв населения, так и динамика его идеологических предпочтений. В целом, отмечая некоторую положительную динамику в ответах респондентов в 2024 г., авторы предлагают относиться к этому с осторожностью и не говорить пока о существенных положительных сдвигах ни в материальной, ни в идеологической сфере. Более того, само улучшение показателей материального благополучия говорит скорее о том, что к 2024 г. населению более-менее удалось приспособиться к новой ситуации, но отношение к ней скорее стойкое. То есть для страны по-прежнему характерно господство «ценностей выживания». Не менее противоречивая и сложная картина показана при исследовании идеологических и ценностных предпочтений. Показаны особенности мировоззренческой сегментации массовых слоёв населения и её эволюция. Особо отмечается, что даже в ядре идеологического большинства, поддерживающего проводимый страной курс, нет единства. Исследование показывает раздробленность как идеологического большинства, так и меньшинства, что позволяет сделать вывод о рисках для страны в деле консолидации общества. В статье высказываются некоторые предположения, связанные как с ростом числа носителей индивидуалистических ориентаций, так и опасностями трансформации воззрений о специфике отечественного социально-экономического развития в мифологическую идеологию «особого пути».

Ключевые слова: *социологический мониторинг, динамика развития российского общества, самооценка материального положения, эволюция общественного развития, массовое сознание, мировоззренческая сегментация общества.*

JEL: A12, A13, O15, Z13

УДК: 316.3, 316.4

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_180_190

© Н.М. Плискевич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Плискевич Н.М.* Российское общество и вызовы времени: десятилетие 2014 — 2024 гг. (новое исследование Института социологии РАН) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 180–190. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_180_190.

FOR CITATION: *Pliskevich N.* Russian Society and the Challenges of the Time: The Decade 2014–2024 (New Research by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 180–190. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_180_190.

Институт социологии РАН выпустил очередную (восьмую) книгу «Российское общество и вызовы времени» из серии исследований, которые осуществляются на основе многолетнего социологического мониторинга динамики развития современного российского общества, подвергающегося многообразным угрозам и рискам как внутреннего, так и внешнего происхождения¹. Новая книга охватывает процессы, протекавшие в российском обществе в важное для его истории десятилетие, начиная с 2014 г., ознаменовавшегося «крымской весной», и вплоть до 2024 г. — года продолжающейся СВО, но в то же время и года адаптации общества к обусловленным ею новым условиям.

Проводимое коллективом ФНИСЦ РАН многолетнее многоаспектное мониторинговое социологическое исследование позволило за многие годы собрать огромный массив данных на основе единой методики и сбора данных, и их обработки и анализа. Эта книга (как и многие другие труды, выпускаемые Институтом социологии РАН) — пример чёткого проведения в научном исследовании выношенного авторами за многие годы совместной работы пути² — «сочетания теоретико-концептуальной и практико-ориентированной исследовательской работы по выявлению особенностей социальных трансформаций с установлением количественных и качественных параметров состояния и динамики российского социума по принципу *здесь и сейчас*» [Российское общество..., 2025. С. 8]³. Такое многолетнее мониторинговое исследование позволяет отслеживать динамику развития российского общества, выявлять те или иные тенденции в ней как в относительно спокойные, так и в кризисные периоды, к каковым, без сомнения, относится десятилетие 2014–2024 гг., ставшее предметом анализа в данной книге.

О широте и комплексности представленного в книге социального портрета российского общества, причём в динамике его развития последних десяти лет, свидетельствуют даже названия её глав. Здесь представлено содержательное социологическое отражение того, как в массовом сознании преломляются такие темы, как восприятие россиянами ситуации в мире, в стране, в местах их проживания и особо остро связанная с этим в рассматриваемый период тема отношения к коллективному Западу на фоне обострения информационной войны и эволюция внешнеполитической ориентации россиян в контексте десятилетней конфронтации с Западом. Важные изменения в жизни страны отражаются и в таких выделенных в книге элементах изменений в массовом сознании российских граждан, как: их социальное самочувствие и основные страхи; динамика субъективного благополучия в условиях противостояния с коллективным Западом; смысло-жизненные установки и нормативно-ценностные системы россиян в ситуации новых социокультурных вызовов; восприятие ими основных противоречий, присущих российскому социуму. Эти темы, и прежде всего сама сложность переживаемого страной периода, делают особо важным анализ мировоззренческой сегментации массовых слоёв населения страны.

Важными представляются и главы, выделенные в раздел, объединяющий анализ изменений в повседневной жизни населения России, вставших перед ним новых вызовов и практику ответов на них. Здесь для читателя (не только социолога, но и особенно для экономиста) размещён богатый социологический материал, а также глубокий его анализ, связанный с такими темами, как состояние и динамика последнего десятилетия в восприятии россиянами социального неравенства, анализ изменений в их имущественном положении,

¹ Предыдущие книги с таким же названием выходили, соответственно, в 2015 г. (2 книги), 2016 г. (2 книги) и в 2017 г. Затем последовал перерыв, обусловленный в том числе и ковидными ограничениями, а затем серия книг продолжилась выпуском шестой книги в 2022 г. и седьмой в 2024 г.

² Эти принципы развивались на протяжении более чем трёх десятилетий, и читателей не должно смущать обилие задействованных при этом организаций. Оно касается не единства важнейшей части коллектива, а изменения его административно-организационного статуса — от Российского независимого института социальных и национальных проблем 1990-х гг. до современного Федерального научно-исследовательского центра РАН (ФНИСЦ РАН), руководимого академиком РАН М.К. Горшковым.

³ Далее ссылки на страницы книги будут даваться в круглых скобках.

динамика индикаторов бедности и малообеспеченности, изменений в поведенческих стратегиях в новых условиях. Не обойдены и такие разные, но в то же время крайне важные при составлении комплексного представления о массовом сознании населения России темы, как отношение к частному предпринимательству, а также реальные практики в этой сфере, и всё более выдвигающаяся ныне на передний план тема рождаемости и семьи в общей системе жизненных установок.

Некоторое несогласие вызывает название одной из глав книги — «Трансформация социального капитала российского общества». Не было бы никаких вопросов, если бы данная глава называлась «Трансформация межличностного и институционального доверия в российском обществе». По сути, именно эту тему глубоко и обстоятельно освещает автор данной главы. Действительно, доверие — важнейший компонент формирования социального капитала. У вводивших определение «социальный капитал» значительное место отводилось ожиданиям человека от своих контрагентов того, что они будут честно выполнять свои обязательства и не возникнет нужды в применении к ним санкций за допускаемые нарушения [Коулман, 2001], т.е. существование атмосферы доверия. Однако этой важнейшей характеристики социального капитала недостаточно. Р. Патнэм, например, вводит в определение социального капитала помимо доверия сети и нормы социальной жизни, которые побуждают участников взаимодействия «к более эффективному действию по достижению общих целей» [Putnam, 1996. Р.66]. Поэтому В.В. Радаев считает, что объективированную структурную основу социального капитала «формируют сети социальных связей, которые используются для транслирования информации экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования регуляций» [Радаев, 2002. С.26]. На основе социального капитала складывается принадлежность к определённому социальному кругу. А в рамках культур, где господствуют иерархически организованные сети (к каковым принадлежит и Россия), социальный капитал тесно переплетается с административным капиталом [Там же. С. 27].

По сути, именно эти особенности культуры и выстроенные на её основе нормы и институты дают возможности включённым в «нужные» социальные сети изыскивать способы и реализации своего социального капитала, и его капитализации. Можно даже сказать, что принадлежность к таким социальным сетям открывает дорогу для быстрого обогащения, но она же вызывает отторжение у не попавших в них, что, собственно, провоцирует и рост неравенства, и чувство несправедливости по отношению к существующему порядку. Не случайно в книге отмечено изменение в трактовке традиционного для России социально-экономического противоречия — место противоречия между богатыми и бедными всё больше занимает противоречие между «олигархами и остальным обществом» (С. 321). Хотя в этой формулировке стоило бы уточнить тот круг, ту «социальную сеть», которая относится к определению «олигархов». Видимо, это сами олигархи, их окружение той или иной степени близости, сплётённые с ними представители государственных структур и т.п.?

Ограничение же анализа лишь темой доверия провоцирует сложности при ответе на вопрос, поставленный автором данной главы, о том, может ли социальный капитал как отражение прежде всего институционального доверия быть «капитализированным»? (С. 229). Автор трактует эту тему как получение населением выгод от роста доверия к государственным институтам, прежде всего Президенту, Правительству РФ, руководителям субъектов Федерации, которое выражается в выгодах, получаемых населением как нацией в виде объективной социальной стабильности и субъективной уверенности в благополучном развитии страны в ближайшие годы (С. 234). Представляется, однако, что данные формы доверия вряд ли могут быть интерпретированы как «капитализация» социального капитала. Тем более, что и доверие россиян различным государственным и общественным институтам отнюдь не одинаково. Так, в четвёрку институтов, вызывающих наибольшее

доверие, вошли и Российская армия, и Российская академия наук. Каким образом доверие к ним, зафиксированное более чем у половины опрошенных, может быть «капитализировано»? А среди институтов, которым доверяют менее половины россиян, мы видим и такие органы представительной власти, как Совет Федерации и Государственная дума, и органы местного самоуправления, и профсоюзы, и полиция, и судебная система (С. 231). Да и чувство неуверенности в завтрашнем дне, как неоднократно отмечают авторы книги, россиянам весьма свойственно. Что и неудивительно для столь беспокойного десятилетия. Всё это позволяет считать доверие хотя и необходимым условием формирования социального капитала, но явно недостаточным.

Представленная в книге многоаспектная динамика развития России последнего десятилетия не может не вызвать особого интереса у экономистов. Важно, что эта динамика прослеживается не только на основе данных официальной социально-экономической статистики, предоставляемых государственными службами, но прежде всего как субъективная картина отражения этой динамики в сознании россиян. Например, в книге приводятся их мнения о состоянии российской экономики и её перспективах и в 2014, и в 2024 гг. Так, в 2014 г. более 45% опрошенных считали, что эта ситуация за последние 10 лет (т.е. до событий в Крыму) улучшилась, и лишь 24% видели её ухудшение (С. 28). В 2024 г. десятилетняя динамика развития оценивается иначе: улучшение отмечают 26%, ухудшение — 31,1%, а для 42,6% ситуация не изменилась (С. 26). То же можно сказать и о мнении опрошенных об изменении в уровне жизни. Если в 2013 г. более трети считали, что за 10 лет их уровень жизни повысился, и эта цифра на 7 п.п. превышала число тех, кто выражал противоположное мнение, то в 2024 г. повышение уровня жизни признали только 19,4% россиян, а его понижение — 36,0% (С. 26).

Такие оценки не очень соответствуют данным официальных источников и об экономическом росте последних трёх лет, и о том, что стране успешно удаётся обходить санкции и ограничения, и об успехах в импортозамещении, и о резком росте зарплат в связи как с расширением производства на предприятиях ОПК, так и их ростом в других отраслях, связанном с нехваткой работников и практически отсутствующей безработицей, и о расширении социальных обязательств государства. (Правда, при всей объективности данной картины нельзя не учитывать и то, что она включает в себя и фактор изменений методик подсчёта официальных данных.)

Всё же, признавая достижения последних лет в борьбе со всеми сложностями ситуации, сложившейся после начала СВО, и приведённые, и многие другие данные свидетельствуют об отнюдь неоднозначной социально-экономической ситуации в стране. И представляется вполне обоснованным замечание авторов книги, что установленные в ходе опросов мнения населения, отражающие их восприятие социальной реальности, а также её динамики, «является *социальным фактом*, и этот факт, как и его причины, нуждаются в объяснении и понимании» (С. 28–29).

Подводящий итог проведённому анализу, М.К. Горшков достаточно осторожен в оценке мнений россиян о своём материальном положении. Он признаёт, что в 2023–2024 гг. эти оценки, хотя и были традиционно плохими, «но не столь негативными, как обычно». Однако из этого не следует вывод, что можно говорить о существенных положительных сдвигах в жизни массовых слоёв населения. К тому же им отмечается закономерность: более заметное улучшение индикаторов удовлетворённости реальными жизненными условиями наблюдается в сферах, тесно связанных с усилиями самих людей, а в тех сферах, которые в большей мере зависят от государства, «картина менее оптимистична» (С. 315).

В целом же, охватывая весь комплекс проблем, воздействующих на эмоциональное восприятие событий последнего десятилетия, авторы приходят к выводу, что нельзя однозначно говорить ни об ухудшении, ни об улучшении их положения. Данные обследования свидетельствуют, что наблюдается «нечто среднее между ними, хотя и более близкое

к выводу об улучшении того, что стало, в сравнении с тем, что было несколько лет назад, и близкое к тому, что наблюдалось в 2014 г.» (С. 313). И общее самочувствие россиян по сравнению с данными опросов 2000–2013 гг. в настоящее время авторы характеризуют скорее как спокойное, хотя и фиксируют как опасное развивающееся в последние годы «чувство страха перед неопределённостью будущего» (С. 313–314). Отмечу и ещё одно высказывание авторов о современной ситуации: «...если говорить о консолидированной позиции российского общества *в целом*, то её скорее можно было бы назвать *стоической*: раз уж так обернулись события, надо оставаться там, где стоишь, делать, что должно» (С. 17).

Это находит подтверждение и в главе, посвящённой социальному самочувствию россиян и их страхам. С одной стороны, наши сограждане чаще отмечали, что испытывали позитивно окрашенные чувства, прежде всего надежду на помощь близких, удовлетворённость тем, как у них идут дела, чувства гордости за собственные достижения и достижения близких, но в то же время такие чувства они испытывали «лишь иногда». Впрочем, с другой стороны, и негативно окрашенные чувства (беспомощности, страха перед будущим, несправедливости происходящего), хотя и отмечались реже, чем позитивные, но также испытывались «иногда» (С. 34–37). Думается, эта отмеченная в исследовании тенденция говорит скорее о состоянии покорности судьбе. Даже начало СВО не вызвало такого всплеска эмоций, как присоединение Крыма в 2014 г. Гораздо более эмоционально переживали россияне период COVID-19 (С. 40).

В целом же мониторинг социального самочувствия россиян показывает, что десятилетие 2014–2024 гг., несмотря на череду кризисов, не стало десятилетием эмоциональной неустойчивости, а всплески разного рода страхов носили скорее ситуативный характер. И «для всех социальных групп наличие опасений является нормой, а их отсутствие — более или менее редким исключением» (С. 45). При этом, несмотря на все кризисные явления, мониторинг последнего десятилетия как главную тенденцию изменений фиксирует постоянное улучшение большинства показателей состояния субъективного благополучия за исключением личной безопасности (С. 61–63).

Резюмируя результаты проведённого исследования, М.К. Горшков отмечает, что в целом «разрыв между той третью россиян, кто доволен жизнью, и теми, кто обеспечен жизненными благами по минимуму (а это больше половины населения), гораздо больше, чем разрыв между россиянами, воспринимающими свою жизнь как удовлетворительную, и теми, кто оценивает её как плохую» (С. 317). Особо он отмечает, что в 2024 г. впервые с 2014 г. «наблюдалось совпадение ожиданий и реального воплощения по показателям субъективной материальной обеспеченности», что свидетельствует «о стабилизации ситуации в стране и появлении существенной предсказуемости событий на уровне личной жизни. Причём это не та “негативная стабилизация”, которая была после кризиса 2014–2016 гг. В 2024 г. наблюдалась позитивная стабилизация, отразившая позитивную динамику жизни многих представителей массовых слоёв» (Там же).

В то же время представляется, что несмотря на все отмеченные позитивные моменты и в реальном материальном положении россиян, и в их субъективном восприятии собственного положения фиксируемые изменения пока не дают основания надеяться на то, что положение России на предложенной ещё в начале XXI в. социокультурной карте мира [Инглхарт, Вельцель, 2011] существенно изменилось. Страна по-прежнему находится в зоне ценностей выживания. Об этом говорят и многие данные рассматриваемой книги, и многие другие исследования. Например, Д.М. Логинов и Т.М. Малева, анализирувавшие особенности потребительского поведения россиян в последние годы — годы роста зарплат в отдельных сегментах нашего общества, но и годы ускорения инфляции — отмечают особенности поведения наших сограждан именно как ответ на инфляционные факторы и приспособление к ним, вполне укладывающиеся в ценностную практику «выживания» [Логинов, Малева, 2025].

Другой факт, свидетельствующий о том же, приводится и в книге, где отмечается одна тревожная тенденция: для россиян привычным способом улучшения своего материального положения стал рост трудовой нагрузки. В среднем рабочая неделя россиянина составляет 45 часов (С. 280). Отмечается, что такие постоянные переработки чреваты «выгоранием» человека. Они сказываются и на ограничении для него возможностей развития своего человеческого капитала, повышения квалификации и в целом образовательного уровня. При этом сверхвысокие нагрузки — «удел не только низкоквалифицированных работников. Среди рабочих и работников торговли и сферы обслуживания... практически две трети работают свыше 40 часов в неделю, но сопоставимая с ними доля перерабатывающих наблюдается также у руководителей и предпринимателей» (62,2, 66,3 и 64,1%, соответственно — С. 281). Всё это говорит о том, что пока мы по-прежнему находимся в зоне «ценностей выживания» и рано говорить о переходе в зону «ценностей самовыражения», т.е. стремления к поиску новых решений возникших проблем, инициативы и т.п. Разумеется, и у нас есть слой людей, нацеленных на самовыражение, но он, к сожалению, достаточно тонок, и говорить о серьёзных изменениях в массовом сознании пока рано.

В целом серия аргументированных результатов анализа, вытекающих из богатства материалов, накопленных за годы проведения социологического мониторинга, а также из качественного исследования этих материалов, содержащихся в книге, обобщена одним из её редакторов — научным руководителем ФНИСЦ РАН академиком РАН М.К. Горшковым в форме 22-х выводов.

Здесь же хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты поднятых в книге проблем, как представляется, нуждающихся в дальнейшей проработке. Например, в главе о смысложизненных установках и нормативно-ценностных системах россиян в условиях новых социокультурных вызовов затрагивается тема об отношении к свободе как об одной из важнейших смысложизненных установок, имеющая безусловный приоритет по отношению к материальному благополучию. Для большинства из них (68,8%) свобода — безусловный приоритет, а материальное благополучие предпочитают свободе только 30,8% (С. 73–74). Богатый материал мониторинга позволяет развить тему понимания свободы, в котором проявляется «противоречивость и разнонаправленность мировоззренческих представлений в современном российском обществе» (С. 78). В целом данный материал позволяет сделать вывод, что «условный фундаментальный выбор между индивидуумом и государством в нашем обществе окончательно не сделан» (С. 84). Автор фиксирует многие противоречия в нормативно-ценностной сфере, однако не уточняет вопрос о соотношении в нём индивидуалистических и социально ориентированных ценностей, отметив лишь, что в период от конца 1980-х до начала 2010-х гг. «характеризовался дрейфом нормативно-ценностных систем от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным культурам» (С. 71)⁴.

Между тем другие исследования фиксируют качественные изменения в этой нормативно-ценностной картине как раз в 2010-х гг. Я имею в виду анализ ценностных изменений в российском обществе, сделанный в рамках мониторинговых опросов Европейского социального исследования (ESS) В.С. Магуном и М.Г. Рудневым. Эти авторы, работая по методике Ш. Шварца [Schwartz, 2006], зафиксировали, что если в 2006 г. доли индивидуалистически и социально ориентированных россиян были примерно равны (46 и 49%, соответственно), то уже к 2010 г. появилось превышение доли индивидуалистически настроенных россиян над социально ориентированными (52% к 45%), а в 2018 г. это превышение составляло уже 16 п.п. [Магун, Руднев, 2021. С. 347–348]. Следующее исследование в рамках ESS из-за COVID-19 было перенесено с 2020 на 2021 г., но фактор эпидемии не повлиял на тенденцию преобладания индивидуалистических ценностей [Магун, 2023].

⁴ См. об этом, например, [Тихонова, 2011].

Отмечено также, что Россия оказалась среди шестёрки государств — европейских лидеров по распространённости слабо и сильно выраженных индивидуалистических ценностей вместе с Венгрией, Чехией, Словакией, Литвой и Болгарией [Магун, Руднев, 2021. С. 340]. Разумеется, это данные другого мониторинга, потому возможны вариации в выявлении силы тех или иных тенденций, но в целом вывод, к которому приходит автор рассматриваемой главы о противоречивости и разнонаправленности ценностных представлений современных россиян, сопоставим и с анализом ESS.

Вместе с тем хотелось бы особо отметить тот факт, что и в рассматриваемой книге, и в исследовании ESS страны — лидеры индивидуалистической ориентации среди опрошенных принадлежат к кругу постсоциалистических. И здесь причины такой ориентации, очевидно, следует искать в незавершённости постсоциалистической трансформации, в непреодолённости органически свойственного социалистическим режимам слияния политической, экономической и общественной сфер социального действия и особенно в функционировании институтов, поддерживающих связку «власть — собственность» (см., например: [Мадьяр, Мадлович, 2022]). В этой ситуации в значительно больших, чем в развитых странах Европы, масштабах проявляется, например, такое индивидуалистически окрашенное стремление, как перераспределение имеющихся ресурсов в свою пользу в ущерб также свойственному индивидуализму стремлению к созиданию. Не случайно ещё в 1990-х гг. Г.Г. Дилигенский писал об агрессивно-адаптационном индивидуализме, характерном для россиян того времени [Дилигенский, 1997]. Учитывая значение перераспределения бюджетных потоков и в наши дни, можно считать, что такой вид индивидуализма и стремления к «свободе от...», в отличие от «свободы для...», о которых писал И. Берлин [Берлин, 2014], всё ещё силён в российском обществе. Поэтому несмотря на фиксируемые в книге явные тенденции стремления к свободе в российском обществе, свидетельствующие о значительном распространении в нём индивидуалистически окрашенных ценностей, всё же в мировоззрении большинства россиян устойчиво господствуют идеологические предпочтения иного свойства — отказа от «прозападных» либеральных ценностей (таковых 29%), поддержки идеи сильного государства, этатистски-державные воззрения (71%)⁵.

Но устойчивость некоторых идеологических предпочтений нельзя воспринимать как застывшее явление. И процессы в этой сфере также эволюционируют. Анализ особенностей их эволюции мы находим в главе о мировоззренческой сегментации массовых слоёв населения, где «предпринята попытка комплексной сегментации россиян по их идейно-политическим взглядам и связанным с ними самоидентификациями с определёнными социальными группами, отражающими их видение своего места в социуме» (С. 139). Здесь мы также наблюдаем по сути следствие незавершённости постсоциалистических трансформационных процессов, отражающееся, в частности, в том, что «даже уверенно определяющие своё место в...[существующем — Н.П.] идеологическом спектре, весьма смутно представляют себе, в чём именно заключается специфика соответствующих воззрений» (С. 139–140). В результате, опираясь на данные о том, как видят основные виды идеологического размежевания в современном российском обществе сами россияне» (С. 141), автор естественно пришёл к их разделению, опирающемуся на отношение к общественно-политическим событиям последнего десятилетия, к оценке ими курса, которым идёт страна, видению роли Запада в разворачивающихся событиях, приверженности разным моделям общественного устройства. Это позволило выделить и «идеологическое большинство» (62,1%), и «идеологическое меньшинство» (37,9%), и специфику их идеологических предпочтений (С. 144–147). Хотя и эти группы неоднородны и разделены автором на две подгруппы. Для идеологического большинства критерием стала жёсткая либо противоречивая

⁵ Не случайно О.И.Шкаратан охарактеризовал складывающийся в 2000 гг. режим как неоэтакратизм (см., например: [Шкаратан, 2009. С. 123–134]).

позиция по отношению к СВО. Меньшинство же делится на пессимистов и оптимистов в отношении будущего России.

При этом ни в одной социальной группе сторонники идеологического меньшинства не доминируют (хотя среди молодёжи их доля достигает 45%). Для большинства характерно чёткое идентифицирование себя со своей социальной группой. Причём «система самоидентификаций с символическими общностями сложилась уже достаточно давно и после обострения отношений с Западом в 2014 г. является практически неизменной» (С. 153). Основные изменения в «сетке самоидентификаций» последнего времени, по данным исследования, включают в себя: резкое сокращение ярко выраженных символических идентичностей; очень резкое сокращение идентичностей с лицами того же материального положения; значительное сокращение идентичностей с людьми той же профессии; заметное сокращение роли этнонациональной идентичности (С. 153). В целом же автор отмечает значительную вариативность идентичностей как большинства, так и меньшинства. Поэтому даже «идентичность с гражданами России для представителей массовых слоёв населения нашей страны — не безусловная данность... Принятие этой идентичности зависит в первую очередь от того, насколько прочно и плотно они вписывают себя в социум, какова вообще специфика их идентичностей. Связано её наличие и с тем, какой системой идеологических и иных взглядов в целом характеризуется конкретный человек» (С. 161).

В результате авторы на основе своего анализа приходят к выводу, что в России в настоящее время сформировалось большинство, идейно ориентированное на представления о самобытности развития нашей страны и даже мнения о ней как об особой цивилизации. Вместе с тем значительная вариативность взглядов, фиксируемая в книге, даже внутри идеологического большинства, и то, что сегодня у населения происходит серьёзный рост важности «в основном противоречий идеологического характера», позволяет сделать вывод о том, что «именно идеологическая составляющая жизни российского общества находится сейчас с точки зрения перспектив общественной консолидации в зоне наибольшего риска» (С. 321). Действительно, отмечается (причём вне зависимости от социально-экономического положения или приверженности различным нормативно-ценностным установкам), что исследование продемонстрировало тенденцию заметного усиления в российском социуме идеологического противостояния «между сторонниками самобытного вектора развития России и приверженцами западных моделей построения общества и соответствующих ему ценностей» (С. 116). Хотя при этом отмечается, что «для трети даже ядра сторонников пророссийской модели развития России характерны идентичности с Западом... в той или иной степени, однако в латентном виде, т.е. они не ведут автоматически к признанию себя европейцами» (С. 111).

Такая внутригрупповая вариативность даже в столь существенной для опор социальной стабильности теме, как самобытность отечественного социально-экономического развития, разумеется, несёт в себе определённые риски. Однако сама эта вариативность и связанная с ней неустойчивость, быть может, предохраняет нас от серьёзного риска принятия массовым сознанием известной идеологемы «особого пути» развития страны. «Особый путь» (равно как известный из истории развития немецкого общества «*Sonderweg*») «обычно присутствует в интеллектуальном пространстве стран догоняющего развития». В нем «клубок факторов истории каждой страны облекается в те или иные идеологические мифы, и чей миф будет воспринят большинством, за тем и окажется в данный конкретный момент и преимущество в “обработке мозгов”» [Плискевич, 2019. С. 45].

Обычно, как отмечал известный отечественный социолог Б.В. Дубин, ответы россиян на вопрос о том, что они понимают под «особым путём» России, «включают в себя нерационализированные проекции на будущее и радикалы прошлого опыта, полученного опять-таки через разные каналы от межличностных до массовых, и с ориентацией на различные авторитеты, приобретающую при этом разную моральную транскрипцию, смысловую

обработку и интерпретацию» [Дубин, 2019. С.244]. По сути, это картина мира, сформированная мифологическим сознанием [Лосев, 2025] и построенная на мифологемах личности, которая «не столько противостоит привычности, сколько коррелирует и переплетается с нею». Созданные на её основе режимы коллективного существования поддерживают друг друга: «*Чрезвычайность* выступает способом контроля над мобилизованной властью и сплочённой этим “сверху” массой, *привычность* (равнение по привычному, привычка как инструмент нивелирования отличий) — способом контроля над индивидуальной инициативой и ответственностью “снизу” со стороны массы» [Дубин, 2019. С. 257–258]. При этом «проблематика выбора, свободы и ответственности за свободу в метафоре “особого пути” полностью отсутствует. И это не сбой или недочёт — таково устройство и функциональное назначение анализируемой метафоры» [Там же. С. 253].

Как видно из материалов рассматриваемой книги, черты, присущие метафоре «особого пути» как продукту мифологического сознания, её авторы не зафиксировали. Напротив, и вариативность ответов на самые разные вопросы, и явное стремление к свободе (хотя нередко понимаемое по-разному) свидетельствуют об обратном. В то же время ещё большее осложнение ситуации, стремление отгородиться от глобального мира и т.п. могут стать катализатором возрождения такого сознания, погружения в, по сути, иллюзорный мир, а значит, поворот на путь, который, как бывало в истории, в итоге приводит страну к катастрофе.

Ведь глобальный мир, хотя и переживающий кризис, — реальность. Сегодня Россия в силу сложившихся обстоятельств стремится наладить новые связи, новые взаимодействия, а не замыкается в себе. При этом неизбежны разного рода взаимовлияния, технологические и институциональные взаимодействия, особенно между странами-соседями [Шемакин, 2014]. Разумеется, и попытки некритического использования чужого опыта, и стремление к заимствованию зарубежных институциональных образцов нередко оказываются весьма болезненными, вызывают отторжение и даже социальные взрывы. А в институциональном теле страны, если инновации накладываются на неподготовленную для этого социальную ткань, образуются специфические институциональные рубцы [Плискевич, 2022; Плискевич, 2023]. Но такая ситуация обычно связана с тем, что страны — доноры таких институтов пришли к их современному состоянию в ходе длительного эволюционного развития, и у каждой из них был свой *самобытный путь развития*, обусловленный массой факторов — и ресурсных, и географических, и климатических, и социокультурных, и многих других. И это важно учитывать при формировании своей программы реформ. Предложенная В.М. Полтеровичем концепция построения промежуточных институтов, сочетающих в себе и намётки пути к желаемой цели, и учёт социокультурной составляющей общества — того, в какой мере на данном этапе своего развития оно способно воспринять предлагаемые преобразования [Полтерович, 2007], представляется одним из вариантов достижения в конечном итоге необходимого результата эволюционным путём.

Приведённые в книге данные о значительной вариативности взглядов подавляющего числа россиян (не только меньшинства, но и большинства, в том числе и ядерной части основных конфликтующих групп), как представляется, даёт надежду на налаживание диалога представителей всех существующих в нём направлений. А значит, выработки пути эволюционного развития, приемлемого для *всех* участников такого диалога. Но это — и огромный вызов для будущего развития страны. Сможем ли мы двинуться по такому пути, надеюсь, покажет следующая, девятая, книга этой серии.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Берлин И. (2014). Два понимания свободы [Berlin I. (2014). Two Concepts of Liberty] // Берлин И. (2014). *Философия свободы. Европа*. — М.: Новое литературное обозрение. С. 122–186.
- Дилигенский Г.Г. (1997). Российские архетипы и современность [Diligenskiy G.G. (1997). Russian archetypes and modernity] // *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии* / Под ред. Т.И. Заславской. — М.: МВШСиЭН, Интерцентр. С. 273–279.
- Дубин Б.В. (2018). Мифологема «особого пути» в общественном мнении современной России [Dubin B. (2018). The Mythologem of Sonderweg in the Public Opinion of Modern Russia] // *«Особый путь»: от идеологии к методу*. — М.: Новое литературное обозрение. С. 243–274.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Inglehart R., Welzel C. (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence]. — М.: Новое издательство.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий [Coleman J. (2001). Social Capital in the Creation of Human] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 122–139.
- Логинов Д.М., Малева Т.М. (2025). Инфляция, экономия и онлайн-покупки: потребительское поведение россиян в первой половине 2020-х годов [Loginov D., Maleva T. (2025). Inflation, cost saving and Online Purchase: Consumption Behavior of Russians in the First Half of 2020th] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 144–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_144_158.
- Лосев А.Ф. (2025). Диалектика мифа [Losev A.F. (2025). Dialectics of Myth]. — М.: АСТ.
- Магун В.С. (2023). Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006 — 2021 годы [Magun V.S. (2023). Evolution of basic values of the Russian population, 2006–2021] // *Социологические исследования*. № 12. С.44–58. DOI: 10.31857/5013216250029336-2
- Магун В., Руднев М. (2021). За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии [Magun V., Rudnev M. (2021). Beyond the «Soviet Man»: Russians in the European Value Typology] // *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. — М.: Новое литературное обозрение. С. 325–353.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. [Magyr B., Madlovics B. (2022). The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework. In 2 v.]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Плискевич Н.М. (2019). «Особый путь»: мифы, реальность, поиски выхода [Pliskevich N. (2019). Sonderweg: Myths, Reality and the Search for a Way Out] // *Мир России*. Т. 28. № 2. С. 42–62. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-42-62
- Плискевич Н. М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала. (Часть 1: Институциональные рубцы) [Pliskevich N. M. (2022). Institutional Scars in «Frontier» Societies and the Evolution of Human Potential (Part 1. Institutional Scars)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 130–143. DOI:10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143.
- Плискевич Н. М. (2023). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) [Pliskevich N. M. (2023). Institutional Scars in «Frontier» Societies (Part 2. Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 60–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ [Polterovich V.M. (2007). Elements of the theory of reforms]. — М.: Экономика.
- Радаев В.В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Radaev V.V. (2002). The concept of capital, forms of capital and their conversion] // *Экономическая социология*. Т. 3. № 4. Сентябрь. С. 20–32.
- Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая (2025). [Russian Society and the Challenges of the Time. Book Eight (2025).] / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир.
- Тихонова Н.Е. (2011). Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010) [Tikhonova N.Ye. (2011). Dynamics of the normative-value system of the Russian society (1995–2010)] // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5–19.
- Шемякин Я.Г. (2014). Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта [Shemyakin Ya.G. (2014). Subecumens and «frontier» civilizations in a comparative historical perspective: on the nature of the correlation of Language, Text and Font] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 113–123.
- Шкаратан О.И. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России [Shkaratan O.I. (2009). Socioeconomic inequality and its reproduction in modern Russia]. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». С. 123–134.
- Putnam R. (1996). Who Killed Civic America? // *Prospect*. March. Pp. 66–72.
- Schwartz S.H. (2006). Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications // *Revue française de sociologie*. Vol. 47. No. 4. Pp. 929–968.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

RUSSIAN SOCIETY AND THE CHALLENGES OF THE TIME: THE DECADE 2014–2024

(New Research by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)

Abstract. This article analyzes the results of a sociological monitoring study conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, which is the subject of the eighth book in the «Russian Society and the Challenges of the Times» series. The book's relevance is particularly emphasized, as it examines the state of Russian society during a challenging period — 2014–2024. The book analyzes changes over the past decade in both the material well-being of the general population and the dynamics of its ideological preferences. While noting some positive dynamics in respondents' responses in 2024, the authors nevertheless suggest a cautious approach and caution against any significant positive shifts in either the material or ideological spheres. Moreover, the improvement in material well-being itself suggests that by 2024, the population has more or less managed to adapt to the new situation, but their attitude toward it is rather stoic. In other words, the country remains characterized by the dominance of «survival values». A no less contradictory and complex picture is revealed in the study of ideological and value preferences. The features of the ideological segmentation of the general population and its evolution are demonstrated. It is particularly noted that even within the core ideological majority that supports the country's current course, there is no unity. The study reveals fragmentation within both the ideological majority and minority, suggesting risks to the country's social consolidation stemming from the ideological sphere. The article offers several hypotheses related to both the growing number of individuals with individualistic orientations and the dangers of transforming views on the specific nature of domestic socioeconomic development into the mythological ideologue of a «special path».

Keywords: *sociological monitoring, dynamics of development of Russian society, self-assessment of financial situation, evolution of social development, mass consciousness, ideological segmentation of society.*

JEL: A12, A13, O15, Z13.